Л. БЕЗЫМЕНСКИЙ
ОСОБАЯ ПАПКА «БАРБАРОССА»

Annotation

В 1940 году в немецком генеральном штабе были заведены специальные дела под шифром "Барбаросса", в которые подшивались все документы, связанные с планировавшимся нападением на Советский Союз.В те годы и месяцы составители документов с шифром "Барбаросса" не предполагали, что работают в сущности на будущий международный военный трибунал. Документальная повесть, в которой освещена предыстория нападения гитлеровского третьего рейха на Советский Союз. Автор пользовался материалами Нюрнбернского процесса, архивами СССР, ГДР, ФРГ, многочисленными мемуарами и историческими публикациями, а также материалами личных бесед с участниками описываемых событий

- ОСОБАЯ ПАПКА «БАРБАРОССА»
  - ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.
  - У ИСТОКОВ. Глава 1.
    -
    - Когда родился план «Барбаросса»?
    - «Второе правительство»
    - О тех, кто захлопнул «двери истории»
  - ГЕОМЕТРИЯ АГРЕССИИ. Глава 2.
    -
    - Первые ступени
    - За кулисами Мюнхена
    - На рубеже мира и войны
  - СЕМЬ ДНЕЙ В АВГУСТЕ. Глава 3.
    -
    - День первый: протокол
    - День первый: реконструкция
    - День второй: протокол
    - День второй: реконструкция
    - День третий: протокол
    - День третий: реконструкция

- День четвертый: протокол
- День четвертый: реконструкция
- Дни пятый и шестой: протокол
- Дни пятый и шестой: реконструкция
- День седьмой: протокол
- День седьмой: заключение

- ПОД ЗНАКОМ МЮНХЕНА. Глава 4.
  -
  - Сэр Реджинальд и сэр Гораций
  - Разгаданная игра
  - Если бы ждали дольше...
  - Удар по вражеским планам
- НА ПОДСТУПАХ К «БАРБАРОССЕ». Глава 5.
  -
  - Война началась
  - Идея, которая не умерла
  - Коалиция агрессоров: алогизм и логика
- КАК ДЕЛАЮТСЯ ВОЙНЫ. Глава 6.
  -
  - Фельдмаршал Паулюс в селе Заварыгино
  - Свидетельство очевидца
  - «Директива № 21»
  - Комментарий Фридриха Паулюса
  - «Второе правительство» в действии
- ПИРАМИДА СМЕРТИ. Глава 7.
  -
  - У основания пирамиды
  - Как строилась пирамида
  - Рассказ Вадима Быкадорова
  - Наметки рейхсляйтера Розенберга
  - О чем рассказывал и о чем молчал генерал Герсдорф
  - Конечная цель
  - Что замышлялось после «Барбароссы»
- СТРАТЕГИЯ ПРОСЧЕТОВ. Глава 8.
  -
  - За закрытой дверью
  - Разведка за работой

        - Почему они ошибались
    - НА ПОРОГЕ. Глава 9.
        -
        - Для чего Гесс полетел в Англию
        - Дымовая завеса
        - Последние минуты
    - ЗАКЛЮЧЕНИЕ.
        -
        - Размышления о смысле истории
        - «Повторения пройденного» не будет
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26

- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63

- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100

- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137

- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174

- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211

- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245
- 246
- 247
- 248

- 249
- 250
- 251
- 252
- 253
- 254
- 255
- 256
- 257
- 258
- 259
- 260
- 261
- 262
- 263
- 264
- 265
- 266
- 267
- 268
- 269
- 270
- 271
- 272
- 273
- 274
- 275
- 276
- 277
- 278
- 279
- 280
- 281
- 282
- 283
- 284
- 285

- 286
- 287
- 288
- 289
- 290
- 291
- 292
- 293
- 294
- 295
- 296
- 297
- 298
- 299
- 300
- 301
- 302
- 303
- 304
- 305
- 306
- 307
- 308
- 309
- 310
- 311
- 312
- 313
- 314
- 315
- 316
- 317
- 318
- 319
- 320
- 321
- 322

- 323
- 324
- 325
- 326
- 327
- 328
- 329
- 330
- 331
- 332
- 333
- 334
- 335
- 336
- 337
- 338
- 339
- 340
- 341
- 342
- 343
- 344
- 345
- 346
- 347
- 348
- 349
- 350
- 351
- 352
- 353
- 354
- 355
- 356
- 357
- 358
- 359

- 360
- 361
- 362
- 363
- 364
- 365
- 366
- 367
- 368
- 369
- 370
- 371
- 372
- 373
- 374
- 375
- 376
- 377
- 378
- 379
- 380
- 381
- 382
- 383
- 384
- 385
- 386
- 387
- 388
- 389
- 390
- 391
- 392
- 393
- 394
- 395
- 396

- 397
- 398
- 399
- 400
- 401
- 402
- 403
- 404
- 405

ОСОБАЯ ПАПКА «БАРБАРОССА»

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Дорога на гору Кифхойзер ведет вас между уютных тюрингских деревенек, тесно сгрудившихся вдоль линии шоссе. Ряды фруктовых деревьев, склонившихся под тяжестью плодов над дорогой, как бы подчеркивают мирность пейзажа, его мягкость. Привычная в этих местах дымка скрадывает линию горизонта.

Если ехать от Эрфурта, то горы возникают неожиданно. Вы минуете городок Бад Франкенхаузен, вошедший в историю тем, что здесь в начале XII века произошло последнее сражение Великой крестьянской войны, во время которого был взят в плен борец за свободу немецкого народа Томас Мюнцер. Еще несколько сот метров по улочкам Франкенхаузена — и перед вами развилка дороги. Стрелка направо предлагает вам ехать к горе Кифхойзер и телевизионной башне; стрелка налево — к «Логову Барбароссы». Если отбросить перспективу осмотра телевизионной башни, которая не связана ни с какими историческими реминисценциями, то путешественнику предстоит решить дилемму — на Кифхойзер или в «Логово»?

У легенд бывают странные судьбы. Такова и судьба легенды, связанной с именем Фридриха Барбароссы, Хотя сегодня имя императора Фридриха I Барбароссы, царствовавшего в XII веке, вызывает у нас самые недобрые воспоминания, народная молва средних веков связывала с ним надежды на восстановление былой славы немецкой нации. В далекие времена появились рассказы о том, что некий монах открыл чудесную тайну племянника Барбароссы, императора Фридриха II, который якобы жив, но только скрывается в подземелье горы около Зальцбурга. В один чудесный день, когда засохшая груша вдруг принесет плоды, король Фридрих П выйдет из-под земли и снова созовет свои победоносные полки.

Шло время, менялись песни, менялись легенды. Хроника XV века говорит уже не о племяннике, а о самом Фридрихе I Барбароссе, который спит глубоко в горе Кифхойзер, что недалеко от Гарцских гор. Он спит на скамье подле круглого стола, и его длинная борода стелется по земле. Придет время, разверзнутся каменные недра Кифхойзера,

выйдет на свет старый король и возродится могущество немецкой империи...

В XIX веке легенда о Барбароссе пережила новое рождение — и это был тот самый случай, когда, как говорил Томас Манн, миф служит мракобесам-контрреволюционерам для достижения своих грязных целей. Прусский милитаризм, огнем и мечом прошедший во второй половине XIX века по Западной Европе во имя создания Германской империи вспомнил 0 Фридрихе Барбароссе, так как кайзер Вильгельм I искал в историческом прошлом оправдание своим деяниям. именно поэтому в конце XIX века стали то и дело вспоминать о Фридрихе Барбароссе и Кифхойзере. В 1890 году на горе начали сооружать памятник, который в 1896 году был торжественно освящен и с тех пор стал одним из объектов шовинистического поклонения.

Памятник на Кифхойзере — чудовищное по своим размерам и безвкусице сооружение. Когда вы по дорожке взберетесь на гору, перед вами предстает бесконечная стена лестниц, которые ведут вас выше, выше и выше, пока не откроется вид на гигантскую каменную башню, увенчанную каменной короной. Перед башней конная бронзовая статуя Вильгельма I, а у ее основания — каменная фигура Фридриха Барбароссы с бородой, стелющейся по земле. Внутри башни — громадное помещение, которое сейчас пусто. В былое время в нем хранились знамена германских полков, покоривших Францию. Гиды всегда любят ошарашивать посетителей цифрами. Общая масса монумента составляет 25 тысяч кубических метров, вес памятника 125 тысяч тонн, длина лестниц — два с половиной километра. Стоимость — 1 миллион 452 тысячи 241 марка 37 пфеннигов! Но я по ошибке сначала поехал не на Кифхойзер, а в «Логово Барбароссы», предполагая, что именно оно наиболее тесным образом связано с легендой. Я приехал удачно: как раз начиналась экскурсия. Мы спустились по наклонному ходу в огромный подземный зал, искусно освещенный прожекторами. Гид рассказал нам, что здесь в конце прошлого века были открыты естественные пещеры, которые впоследствии были расширены и стали объектом туризма. Полчаса мы ходили по причудливым подземным залам, рассматривали удивительные озера с кристально чистой водой, любовались естественными эффектами мраморных вкраплений. Но вот, войдя в один из подземных залов, гид сказал:

— Этот зал мы называем «залом Барбароссы». Здесь находятся каменный стол и каменная скамья. Их называют столом и скамьей Барбароссы. Но в действительности это совсем не так. Легенда о Барбароссе возникла в средние века, когда никто не знал о существовании этой пещеры. И вообще эта пещера, открытая в конце XIX века, находится далеко от Кифхойзера...

На лицах экскурсантов было написано некоторое разочарование. Один из них в знак своего явного пренебрежения к фальшивому столу даже сел на него и поболтал ногами. Оказывается, Барбароссу надо было искать отнюдь не в «Логове Барбароссы». Слишком странно даже для легенды! И если добавить, что в 1971 году были обнаружены следы подлинной могилы Барбароссы, который, оказывается, утонул в Черном море во время одного из крестовых походов, то от легенды остается совсем немного...

Когда Адольф Гитлер придумывал условное название для подготовки похода против Советского Союза, он вспомнил о Барбароссе не случайно и не только для обмана. Он любил рассматривать себя продолжателем традиции, уходящей вглубь средневековья. И не только он: Генрих Гиммлер, например, в поисках прообраза нацистского государства обращался к идее «Священной римской империи Германской нации». Это объяснялось не только психологическими мотивами: социальные и экономические силы, которые стояли за нацизмом и толкали его на авантюры, были силами вчерашнего дня, современного средневековья. Капитаны рурской промышленности, владыки химической империи «ИГ Фарбен», прусские юнкеры хотели вернуть Европу к тем временам, когда в ней еще не было ни коммунистических идей, ни страны победившего социализма. При планировании операции против СССР было перебрано несколько вариантов ее условного наименования: «Ауфбау Ост», «Отто», «Фрид» (напоминание о Фридрихе II?), пока, наконец, Гитлер не остановился на коде: *операция «Барбаросса»*. Уже в 1940 году в немецком генеральном штабе были заведены специальные дела под шифром «Барбаросса», в которые подшивались все документы, связанные с планировавшимся нападением на Советский Союз. Дела велись в оперативном управлении, в разведке, в службе тыла, в управлении связи, в других отделах. И на всех папках были шифр «Барбаросса» и красная полоса наискосок, обозначавшая высшую

степень секретности в немецком военном делопроизводстве. Однако дело «Барбаросса» складывалось не только из документов генштаба и других органов высшего военного командования. На многих документах, имевших прямое отношение к планированию преступного нападения на нашу страну, — например, на документах крупнейших немецких фирм, руководства СС и нацистской партии — не было этого шифра, но они тем не менее входили неотъемлемой составной частью в документацию плана «Барбаросса».

В те годы и месяцы составители документов с шифром «Барбаросса» не предполагали, что работают в сущности на будущий международный военный трибунал. Преступники всегда надеются избегнуть наказания, но подобная надежда никогда еще не избавляла их от законного возмездия. С неумолимой закономерностью папки с шифром «Барбаросса» одна за другой ложились в будущее судебное дело.

Пересказать содержание всех этих папок невозможно, — и автор поставил себе задачей отобрать из содержащегося в них наиболее существенное, чтобы затем, соединив отобранное со свидетельствами очевидцев, сложить все это в «особую папку», в которой будет освещена предыстория нападения гитлеровского третьего рейха на Советский Союз. При этом автор пользовался материалами Нюрнбергского процесса, различными архивами СССР, ГДР, ФРГ, многочисленными мемуарами и историческими публикациями, а также материалами личных бесед с участниками описываемых событий.

У ИСТОКОВ. Глава 1.

Когда родился план «Барбаросса»?

Нет ничего важнее для летописи нашего времени, чем раскрытие тайны, в которой рождается война. Когда Ленин говорил о необходимости раскрытия этой тайны, он наметил одну из тех задач, решение которых может стать условием обеспечения мирного существования народов всего земного шара. Ибо нет другой такой тайны, которую бы властители империалистического мира берегли столь же тщательно и, надо оказать, искусно. Здесь не только применяются хитроумнейшие запоры секретных сейфов, но и пускаются в ход хитроумнейшие приемы политической и идеологической дезинформации, которые действуют не только *до* возникновения войны, но и *после ее* окончания.

Вот почему, приступая к рассказу о генезисе гитлеровского плана «Барбаросса», мы должны установить его обстоятельства — как принято говорить в классической драматургии — в триединстве «времени, места и действия». Начнем же со времени.

Казалось бы, проще всего взглянуть на документ, носящий название «Директива № 21. Операция Барбаросса». На нем стоит дата: 18 декабря 1940 года[1].

Или можно заглянуть в документ, который является своеобразной «энциклопедией агрессии», — в служебный дневник начальника генерального штаба сухопутных войск нацистской Германии генерал-полковника Франца Гальдера. Мы еще будем иметь возможность вернуться к обстоятельствам появления этого важного документа, но сейчас нам важно констатировать наличие там записи, касающейся похода на Восток и датированной 30 июня 1940 года: «Взоры обращены на Восток»[2].

Увы, ни первая, ни вторая дата не даст нам правильного ответа. Ибо с датой, которую мы ищем, в последние годы происходит любопытная история: она постепенно движется, отходит назад. Оказывается, «сдерживающие бои» возможны не только на полях сражений, но и на страницах исторических трактатов.

Пожалуй, первую линию обороны на этом необычном участке фронта заняли Геринг, Кейтель и Йодль. Во время допросов на предварительном следствии в июне 1945 года, на которых довелось присутствовать автору этой книги, они пытались уверить, что план нападения на Советский Союз возник ни в коем случае не раньше, чем в начале 1941 года. Когда же дело дошло до Нюрнбергского процесса и стали известны документы из секретных сейфов немецкого генштаба, «обороняющиеся» отошли на осенние, а затем на летние рубежи 1940 года. В частности, после оглашения записей Гальдера линия обороны превратилась в своеобразный укрепленный район. Стало нормой утверждать, что план «Барбаросса» родился в дни успехов вермахта на полях Франции. На первых порах это было трудно оспорить, поскольку в большинстве документов, содержавшихся в папках с красной полосой, указывались даты лета — осени 1940 года. Из этого «укрепленного района» выйти позволил себе лишь генерал Варлимонт, бывший заместитель начальника штаба оперативного руководства в штабе верховного главнокомандования вооруженных сил (ОКВ). В мемуарах, опубликованных в 1963 году, он мельком обронил замечание, что задание планировать новую операцию вермахта было дано «не позднее, чем весной 1940 года»[3]. Но эта обмолвка Варлимонта не привлекла особого внимания.

В большинстве исследований, посвященных плану «Барбаросса», западногерманские историки начинают с анализа ситуации, сложившейся после поражения Франции. Так поступают А. Филиппи и Ф. Хейм в книге «Поход против Советской России». Так поступает один из ведущих военных историков ФРГ д-р Ганс Адольф Якобсен в фундаментальном введении к «Военным дневникам ОКВ». Так поступают и многие другие. При этом генералы не оставляют историков без поддержки. Так, на страницах западногерманского журнала «Шпигель» отставной генерал бундесвера Адольф Хойзингер — некогда начальник оперативного управления в штабе Гальдера — изобразил ситуацию предельно просто:

«После блицкрига в Польше и Франции немецкое политическое и военное руководство находилось в состоянии неуверенности. Оно не знало, что делать, колебалось и зондировало, поставив Германию в качестве великой континентальной державы перед проблемой ведения войны против великой морской державы Англии. Оно не справилось с

этой проблемой, как не справились и другие державы в другие времена... В 1939 году [у Гитлера. — Л. Б.] не было цельного плана для ведения широкой войны... Гитлер метался между самоуверенными похвальбами и внутренними сомнениями, между реальностью и иллюзиями. С лета 1940 года да весны 1941 года он колебался, медлил, не чувствуя уверенности и не имея твердой линии».

И, упомянув о планах Гитлера в Средиземноморье, о неудачах в переговорах с Испанией, Францией, Турцией, о провалах на Ближнем Востоке, о колебании Японии, даже об угрозе вступления Соединенных Штатов в войну (угрозе, которой, кстати, тогда, в начале 1940 года, и в помине не было), генерал Хойзингер заключил:

«Таким образом, окончательное решение о войне на Востоке представляло собой выход из того состояния прощупывания и поисков»[4].

И впрямь не Адольф Гитлер, а Гамлет, принц Датский! Хойзингер нарисовал нам эдакого мятущегося и во всем сомневающегося Гитлера, который, упершись взором в прибрежные скалы Дувра, готов был схватиться за любую, даже случайную возможность — и вот ею оказалась война против Советского Союза...

Я не хочу отнимать у Адольфа Хойзингера право анализировать психологию своего тезки. В конце концов у него есть для этого определенные основания. Прежде чем возглавить бундесвер, а затем в течение четырех лет быть одним из высокопоставленных чинов НАТО, Хойзингер провел много лет в свите Гитлера, видел его почти каждый день и докладывал ему так же почтительно, как впоследствии американскому генералу Норстэду. Но в своем психологическом этюде Хойзингер занимается политикой: он явно стремится создать впечатление, что война на Востоке была некой импровизацией Гитлера, да к тому же импровизацией вынужденной. По существу концепция, изложенная генералом Хойзингером, не представляет собой ничего оригинального. Точнее, можно сказать, что генерал лишь сформулировал идею, которая вызревала в определенных военных и политических кругах Запада медленно, но верно.

Много лет назад прусский министр Константин фон Альвенслебен сказал как-то, что «прусский генерал умирает, но не оставляет мемуаров». После 1945 гада изречение Альвенслебена надо было переиначить: пожалуй, не было генерала вермахта, который умер

бы, не оставив мемуаров. Когда же мемуары были написаны, генералы принялись за более серьезный труд: они стали писать аналитические работы, монографии, обзоры. Менялись формы, и в некотором смысле менялось и содержание. Если в первые послевоенные годы для генеральских мемуаров было типично примитивное стремление их авторов обелить себя, свалив вину за все поражения на Гитлера, то теперь линия несколько изменилась. Вместо простого сваливания вины за провал на фюрера ищут более «объективных» критериев. Например, выдвигается утверждение, будто вся мировая война и, в частности, война против Советского Союза явились продуктом импровизации. Очень рельефно эту точку зрения выразил западногерманский историк Герберг Михаэлис, который в книге «Вторая мировая война» заявил, что «эта война является одной из самых грандиозных импровизаций в истории»[5]. С Михаэлисом солидарны генералы-историки Вальтер Богач, Вальтер Варлимонт и другие, которые считают, что у Гитлера не было плана развязывания второй мировой войны, что все делалось случайно и непродуманно...

Откуда родилась эта версия? Говорят, что всякое действие рождает противодействие. В свое время Нюрнбергский международный военный трибунал точно и документировано определил агрессию гитлеровской Германии как «заговор против человечества». Было неопровержимо установлено, что «большой заговор», составленный Гитлером против мира, явился преступлением с заранее обдуманным намерением. А, как известно, такие преступления подлежат особо строгому наказанию. Опровергнуть Нюрнбергский приговор очень трудно: в Нюрнберге всему миру была представлена стройная система доказательств, неопровержимо подтвердившая, что захватнические акции Гитлера вытекали одна из другой, что между ними существовала преемственность. Было доказано, что все акты агрессии и само развязывание второй мировой войны сознательно и последовательно планировались Гитлером, германскими монополиями и военным руководством буквально с первого дня прихода нацизма к власти. Все — от ремилитаризации Рейнской зоны в 1936 году и до нападения на Советский Союз в 1941 году — было связано в единую цепь. С этим приговором и ведут борьбу реакционные историки и политики, которые, стремясь ослабить содержащуюся в нем аргументацию, пытаются доказать отсутствие единой линии, отсутствие единого

плана. Мол, не было единого плана войны, были лишь импровизации, сменявшие одна другую...

Но, во-первых, импровизация импровизации рознь. А во-вторых, это понятие вообще трудно приложимо к поведению политических деятелей. Нет людей, которые были бы абсолютно свободны в своих решениях, даже если они располагают полнотой власти. Фашистский диктатор — порождение своего общества, определенных политических и социальных сил, и когда ему кажется, что он действует по собственной воле, он выполняет лишь волю чужую. Только так можно понять его роль, хотя это не всегда бывает достаточно очевидно: ведь процесс «опосредствованно» политических решений всегда очень сложен и далеко не однозначен.

В политике и в решениях Гитлера было много неожиданного. В них было много такого, чего не ожидали даже те, чьим ставленником он был. Но если синтезировать все порой запутанные и противоречивые поступки Гитлера, то получается определенная линия, которая в физике называется равнодействующей: получается четко просматривающаяся политическая равнодействующая, которая и определила планы гитлеровского рейха.

Повторяю: эта равнодействующая не лежит на поверхности. Я глубоко убежден, что даже если обнаружатся какие-либо еще не распечатанные сейфы третьего рейха, то все равно в них мы не найдем *единого* плана, в котором в хронологическом порядке были бы расписаны этапы «большого заговора», составленного главарями третьего рейха. Не было плана войны как одного документа, и, в сущности говоря, такой документ был просто невозможен. Ибо при всей шаблонности своего мышления германские политики и генералы старались учитывать изменения в международной обстановке, лавировать, использовать существующие возможности. Альфред Розенберг мог хвастливо заявлять, что «дипломатия является искусством делать из невозможного возможное[6], но гитлеровская дипломатия никогда не упускала случая использовать наличные возможности. И тем не менее отсутствие *единого документа* — еще не основание для признания *теории импровизации.*

Действительно ли было так, что только неудача вторжения в Англию заставила Гитлера обратить взоры на Восток? Действительно ли фюрер в 1940 году «сымпровизировал» план нападения на СССР? И

вообще, в какой мере можно говорить об импровизации, когда речь идет о плане нападения на СССР? Дать ответ на эти вопросы не так уж трудно, если рассматривать не только оперативные документы германского генштаба, но и весь комплекс политики германского империализма. А сложился он очень давно, чему есть один весьма солидный и информированный свидетель. Его имя — Адольф Гитлер.

Гитлер очень часто говорил о себе и своей политике. Он особенно пристрастился к этому жанру в лихорадке последних ночей, проведенных в бункере имперской канцелярии. Почти каждую ночь в течение зимы и весны I945 года фюрер делился своими самыми сокровенными идеями с человеком, которому мог говорить все. Этим человеком был Мартин Борман. Борман умел молчать. Кроме того, он умел стенографировать, а стенограммы успевал переправлять своей супруге, дабы сохранять их в укромном месте. Так вот, 6 февраля 1945 года Гитлер сказал Борману:

— Главной задачей Германии, целью моей жизни и смыслом существования национал-социализма являлось уничтожение большевизма. Как следствие, это привело бы к завоеванию пространства на Востоке, которое обеспечило бы будущее немецкого народа...[7]

Так говорил Гитлер в 1945 году. Но что для нас в данном случае еще важнее: это же он говорил и двадцатью годами раньше. Говорил и писал. Например: «Мы кладем конец вечному движению германцев на юг и запад Европы и обращаем свой взор к территориям на Востоке»[8]. Подобные пассажи в «Майн кампф» уже давно стали, если можно так выразиться, «классикой антикоммунизма». При этом для Гитлера «Восток» был далеко не географическим понятием. Весь смысл «Майн кампф», как евангелия нацизма, сводился к декларации воинствующего антикоммунизма.

.. В начале 50-х годов мне случилось встретиться с одним интересным человеком, судьбу которого можно считать символической. Герман Раушнинг начал свою политическую карьеру сторонником нацизма и, став президентом Данцигского сената, пользовался доверием Гитлера. Они часто встречались, и фюрер поверял Раушнингу свои самые сокровенные планы — планы войны ради завоевания мирового господства. Эти разговоры открыли глаза Раушнингу: он порвал с нацизмом, покинул Германию и опубликовал в

30-х годах сенсационную книгу «Беседы с Гитлером», в которой изложил то, о чем ему говорил коричневый фюрер. На Западе книгу встретили с некоторым скепсисом — настолько невероятными казались признания Гитлера, провозглашавшего программу убийств, насилия, надругательства над международным правом, уничтожения целых народов, в первую очередь славянских.

Раушнинг говорил мне:

— Печальный опыт показал, что все, о чем я писал в книге, было правдой. Гитлер осуществил многие из своих замыслов, и можно считать подлинной трагедией, что политические деятели Запада не прислушались к предупреждениям, недостатка в которых не было. Ведь стоило лишь внимательно прочитать «Майн кампф», чтобы увидеть, чего же хочет нацизм...

Да, уже в «Майн кампф» была самым недвусмысленным образом провозглашена программа антисоветской агрессии. «Когда мы говорим о новых территориях в Европе, — гласила сия программа, — мы можем думать в первую очередь о России и прилегающих к ней государствах». Или: «Сама судьба дала нам сигнал к этому... Гигантское государство на Востоке созрело для развала... Мы избраны самой судьбой стать свидетелями катастрофы, которая принесет решающее подтверждение правильности расовой теории». Именно для войны против СССР и надо создать мощную коалицию: «Коалиция, целью которой не является война, не имеет ни цены, ни смысла»[9].

Разве эти формулировки оставляли какое-либо сомнение в антисоветской направленности гитлеровской программы? Их нельзя было не понять и, как справедливо заметил в беседе со мной поседевший Раушнинг, может быть, именно это обстоятельство заставляло многих политиков Запада терпимо относиться к гитлеровскому режиму. Анализ событий 30-х годов покажет нам, что это мнение имеет больше чем достаточно оснований. Но пока что мы должны обратить внимание на другой аспект внешнеполитической программы нацизма. Дело в том, что программа эта уже в 1925 году была далеко не оригинальна.

Кто из политиков Запада в 1925 году не призывал к уничтожению большевизма? Гораздо легче было сосчитать (буквально по пальцам) тех, кто этого не делал. Такие слыли либо оригиналами, либо людьми, выжившими из ума, либо «агентами Москвы». Даже когда сомнение в

возможности уничтожить большевиков высказывали такие респектабельные в буржуазном мире лица, как генерал Ганс фон Сект, то Н их никто слушать не хотел. Зато охотников уничтожить большевиков было хоть отбавляй. Предлагалось много методов уничтожения большевизма, и наиболее простой из них .принадлежал генералу кайзеровской армии Максу Гофману.

План Гофмана лежит, покрывшись пылью, в архивах, листы бумаги, на которых он был изложен, давно пожелтели, лиц, которые в нем упоминаются, уже давно нет в живых. Но перечитывая эти страницы, приходится поражаться снова и снова: как неоригинальны все сегодняшние стратеги антикоммунизма! С какого жалкого плагиаторства начинают те, кто во второй половине XX века — века победоносного наступления коммунизма — тратит все усилия на создание и расширение антисоветских коалиций всяких толков и мастей! Ведь все это уже не раз планировалось, не раз создавалось. И не раз авторы подобных планов уповали на тот день, когда придет успех...

Увы, успех так и не пришел — мы это знаем. Но в 20х годах, вскоре после Октября, надежды на успех выглядели еще столь осязаемо реальными, что это побуждало ставить такие ставки на карту «разгрома большевизма», какие только были мыслимы в то время. Видимо, эта внешняя осязаемость и вдохновляла генерала Макса Гофмана — одного из первых, кто в западном мире выдвинул идею антикоммунистической коалиции в форме прямого военного союза с целью разгрома Советской республики. Пожалуй, он сделал это еще до Черчилля с его «походом 14 держав», ибо уже во время переговоров в Брест-Литовске, то есть осенью — зимой 1918 года, был готов к «маршу на Москву». Впоследствии, вспоминая о подписанном им в Брест-Литовске договоре, Гофман в беседе с одним американским дипломатом заявил:

Я сожалею о том, что во время переговоров в Брест-Литовске не сорвал переговоры и не двинулся на Москву, — я легко мог бы сделать это![10]

Генерал АнриАльбер Ниссель — эмиссар Антанты в Прибалтике — сохранил для истории в своих мемуарах формулу, которую в 1920 году генерал Гофман предложил для создания антисоветской коалиции. В докладе Верховному совету Антанты Ниссель писал, что Гофман

хочет убедить Верховный совет в том, что «в нынешней ситуации только немцы способны военным путем восстановить положение в России. Для того чтобы завоевать доверие, они предложат создать межсоюзническое командование и будут выдвигать всевозможные предложения»[11]. Одним из таких предложений и было создание совместной франко-немецкой экспедиционный армии для похода в Россию. Разве это не предвосхищение идей НАТО или пресловутого плана создания «европейской армии»? Не будем. однако, перескакивать через ступеньки истории: ведь мы исследуем генезис гитлеровского плана агрессии против Советского Союза.

В плане же этом была повторена гофмановская идея антикоммунистической коалиции. Гофман придал своей идее вполне конкретный облик: совместно с большим любителем закулисной дипломатии Арнольдом Рехбергом (братом немецкого калийного короля) он разработал довольно стройный план совместного похода трех европейских держав — Германии, Англии и Фракции — против Советской России[12]. Как характеризовал этот план видный английский дипломат тех лет ВНІКОНТ д'Абернон, Гофманом «владела идея, что ничто в мире не сможет совершиться, пока силы Запада не объединятся и не повесят советское правительство»[13]. Формулировка грубая, но она отражает замысел антикоммунистов 20х годов, среди которых Гофман был заметной фигурой.

Об идеях, обуревавших Макса Гофмана и Арнольда Рехберга, можно судить по тем письмам, которыми они обменивались между собой и с другими своими единомышленниками. Так, в мае 1919 года Рехберг задал Гофману «теоретический» вопрос: может ли Антанта одна расправиться с Советской Россией? Генерал глубокомысленно отвечал:

«С военной точки зрения нельзя доказать, что Антанта не может обойтись без нас. Однако для Антанты, естественно, было бы легче и проще решить русский вопрос в содружестве с нами... Итак, надо аргументировать не с военных, а с политических позиции, ежели англичане захотят совместно с нами вести борьбу с большевизмом.

Разумеется, обладая опытом военных операций на Востоке, я уже давно думал о том, как быстрее всего провести поход против большевиков. Однако следя за ходом переговоров [в Версале. — *Л.* Б.], я боюсь, как бы Антанта, заполучив мой план, не стала бы его

проводить в жизнь сама, без нас. Итак, уточнять вопрос — как провести поход против большевиков — я готов лишь тогда, когда меня попросят»[14].

В отличие от Гофмана полковник рейхсвера Бауэр был не так боязлив: он называл Рехбергу реальные цифры. По его заверениям, всего для разгрома Советской республики нужно 50 — 60 дивизий, а Германия должна будет выставить около 200 тысяч солдат, исходя из «предпосылки, что большевики не окажут существенного военного сопротивления». Приняв близко к сердцу общий замысел, Рехберг действовал очень активно и, как он сам писал в сентябре 1919 года одному из своих друзей, «вел уже несколько месяцев переговоры с Францией и Англией по поводу ориентации европейской политики в соответствии с вышеозначенным планом». Иногда, правда, он пускал слезу: «Это, конечно, непростая задача — свести вместе три государства, которые долгие годы вели ожесточенную борьбу между собой». Тем не менее ему удалось, по его собственному признанию, заручиться поддержкой со стороны Бриана, Клемансо и Фоша во Франции, лорда Сесиля, Черчилля и Ллойд Джорджа в Англии, а также проинформировать о замысле главу американской военной миссии в Берлине Паркера. Последний сообщил ему после запроса в Вашингтоне, что США не прочь обеспечить за собой «некоторые особые интересы в России».

Мы знаем, что генералу Гофману не удалось осуществить свой план, — и в этом оказались повинны не господа из стран Антанты, стремившиеся выманить у генерала план «быстрой» расправы с большевизмом, а те самые большевики, которых генерал Гофман и полковник Бауэр уже видели на своей штабной карте разгромленными. Предпосылки Бауэра оказались фальшивыми. Потерпели позорное фиаско все попытки разгромить — в одиночку и сообща — непобедимую армию молодой страны социализма. Но Гофман и Рехберг не унимались и вплоть до 30-х годов разрабатывали новые планы: то франко-германской, то англо-германской военной коалиции против СССР. На этот раз речь шла о 300-тысячной армии, после успеха которой Германии предстояло занять «равноправное место в экономическом восстановлении России, освобожденной от большевизма» (из письма А. Рехберга полковнику рейхсвера фон Шлейхеру от 24 февраля 1927 года).

От Гофмана не отставал генерал Людендорф, ставший автором доброй дюжины книг (в том числе и книги «Тотальная война», название коей ничтоже сумняшеся плагиировал для своей пропаганды д-р Йозеф Геббельс).

Генералы не только писали книги, но и развивали свои идеи в салонах капитанов германской индустрии: Людендорф — в кругу мюнхенских промышленников, Гофман — в салонах Арнольда Рехберга и крупнейших магнатов Ростерга и Дина. Могут спросить: но причем здесь Гитлер? Какая могла быть в те годы связь между безвестным завсегдатаем мюнхенских пивных и могущественными баронами Рура?

«Второе правительство»

Вопрос о том, какие социальные силы привели Гитлера к власти, продолжает интересовать историков до сегодняшнего дня, и нельзя сказать, что этот интерес является чисто академическим. В конечном счете предупредить повторение роковых событий прошлого можно лишь в том случае, если будет поставлен социальный диагноз агрессии. Тем самым анализ социальных корней нацизма приобретает исключительно важное и принципиальное значение.

К этому надо добавить еще причину личного порядка, которая заставляет автора более подробно остановиться на данном вопросе. Она состоит в следующем. Некоторое время назад я написал книгу «По следам Мартина Бормана». Эта книга, вышедшая также на немецком языке, вызвала ряд откликов, в том числе и со стороны одного из самых солидных буржуазных публицистов Западной Германии, ныне покойного Пауля Зете. Весьма доброжелательная, эта рецензия тем не менее предъявила автору ряд упреков — в первую очередь упрек в предубежденности социального анализа. Отметив, что в рецензируемой книге предпринимается попытка «объяснить феномен Бормана и других фюреров нацистской партии историей классовой борьбы» и что для автора «Борман является болотным цветком пучин капитализма», Пауль Зете замечал: «Экономическое понимание истории может помочь историку. Западные авторы сделали бы доброе дело, если бы они больше уделяли внимания этому методу. Но тот, кто, подобно Безыменскому и его марксистским друзьям, проявляет такую односторонность при защите своей точки зрения, совершает ошибку». Зете утверждал, что нельзя строить вывод о связях Гитлера с монополиями на цифровых данных пожертвованиях крупных фирм в пользу Гитлера, ибо эти пожертвования, по мнению Зете, потекли в нацистскую кассу только после того, как Гитлер пришел к власти[15]. Пауль Зете был сравнительно «терпим» в своих формулировках. Зато такой западногерманский историк, как Вильгельм Тройе, прямо объявляет связи между нацизмом и монополиями «вымыслом». Немецкий промышленный институт в Кёльне даже выпустил

специальную работу, в которой отрицается всякая причастность промышленников к приходу Гитлера к власти. Откуда же такое усердие?

Начнем с вопроса об источниках финансирования той или иной партии в условиях веймарской Германии. Даже если исходить из общеизвестного факта, что нацистской партии удалось в конечном счете получить голоса 14 миллионов избирателей, то любой человек, знакомый с механизмом буржуазной парламентской демократии, поставит перед собой вопрос о финансовых источниках подобного успеха. Далее, любой человек, имеющий представление о том, чего стоит содержание постоянных военизированных сил, спросит: откуда брались деньги на многосоттысячные штурмовые и охранные отряды Гитлера?

Вопросы финансирования, несомненно, ставили перед собой также Гитлер и другие руководители тогда еще малочисленной партии, которая начинала свою борьбу за власть: ведь в эту борьбу за власть нацистская партия включалась в условиях, когда основные средства немецких фирм шли на финансирование ведущих парламентских партий буржуазии — немецкой национальной партии или немецкой католической партии центра. Все это было так. Но тем не менее — или именно поэтому с самых первых шагов нацизма его руководители ориентировались на крупных «доброхотных деятелей». Списки же «доброхотных деятелей», вносивших пожертвования в фонд гитлеровской партии НСДАП, читаются как регистры крупнейших фирм тогдашней Германии.

Однако в отношениях между этими фирмами и гитлеровской партией были свои тонкости. Прежде всего: если в истории гитлеризма что-либо и маскировалось с предельным усердием, то именно его связи с финансовым и промышленным капиталом. Началась эта маскировка давно — и первым ее проявлением было то, что Гитлер вошел в политическую жизнь Германии не с парадного хода, не по ковровой дорожке. Это, как ни странно, оказалось очень кстати. Постепенно стала складываться легенда о «человеке из самых низов», чуть ли не с нар ночлежки. Как писал видный западногерманский социолог Эрих Нольте, хозяином Европы стал «человек из притона»[16].

Яо нет легенд, которые остались бы неразоблаченными. Лопнула и легенда о Гитлере как «человеке из низов». Очередной удар ей невольно нанес западногерманский историк Вернер Мазер, автор вышедшей в 1965 году книги «Ранняя история национал-социализма»[17]. Мазер решил заняться молодыми годами Адольфа Гитлера и, в частности, исследовать знаменитые венские ночлежки, которые неизменно присутствуют во всех биографиях фюрера. Вот одна из них — на венской улице Мельдеман-штрассе, 27. Оказывается, это была вовсе не ночлежка, а весьма дорогой пансион. Другая ночлежка — в Мейдлинге. Но сюда Гитлер попал не из-за недостатка средств, а для того, чтобы укрыться... от воинской повинности. Все остальные адреса — пансионы и респектабельные меблированные комнаты.

Вслед за этим Мазер доказал, что молодой венский художник располагал приличными денежными средствами, в результате чего возникал образ Гитлера — «нормального», заурядного мелкого буржуа. Кстати, Мазер подчеркивал, что семья Гитлера была вполне состоятельной и вполне буржуазной. Недаром один из рецензентов книги Мазера писал: «В его [Гитлера. — Л. Б.] карьере было совсем не столь необычным, как это раньше предполагали, что перед ним открылись двери рейхсвера и промышленников. Ведь он был респектабельным молодым буржуа...»[18]. Конечно, от «респектабельного буржуа Гитлера» еще далеко до рурского монополиста Гуго Стиннеса. Но, пожалуй, ближе, чем от «люмпен-пролетария Гитлера», каким его иногда рисовали некоторые буржуазные авторы.

Не подлежит сомнению, что если бы Гитлер не смог на первых порах обеспечить себе сколько-нибудь значительную финансовую поддержку, то его партия так бы и не выбралась из прокуренных мюнхенских пивных. Тем самым определяется и роль того «первоначального толчка», который был дан нацистскому движению со стороны немецкого финансового и промышленного мира.

Это, разумеется, не означает, что на Гитлера с самого начала была сделана решительная ставка. Деловой мир всегда любит перестраховываться, играть наверняка. Принцип «безопасность в первую очередь» распространяется и на политические симпатии германской буржуазии (впрочем, не только германской!). Поток

финансовых благодеяний в те годы разделялся на более крупные и на более мелкие струи: как политические симпатии, так и финансовые ассигнования в 20е годы текли куда более мощными струями в кассы католической партии центра, немецкой национальной партии и других «классических партий» веймарской демократии. Тем не менее историческая справедливость требует отметить, что уже в тот начальный период становления нацизма отнюдь не самый тонкий ручеек тек и в кассу практически еще никому не известной немецкой национал-социалистской рабочей партии (НСДАП).

В истории взаимоотношений нацизма и немецкого промышленно-финансового мира были свои особенности, свои этапы. Первый этап охватывал начало 20х годов, когда НСДАП была лишь одной из многих партий на крайнем правом фланге германской политической жизни. Группа баварских промышленников была в этом смысле «первооткрывательницей» гитлеровской партии. Рядом документальных исследований установлено, что в 19201923 годах вокруг Гитлера сложился небольшой круг вполне определенных «доброхотных деятелей» — преимущественно из мира баварской промышленности. Но уже с 1923 года у Гитлера появляются куда более мощные покровители. В это время среди «кредиторов» Гитлера начинают числиться: глава Стального треста Фриц Тиссен, химический фабрикант, уполномоченный «ИГ Фарбениндустри» Питш, крупный берлинский промышленник Эрнст фон Борзиг, генеральный директор концерна Стиннеса Мину.

Следующий период — примерно с 1927 года — собирает в круге лиц, финансировавших Гитлера и его партию, промышленников, составлявших «цвет» немецкого делового мира. Среди них в первую очередь заслуживает упоминания Эмиль Кирдорф — глава Рейнско-Вестфальского угольного синдиката, организовавший отчисление в пользу Гитлера по 5 пфеннигов с каждой тонны проданного угля[19]. Напомним, что решение Кирдорфа было принято в самом начале 1931 года (то есть до прихода нацизма к власти). Правда, тогда в Руре царил кризис, но годовая добыча угля не падала ниже 300 миллионов тонн. Следовательно, лишь от угольных промышленников стало поступать по 15 миллионов марок в год. Приведем еще одну цифру. По оценке американского публициста Иогана Стила, содержание штурмовых отрядов обходилось примерно в 40 миллионов марок в год[20]. Таким

образом, добрую четверть средств на содержание штурмовых отрядов Гитлер получал от предпринимателей угольной промышленности.

Но Кирдорф был далеко не одинок. Директор концерна Круппа и владелец крупнейшего киноконцерна «Уфа» Альфред Гугенберг давал Гитлеру примерно по 2 миллиона марок в год[21]. Генеральный директор Стального треста («Ферайнигте штальверке») Альберт Феглер ассигновал столь значительные средства, что, по признанию самих руководителей гитлеровской партии, это помогло им преодолеть так называемый «партийный кризис» 1932 года. Перечень можно было бы продолжить. Стоит ли это делать? Наверное, стоит.

Воспользуемся свидетельством такого информированного лица, каким безусловно был Вальтер Функ, впоследствии министр экономики третьего рейха. Когда его допрашивали перед началом Нюрнбергского процесса, он назвал в числе покровителей Гитлера крупнейших магнатов промышленности — Кнеппера, Келлермана, Феглера, Тенгельмана, Дина, Ростерга, банкиров Фишера, Рейнгардта, руководителей страховых обществ Штаусса и Хельгардта, главу треста «ИГ Фарбен» Дуисберга и многих других.

«Мои друзьяпромышленники и я, — писал Функ в своей записке на имя обвинения в Нюрнберге, — были убеждены в то время, что националсоциалистская партия в недалеком будущем придет к власти...»[22].

Так оно и было. Недаром практическое решение о переходе власти в руки нацистов, происшедшем 30 января 1933 года, было принято на совещании, которое состоялось 4 января в кабинете крупнейшего финансиста и углепромышленника барона фон Шредера.

Разумеется, эти факты не стоят обособленно в истории Германии. Никто не спорит, что нацистов часто поддерживали озлобленные мелкие буржуа. Никто не хочет сказать, что любое действие нацистской партии было согласовано с Круппом или Дуисбергом. Но генеральное направление нацистской политики определялось пожеланиями крупнейших германских промышленных и финансовых фирм. Ведь демагогический пафос «борьбы против универсальных магазинов» к тому времени давно уже иссяк. Недаром, когда Отто Штрассер спросил Гитлера, останется ли экономика Германии без изменений после прихода нацистов к власти, тот ответил:

— Само собой разумеется. Неужели вы полагаете, что я хочу уничтожения германской тяжелой промышленности?[23]

Конечно, в 20-е годы Гитлер и особенно Геббельс, демагогически выдававший себя за выходца из рабочей семьи, метали громы и молнии против «ссудного рабства» и «господства универсальных магазинов». Но тот же рьяный «антимонополист» Геббельс записывал 3 февраля 1926 года в свой дневник:

«После обеда в понедельник встреча с гном фон Бруком. Он прочитал нам блестящую политическую и экономическую лекцию. С таким человеком можно сотрудничать. Он полностью, до последнего пункта подтвердил наши взгляды на большевизм. Мы находимся на верном пути» [24].

Кто же направил Геббельса на «верный путь»? Гн фон Брук, видный промышленник, один из руководителей крупнейшего рурского металлургического концерна Хеша. А что это был за путь, на который фон Брук и иже с ним наставляли нацистов, разъяснял сам Гитлер. Выступая 15 февраля того же 1926 года, он провозглашал:

— Италия и Англия — наши естественные союзники! Наша задача — уничтожение большевизма. Большевизм — дело европейское. Мы должны стать властителями России![25]

Я не склонен упрощать процесс прихода нацистов к власти. Это был очень сложный процесс, отнюдь не сводившийся только к проблеме финансирования той или иной партии. В водовороте политических настроений веймарской эпохи нацистская партия и ее руководство, не спрашивая об этом капитанов Рура, нащупали те струны, на которых они могли играть: в отличие от «классических» буржуазных партий НСДАП нашла себе массовую поддержку у миллионов озлобленных и испуганных, мятущихся обывателей. То, что Гитлеру удалось быстро увеличить число своих приверженцев как в Баварии, так и во всей Германии, было предопределено, разумеется, не только финансовыми ассигнованиями крупных немецких фирм. Восхождению Гитлера способствовали и рейхсвер, и деятели традиционных буржуазных партий, и его зарубежные поклонники в Англии, Франции и США. Однако все это не дает нам права сбрасывать со счетов ту солидную финансовую поддержку, которую германская промышленность оказала Гитлеру.

Но если для доказательства существования связей Гитлера с монополиями до января 1933 года еще надо было спорить с д-ром Зете, то применительно к периоду, последовавшему за этим роковым моментом, и для нашего оппонента было ясно, что Гитлер пользовался реальной поддержкой со стороны делового мира Германии, *тем* более что фронт этой поддержки был уже не скрытым, а явным.

Сегодня западногерманский историк и социолог Эрнст Нольте констатирует: «Вопрос о том, какую финансовую и моральную поддержку Гитлер получил от крупной промышленности, принадлежит к числу самых сложных, ибо с ним связано много интересов»[26]. Последнее заключение справедливо, ибо большинство из тех, кто в свое время финансировал Гитлера, сейчас не особенно заинтересованы в раскрытии тайн, связанных с пополнением гитлеровской кассы. Но так ли уж «сложно» определить степень финансовой и моральной поддержки, которую получил Гитлер?

Свидетельств такой поддержки великое множество. Один из директоров «ИГ Фарбениндустри» Георг фон Шницлер, представ перед Нюрнбергским трибуналом, живописал:

«Как-то в конце февраля 1933 года четыре члена правления «ИГ Фарбен», в том числе председатель правления д-р Бош, получили приглашение от бюро президента рейхстага [Геринга. — Л. Б.} прибыть к нему домой. Цель собрания не была указана... Я пошел на эту встречу; там было около 20 человек, которые, как я полагаю, были самыми крупными промышленниками Рурской области.

Я вспоминаю, что д-р Шахт исполнял роль хозяина. Пока я ждал прихода Геринга, появился Гитлер, поздоровался со всеми за руку и сел во главе стола. В длинной речи он говорил преимущественно о коммунистической опасности...

Крупп фон Болен поблагодарил Гитлера за его речь. После того как Гитлер вышел из комнаты, д-р Шахт предложил создать предвыборный фонд — как я помню — в размере трех миллионов марок»[27].

Это было 20 февраля 1933 года. А 28 февраля концерн «ИГ Фарбен» перевел на счет НСДАП 400 тысяч марок, рурские углепромышленники 23 февраля и 7 марта — 500 тысяч марок. После этого Геббельс записал в своем дневнике: «Мы набрали для выборов огромную сумму, которая одним махом освобождает нас ото всех

забот»[28]. Ото «всех забот» — в первую очередь от финансовых — нацисты действительно могли чувствовать себя освобожденными: 24 марта 1933 года всемогущий президент всемогущего Имперского объединения германской индустрии Густав Крупп фон Болен писал Гитлеру:

«Немецкая промышленность, считающая себя важным и неотъемлемым элементом национального развития, готова помогать решению этой задачи, и Имперское объединение германской индустрии как ее экономическо-политическое представительство, сделает все, чтобы помочь имперскому правительству в его трудном деле»[29].

Анализируя роль хозяев Веймарской республики в приходе Гитлера к власти, известный философ Карл Ясперс писал: «Поток не прорвал бы плотины, если бы люди, сидевшие на решающих постах, не открыли ему шлюзы»[30]. Среди тех, кто открывал шлюзы, фигурировали имена тузов немецкого промышленного и финансового мира, которые не только в одиночку, но и в организованной форме целеустремленно вели Гитлера к власти.

Так, одним из первых организационно оформленных органов немецкой промышленности, осуществлявших прямую помощь нацистской партии, был так называемый «кружок Кеплера». Его официальное название гласило: «Кружок по изучению экономических вопросов», но его участники вряд ли нуждались в подобном занятии они не изучали экономику Германии, они хозяйничали в ней. Так, среди членов «кружка» были:

барон Курт фон Шредер — владелец банка И. Г. Штейна,

Август Дин — глава Калийного синдиката,

Август фон Финк — крупнейший частный банкир,

Карл Люр — член правления «Дрезднер банк», Фриц Тиссен — глава Стального треста,

Альберт Феглер — один из директоров Стального треста.

Сам же Кеплер был един в двух лицах: инженер по профессии, он был экономическим советником Гитлера и служил в обоих этих качествах связным между монополиями и нацистской партией. Такими же «кружками» запаслись и другие органы нацистского аппарата. Так, вокруг Гиммлера образовался свой «кружок друзей», состоявший из виднейших деятелей финансового и промышленного мира Германии.

Вот, к примеру, список присутствовавших на одном из собраний у Гиммлера. Среди званых гостей были:

Карл Блессинг — директор «Дойче банк»,

Генрих Бютефиш — директор «ИГ Фарбениндустри»,

Фридрих Флик — генеральный директор концерна Флика,

Карл Риттер фон Хальт — директор «Дойче банк»,

Карл Линдеман — генеральный директор ГАПАГ,

Карл Раше — директор «Дрезднер банк»,

Август Ростерг — генеральный директор калийного концерна «Винтерсхаль»,

Отто Штейнбринк — директор концерна Флика, барон Курт фон Шредер — уже знакомый нам владелец банка Штейна[31].

Всего присутствовало 38 гостей, из них — 21 банкир и промышленник, 6 высших чиновников и 10 чинов СС. О том, какой характер носили отношения между «кружком друзей» и Гиммлером, выразительно говорит письмо барона Шредера, который верноподданнически сообщал Гиммлеру после одной из встреч, что «и в этом году» он собрал для него 1 миллион марок[32].

Итак, социальный характер тех сил, которые покровительствовали нацистской партии и ее фюреру, был достаточно определенным. Без финансовой и моральной поддержки со стороны крупной промышленности Гитлер никогда не смог бы прийти к власти, — и это крайне важное обстоятельство выяснения генезиса операции «Барбаросса».

Впрочем, сам Гитлер прекрасно понимал, кто каким влиянием обладает в Германии. В 1931 году он в одной из бесед с представителем так называемой немецкой национальной партии сказал: «Когда Крупп, Шредер и другие представители крупной промышленности поймут, что мы являемся фактором порядка, то они будут счастливы быть принятыми в партию. Они поддерживают наше движение в финансовом отношении...»[33]. И далее он добавил, что «...капитаны Рура не наведут порядка в Германии без нашего участия». Иными словами, он самым откровенным образом признавался в том, для кого создается «нацистский порядок»[34].

Как принято говорить, фюрер как бы читал мысли у господ Круппов. Альфрид Крупп фон Болен откровенно признавался на допросе в Нюрнберге: «Экономика нуждалась в спокойном и

поступательном развитии. В условиях борьбы между различными немецкими партиями и беспорядка у нас не было возможности заниматься нашим развитием... Мы, крупповцы, никогда не занимались много политикой. Нам нужна была система, которая бы хорошо функционировала и не мешала нам работать»[35].

Так «аполитичные крупповцы» делали свою политику — обеспечивали приход такой системы, которая дала бы им наибольшие прибыли. Недаром глава «ИГ Фарбен» фон Шницлер на вопрос о том, верно ли, что его концерн обогатился в годы нацизма, ответил: «Это правда и даже больше, чем правда».

Не выполняя воли промышленнофинансовых магнатов, нацистское правительство не могло бы просуществовать и дня. Както уже после войны барону Курту фон Шредеру — тому самому, на вилле которого Гитлеру были вручены бразды правления Германией, — был задан вопрос о размерах влияния финансовых магнатов и крупных банков на нацистское правительство. Шредер ответил:

— Они обладали колоссальным влиянием на партию и правительство. Фактически это было чуть ли не второе правительство[36].

Шредер не преувеличивал: его высказывание лишь можно прокорректировать в том смысле, что к крупным банкам следует добавить и крупнейшие промышленные фирмы. Вместе они и составляли «второе правительство», которое стояло за спиной гитлеровских министров и нацистской партии.

О тех, кто захлопнул «двери истории»

Но здесь я сразу предвижу вопрос: позвольте, разве именно связь с финансово-промышленными кругами заранее предопределила антисоветскую направленность нацизма? А советско-германский договор 1922 года? Ведь и договор в Рапалло заключили круги того же социального характера?

Автору книги не раз пришлось беседовать с человеком, который представляет собой своеобразный исторический раритет. Его имя — Николай Николаевич Любимов. Профессор Московского государственного института международных отношений, доктор экономических наук, крупнейший специалист по международным финансовым вопросам, Н. Н. Любимов — единственный из оставшихся в живых советских участников Генуэзской конференции 1922 года и, следовательно, свидетелей Рапалльского соглашения. Он удивительно энергичный собеседник, особенно когда речь заходит о Рапалло: ведь Рапалло для него — не просто какой-то символ из учебников истории, а кусок жизни.

В далеком 1922 году Н. Н. Любимов, молодой профессор Московского университета, был привлечен В. И. Лениным и Г. В. Чичериным для разработки гениального по простоте замысла, но сложного по составлению документа — финансовых контрпретензий Советской России к державам Антанты. Не было секретом, что в Генуе Ллойд Джордж и Барту хотели «задушить» Россию своими финансовыми претензиями по старым царским долгам, и поэтому В. И. Ленин решил, что советской стороне надо подготовить свой ответ...

Да, Любимов все прекрасно помнит: и зал дворца Сан-Джорджо, и совещания на вилле «Альбертис», и своего немецкого партнера по переговорам Рудольфа Гильфердинга. Более того: его рассказ вносит значительные коррективы в ту традиционную картину Рапалло, которая сложилась на основе широко известных мемуаров бывшего английского посла в Берлине лорда д'Абернона и свидетельств немецких авторов (хотя, кстати, ни Иозеф Вирт, ни Вальтер Ратенау

или Аго фон Мальцан не оставили воспоминаний). Н. Н. Любимов рассказывал:

— Вопрос о нормализации отношений между Советской Россией и веймарской Германией возник задолго до Рапалло, и в этом отношении едва ли правы те, кто пытался и пытается изобразить договор как «полную неожиданность» или как результат какихто хитроумных маневров. Нет, вопрос этот ставился самой жизнью. Он обсуждался еще зимой 1921 года, а также в январефеврале 1922 года в Берлине. Известно, что в начале апреля 1922 года, проезжая через Берлин, Г В. Чичерин встретился с Виртом и Ратенау и вел с ними переговоры.

Но немецкая сторона не проявила тогда желания достичь соглашения...

На конференции в Генуе после пленарного заседания 10 апреля 1922 года руководители немецкой делегации поняли, что вопрос номер один на конференции — это «русский вопрос». В то же время они почувствовали, что Ллойд Джордж и Барту стремятся отстранить Германию от «большой политики». Уже в первые дни конференции рейхсканцлер Иозеф Вирт и министр иностранных дел Вальтер Ратенау начали сильно сомневаться в правильности своих прозападных позиций. 14 апреля немцы особенно забеспокоились: на вилле «Альбертис», являвшейся резиденцией Ллойд Джорджа, начались неофициальные встречи, на которые были приглашены также советские делегаты. Все это заметно беспокоило Ратенау и Мальцана, которых англичане и французы практически выставили за дверь, хотя и заверяли, что Германия не подвергается никакой дискриминации.

15 апреля Мальцан встречался с советскими представителями и вел переговоры об урегулировании взаимных претензий. Советские делегаты заявили, что лучшим средством решения всех проблем было бы подписать соглашение, предложенное в апреле в Берлине. Мальцан не дал ответа, но — что любопытно отметить — сразу же проинформировал англичан. Те не проявили особого удивления и заявили, что переговоры на вилле «Альбертис» идут успешно.

В этих условиях понятен интерес, который возбудил у Вирта, Ратенау и Мальцана телефонный звонок из резиденции советской делегации.

В западной исторической литературе своеобразным «классическим описанием» Рапалльского соглашения стали мемуары уже упоминавшегося выше лорда д'Абернона. Ссылаясь на рассказ фон Мальцана, д'Абернон изображал события так, будто в ночь с 15 на 16 апреля позвонил сам Г. В. Чичерин и пригласил Мальцана и Ратенау прибыть в «Палаццо империале», чтобы обсудить возможность договора между РСФСР и Германией. Разговор якобы продолжался 15 минут.

Возможно, эта версия выглядит весьма интригующе. В действительности дело происходило иначе. Мальцану звонил не Чичерин, а заведующий экономическо-правовым отделом НКИД А.Сабанин. Он говорил с ним несколько минут и попросил передать рейхсканцлеру Вирту, что Г. В. Чичерин предлагает продолжить переговоры, начатые 4 апреля в Берлине. Это предложение было принято немцами.

Утром 16 апреля, примерно в 11 часов, в резиденцию советской делегации прибыли Ратенау, Мальцан, Гильфердинг и фон Симонс. Они начали переговоры с Г. З. Чичериным. Совещание длилось примерно два часа. Потом был сделан перерыв, и германская делегация уехала на какой-то дипломатический завтрак. За это время был подготовлен текст соглашения. Во второй половине дня германская делегация вернулась и после согласования текста Вальтер Ратенау и Г В. Чичерин подписали Рапалльский договор.

Смысл соглашения был таков: РСФСР и Германия, выступая как полностью равноправные стороны, отказывались от взаимных претензий, возникших в результате войны между Германией и Россией. Германия отказалась от требования возвратить национализированные предприятия бывшим германским владельцам — при том условии, что РСФСР не будет удовлетворять таких же требований других стран. Одновременно возобновлялись дипломатические отношения и обе стороны предоставляли друг другу режим наибольшего благоприятствования в торговле.

Итак, Рапалло стало реальностью международной политики, и, как известно, В. И. Ленин высоко отозвался о нем, расценив его как подтверждение факта «действительного равноправия двух систем собственности»[37]. Сегодня мы называем это фактом мирного сосуществования двух систем и нелишне будет напомнить, что в 20-е

годы Георгий Васильевич Чичерин в своих выступлениях применял это понятие, ставшее тоже нормой международного сотрудничества.

За Рапалльским соглашением последовали советско-германские соглашения 1926 и 1931 годов. Для нас нет никакого сомнения, что они родились не без участия влиятельных финансово-промышленных групп Германии, за которых говорило уже само имя Ратенау, генерального директора электротехнического концерна АЭГ (хотя этот деятель лично и не принадлежал к последовательным сторонникам Рапалло). Число крупнейших фирм, которые поддерживали теорию и практику советско-германского сотрудничества, было велико, и среди них были самые громкие имена.

Почему же за 1931 годом последовал год 1933-й? Почему оборвался путь, начавшийся в Рапалло? Этот вопрос действительно нельзя оставлять без ответа, поскольку он имеет прямую связь с интерпретацией решающих событий в истории Германии. Я помню беседу, которую имел в 1961 году с одним из тогдашних руководителей. Христианско-демократического союза ФРГ д-ром Ойгеном Герстенмайером. В разговоре мой собеседник, кокетничая гегелевским инструментарием, упрекал Маркса и исторический материализм в «безнадежном детерминизме», якобы не оставляющем свободы для исторического развития. Д-р Герстенмайер предпочитал идею «открытых дверей истории», которые, мол, должны быть распахнуты для любых возможностей.

Мы спорили о будущем, но та же проблематика существует для прошлого. Истина всегда конкретна, и именно в конкретной ситуации 20х — 30х годов германской истории можно видеть, какие социально-экономические и политические силы захлопнули «двери истории», открытые в Рапалло, и направили Германию по иному, роковому для нее пути агрессии и антикоммунизма.

Двери, вне всякого сомнения, были раскрыты, тем более что страны Запада — Англия, Франция и на втором плане США, — с которыми Германия была связана теснейшими классовыми узами, наносили Германии один удар за другим: военное поражение в 1918 году, Версаль в 1919 году и вторжение в Рур в 1923 году. Запад вел линию на полную дискриминацию и изоляцию Германии. А Советская Россия оказала Германии помощь: она не признала Версаль и, подписав Рапалло, вывела Германию из европейской изоляции.

В этих условиях ответ на вопрос об отношении Германии к России звучал поразному в разных устах. Для понимания этого всегда надо помнить мудрый ленинский анализ: ведь В. И. Ленин в многочисленных речах проводил мысль о «двух партиях» в буржуазном лагере: одну он условно называл «пацифистской», другую «военной». Действительно, обе эти «партии» (не эквивалентные парламентским политическим партиям) существовали в веймарской Германии и вели внутренний спор. Одно время казалось, что верх берет здравый смысл например, у таких деятелей, как руководитель рейхсвера генерал-полковник Ганс фон Сект.

Но подобным образом вели себя далеко не все. «Военная партия» германской крупной буржуазии была сильна и влиятельна. Еще в дни мирных переговоров в БрестЛитовске генерал-фельдмаршал Гинденбург предложил, по свидетельству статс-секретаря Рихарда Кюльмана, «довольно широкую программу аннексии». Когда же Кюльман спросил генерал-фельдмаршала, какие цели преследует это предложение, Гинденбург ответил:

— Я хочу обеспечить пространство для передвижения германского левого крыла в следующей войне с Россией[38].

За этим, поистине первым предвосхищением плана «Барбаросса» стояли, как можно предполагать, чисто военные мотивы, типичные для Гинденбурга. Но именно в этот период и в этом направлении работала также мысль «мозгового треста» (или многих «мозговых трестов») промышленного мира тогдашней Германии. Немецкий центральный архив сохранил немалое количество документов, отражающих эту работу. Так, 27 февраля 1918 года на имя статс-секретаря министерства экономики было отправлено письмо за подписью директоров «Дойче банк», «Дрезднер банк», «Берлинер хандельсгезельшафт» и многих других финансово-промышленных фирм о немецких претензиях к РСФСР[39].

16 мая 1918 года в дюссельдорфском «Штальхофе» — мрачном серокаменном здании в центре города — состоялось совещание самых влиятельных деятелей делового мира (Август Тиссен, Гуго Стиннес, Альберт Феглер, Кирдорф, Гугенберг, директора Брунс, Рейш, Клекнер, Рехлинг, Пенсген и другие). Обсуждались предложение о том, чтобы «Германия и ее союзники на длительное время осуществили военную оккупацию коммуникаций, связывающих

европейские страны с Севером России», и вопрос «освоения» России, Украины и лимитрофов. Центральная мысль, как гласит протокол, состояла в том, чтобы обеспечить «возможно более глубокое финансовое проникновение в Россию для сохранения политического и военного превосходства Ге мании[40]. В соответствии с этим замыслом Карл Гельоерих призвал участников совещания к тому, чтобы «в оккупированных нами прибалтийских областях, в Финляндии, на Украине, в Донбассе и на Кавказе мы расправились с большевиками». Ибо «только в том случае, если на место большевистского режима придет новый порядок вещей, мы могли бы облегчить ведение войны путем использования русских источников и запасов»[41]. Заметим: Карл Гельферих был одним из директоров «Дойче банк» и по странному совпадению событий оказался в 1918 году на посту посла в Москве.

«Военная партия» германской буржуазии родила на свет не только рассуждения Гельфериха, но и планы генерала Макса Гофмана: планы франко-германо-английского военного блока против СССР. Были и другие варианты: например, германо-американский, о чем глава американской миссии в Берлине Эллис Дризел доносил 10 января 1919 года в Вашингтон: «Один из ведущих немецких финансистов разъяснил мне, что нациями, призванными навести порядок в России, являются, несомненно, немцы и американцы... Оба правительства смогли бы навести порядок во всей стране и развивать ее ресурсы»[42].

История не сохранила нам имени этого провозвестника «особых» германо-американских отношений. Но стремление крупнейших немецких промышленных групп к ликвидации Советской власти и захвату русских богатств — будь то вместе с Антантой или без нее — оставалось неизменным. Читатель простит автору скачок в хронологии. В июне 1926 года в Лондоне состоялась секретная конференция с участием все того же генерала Макса Гофмана, немецких политиков фон Клейста, фон Курселя, английского нефтяного короля Детердинга, а также заместителя министра иностранных дел Англии ЛоккерЛэмпсона. Газета «Фоссише цайтунг» 4 февраля 1930 года так излагала содержание переговоров:

«Первый пункт повестки дня — «Государства Европы и большевизм» — заканчивался лапидарной фразой: «Большевизм должен быть ликвидирован». Второй пункт — «Интересы Европы на

Ближнем Востоке» — заключался выводом, что в ограничении панславизма и в освоении экономических областей заинтересованы и Англия, и Германия. На Кавказе, как одной из территорий, которые надлежит освободить из-под большевистского ига, Германия и Англия должны будут сообща заняться экономическим освоением и преградить путь большевистской экспансии, направленной на Турцию, Персию и Индию.,

Участие Германии в освободительной деятельности расчленяется на следующие пункты:

а) военно-техническое руководство;

б) людские ресурсы (солдаты и инструкторы);

в) технические ресурсы: производство военных материалов и снаряжения (фиктивные заказы от других государств, частичное изготовление в практически участвующих других странах);

г) характер деятельности в официальной Германии: упоминание договора о нейтралитете (тактически), положение Германии после Версаля;

д) участие в экономическом восстановительном строительстве освобожденных стран (впоследствии на договорной основе);

е) использование зарубежных немцев (колонисты); ж) активизация русских мусульман...»[43].

Итак, идея ликвидации Советской России в течение всех лет после Октября владела умами немецких промышленных магнатов. Не сумев извлечь уроков из своего собственного опыта послерапалльского периода, когда между СССР и Германией установились взаимовыгодные, нормальные отношения, «военная партия» немецкого делового мира вернулась к иллюзиям эпохи Макса Гофмана. Недаром глава «ИГ Фарбен» Дуисберг провозгласил идею создания «экономического блока от Бордо до Одессы», а Гугенберг в 1932 году официально выступил с планом захвата Украины. Вот здесь уже можно говорить о детерминизме: ведь любой путь, отрицавший рапалльскую идею мирного сосуществования с СССР, вел Германию к катастрофе.

Иными словами: лозунг «уничтожения большевизма» появился у Гитлера отнюдь не как импровизация, не как фантазия оратора-демагога. Именно этот лозунг обеспечивал преемственность

политических целей германского империализма начиная с 1917 года. И именно здесь надо искать истоки плана «Барбаросса».

ГЕОМЕТРИЯ АГРЕССИИ. Глава 2.

Первые ступени

Едва ли не 200 лет назад была популярная «геометрическая теория» войны. Ее автор Адам фон Бюлов полагал: развитие военного искусства ведет к тому, что исход войн можно будет заранее рассчитывать, как геометрическую задачу. Уже Клаузевиц усомнился в правоте прогноза фон Бюлова, заметив однажды, что у войны есть собственная грамматика, но нет собственной логики. Прославленный теоретик с сожалением писал о том, что войн в абсолютной форме не бывает. Они лишь часть политических отношений, которые властно вторгаются в сферу военного планирования...

Очевидно, Гитлеру было бы удобнее всего действовать по теории Бюлова. К этому особо склонялись генералы из ОКВ и генштаба сухопутных войск. Еще со времени Шлиффена они привыкли считать Европу «учебным полигоном» для практического опробования своих штабных разработок. Но можно ли было «рассчитать» войну против Советского Союза? Очевидно, это казалось Гитлеру возможным.

Идея нападения на Советский Союз была изложена Гитлером еще в 1925 году на страницах «Майн кампф». Но «Майн кампф» была, так сказать, теоретической программой. Ее практическое осуществление было провозглашено буквально через несколько дней после прихода Гитлера к власти. Без этого документа — протокола речи Гитлера, произнесенной 3 февраля 1933 года на обеде у главнокомандующего рейхсвером барона Курта фон Гаммерштейн Экворда, — наше дело «Барбаросса» было бы неполным, ибо там содержались такие формулировки:

1. Внутренняя политика. Полное изменение нынешней внутриполитической ситуации. Не будут терпимы никакие настроения, противоречащие цели (пацифизм!). Кто не подчинится, будет сломлен. Истребление марксизма огнем и мечом. Приучить молодежь и весь народ к тому, что нас может спасти только борьба; этой мысли должно уступить все остальное (она воплощена в миллионном нацистском движении, которое будет расти). Воспитание молодежи, усиление военной готовности всеми средствами...

4. Создание вермахта есть важнейшая предпосылка для достижения цели — восстановления политической власти. Надо снова ввести всеобщую воинскую повинность. Но до этого государственная власть должна позаботиться о том, чтобы военнообязанные до призыва или после службы не были отравлены ядом пацифизма, марксизма, большевизма.

Как обращаться с политической властью после ее завоевания? Еще сказать нельзя. Возможно, завоевание нового экспортного пространства; возможно, — это куда лучше — завоевание нового жизненного пространства на Востоке и его безжалостная германизация»[44].

Итак, это было заявлено 3 февраля 1933 года. Старинная мудрость гласит: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Даже бесцеремонные нацистские политики понимали, что в 1933 году им было еще не время устремляться на Советский Союз. Агрессию нужно было тщательно подготовить, и именно этим занималась гитлеровская Германия все последующие годы.

История планирования и осуществления агрессии стала после Нюрнбергского процесса достаточно хорошо известной: ремилитаризация Рейнской области, аншлюс Австрии, захват Чехословакии, Мемеля и, наконец, официальное начало войны в Европе 1 сентября 1939 года. Нас же в данном случае интересует ее главный аспект — подготовка агрессии против СССР. Имея в виду именно этот аспект, мы снова зададимся вопросом: имела ли место здесь импровизация? Ни в коем случае. В одном из документов, который был представлен Гитлеру в 1937 году, военный министр генерал Вернер фон Бломберг писал, что вермахт должен быть постоянно готовым к войне, чтобы «быть в состоянии использовать для войны создавшиеся благоприятные политические возможности»[45]. В соответствии с этим соображением Бломберг предлагал пять вариантов войны:

первый вариант — война на два фронта с центром тяжести на Западе;

второй вариант — война на два фронта с центром тяжести на Востоке;

третий вариант — вторжение в Австрию;

четвертый вариант — военные операции в Испании; пятый вариант — комбинация первого и второго вариантов с учетом совместных операций против Англии, Польши и Литвы.

Как видим, место для импровизации едва ли оставалось. В директиве Бломберга были очерчены внешние рамки возможностей гитлеровской Германии. И именно с этими рамками считался Гитлер, когда 5 ноября 1937 года он созвал совещание высших представителей государства и вооруженных сил — для того, чтобы поставить вопрос о выработке конкретного плана войны. Как мы знаем из документа, который получил название протокола Хоссбаха[46], на этом совещании было решено, что война должна начаться ни в коем случае не позже 1943 года, а по возможности раньше. Было определено, что дальнейшая политика Германии не может осуществляться мирными средствами, а должна быть переведена на рельсы насилия.

От совещания 1937 года до первого акта агрессии прошло совсем немного времени. В 1938 году состоялся аншлюс Австрии. Аншлюс Австрии, а затем захват Судетской области явились прелюдией к открытым боям второй мировой войны — и будущему нападению на Советский Союз. Именно на базе этих актов «скрытой агрессии» Гитлер разрабатывал свои дальнейшие планы. Разъясняя смысл планов генштаба, тогдашний главнокомандующий сухопутными силами генерал-полковник барон Вернер фон Фрич писал: «Как континентальная держава, мы должны одержать окончательную победу на суше... Целью немецкой победы могут быть завоевания на Востоке»[47].

Это было в 1937 году. А в 1938 году ближайший подручный Гиммлера Рейнгард Гейдрих, являвшийся одной из самых зловещих фигур третьего рейха, в разговоре со своим доверенным лицом сказал: «Воля фюрера освободить Россию от коммунистического режима. Война с Советской Россией — решенное дело...»[48].

Наконец, по свидетельству гросс-адмирала Редера, Гитлер давно «вынашивал мысль раз и навсегда разделаться с Россией... Как-то в 1937 или 1938 году он высказался, что собирается ликвидировать Россию...»[49]. Таким образом, практически с самого начала планирования второй мировой войны идея похода против Советского Союза была кардинальной для фюрера, и иначе не могло быть.

Но вот загвоздка: война с СССР была «делом решенным», а Гитлер начал не с России, а с Польши. «Решенное дело» ждало до 1941 года. Почему? Этот вопрос имеет принципиальное значение. Может быть, прав Хойзингер, и план «Барбаросса» имел для Гитлера второстепенное значение?

Если ставить вопрос формально, то надо начинать с географии. В 1938 году Германия не имела общей границы с Советским Союзом. Ее отделяли от него Чехословакия и Польша. Восточная Пруссия — форпост немецкой агрессии — упиралась в прибалтийские буржуазные республики. Но, пожалуй, не это обстоятельство смущало руководителей третьего рейха. В принципе они считали возможным преодоление этого барьера политическими средствами. Долголетний флирт с панской Польшей и попытки сговориться с Англией — покровительницей лимитрофов — свидетельствуют о том, что подобные планы серьезно принимались Берлином в расчет.

Однако гораздо серьезнее задумывались в имперской канцелярии над другой проблемой — проблемой, которая мучила не одно поколение генштабистов, начиная с Мольтке-старшего. Это была роковая проблема «войны на два фронта». Над ней ломали голову Бисмарк, Мольтке, Шлиффен, Людендорф, Сект, Тренер, Бек — и не один день. В частности, германские генералы — какой ограниченной ни была их способность извлечь уроки из поражения в первой мировой войне — все же не могли не прийти к выводу: война на два фронта означает поражение Германии. Ганс фон Сект писал: «Говорят, что граф Шлиффен сказал в свой смертный час: укрепляйте мое правое крыло. Мы также призываем германских политиков: обезопасьте только тыл!»[50]. Это же твердил Людендорф, об этом писали генерал Гофман и военный министр Тренер, а Гитлер и его будущие генералы мотали это себе на ус.

При составлении стратегического замысла второй мировой войны нацистское политическое руководство и генеральный штаб прилагали все усилия, чтобы избежать одновременной войны на два фронта. Строя планы агрессии, Гитлер все время стремился обеспечить себе тыл и использовал с этой целью все возможные средства политического и военного шантажа. Но перед нацистской Германией проблема «двух фронтов» стояла куда сложнее, чем перед Германией кайзеровской. Для кайзера вопрос шел о географических фронтах, для

Гитлера — о географических и социальных. В 1914 году мир был социально единообразен, в 1938 году в нем уже противостояли друг другу две социальные системы. Кайзер был озабочен лишь «местом под солнцем» для своей империи. Гитлер же, кроме того, рассматривал себя в качестве мессии международного антикоммунизма. Однажды, когда фельдмаршал Кейтель беседовал с Гитлером о планах войны, фюрер сказал, что его миссия — уничтожение коммунизма[51].

Какие же средства были пущены в ход для осуществления этой преступной миссии?

За кулисами Мюнхена

Дипломатическая предыстория операции «Барбаросса» — прямая функция ее социальной предыстории. То, что стало целью германского и международного империализма после 1917 года — борьба против первой в мире страны социализма, — находило свое конкретное выражение в различных формах в различные периоды. Но если говорить о событии, которое в решающей степени определило судьбы мира в Европе и сыграло поистине роковую роль в процессе «акселерации» гитлеровской агрессии, то таким событием, несомненно, было Мюнхенское соглашение четырех основных стран капиталистической Европы — Германии, Италии, Англии и Франции, заключенное в сентябре 1938 года.

Оговорим с самого начала: соглашение можно считать не только «европейским», но и «глобальным» в сфере международного капитализма, поскольку Соединенные Штаты были, если можно так выразиться, его невидимым участником. Недаром американское правительство сочло нужным незадолго до сентября 1938 года послать в Прагу своего специального представителя — посла в Берлине Хью Вильсона, который разъяснил чехословацким политическим деятелям, что они не должны рассчитывать на то, что США будут противодействовать германской экспансии в Европе. «Одно было бы важно, — поучал Хью Вильсон, — чтобы вы не преувеличивали антинемецкие настроения в США... Одно дело — декларации о симпатии к Чехословакии, другое дело — желание вступать в войну... Нет никаких оснований думать, что американская нация поддержит политику военной помощи какому-либо европейскому государству...»[52].

И эти слова весили много. Недаром сразу после мюнхенского сговора президент крупнейшей американской монополии «Дженерал моторс» Уильям С. Кнудсен послал Гитлеру телеграмму с поздравлением по поводу :успешного» окончания встречи четырех[53]. А ведь девиз этой фирмы гласит: «То, что хорошо для «Дженерал моторс», хорошо для Америки». Видимо, именно поэтому

«официальная Америка» приветствовала Мюнхен, а немецкий посол не случайно доносил из Вашингтона в Берлин: «Грандиозный дипломатический успех Германии на Мюнхенской конференции признают здесь все»[54].

В чем же секрет подобной реакции? Почему руководящие деятели тех стран, против которых столь недвусмысленно было направлено острие немецкой дипломатии, вдруг переменили фронт и вступили в сговор с ней? Почему они предали Чехословакию, хотя и понимали, что это не последний объект гитлеровских притязаний? Ведь даже за океаном были люди, которые понимали, что Гитлера не насытить Судетами. Так, 29 сентября 1938 года помощник государственного секретаря Дж. С. Мессерсмит направил государственному секретарю США Хэллу меморандум, в котором предупреждал: «Если в стремлении избежать войны, которой Гитлер угрожает Европе и всему миру, идти на слишком большие уступки, то мы увидим, что не приносим пользу миру, а делаем войну неизбежной»[55].

Мессерсмит предупреждал далее, что выполнение Мюнхенского соглашения сделает Германию «хозяином Европы» и побудит ее к дальнейшим актам агрессии. Следовательно, в Вашингтоне — равно как в Лондоне и Париже — «знали, что творили». Но почему же творили? Ответ на все эти вопросы лежит в более глубоком смысле самого мюнхенского сговора, который на деле означал нечто гораздо большее, чем только согласие на отторжение части Чехословацкой Республики.

Конечно, Мюнхен был для гитлеровской Германии большим «дипломатическим успехом» на пути к достижению военных целей, которые себе поставила Германия. Но цели были не только военными, они были подчинены главной политической и стратегической установке нацизма и германского империализма — созданию максимально благоприятных условий для разгрома Советского Союза. А в число этих условий входило и создание самой широкой антисоветской коалиции против СССР.

Гитлеровская дипломатия давно работала в этом направлении, хотя и с переменным успехом. Ей не всегда удавалось соразмерять различные элементы агрессивной программы, поскольку эта программа, направленная на завоевание европейского и мирового господства, предусматривала 'действия не только против

единственного тогда в Европе социалистического государства, но и против ряда капиталистических государств Европы. Как однажды достаточно определенно выразился член правления «Дойче банк» Иозеф Герман Абс, «надо исходить из того, что после войны Германия будет владеть Европой»[56]. Но это была «генеральная» цель, на пути к которой следовало пройти ряд этапов.

К 1938 году ситуация складывалась так, что по логике империалистических противоречий Германия вступала в конфликт с другими ведущими государствами Западной Европы — в первую очередь с Англией. Именно это обстоятельство доставляло Гитлеру немало огорчений. Недаром, отправляя в 1936 году Иоахима фон Риббентропа со специальной миссией в Лондон, Гитлер театрально воскликнул: «Риббентроп, привезите мне союз с Англией»[57].

Правда, уже тогда Гитлер сомневался в достижимости этой цели, сказав тому же Риббентропу, что «шансы на союз с Англией невелики и скорее надо рассчитывать на обратное». Но недаром гитлеровская дипломатия хвасталась тем, что делает «из невозможного возможное». Будучи в Лондоне, Риббентроп усердно дул в антикоммунистическую дуду, дабы найти отклик в сердцах своих английских единомышленников. И он был далеко не единственным в своих усилиях в те годы: Лондон посещали и глава судето-немецких нацистов Конрад Генлейн, и личный адъютант Гитлера капитан Видеман, и многие другие эмиссары Берлина.

Происхождение, смысл и последствия мюнхенского сговора достаточно исследованы в трудах советских историков, историков социалистических стран и прогрессивных историков Запада. Обширна и документация, посвященная этому периоду (укажем, в частности, на совместную публикацию, предпринятую министерствами иностранных дел СССР и ЧССР). Нас будет интересовать только одна сторона Мюнхена, а именно: роль антикоммунизма как движущей силы этого сговора и всяческие попытки сколотить на его базе широкую антисоветскую коалицию. Для этого мы обратимся не только к официальным дипломатическим переговорам между Англией и Германией, но и к довольно обширной «закулисной части» указанных переговоров.

Рассматривая именно этот аспект Мюнхенского соглашения, западногерманский историк Берндт Юрген Вендт назвал одну из глав

своей книги об английской политике мюнхенского периода довольно красноречиво: «Германофобия и антикоммунизм». Вендт констатировал:

«Антибольшевистские аргументы попадали в Англии на особо благодатную почву. Для Чемберлена Россия была «полуазиатской страной»... Как утверждали в Париже летом 1938 года, он однажды сказал французскому премьер-министру, что «было бы несчастьем, если бы Чехословакия спаслась в результате советской помощи»... Консервативно-буржуазные правящие круги Англии, особенно группировавшаяся вокруг леди Астор аристократически-буржуазная «кливденская клика», а также правящие круги Франции, объединившиеся вокруг Боннэ, а с ними и влиятельные деятели американской дипломатии в Европе, были едины в своей неприязни к большевизму... В случае советского вмешательства был бы разрушен «санитарный кордон» [против СССР. — Л. Б.]....Германия, наоборот, казалась [им. — Л. Б.] оазисом мирного сотрудничества, опорой западной цивилизации, а Гитлер — гарантом этого порядка»[58].

И действительно, именно такие фразы употребляли в те дни виднейшие английские государственные деятели. Вот подлинные слова одного из них, запротоколированные во время визита сего деятеля в имперскую канцелярию:

«Он напомнил, что фюрер некогда назвал Германию и Англию бастионами против сил разрушения, идущих в первую очередь с Востока. Он и другие англичане не забыли этих слов фюрера»[59].

Приведенные слова были произнесены 27 сентября, за три дня до Мюнхена. Кто же их сказал?

Имя этого человека довольно часто упоминается в различных документах того времени, хотя он не являлся дипломатом в прямом смысле слова. Как многие его характеризуют, он представлял собой нечто вроде «личного министра иностранных дел» при Чемберлене. Формально сэр Гораций Вильсон был главой так называемого гражданского кабинета и тем самым являлся высшим чиновником Британской империи. Внешняя политика не входила в его функции. Его сила состояла в другом — в теснейших дружеских и идейных связях с Невилем Чемберленом. По выражению одного английского дипломата, у Вильсона и Чемберлена было одно общее: оба они ничего не понимали во внешней политике. Гораций Вильсон являлся одним из

руководителей пресловутой «кливденской клики», которая решала судьбы Англии и европейской политики в конце 30х годов.

Имя Горация Вильсона было особенно хорошо известно в германской столице: Еще 23 августа 1938 года германский поверенный в делах в Лондоне Кордт характеризовал Вильсона следующим образом:

«Гораций Вильсон считается одним из самых влиятельных людей в английском правительстве. Он не любит выступать публично. Установлено, что Невиль Чемберлен советуется с ним во всех делах. Вильсон — человек, которому противно все показное, и он внушает уважение каждому, кто входит с ним в общение. Он является воплощением идеала Мольтке: „Быть больше, казаться меньше "»[60].

Что ж, человек в стиле Мольтке мог устраивать немецких дипломатов. Но главное заключалось не в том, что сэр Гораций Вильсон был не только «больше, чем казался». Повторю: он был одним из фактических руководителей самой реакционной, самой антикоммунистической группы в правящих кругах Англии.

Официальная история Мюнхена широко известна: переговоры, в которых участвовали Чемберлен, Галифакс, Гитлер, Риббентроп, Даладье, Боннэ и другие, неоднократно освещались в литературе. Мы же посмотрим, чем занимался в эти дни сэр Гораций Вильсон, причем привлечем для этого свидетельство одного непосредственного участника событий — бывшего немецкого дипломата д-ра Фрица Хессе.

...Когда я позвонил в дверь небольшого дома на Тюркенштрассе — тихой улице в мюнхенском районе Швабинг, мне открыл ее невысокий, седой человек. Он провел меня в большую комнату, обставленную явно старомодно. Мы сели за большой круглый стол и начали беседу, которую я — с разрешения моего собеседника — записывал в свой блокнот.

Итак, моего собеседника звали д-р Фриц Хессе. Ныне пенсионер, он пережил немало событий. Ученик известного геополитика профессора Карла Хаусхофера, он познакомился в Мюнхене с Рудольфом Гессом и Адольфом Гитлером, а затем в Берлине — с Иоахимом фон Риббентропом. В начале 30х годов Хессе был главным редактором Немецкого телеграфного агентства, а затем стал представителем Немецкого информационного бюро (ДНБ) в Лондоне,

что автоматически сделало его пресс-атташе немецкого посольства. Здесь он снова встретился с Риббентропом — человеком, которого Гитлер считал своим главным уполномоченным по установлению контактов с Англией.

Qp Хессе стал играть немалую роль в этом деле: он пользовался доверием Риббентропа и занимал весьма удобный пост, так как был одновременно официальным и неофициальным представителем нацистской дипломатии. Именно в этом качестве он и познакомился с сэром Горацием Вильсоном.

— О Вильсоне, — рассказывал Хессе, — все мы знали, что к нему сходятся явные и тайные нити английской внешней политики. К его личным связям с Чемберленом добавлялось особое обстоятельство: именно он фактически являлся главой английской секретной службы, что означало очень многое. Если учесть, что мы знали о германофильских настроениях сэра Горация, то вы поймете, как я был доволен возможностью познакомиться с ним.

— А кто, собственно говоря, «открыл» Вильсона? — спросил я.

— Риббентроп. Он понял его роль, когда ему докладывали о настроениях в английской верхушке. С Вильсоном и раньше были связаны некоторые немецкие дипломаты, однако эти связи не были прямыми. Они шли через посредника, профессора Конуэлл Эванса, который был известен нам, как человек секретной службы.

— А ваши связи с Вильсоном?

— Они были установлены в 1938 году через главного редактора агентства Рейтер и через пресс-шефа Форин оффис, Джеймса Стюарта. Через них я связывался с сэром Горацием, когда это было нужно. Сэр Гораций был сама скромность: он всегда говорил тихим голосом, жил в весьма скромной квартире, не появлялся на первом плане при официальных актах. Зато он всегда говорил: «Мы считаем». Или: «Мы не можем этого допустить». Чувствовалось, что он видит в себе управляющего делами Британской империи...

Д-р Хессе хорошо помнит о своих беседах с сэром Горацием: он записывал их для доклада Риббентропу, а сразу после войны изложил в своих мемуарах, вышедших в Мюнхене. О чем же шла речь в этих беседах?

Надо иметь в виду, что Вильсон был одним из творцов Мюнхенского соглашения. В 1938 году он сам ездил в Берлин,

принимая активнейшее участие в организации встреч Чемберлена и Гитлера в Бад-Годесберге и Мюнхене. Когда в сентябре 1938 года соглашение между Чемберленом и Гитлером на одном из этапов переговоров оказалось под угрозой, последовало вмешательство Вильсона. Он предложил широкую базу для соглашения. В частности, он уже тогда говорил, что необходимо соглашение о раздела сфер влияния, что Англия должна обеспечить Германии возврат колоний и, наконец, что «Чемберлен не допустит вмешательства русских».

Сразу после подписания Мюнхенского соглашения Вильсон выступил инициатором нового тура переговоров. В частности, 26 ноября 1938 года Хессе смог доложить Риббентропу, что некое доверенное лицо Чемберлена, им опять был все тот же сэр Гораций Вильсон — просило его, Хессе, «прозондировать» возможность возобновления переговоров. Хессе докладывал, что с английской стороны существует срочное желание сделать дальнейший шаг, для того чтобы «наглядно продолжить» линию Мюнхенского соглашения. Как сообщал Хессе, это должен был быть путь «к *совместному англо-германскому заявлению о признании главных сфер влияниям* Вильсон шел довольно далеко: он прямо предлагал Германии в качестве сферы влияния Юго-Восточную и Восточную Европу, Японии отдавал Китай, а Италии — Средиземноморье.

Судя по всему, послемюнхенские предложения Вильсона серьезно обсуждались в Берлине. В частности Риббентроп в январе 1939 года вызвал Хессе и сказал ему:

— Гитлер вполне готов достичь генерального соглашения с Лондоном...

Риббентроп тут же разъяснил, что это должно было быть «совместное соглашение, направленное против России».

фриц Хессе достаточно недвусмысленным образом формулирует цели переговоров, которые велись после Мюнхена между Лондоном и Берлином: «Запланированная Гитлером политика состояла в то время в том, что оп хотел создать большую европейскую коалиции против Советской России. Он надеялся с этой целью привлечь на свою сторону не только Италию и Японию, но также Францию и Англию...». Это, по словам Хессе, должен был быть «священный европейский союз» (как Гитлер любил называть вынашиваемую идею альянса в узком кругу) против Советского Союза[61].

Подобные формулы говорят сами за себя, и прежде всего они свидетельствуют о том, насколько далеко шли замыслы мюнхенцев. В Мюнхене складывался антисоветский союз Германии, Италии, Франции и Англии. Гитлеровский генштаб получил неожиданный козырь в пользу своей военной геометрии и смог решить предварительную задачу — устранение Чехословакии, потенциального недруга Германии на своей южной границе. Расчет мюнхенских политиков, в сущности, совпадал с геометрией гитлеровского генштаба: устремиться к «уничтожению большевизма» по кратчайшей прямой. Тыл обеспечения марш на Восток!

Но Гитлер очень своеобразно воспринял эту рекомендацию: он понял, что под антикоммунистический вексель, выданный в Мюнхене, может смело действовать даже против своих классовых союзников. Мюнхенская капитуляция не укрепила авторитета Англии и Франции в глазах фюрера. Как раз наоборот!

«Чемберлен и Даладье? — рассуждал Гитлер, выступая перед генералитетом. — Я их видел в Мюнхене. Это жалкие червяки. Они слишком большие трусы, чтобы напасть. Они не выйдут за пределы объявления блокады»[62].

В той же беседе (она состоялась 22 августа 1939 года) он так объяснял рождение плана второй мировой войны:

«Мне было ясно, что конфликт с Польшей наступит рано или поздно. Я решился на него уже весной, но думал, что сначала обращусь против Запада, а только затем — против Востока. Но очередность нельзя установить заранее... Мой пакт с Польшей был заключен только для выигрыша времени. А затем, милостивые государи, с Россией случится то, что я проделаю в качестве образца С Польшей!»[63]

Или в беседе с Кейтелем:

«Наши интересы состоят в следующем: обеспечить этот район [Польшу. — Л. Б.] в качестве выдвинутого вперед плацдарма, который может быть использован в военном отношении и для сосредоточения...»[64].

Миновали времена, когда Геринг обещал Пилсудскому совместный марш на Украину. Собственно говоря, Германия уже выжала из польского антикоммунизма все, что ей было нужно. Панская Польша в 20е — 30е годы исправно исполняла роль «бастиона Запада»

против Советской страны — участвовала во всех антисоветских провокациях и по мере сил осуществляла их сама. Так, в 1938 году польский посол в Вашингтоне граф Потоцкий предлагал создать блок, «который охранял бы восточные границы Германии и наблюдал за тем, чтобы СССР не мог прийти на помощь Чехословакии и Франции в случае нападения Германии на эти государства»[65].

Эту идею в свое время предлагал Польше Герман Геринг во время своих пресловутых охотничьих поездок в Беловежскую пущу, и она нашла благодатную почву. Как-то польский министр иностранных дел Юзеф Бек уверял румынского министра иностранных дел Грегора Гафенку, что «Гитлер понимает опасность большевистской угрозы, с которой он всегда боролся... Это главная проблема... Германии, по сравнению с которой другие являются второстепенными»[66]. Увы, это говорилось на том этапе, когда «главной проблемой» для Германии стало нападение на Польшу. А Гитлер продолжал умело спекулировать на антикоммунизме Бека. Не случайно он сказал ему 5 января 1939 года: «Каждая польская дивизия, борющаяся против России, соответственно сберегает одну германскую дивизию»[67].

Какой цинизм — говорить это, когда уже готовилась операция «Вайс» — нападение на Польшу! Но еще больший цинизм проявлял Юзеф Бек, когда, ослепленный своим антикоммунизмом, он отказывался от всех разумных шагов по защите национальных интересов Польши. В мае 1939 года Польша отвергла советское предложение заключить пакт о взаимной помощи. Но польские реакционеры жестоко ошибались, когда предполагали, что этим заслужат милость берлинской рейхсканцелярии. Там уже давно решили, что Польша нужна Германии не как союзница, а как рабыня.

В немецких военных планах, направленных против Польши, имелось два элемента. Первый элемент — экспансионистские устремления, связанные с традициями «Дранг нах Остен» и аппетитами остэльбских юнкеров и силезских магнатов. Но был и второй элемент: Гитлер и его ближайшее окружение рассматривали Польшу не только как объект захвата, но и как очередную ступень своей агрессии. В подтверждение можно сослаться, например, на состоявшийся летом 1939 года разговор между итальянским министром иностранных дел графом Галеаццо Чиано и Иоахимом фон Риббентропом:

— Вам нужен Данциг или коридор? — спросил Чиано, желая осведомиться, каковы цели Германии и что ей нужно от Польши.

— Данциг? Нет. Теперь нет. Нам нужна война, — ответил Риббентроп[68].

То же самое сказал Гитлер 23 мая:

— Речь идет не о Данциге. Дело для нас идет о расширении жизненного пространства на Востоке и обеспечении продовольственного снабжения, а также о решении прибалтийской проблемы... В Европе нет, видно, других возможностей...[69]

Иными словами, Гитлер разъяснял, что Польша — лишь первый шаг, за которым последуют другие.

На рубеже мира и войны

Период от Мюнхена до осени 1939 года, безусловно, принадлежит к числу самых напряженных и трагических в истории XX века. Не случайно он до сегодняшнего дня привлекает внимание историков, политиков, публицистов.

Не было другой страны, руководители которой так ясно видели бы угрозу миру со стороны Гитлера, как Советский Союз. С момента пожара в рейхстаге государственные и партийные деятели СССР предупреждали всех: Гитлер угрожает миру! Они повторяли это в дни боев в Испании, в дни Мюнхена, в самом преддверии войны. Достаточно обратиться к материалам XVIII съезда Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), происходившего в марте 1939 года, чтобы в этом убедиться.

Вряд ли у кого-либо из делегатов XVIII съезда партии было сомнение в том, что Советскому государству грозила фашистская агрессия. Но в анализе международного положения, данном на съезде, звучал и другой весьма существенный мотив. Речь шла о попытках некоторых элементов английских и французских правящих групп использовать германский фашизм в качестве ударного кулака против СССР.

Для подобных заключений политическая действительность давала много материала — Мюнхен оставался Мюнхеном. Его логическим продолжением вполне мог стать единый блок, направленный против Советского Союза. С этой возможностью надо было считаться, ибо попытки СССР достичь удовлетворительного решение проблемы коллективной безопасности натолкнулись на противодействие Запада.

На XVIII съезде Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) были сформулированы следующие основные принципы советской внешней политики:

«1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами;

2. Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими

руками;

3. Всемерно укреплять боевую мощь нашей Красной армии и Военно-Морского Красного флота;

4. Крепить международные связи дружбы с трудящимися всех стран, заинтересованными в мире и дружбе между народами»[70].

Эти основные принципы являлись логическим выводом из той линии на укрепление мира и международной безопасности, которая проводилась Советским государством на всем протяжении его существования. Советская дипломатия на первой же международной конференции, в которой она приняла участие, — это было в 1922 году в Генуе — устами соратника В. И. Ленина Г В. Чичерина провозгласила основные принципы ленинской внешней политики — принципы мира и мирного сосуществования стран с различными социальными системами.

Но в конце 30х годов Советское правительство не могло не считаться с тем, что условия для обеспечения мира и проведения политики мирного сосуществования значительно ухудшились. То в одном, то в другом районе земного шара вспыхивали военные пожары, а к весне 1939 года опасность всеобщего пожара стала абсолютно ясной. На счету агрессоров были уже захват Абиссинии, интервенция в Испании, вторжение в Китай, аншлюс Австрии, отторжение Судетской области от Чехословацкого государства. В пассиве мировой политики уже было Мюнхенское соглашение — фактический блок Гитлера с Даладье и Чемберленом. И мы знаем, что это соглашение рассматривалось антикоммунистами всех мастей как база для дальнейшего сговора.

Анализируя международное положение тех лет, авторы многотомного труда «История Коммунистической партии Советского Союза» отмечали:

«В обстановке нараставшей угрозы новой мировой войны Коммунистическая партия Советского Союза продолжала активно отстаивать дело мира, предпринимала все, чтобы парализовать агрессивные действия фашистских государств, не допустить объединения реакционных сил против СССР. Важность этого была обусловлена усилившимся стремлением международных империалистических кругов создать единый антисоветский фронт, вовлечь в него обе группировки — германо-итало-японскую и англо-

франко-американскую — и разрешить все свои противоречия за счет Советского Союза. В случае успеха такого плана нашей стране, как этого и добивались империалистические круги, пришлось бы вести войну на два фронта: на Западе — против фашистской Германии и на Востоке — против милитаристской Японии, поддержанных другими участниками антисоветского фронта. Советскому Союзу противостоял бы весь капиталистический мир с его мощной военной организацией. Это создало бы огромную опасность для нашего государства»[71].

Весна 1939 года поставила Советское правительство перед новыми, очень сложными задачами. В марте Германией была захвачена вся Чехословакия. В марте же Германия оккупировала Клайпеду, принадлежавшую Литве. Гитлеровское правительство аннулировало германо-польский пакт о ненападении, расторгло англо-германское морское соглашение, а 7 апреля итальянские войска вторглись в Албанию. Германия оказывала неприкрытое давление на Польшу и Румынию. Надо было действовать!

Еще 18 марта Советское правительство внесло предложение созвать конференцию заинтересованных держав — Советского Союза, Великобритании, Франции, Румынии, Польши и Турции — для того, чтобы определить позицию по отношению к германской агрессии, нависшей над Румынией. Англия отказалась, взамен этого она предложила подписать декларацию четырех держав (Англия, СССР, Франция, Польша) о немедленных консультациях относительно мер сопротивления агрессии. Советское правительство, хотя и считало это предложение явно недостаточным, все же на него согласилось. И что же произошло? Англия сняла свое собственное предложение. Такова была малоотрадная прелюдия весенне-летних переговоров 1939 года...

Но переговоры продолжались. Англия и Франция, пытаясь спасти лицо, предложили Советскому правительству принять совместную декларацию, которая, однако, не предполагала никаких обязательств Англии и Франции в случае прямого нападения Германии на Советский Союз. Правда, Франция предложила более реалистический проект советско-французской декларации о взаимной помощи, однако под давлением Англии французское правительство само отказалось от своих идей.

17 апреля 1939 года правительство Советского Союза вручило Англии и Франции (с которой его связывал договор 1935 года) новые

предложения, предусматривавшие заключение между тремя державами равноправного эффективного договора о взаимопомощи против агрессии. Начался обмен нотами. Мы не будем входить сейчас во все перипетии дипломатической дискуссии, которая была весьма сложной. Смысл позиции Запада, пожалуй, довольно точно определил маститый английский политик Дэвид Ллойд Джордж, когда 14 июля 1939 года он сказал советскому послу Ивану Михайловичу Майскому, что Чемберлен «до сих пор не может примириться с идеей пакта с СССР против Германии...[72]

Предложения Советского Союза от 14 апреля 1939 года были углублены и расширены в других документах — от 2 июня (проект договора трех держав о взаимной помощи), 8 июля (ответ на англо-французское предложение). Под давлением общественности Англии были начаты политические переговоры в Москве (в них участвовали посол Англии в СССР Сидс и заведующий центрально-европейским отделом английского министерства иностранных дел Стрэнг). Но, как говорится, воз оставался «и ныне там». Секрет этого неплохо сформулировал американский поверенный в делах во Франции Вильсон, когда он, оценивая в письме государственному секретарю от 24 июня 1939 года линию англо-французской дипломатии, выразил мнение, что «возможно, готовится второй Мюнхен, на этот раз за счет Польши»[73].

Англия и Франция вели двойную игру, не желая честно сотрудничать с СССР в деле установления единого фронта против агрессии. Как писал в июне 1939 года в «Правде» А. А. Жданов, английское и французское правительства не хотели равного договора с СССР, все время стараясь создать для себя преимущества. «...Англичане и французы хотят не такого договора с СССР, который основан на принципе равенства и взаимности, хотя ежедневно приносят клятвы, что они тоже за «равенство», а такого договора, в котором СССР выступал бы и роли батрака, несущего на своих плечах всю тяжесть обязательств. Но ни одна уважающая себя страна на такой договор не пойдет, если не хочет быть игрушкой в руках людей, любящих загребать жар чужими руками. Тем более не может пойти на такой договор СССР, сила, мощь и достоинство которого известны всему миру»[74].

Вот как оценивал смысл западной позиции посол СССР во Франции Я. Суриц в одной из телеграмм, направленных в Москву:

«Переговорщики, жульничая с вами, одновременно обманывают и общественное мнение своих собственных стран, которое в своем огромном большинстве (по крайней мере здесь, во Франции) с нетерпением ожидает скорейшего заключения эффективного соглашения с нами. Обман ведется главным образом по линии искажения нашей позиции, все время изображаемой как нарастание с нашей стороны все новых и новых требований и заведомо неверного освещения существа наших требований и действительного характера разногласий...

Трехмесячная капитель с переговорами уже с достаточной ясностью вскрыла, что наши партнеры не хотят настоящего соглашения с нами, но, боясь своего общественного мнения, будут скрывать это и продолжать прятаться за „тайну переговоров"»[75].

В свою очередь, оценивая ход тройственных переговоров, народный комиссар иностранных дел СССР писал 8 мая 1939 года советским полпредам во Франции и Англии: «...Англичане и французы требуют от нас односторонней и даровой помощи, не берясь оказывать нам эквивалентную помощь»[76].

Тогда советские дипломаты во многом могли только строить предположения. Теперь мы знаем, насколько они были правы. В 1970 году историки и публицисты получили своеобразный и совершенно неожиданный подарок от учреждения, которое меньше всего привыкло преподносить таковые, — от английского министерства иностранных дел. Форин оффис — одно из самых скупых на слова и декларации дипломатических ведомств мира. Оно не спешит говорить и подавно не спешит раскрывать свои архивы. Однако в Англии действует закон 1967 года, согласно которому публикация важных государственных и дипломатических документов разрешается по прошествии срока давности в 30 лет. Это не означает, что публикуются все документы, однако кое-что появляется на свет. Итак, 1 января 1970 года подошел срок для публикации документов периода 1939 года.

О чем же говорят эти документы? Вот несколько выдержек:

«27 марта 1939 года. На заседании внешнеполитического комитета кабинета министров Галифакс заявляет: «Если бы нам

пришлось сделать выбор между Польшей и Советской Россией, то, пожалуй, ясно, что предпочтение следовало бы отдать Польше...»

29 *марта*. Чемберлен призывает всех английских министров «воздерживаться от личных выпадов против г-на Гитлера и г-на Муссолини...»

31 марта. Чемберлен информирует кабинет, что, по мнению побывавшего в Москве министра внешней торговли Хадсона, «Россия почти или совсем не сможет оказать помощи». Чемберлен заявляет, что он «относится с крайним недоверием к России и не верит в то, что мы должны заручиться активной и постоянной поддержкой этой страны...»

25 апреля. Министр обороны лорд Четфильд: «Россию в военном отношении можно считать лишь державой среднего разряда...»

12 июня. Майский предлагает, чтобы Галифакс поехал для переговоров в Москву. Галифакс отказывается. Со своей стороны английское правительство продолжает настаивать на заключении с Советским Союзом сделки одностороннего характера, в соответствии с которой Англия могла бы требовать от России помощи, а Россия не могла бы требовать помощи от Англии...

20 *июля*. Английский дипломат Стрэнг, отправившись в Москву, сообщает в Лондон: «Их [русских. — Л. Б.] недоверие и подозрительность к нам в ходе переговоров не уменьшились, и я не думаю, чтобы возросло их уважение к нам. Тот факт, что мы создаем одну трудность за другой по вопросам, которые кажутся им маловажными, порождает у них впечатление, что мы, может быть, не особенно стремимся *к* соглашению»[77].

Так складывались «дипломатические рубежи» переговоров, и главный смысл дипломатических позиций участвующих сторон сводился к следующему: «Линия Советского правительства, разработанная Политбюро ЦК, на всем протяжении переговоров оставалась твердой и последовательной: Советский Союз добивался создания мощного заградительного вала, который преградил бы фашистским агрессорам дорогу к войне. Фундаментом для этого мог стать договор о взаимной помощи, основанной на равенстве обязательств, эффективности принимаемых мер и пресечении агрессии в любом районе Европы. Это было продолжением в новых условиях

незыблемой линии советской внешней политики на обеспечение коллективной безопасности...

В противоположность Советскому Союзу правительства Англии и Франции стремились не к пресечению гитлеровской агрессии, а к тому, чтобы она осуществилась в желательном для них направлении, то есть против (.ССР В каждом из предложенных ими вариантов соглашения сквозило одно: желание подставить Советский Союз и соседние с ним государства Восточной Европы под удар Германии, не связывать себя определенными обязательствами в отношении СССР, но обеспечить себе его поддержку на тот случай, если Германия двинется все же не на восток, а на запад. Несмотря на то, что нападение Германии на СССР могло произойти через территорию прибалтийских стран, Англия и Франция упорно не желали распространять на них обязательства по оказанию помощи против немецко-фашистской агрессии. В то же время они попустительствовали сближению этих государств с Германией. В период англо-франко-советских переговоров были подписаны договоры между Германией и Эстонией, Германией и Латвией. Правящие круги Англии и Франции поощряли безрассудную политику буржуазного правительства Польши, которое отвергало все предложения о советской помощи в случае агрессии»[78].

Как видим, обстановка для СССР была очень сложной. Тем весомее выглядят сегодня те настойчивые усилия, которые наша страна прилагала, чтобы все-таки преодолеть преграды, воздвигаемые реакционерами всех мастей. Так, учитывая обострение международной обстановки, Советское правительство предложило Англии и Франции начать военные переговоры — то есть не дожидаться решения всех политических проблем, а начать подготовку совместных мер для отражения агрессии, которая уже нависала над Европой и в первую очередь над Польшей. Это предложение было сделано 23 июля 1939 года.

Чтобы сделать наглядным все своеобразие политической ситуации того периода, я хочу обратиться лишь к одному — вполне конкретному — эпизоду острой дипломатической борьбы — к военным переговорам между СССР, Англией и Францией, происходившим в августе 1939 года. Это лишь один эпизод, один этап. Но в нем, как мы увидим, отразилось все напряжение тех памятных дней.

Выше отмечались главные этапы упорной борьбы советской дипломатии за коллективную безопасность, против гитлеровской агрессии. Теперь, после 23 июля — дня, когда СССР предложил начать военные переговоры с целью организации отпора агрессору, — Англия и Франция были вынуждены согласиться на советское предложение. Советскую военную миссию возглавил К. Е. Ворошилов, английскую — адмирал Дракс, французскую — генерал Думенк.

Переговоры начались 12 августа 1939 года в Москве. Мы предпримем их «историческую реконструкцию» — благо протоколы находятся в нашем распоряжении[79]. Но знать протоколы — этого еще мало. Дипломатические, переговоры в известной мере можно уподобить встречному бою. Они развертываются, как правило, неожиданно, поскольку ни один из сражающихся не знает, какие силы и на каком направлении введет другой участник боя. Но когда мы «реконструируем» бой, то можем сказать: силы были таковы, замыслы сторон — таковы. Поэтому к публикации протокола я добавляю специфические средства «исторической реконструкции»: свидетельства очевидцев и документы, определившие позиции сторон. Причем это документы, которые тогда, в 1939 году, были неизвестны.

Посмотрим, что получится. Итак, будем двигаться от одного дня к другому. Дней было семь.

СЕМЬ ДНЕЙ В АВГУСТЕ. Глава 3.

День первый: протокол

Первое заседание началось в 11.30 утра 12 августа 1939 года. После решения процедурных вопросов члены миссий приступили к обсуждению существа дела:

«...Маршал **К. Е. Ворошилов.** Формальности все окончены. Мы могли бы приступить сейчас к обсуждению вопросов по существу. Но мне кажется вполне естественным, [что], прежде чем приступить к обсуждению по существу интересующих нас вопросов, следует взаимно ознакомить друг друга с письменными полномочиями о предмете тех вопросов, по которым мы здесь будем вести разговоры. Я предъявляю мой и моих товарищей мандат на ведение переговоров и подписание военной конвенции, если мы окончательно договоримся по интересующим нас вопросам. Прошу вас, г-н адмирал Дракс, и вас, г-н генерал Думенк, ознакомить нас с вашими полномочиями и предъявить свои мандаты. Предлагаю все письменные полномочия, какие имеются, перевести на языки миссий. Читаю свой мандат по-русски.

Маршал К. Е. Ворошилов зачитывает текст своего полномочия, после чего текст переводится на французский и английский языки.

Ген. Думенк предъявляет свой мандат.

Адм. Дракс заявляет, что он не имеет письменного полномочия; он уполномочен вести только переговоры, но не подписывать пакта (конвенции).

На вторичный вопрос маршала К. Е. Ворошилова, имеются ли у адмирала Дракса какие-либо письменные полномочия, адмирал Дракс заявляет, [что] он предполагает, что его полномочия английским посольством доведены до сведения советской миссии, но письменных полномочий у него нет. В случае надобности он это полномочие в письменном виде может предъявить в возможно короткий срок.

Маршал **К. Е. Ворошилов.** Я полагаю, вы отлично понимаете, что мы не сомневаемся в том, что вы представляете интересы ваших стран, в частности, английская миссия представляет здесь английскую армию, флот и воздушные силы, а французская миссия —

французскую армию, флот и воздушные силы. Но полномочия, по-моему, необходимы в письменном виде для того, чтобы взаимно было видно, в каких пределах вы уполномочены вести переговоры, каких вопросов вы можете касаться, «о каких пределов вы можете обсуждать эти вопросы и чем эти переговоры могут окончиться. Наши полномочия, как вы видели, всеобъемлющи. Мы можем вести переговоры по вопросам организации обороны Англии, Франции и СССР от агрессивных стран Европы, и мы можем подписать военную конвенцию. Ваши полномочия, изложенные на словах, мне не совсем ясны. Во всяком случае, мне кажется, что этот вопрос не праздный — он в самом начале определяет и порядок и форму наших переговоров.

Адм. Дракс заявляет, что советская миссия находится в преимущественных условиях, так как имеет возможность непосредственно сноситься со своим правительством. Далее адмирал Дракс заявляет, что если бы было удобным перенести переговоры в Лондон, то он имел бы все полномочия, но ввиду дальности расстояния от Лондона он не может подписать конвенцию без того, чтобы эту конвенцию не видело его правительство.

Маршал К. Е. Ворошилов под общий смех замечает, что привезти бумаги из Лондона в Москву легче, чем ехать в Лондон такой большой компании.

Адм. Дракс заявляет, [что] он считает, что отсутствие полномочий не должно служить препятствием к ведению переговоров и что не было таких прецедентов, чтобы миссия, которая едет для военных переговоров, уполномочивалась подписывать конвенцию без правительства. Так было при наших переговорах с Турцией и Польшей.

Ген. Думенк зачитывает свои полномочия, текст которых сводится к следующему:

«Председатель совета [министров], министр национальной обороны и военных дел назначает члена Высшего военного совета генерала Думенка главой военной миссии, направляемой в СССР, и уполномочивает его договориться с главным командованием советских вооруженных сил по всем вопросам, относящимся к вступлению в сотрудничество между вооруженными силами обеих стран».

...Маршал К. Е. Ворошилов. Я полагаю, что наша миссия не будет иметь возражений против того, чтобы принять к сведению

заявление главы английской миссии адмирала Дракса о том, что отсутствующие письменные полномочия им будут представлены своевременно и что этот момент не может служить препятствием для начала нашего совещания и для обсуждения вопросов по существу.

Адм. Дракс заявляет, что он с удовлетворением принимает заявление главы советской миссии.

Маршал К. Е. Ворошилов. Теперь я хотел бы просить главу английской миссии адмирала Дракса и главу французской миссии генерала Думенка сообщить нам их предложения относительно тех мероприятий, которые должны обеспечить, по их мнению, организацию обороны договаривающихся стран, т. е. Англии, Франции и Советского Союза. Есть ли у миссий Англии и Франции соответствующие военные планы?

Адм. Дракс заявляет, что, приезжая сюда по приглашению Советского правительства, он рассчитывал, что проект будет предложен советской миссией.

Маршал К. Е. Ворошилов. У нас кое-какие наметки плана имеются, но мы полагаем, что каждая миссия должна иметь свои предложения, поэтому нас очень занимает вопрос о том, что собой представляют ваши планы. Наше правительство пригласило военные миссии Англии и Франции в надежде на то, что эти вопросы как английский, так и французский генеральный штаб неоднократно обсуждали и у них имеются эти планы, тем более что нашему совещанию предшествовали политические переговоры, начатые по предложению Англии. Поэтому, естественно, этот вопрос не мог не быть в поле зрения английского и французского правительств.

Адм. Дракс заявляет, что у них, конечно, имеется план, но [разработанный] в общих чертах; так как выезд миссии был поспешный, мы [заявляет Дракс] точно выработанного плана не имеем. Германия уже имеет отмобилизованных 2 млн. войск, и се выступление намечено на 15 августа. Мы приехали в Москву в надежде обсудить план более точно.

Маршал К. Е. Ворошилов. Наша миссия не претендует на то, чтобы дать законченный во всех деталях военный план. Мы, однако, считаем целесообразным и абсолютно правильным, если хотите, справедливым, представление со стороны миссий Англии и Франции плана военной обороны трех договаривающихся стран от агрессии в

Европе хотя бы в том виде, в каком он есть. Советский Союз находится в несколько отличном положении, чем Англия и Франция. Советский Союз непосредственно не соприкасается на западе со странами блока агрессоров, поэтому он может служить объектом для нападения лишь во вторую очередь. Что же касается Англии и Франции, а также тех стран, с которыми Англия и Франция уже заключили те или иные пакты, то они являются непосредственно граничащими со странами блока агрессоров, и, разумеется, у вас в первую очередь должны быть наметки против возможных военных нападений агрессоров. Мы ваших планов не знаем. До тех пор, пока мы не ознакомился хотя бы с черновыми планами организации [обороны] Англии и Франции, а также тех стран, с которыми у вас имеются договоры [о] сопротивлении агрессорам, нам трудно со своим планом выступать. Поэтому я просил бы если не сегодня, то к завтрашнему утреннему заседанию подготовить сообщение о ваших планах, чтобы подвергнуть их обсуждению. Мы в свою очередь готовы представить свои планы, но повторяю, они также не претендуют на исчерпывающую полноту и точность.

После продолжительного обмена мнениями между членами английской и французской миссий адмирал Дракс заявил: как вы сами указали, ваш план может быть несовершенен с нашей точки зрения, [однако] мы согласны на то, чтобы рассмотреть этот план; но особенно нас интересуют два вопроса:

1. 0 возможной войне для Германии на два фронта.

2. 0 непосредственной связи вооруженных сил СССР и остальных государств, т. е. Англии и Франции.

Если бы можно было констатировать согласие по этим двум пунктам, этим было бы достигнуто многое.

Маршал К. Е. Ворошилов. Вы согласны обсудить или взаимно ознакомить [друг друга сначала] с планами, которые имеются у английской и французской миссий (один или два плана), и затем с нашим планом, после чего перейти к обсуждению всех других вопросов, которые, несмотря на их важность, тем не менее являются составными элементами самого плана.

Мне кажется, предварительно нужно рассмотреть ваши планы, а потом наш, и приступить затем к обсуждению тех вопросов, о которых вы упомянули, т. е. вопроса относительно возможной войны на два

фронта и затем вопроса о физической связи вооруженных сил Советского Союза с вооруженными силами Франции и Англии.

Адм. Дракс заявляет, что он очень доволен заявлением главы советской миссии и завтра представит в общих чертах проект наших общих целей, которые можно будет обсудить.

Маршал К. Е. Ворошилов. Цель у нас ясна, и теперь идет вопрос о выработке плана для достижения этой цели. Цель у нас определенная: защита миролюбивых стран во главе с Англией, Францией и Советским Союзом от агрессивного блока в Европе. Это, по-моему, цель, и мы теперь должны обсудить средства, как добиться этой цели. Цель ясна.

Ген. Думенк заявляет, что с их стороны все силы будут использованы против врага, и он думает, что все силы СССР должны сражаться против блока агрессоров.

Маршал **К. Е. Ворошилов.** Это все верно, но прежде всего нужно обсудить военный план. Если агрессивный европейский блок нападет на одну из стран, его нужно будет разбить во что бы то ни стало, а для этого необходимо иметь соответствующий военный план. Этот план нужно обсудить в подробностях, договориться, подписать военную конвенцию, разъехаться по домам и ждать событий в спокойном сознании своей силы.

Ген. Думенк выдвигает три принципа:

1. Создание для противника двух прочных фронтов: на з а паде и] н а востоке.

2. 1:.непрерывность фронтов.

3. Использование против неприятеля всех сил.

Маршал К. Е. Ворошилов. Эти принципы у нас не вызывают возражений, однако я хочу возвратиться к обсуждаемому вопросу — взаимно ознакомить друг друга с планами, после чего приступить к их обсуждению. А принципы, безусловно, правильные.

Адм. Дракс. С вашего согласия мы сделаем перерыв, разойдемся по домам и подготовим материалы...».

День первый: реконструкция

Итак, закончился первый день переговоров. Протокол нами прочитан. Теперь попытаемся «реконструировать» ситуацию, в которой начались переговоры.

Сначала об обстановке первого дня. О ней поведал мне один из участников переговоров — Николай Герасимович Кузнецов, который в то время был народным комиссаром военно-морского флота СССР. Вот его рассказ:

— Тройственные военные переговоры проходили в Москве, в особняке Народного комиссариата иностранных дел на Спиридоновке — теперь это улица Алексея Толстого. Здание на Спиридоновке служило традиционным местом дипломатических приемов, встреч, переговоров. Это построенный в начале века особняк в готическом теле, располагающий большим количеством комнат и залов. Он был очень удобен для работы — тем более, что находился недалеко и от Кремля, и от Народного комиссариата обороны.

Для заседаний был отведен один из боковых залов, причем после первого заседания оказалось, что он тесноват. На второй день мы перешли в другой зал, где было более просторно и где смогли разместиться все участники переговоров и их помощники. Участники переговоров сидели за круглым столом, каждый из них располагал достаточным количеством переводчиков. Как правило, все заявления и реплики переводились на три языка: русский, французский и английский. Насколько я помню, адмирал Дракс понимал по-французски и часто заранее понимал смысл высказывания своего французского коллеги.

Должен сказать еще об одном важном обстоятельстве. С самого начала определилось, что среди наших партнеров по переговорам ведущую роль играют английские представители. Адмирал Дракс, как плавило, брал на себя ответы на самые важные вопросы. По тому, как и нему обращался генерал Думенк, мы также видели, что решающую роль играют англичане. Для нас это не было особой неожиданностью, поскольку в международных делах того времени Англия играла

ведущую роль. Мне, как участнику испанских событий, было это известно по истории пресловутого «невмешательства». Основные дискуссии завязывались между руководителем советской делегации и руководителем английской делегации.

Советская делегация состояла из лиц самого высшего военного ранга. Ее возглавлял народный комиссар обороны Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов, который одновременно являлся членом Политбюро ZIP Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и представлял собой высший военный авторитет того времени. В состав делегации входил командарм 1-го ранга (генеральские звания еще не были введены) Борис Михайлович Шапошников, начальник Генерального штаба Красной Армии, выдающийся военачальник и теоретик военного дела, к которому мы все питали исключительно высокое уважение. Далее были представлены виды вооруженных сил: ВВС РККА — командармом 2-го ранга А. Д. Локтионовым и флот — в моем лице. Наконец, членом делегации являлся заместитель начальника Генерального штаба комкор И. В. Смородинов.

Мы с полным уважением отнеслись к нашим французским и английским коллегам. По их прибытии им были оказаны необходимые воинские почести. Руководители делегаций были приняты наркомом иностранных дел В. М. Молотовым.

Советская делегация имела инструкцию от своего правительства со всей серьезностью отнестись переговорам. В течение долгого времени в Генеральном штабе и в штабах видов вооруженных сил шла подготовка к переговорам. Все соответствующие предложения координировались Генеральным штабом. Советский военный план был изложен на одном из последующих заседаний Б. М. Шапошниковым.

Я хочу подчеркнуть, что политическое руководство Советского Союза относилось к работе совещания с огромным вниманием. После очередного заседания советские участники переговоров, как правило, докладывали об их ходе И. В. Сталину в присутствии других руководящих деятелей Советского правительства. Иногда на доклад ездил один К. Е. Ворошилов, иногда мы втроем — Ворошилов, Шапошников и я...

Прервем Н. Г. Кузнецова и обратимся к некоторым формальным и в то же время существенным сторонам переговоров. Какими

директивами располагали стороны? Теперь об этом можно сказать. Советское правительство, принимая во внимание сложившуюся ситуацию, считало, что переговоры военных представителей должны привести к существенным результатам. Согласно заявлению председателя Совета Народных Комиссаров В. М. Молотова, сделанному им 31 мая 1939 года на сессии Верховного Совета, Советский Союз ставил перед собой следующие общие цели:

первая — заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта взаимопомощи против агрессии, имеющего исключительно оборонительный характер;

вторая — гарантирование со стороны Англии, Франции и СССР государств Центральной и Восточной Европы, включая в их число все без исключения пограничные с СССР европейские страны, от нападения агрессоров;

третья — заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах немедленной и эффективной помощи, оказываемой друг другу ц гарантируемым государствам в случае нападения агрессоров.

Рассматривая военные переговоры как логическое продолжение переговоров политических, Советское правительство уполномочило своих военных делегатов «вести переговоры с английской и французской военными миссиями и подписать военную конвенцию по вопросам организации военной обороны Англии, Франции и СССР против агрессии в Европе»[80]. Задачи советской военной делегации были рассмотрены и утверждены на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) 2 августа 1939 года.

Инструкция, которую имел адмирал Дракс, выглядела совсем по-другому. Еще в начале июля 1939 года английское правительство склонялось к мысли, что пора свертывать переговоры с Советским Союзом, и на основе заключения английских экспертов была разработана такая тактика: «Поддерживать переговоры в надежде, что они сами по себе будут достаточно сдерживающим средством»[81].

Инструкция Драксу была довольно обширна и многозначительна. С русскими Драксу предписывалось «обращаться сдержанно»[82]. Далее в инструкции говорилось, что «в вопросе заключения военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиться, насколько

возможно, общими формулировками и согласовать что-то вроде декларации политического характера, которая была бы одобрена»[83].

Вот еще один пункт:

«Вести переговоры весьма медленно. Миссия должна соблюдать наибольшую сдержанность там, где [высказываемые ею] соображения способны раскрыть франко-британские намерения. Раскрытие русским в начале переговоров технических деталей, касающихся нашего вооружения, не представляется возможным, а обмен мнениями относительно увеличения подготовки — если его нельзя избежать совсем — должен быть ограничен общими местами на начальной стадии переговоров... Равным образом рекомендуется не заключать пока никаких соглашений об обмене сведениями по вопросам экономической стратегии в отношении Германии и Италии»[84].

«Британское правительство, — говорилось также в директиве, — не желает принимать на себя какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы связать нам руки при любых обстоятельствах».

Наконец, в директиве содержался пункт, который определял линию Англии в вопросе, имевшем исключительную важность. Он гласил:

«Если русские предложат, чтобы английское и французское правительства обратились к Польше, Румынии или прибалтийским государствам с предложениями, влекущими за собой сотрудничество с советским правительством или русским генеральным штабом, делегация не должна брать на себя каких-либо обязательств, а должна обращаться в Лондон»[85].

Запомним этот пункт, — это поможет нам лучше разобраться в смысле позиции западных делегаций. Заодно отметим, что директива вести переговоры «весьма медленно» интерпретировалась вполне определенно: по сведениям американского посольства, их надлежало продолжать до 1 октября.

Наконец, в директивах, которые получили английские делегаты, была еще одна особенность. Хотя формально английская и французская миссии имели раздельные инструкции своих правительств, им предписывалось действовать как одной миссии. В частности, в первом же пункте инструкции, которую получили англичане, указывалось на необходимость того, «чтобы две миссии работали, как единая делегация, хотя они не называется так».

Следовательно, предположение, высказанное Николаем Герасимовичем Кузнецовым, оказалось полностью обоснованным: ведущую роль действительно играли английские представители.

Итак, Дракс ясно представлял себе все, чего ему не надо было делать. Когда английский посол в Москве Сидс ознакомился с этой инструкцией, он написал Галифаксу:

«При таких условиях я полагаю, что военные переговоры едва ли приведут к каким-либо результатам за исключением того, что они еще раз возбудят подозрение русских и подкрепят их убеждение в нашей неискренности... и нежелании заключить конкретное и определенное согла шение...»[86].

Очевидно, Сидс был прав. И еще больше был прав ,руководитель советской делегации К. Е. Ворошилов, который, с самого начала почувствовав тонус английского поведения, поставил перед Драксом вполне определенный вопрос о полномочиях. Конечно, К. Е. Ворошилов не знал текста инструкции, которой располагал Дракс. Но он почувствовал внутреннюю неискренность английской стороны!

Иногда утверждают, что Советский Союз не имел оснований проявлять придирчивость в формальных вопросах о полномочиях. Но разве это были формальные вопросы? Прежде всего говорил за себя состав западных делегаций. Теоретически говоря, Советский Союз мог бы и не выдвигать столь солидный состав своих представителей. Ведь переговоры проходили в Москве и любой из советских представителей мог быстро снестись со своим правительством. Тем не менее советская сторона сочла необходимым подчеркнуть свое серьезное отношение к переговорам, делегировав на них самых видных военных деятелей.

Что же касается английской стороны, то о ней этого нельзя было сказать ни в коем случае. Не случайно Иван Михайлович Майский, который являлся в то время послом в Англии и прекрасно знал всех сколько-нибудь значительных английских деятелей, никогда не слыхал имени отставного адмирала Дракса, бывшего коменданта Портсмутской крепости, носившего почетное, но чисто официальное звание адъютанта короля по морским делам. Более того: когда Майский передал английскому правительству просьбу, чтобы английскую делегацию возглавил начальник генерального штаба лорд Горт, то иа это последовал отрицательный ответ. Вместе с Драксом были маршал авиации Чарльз Бернет и генера-лмайор Хейвуд.

Французская миссия была более солидной: ее глава генерал Думенк являлся членом Высшего военного совета, авиацию представлял генерал Вален, флот — капитан Вийом. Но учитывая, что решающее слово фактически принадлежало английской делегации, назначение Дракса было более чем показательным.

Обратим внимание еще на одно полукомическое обстоятельство. Как заметил читатель, адмирал Дракс, оправдываясь по поводу отсутствия у английской делегации конкретного плана военного сотрудничества, заявил, что миссия выехала в большой спешке. Как же в действительности выглядела эта «спешка»? Советское правительство предложило в качестве даты начала переговоров 23 июля 1939 года. 31 июля англичане дали согласие, но тут же министр иностранных дел Галифакс сообщил Майскому, что подготовка западных военных миссий потребует неделю или 10 дней. Даже французы были с этим не согласны, — они предлагали выехать через 3 — 4 дня. Прошло 10 дней, но англичане не торопились. Майский встретился с адмиралом Драксом и посоветовал ему поторопиться и вылететь в Москву самолетом, но Дракс отказался. Лишь 5 августа он отправился в Москву на тихоходном грузопассажирском пароходе «Сити оф Экзетер».

Что же касается французской военной миссии, то относительно ее состава советский посол в Париже сообщал в Москву 3 августа 1939 года:

«Вчера имел беседу с Манделем [министр в правительстве Даладье. — Л. Б.]. Он лично никого из членов военной миссии не знает. О Думенке слышал как о крупнейшем специалисте по вопросам связи. Его политического лица не знает, да и сомневается, имеет ли он такое лицо. Знает лишь, что он был рекомендован Гамеленом. Мандель располагает данными (не как член кабинета, в кабинете этот вопрос не обсуждался), что миссия выезжает в Москву без разработанного плана. Это тревожит и подрывает доверие к солидности переговоров. Он не сомневается, что Лондон и Париж (ввиду давления общественного мнения) желают сейчас избежать срыва соглашения, но не чувствуется стремления добиться солидного соглашения, которое следует немедленно применить. Больше всего в плане соглашения с СССР говорится о «частностях» — о помощи Польше, Румынии и т. д. Все это, конечно, вещи нужные, но не так следовало бы сейчас подходить к

вопросу о союзе с СССР. Надо было бы исходить из того бесспорного факта, что «война с Германией фактически уже начинается и, во всяком случае, неотвратима». Этот факт надо было бы положить в основу военных переговоров и выработать четкий и конкретный план совместных военных действий с точным распределением ролей при всех возможных ситуациях...

Причины всего этого кроются в том, что здесь и в Лондоне далеко еще не оставлены надежды договориться с Берлином и что на соглашение с СССР смотрят не как на средство «сломать Германию», а как на средство добиться лишь лучших позиций при будущих переговорах с Германией. Не удивительно, что продолжается и политика затушевывания германской опасности, линия усыпления и успокаивания»[87].

День второй: протокол

Председательствует глава английской миссии адмирал Дракс, и первым вопросом обсуждается сообщение генерала Думенка,

«...Ген. Думенк. Выполняя пожелание маршала Ворошилова, генерал Думенк заявляет, что он хочет начать свое сообщение о количестве [и] направлении действий вооруженных сил Франции и о технике, которая сопровождает его.

Говоря о вооруженных силах Франции, генерал Думенк просит маршала Ворошилова и адмирала Дракса сделать ему честь представить французскую армию, готовую к сражению.

Французская армия состоит из 110 дивизий. Три дивизии объединяются в армейский корпус, и 4 армейских корпуса сводятся в одну армию. Французские дивизии имеют по 3 пехотных полка и по 2 полка артиллерии. Армейские корпуса и армия имеют свою артиллерию и танки. Всего французская армия, кроме входящих в состав дивизий, имеет 4000 современных танков и 3000 пушек крупного калибра от 150 до 420 мм (75 мм [пушки] и гаубицы, входящие в состав дивизий, в это количество не входят) Сюда также не входят войска противовоздушной обороны, береговой обороны, войска Северной Африки и войска Западной Африки. К этому необходимо прибавить 200000 войск республиканской Испании, которые просят принять их во французскую армию.

Маршал К. Е. Ворошилов. Они уже вступили или просятся вступить?

Ген. Думенк. Часть из них уже вступила. Кроме того, имеются центры (депо) обучения нового пополнения, о которых в докладе не упоминается.

Переходя к вопросу мобилизации, генерал Думенк рассказывает о времени, необходимом для сосредоточены войск на месте действия. Войска прикрытия будут готовы в течение шести часов и займут всю Французскую границу и свои места в укрепленных районах. Укрепления сейчас имеются по всей французской границе, и линия Мажино продолжена до моря.

Часть этих укреплений, идущих от Юры до бельгийской границы, наиболее современна и лучше укреплена. Между Бельгией и морем их можно сравнить с линией Зигфрида.

На Юре и в Альпах имеются сильные прикрытия (отдельные узлы обороны) во всех тех местах, где могут проходить войска. Прикрытия эти очень удобны для обороны.

В течение последних двух лет Франция приложила много усилий для укрепления своих границ.

Имея на границе войска прикрытия под защитой укрепленных районов, французская армия в состоянии в течение меньше чем 10 дней подвести к границе все основные силы, причем 2/3 войск будут на месте сосредоточения через 8 дней и все остальные силы — на 2 дня позже.

Распределение этих сил по фронту неравное, но в течение 10 дней можно сделать любую перегруппировку. Генерал Гамелен располагает для этого 8 рокадами: четырьмя железнодорожными и четырьмя шоссейными.

Глубина этих рокад — 200 км. При помощи этих рокад главнокомандующий может менять диспозиции своих войск по собственному усмотрению.

Из [числа] 110 дивизий имеется 20 дивизий, которые довольно трудно перебросить, так как они поставлены для обороны Туниса, Корсики и для несения службы на линии Мажино. Остальные 90 дивизий могут быть легко переброшены...

Далее генерал Думенк переходит к изложению плана операций.

Если главные силы фашистских войск будут брошены па западную границу, Франция встретит их сильным и непрерывным фронтом и, опираясь на свои укрепления, задержит наступление неприятеля. После того как будет задержан неприятель, французская армия сосредоточит свои войска на выгодных местах для действия танков и артиллерии и перейдет в контратаку. К этому времени французская армия будет подкреплена английскими войсками, численность которых [он], к сожалению, не в состоянии сообщить...

Если главные силы фашистских войск будут направлены на восточный фронт, то немцы вынуждены будут оставить не менее 40 дивизий против Франции, и в этом случае генерал Гамелен будет всеми своими силами наступать против немцев...

Далее Думенк продолжает: Гитлер заявляет, что линия Зигфрида непроходима (непреодолима), но с этим нельзя согласиться. Нет такой крепости, которую нельзя было бы взять.

Маршал К. Е. Ворошилов. Да, я также с этим согласен...

В заключение генерал Думенк заявляет, что он нарисовал общую картину французской обороны и, если имеются вопросы, то он готов на них ответить, опираясь на свою несовершенную память...»

Да, вопросы имелись. Так, на вопрос К. Е. Ворошилова о том, есть ли какие-либо укрепленные узлы южнее линии Мажино и к морю, Думенк показал на карте линию Мажино, которая, как он сообщил об этом на утреннем заседании, продолжена до моря.

После этого слово взял Хейвуд.

«Ген. Хейвуд. Англия приложила особенно много усилий для достижения могущества на земле, в воздухе и на море.

Я хочу дать некоторые сведения относительно организации сухопутных сил Англии.

Британская армия состоит из двух основных частей. Одна из них — профессиональная армия, сравнительно малочисленная, хорошо обученная, моторизованная и с модернизированным вооружением. Половина этой армии расположена в самой Англии и вторая половина — вне метрополии.

Вторая часть — это территориальная армия, более многочисленная, но менее обученная. Она расположена на местах.

Кроме этого имеются войска колониальные и войска доминионов.

Благодаря Гитлеру Англия ввела обязательную военную службу. Это значит, что теперь у нас гораздо легче разрешается вопрос о формировании большой армии...

Наша программа — это отмобилизовать один эшелон из 16 дивизий, который будет готов к первой стадии войны. Если война будет завтра, количество войск будет незначительно, а если через 6 месяцев — положение сильно изменится...

Я напомню, что в прошлой войне мы начали с 6-ю дивизиями, а окончили [с] сотней. И, находясь настоящее время в лучшем положении, мне кажется, мы могли бы принять значительно большее участие в первый период войны.

Затем слово вновь взял генерал Думенк. Отвечая на вопрос советской стороны о том, какое участие примет Польша и есть ли с ней

какая-нибудь договоренность по этому поводу, он сказал:

«Польша имеет с Францией договор о взаимной помощи. Если Польша будет атакована, то о том, как мы будем действовать на западном фронте, я доложил уже сегодня утром. Если Польша не подвергнется нападению, а подвергнется нападению Франция, в этом случае Польша обязана сделать для нас то, что мы обязаны будем сделать для нее».

Касаясь далее вопроса о координации действий между западным и восточным фронтами, глава французской военной миссии заявил:

«Важно добиться такого положения, чтобы генерал Гамелен и маршал Ворошилов могли сообщаться, консультироваться и друг другу помогать. Каждый является ответственным за свой фронт, но оба фронта должны осуществлять между собой связь».

После обсуждения некоторых других проблем последовал еще один вопрос К. Е. Ворошилова.

«Маршал К. Е. Ворошилов... Хотел бы... получить от англо-французской миссии ответ еще на один вопрос относительно того, как данные миссии или генеральные штабы Франции и Англии представляют себе участие Советского Союза в войне против агрессора, если он нападет на Францию и Англию или если агрессор нападет на Польшу или Румынию, или на Польшу и Румынию вместе, а также если агрессор нападет на Турцию. Одним словом, как себе представляют английская и французская миссии наши совместные действия против агрессора или блока агрессоров в случае их выступления против нас?

...Ген. Думенк выражает свое согласие ответить на этот вопрос завтра, с тем, чтобы после этого заслушать сообщение маршала Ворошилова.

Маршал К. Е. Ворошилов. Правильно ли понят мой вопрос? Я хочу дать пояснение. Советский Союз, как известно, ис имеет общей границы пн с Англией, ни с Францией. Поэтому наше участие в войне возможно только на территорий соседних с нами государств, в частности Польши и Румынии.

Ген. Думенк заявляет, что завтра он сделает об этом сообщение...»

День второй: реконструкция

Как видим, второй день был насыщенным: он начался большим экспозе западных миссий, а закончился постановкой с советской стороны вопроса, который приобрел кардинальное значение для исхода переговоров.

Сначала о французском и английском планах. Мне кажется, что у таких крупных военных деятелей, как Ворошилов, Шапошников, Кузнецов и Локтионов, в самом деле не могло не вызвать скепсиса то, насколько общий характер носили англо-французские планы, которые сам Дракс не без скромности назвал «общим наброском».

Правда, доклад генерала Думенка выглядел более солидно, но имел один коренной недостаток: он не соответствовал подлинным планам генерала Гамелена в двух решающих пунктах.

Во-первых, программы «непрерывного» фронта в действительности не существовало, так как знаменитую линию Мажино и не предполагалось довести до моря. Маршал К. Е. Ворошилов совсем не случайно спросил Думенка о том, есть ли какие-либо укрепленные узлы на участке отличии Мажино до моря. Впоследствии — в мае 1940 года — для Франции оказалось роковым то, что корпуса вермахта смогли легко обойти эту линию укреплений с севера.

Во-вторых, вопреки уверениям Думенка, генерал Гамелен не планировал переходить в наступление. События сентября 1939 года показали, что французский генеральный штаб и не думал «всеми своими силами наступать против немцев».

У нас есть авторитетный свидетель по этому пункту видный французский военный деятель, который в течение многих лет занимал пост секретаря Высшего совета национальной обороны и в таковом качестве точно знал все планы, составлявшиеся в упомянутом верховном военном органе Франции. Имя этого свидетеля — Шарль де Голль. В своих «Военных мемуарах» он писал:

«Идея позиционной войны составляла основу стратегии, которой собирались руководствоваться в будущей войне. Она же определяла

организацию войск, их обучение, вооружение и всю военную доктрину в целом.

Предполагалось, что в случае войны Франция мобилизует свои резервы и сформирует из них максимальное количество дивизий, предназначенных не для маневрирования, наступления и развития успеха, а для того, чтобы удерживать оборонительные участки. Предполагалось, что эти дивизии займут позиции вдоль французской и бельгийской границ — при этом исходили из того, что Бельгия будет нашим союзником, — и на этих позициях будут ждать наступления противника.

Что касается таких средств, как танки, самолеты, орудия на механической тяге с круговым обстрелом, которые в последних сражениях мировой войны показали свою пригодность для нанесения внезапных ударов и осуществления прорыва фронта и мощь которых с тех пор непрерывно возрастала, то их собирались использовать лишь для усиления обороны или, в случае необходимости, для восстановления линии фронта с помощью местных контратак. В связи с этим определялись и соответствующие виды вооружения: тихоходные танки, вооруженные легкими малокалиберными пушками и предназначенные для сопровождения пехоты, а отнюдь не для стремительных и самостоятельных действий; истребители для защиты воздушного пространства. И в то же время бомбардировочная авиация была слаба, а штурмовики полностью отсутствовали; артиллерийские орудия с узким горизонтальным сектором обстрела, приспособленные для ведения огня с определенной позиции, были и вовсе непригодны для передвижения по любой местности и для ведения кругового обстрела.

К тому же заранее предполагалось, что фронт пройдет по линии Мажино, продолжением которой будут служить бельгийские укрепления. Таким образом, мыслилось, что вооруженная нация, укрывшись за этим барьером, будет удерживать противника в ожидании, когда, истощенный блокадой, ан потерпит крах под натиском свободного мира.

Такая военная доктрина соответствовала самому духу режима. Обреченный на застой из-за слабости государственной власти и постоянных политических разногласий, он неизбежно должен был придерживаться этой пассивной доктрины. Она играла роль

обнадеживающей панацеи и настолько соответствовала умонастроениям в стране, что любой деятель, добивавшийся своего избрания, рукоплесканий по своему адресу или возможности выступить в печати, должен был публично признать ее высокие качества.

Пребывая во власти иллюзии, что, объявив войну войне, якобы можно помешать агрессорам развязать ее, помня об атаках, за которые пришлось заплатить столь дорогой ценой, и не представляя себе отчетливо всей той революции, которую за это время произвел в военном деле мотор, общественное мнение даже и не помышляло о наступательных действиях.

Словом, все способствовало тому, чтобы положить принцип пассивности в основу нашей национальной обороны»[88].

Таково свидетельство де Голля, и оно говорит не в пользу Думенка.

Ну, а английский план? Он выглядел еще менее убедительно. Практически он предполагал, что «к первой стадии войны» будет отмобилизовано 16 дивизий. Все остальное было сформулировано генералом Хейвудом намеренно туманно. Туман еще больше сгустился, когда речь зашла о действиях Польши. Конечно, с точки зрения риторики очень эффектно выглядела формула Думенка, который, как мы уже знаем, сказала 13 августа: «Польша обязана сделать для нас то, что мы будем обязаны сделать для нее». Но что мог замаскировать этот эффект? В первую очередь отсутствие всякого желания планировать совместные действия советских, английских и французских войск. Думенк упомянул лишь о поддержании связи, но тут же обронил многозначительную фразу: «Каждый является ответственным за свой фронт...». Внешне эта фраза выглядела безобидно. Но сегодня мы знаем: генералу Думенку была дана директива Гамелена, ориентировавшая на то, что главной целью миссии было вовлечение СССР в военный конфликт. «Не в наших интересах, — гласила директива, — чтобы он [Советский Союз. — Л. Б.] оставался вне конфликта и сохранял нетронутыми свои силы»[89]. Тем самым у фразы Думенка проявлялся внутренний смысл: да, пусть Советский Союз ввязнет в войну, но каждый будет отвечать только за себя. О взаимной помощи — ни слова...

К. Е. Ворошилов не знал французской директивы. Но он исходил из естественного желания выяснить тот вопрос, который для Красной Армии играл решающую роль: как же мыслится ее участие в военных действиях, учитывая отсутствие общей границы у СССР и Германии?

— Для нас, — оценивает ход дискуссии Н. Г Кузнецов, — это был поистине центральный, решающий вопрос.

Какой же ответ получила советская делегация?

День третий: протокол

«Маршал К. Е. Ворошилов. Разрешите заседание военных миссий Франции, Англии и Советского Союза объявить открытым...

На вчерашнем заседании было решено, что сегодняшнее заседание мы начнем с того, что г-н генерал Думенк даст ответ на поставленный мной вопрос. Нужно ли повторить этот вопрос?

Ген. Думенк просит еще раз напомнить вопрос.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я вчера задал генералу Думенку следующий вопрос: как данные миссии или генеральные штабы Франции и Англии представляют себе участие Советского Союза в войне против агрессора, если он нападет на Францию и Англию, если агрессор нападет на Польшу или Румынию, или на Польшу и Румынию вместе, если агрессор нападет на Турцию? Одним словом, как себе представляют английская и французская миссии наши совместные действия против агрессора или блока агрессоров в случае их выступления против одной из договаривающихся стран или против тех стран, о которых я только что упомянул?

Ген. Думенк. Я постараюсь ответить на этот вопрос. Мне на него очень легко ответить, так как, мне кажется, мы с маршалом хорошо друг друга понимаем.

Генерал Гамелен думает, а я, как его подчиненный, думаю так же, что наша первая задача — каждому крепко держаться на своем фронте и группировать свои силы на этом фронте. Что касается упомянутых ранее стран, то мы считаем, что их дело — защищать свою территорию. Но мы должны быть готовыми прийти им на помощь, когда они об этом попросят...

Маршал К. Е. Ворошилов. А если они не потребуют помощи?

Ген. Думенк. Нам известно, что они нуждаются в этой помощи.

Маршал К. Е. Ворошилов. Если же они своевременно не попросят этой помощи, это будет значить, что они подняли руки кверху, что они сдаются.

Ген. Думенк. Это было бы крайне неприятно.

Маршал К. Е. Ворошилов. Что тогда предпримет французская армия?

Ген. Думенк. Франция тогда будет держать на своем фронте силы, которые она сочтет необходимыми...

Маршал К. Е. Ворошилов. Я хочу получить ясный ответ на мой весьма ясный вопрос относительно совместных действий вооруженных сил Англии, Франции и Советского Союза против общего противника — против блока агрессоров или против главного агрессора, — если он нападет. Только это я хочу знать и прошу дать мне ответ, как себе представляют эти совместные действия генерал Гамелен и генеральные штабы Англии и Франции.

Гн генерал, г-н адмирал, меня интересует следующий вопрос, или, вернее, добавление к моему вопросу:

Предполагают ли генеральные штабы Великобритании и Франции, что советские сухопутные войска будут пропущены на польскую территорию для того, чтобы непосредственно соприкоснуться с противником, если он нападет на Польшу?

И далее:

Предполагаете ли, что наши вооруженные силы будут пропущены через польскую территорию для соприкосновения с противником и борьбы с ним на юге Польши через Галицию? И еще:

Имеется ли в виду пропуск советских войск через румынскую территорию, если агрессор нападет на Румынию.

Вот эти три вопроса больше всего нас интересуют.

(Адмирал Дракс ведет продолжительную беседу с генералом Думенком.) ...

Адм. Дракс. Если Польша и Румыния не потребуют помощи от СССР, они в скором времени станут простыми немецкими провинциями, и тогда СССР решит, как с ними поступить. Если, с другой стороны, СССР, Франция и Англия будут в союзе, тогда вопрос о том, попросят ли Румыния и Польша помощи, становится совершенно очевидным.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я повторяю, господа, что этот вопрос для Советского Союза является весьма кардинальным вопросом.

Адм. Дракс. Еще раз повторяю свой ответ. Если СССР, Франция и Англия будут союзниками, то в этом случае, по моему личному мнению, не может быть никаких сомнений в том, что Польша и

Румыния попросят помощи. Но это мое личное мнение, а для получения точного ответа, не оставляющего сомнений, нужно спросить Польшу...».

Дискуссия шла долго — до тех пор, пока после перерыва Дракс и Думенк не сделали нового заявления, которое гласило:

«Мы уже высказали достаточно ясно наше мнение и приняли к сведению суммарный итог всего сказанного г-ном маршалом. Но не надо забывать, что Польша и Румыния — самостоятельные государства, и в данном случае разрешение на проход советских вооруженных сил должно быть получено от их правительств. Этот вопрос превращается в политический вопрос, и СССР должен поставить его перед правительствами Польши и Румынии. Совершенно очевидно, что это является наиболее простым и прямым методом.

Однако если г-н маршал особенно настаивает на своем требовании, то мы можем снестись с Лондоном и Парижем для того, чтобы они задали правительствам Польши и Румынии следующий вопрос.

В случае, если Советский Союз будет нашим союзником, могут ли они разрешить советским войскам пройти на территорию Польши в районе Виленского коридора и в Галиции, а также на территорию Румынии для того, чтобы сотрудничать в операциях против Германии в случае агрессии с ее стороны?..».

На это советская миссия ответила:

«Советская военная миссия в ответ на меморандум английской и французской военных миссий, зачитанный генералом Хейвудом, отвечает:

1. Советская военная миссия не забывала и не забывает, что Польша и Румыния являются самостоятельными государствами. Наоборот, именно исходя нз этого бесспорного положения, советская военная миссия и просила английскую и французскую военные миссии ответить на вопрос: будут ли пропущены советские вооруженные силы через территорию Польши (Виленский коридор и Галицию) и Румынии в случае агрессии против Польши и Румынии?

Этот вопрос тем более законен, что Франция с Польшей состоит в политическом и военном союзе, а Англия имеет пакт взаимопомощи и военный договор с Польшей.

2. Советская военная миссия согласна с мнением английской и французской военных миссий, что вышеуказанный вопрос является вопросом политическим, но еще в большей мере он является вопросом военным.

3. Что же касается заявления военных миссий Англии и Франции о том, что наиболее простым является обращение Советского правительства по вышеупомянутому вопросу непосредственно к правительствам Польши и Румынии, то, поскольку **СССР** не имеет военных договоров с Польшей и Румынией, а также поскольку угрожаемыми со стороны агрессии в Европе являются, прежде всего, Польша, Румыния, Франция и Англия, постольку вопрос о пропуске советских вооруженных сил через территорию Польши и Румынии, а также и о действиях советских войск на территории этих государств против агрессора должен быть разрешен английским и французским правительствами совместно с правительствами Польши и Румынии.

4. Советская военная миссия выражает сожаление по поводу отсутствия у военных миссий Англии и Франции точного ответа на поставленный вопрос о пропуске советских вооруженных сил через территорию Польши и Румынии.

Советская военная миссия считает, что без положительного разрешения этого вопроса все начатое предприятие о заключении военной конвенции между Англией, Францией и СССР, по ее мнению, заранее обречено на неуспех. Поэтому военная миссия Советского Союза не может по совести рекомендовать своему правительству принять участие в предприятии, явно обреченном на провал.

5. Советская военная миссия просит ускорить получение от правительств Англии и Франции ответа на поставленный вопрос.

До получения ответа советская военная миссия считает возможным изложить свои соображения о плане совместных действий против агрессии в Европе».

День третий: реконструкция

День 14 августа был важным для определения позиции советской делегации — но отнюдь не для позиции западных военных миссий. Для последних все было ясно: им было ясно, что не удалось обойти тот «проклятый» вопрос, который Лондон и Париж ни за что не хотели обсуждать. Следовательно, речь шла лишь о том, чтобы максимально оттянуть время, пока в Лондоне и Париже будут искать выход из затруднительного положения.

На первый взгляд, поведение Дракса и Думенка кажется комичным. Сначала Думенк делает вид, что не помнит вопроса Ворошилова. Затем он объявляет, что «на него очень легко ответить», и повторяет уже знакомую нам идею, что «каждому» надо «крепко держаться на своем фронте». Дальнейшие рассуждения Думенка достаточно бессодержательны. Как видно из протокола, он все время советуется с Драксом, а когда этот последний вступает в дискуссию, то роняет два весьма важных замечания. Одно из них гласит: «Если Польша и Румыния не потребуют помощи от СССР, они в скором времени станут простыми немецкими провинциями». На этот раз отдадим должное сэру Реджинальду. Он поистине проявил прозорливость: ведь именно так и получилось в 1939 году!

Конечно, Дракс имел в виду иное: он невольно выдал расчет Англии на то, что вскоре вермахт должен оказаться у советских границ. Но другое замечание Дракса ближе к сути дела. Он как бы вскользь замечает, что «нужно спросить Польшу», согласится ли она пропустить советские войска. В то же время он продолжает уверять К. Е. Ворошилова, будто беспокоиться не о чем, поскольку Польша, разумеется, сама попросит о помощи. Дальше следует пауза: посоветовавшись несколько минут с Думенком, Дракс приходит к выводу, что подобную позицию долго защищать нельзя, и делает, по морской терминологии, «поворот все вдруг». Если он до перерыва был абсолютно уверен в согласии Польши и Румынии, то сейчас объявляет, что это самостоятельные государства и надо выяснить их позицию. В

виде большого одолжения он переадресовывает вопрос К. Е. Ворошилова в Лондон и Париж.

Эта ситуация — такая непонятная в 1939 году — сегодня предстает в несколько ином свете. Как нам уже известно из реконструкции первого дня, Дракс знал и ожидал, что вопрос о пропуске советских войск возникнет. Еще лучше об этом знали правительства Англии и Франции, и если бы они серьезно относились к переговорам, то позаботились бы о решении «проклятого» вопроса заранее.

А время для этого было. Впервые вопрос о пропуске советских войск для отражения германской агрессии обсуждался еще задолго до 1939 года. Так, еще в 1935 году советский посол во Франции В. П. Потемкин, обсуждая с французским военным министром Жаном Фабри перспективы реализации советско-французского договора, ставил вопрос о пропуске советских войск в случае необходимости помочь Чехословакии. В 1937 году этот вопрос снова ставил советский военный атташе во Франции Семенов в беседе с генералом Виллеменом[90]. В дни рокового чехословацкого кризиса СССР выдвинул к своей западной границе 30 дивизий, готовых прийти на помощь Чехословакии. Среди прочих причин, не позволивших СССР вмешаться, была и невозможность пройти через чужие территории.

В подтверждение того, что Советский Союз давно поднимал вопрос о пропуске своих войск, можно сослаться на такого авторитетного в своем роде свидетеля, как Жорж Боннэ. Само это имя гарантирует, что его носитель не позволит себе сказать доброго слова о Советском Союзе. Так вот в своих мемуарах Боннэ подтверждает, что в 1938 году Максим Максимович Литвинов в беседе с французским послом в Москве ставил вопрос о возможности пропуска советских войск через Румынию. Эту же тему затрагивал Литвинов в мае 1938 года в беседе с самим Боннэ, который тогда занимал пост министра иностранных дел. Речь шла о возможных совместных действиях в защиту Чехословакии, и Боннэ спросил Литвинова:

— Согласен ли будет Советский Союз провести свои войска для противодействия агрессору?

Литвинов ответил:

— Советский Союз сделает это только с согласия Польши и Румынии на пропуск советских войск. Франция имеет договор с

обоими государствами и, следовательно, может добиться соответствующего разрешения…

Боннэ согласился с точкой зрения Литвинова. Франция запросила мнение румынского правительства (в тот период пропуск войск через Румынию считался наиболее важным). В ответ на этот запрос министр иностранных дел Румыии Комнен от имени своего правительства ответил отказом[91].

Кстати, в одной из бесед с Думенком в период переговоров 1939 года К. Ф. Ворошилов напомнил ему об этом. Ворошилов сказал:

— Вопрос о военном сотрудничестве с французами у нас стоит уже в течение ряда лет, но так и не получил своего разрешения. В прошлом году, когда Чехословакия гибла, мы ожидали сигнала от Франции, наши войска были наготове, но так и не дождались... У нас не только войска были готовы, но и правительство, вся страна, весь народ — все хотели оказать помощь Чехословакии, выполнить свои договорные обязательства...[92]

Таким образом, глубоко неправы те, кто заявляет, будто у Англии и Франции было мало времени, чтобы решить вопрос о пропуске советских войск — как самим, так и с Польшей и Румынией. На самом деле для решения вопроса имелось не несколько дней, не несколько недель, а несколько лет. Но когда нет стремления что-либо решить, то и вечности не хватит.

По сути говоря, уже в тот день, когда вопрос о пропуске советских войск через Польшу и Румынию был передан в Лондон, отрицательный ответ был очевиден. Это было понятно каждому, кто знал Чемберлена и кто знал полковника Бека. Вспоминая о тех днях, Антони Иден (тогда он не занимал официальных постов и был в оппозиции к «мюнхенцам») в своих мемуарах рассказывает о беседе с Беком в апреле 1939 года. Бек захотел увидеть Идена и приехал к нему домой сразу после беседы на Даунинг-стрит. Он был настроен весьма решительно и уверял, что Польша не подчинится германскому диктату. Когда же Иден спросил его о позиции Польши по отношению к **СССР,** то Бек ответил примерно так:

— Если вы хотите соглашения с Россией, то это ваше дело. Польша к этому отношения не имеет. Если же Польша и Россия будут сейчас включены в соглашение с западными державами, то на

практике это спровоцирует Германию к началу агрессивных действий...[93]

Очевидно, Бек все еще не мог забыть о беседах с Герингом, в ходе которых тот, по словам статс-секретаря Шембека, «предлагал антирусский союз и совместный марш на Москву», в результате чего «Украина станет сферой польского влияния, а Северо-Западная Россияс сферой немецкого влияния»[94].

Перспектива союза Польши с Германией против СССР вдохновляла Бека, а перспектива союза с СССР против Германии не входила в его планы. Бек упорствовал и после апрельских разговоров с Иденом. В августе он сказал французскому послу в Варшаве Леону Ноэлю, что Красная Армия «ничего не стоит»[95], а начальник польского генерального штаба генерал Стахевич объявил, что «не видит никакой выгоды в том, что части Красной Армии будут действовать в Польше»[96].

Столь же отрицательно Бек отозвался и о возможности включения Румынии в такое соглашение, поскольку это-де толкнет Венгрию в объятия Германии. Но Иден видел и другую сторону дела — то, что ни Чемберлен, ни Галифакс не хотели заставить Польшу изменить свою позицию. По словам Идена, было очень мало надежд на то, что Великобритания приложит усилия к тому, чтобы включить в соглашение Советский Союз. Французы хотели бы этого, потому что в их традиционную политику входило обращение к России как к противовесу германской военной мощи. Но со времен Мюнхена руководство англо-французской политикой находилось в руках Англии, среди министров которой антипатии к России превалировали над недоверием к нацистской Германии[97]. Иден видел это ясно — например, во время своих попыток уговорить Галифакса поехать в Москву. Галифакс категорически отказался, а когда Иден предложил свои услуги (он, видимо, помнил свой визит в Москву в 1934 году), Чемберлен отверг их. Иден не без иронии замечает в мемуарах: «Я не был удивлен»[98].

Чему было удивляться? Например, английский посол в Москве Сидс ничему не удивлялся. Он телеграфировал из Москвы в Лондон о том, что вопрос, поставленный Ворошиловым, «касается фундаментальной проблемы, от которой зависит успех или провал военных переговоров и которая лежала в основе всех наших

трудностей с первого дня политических переговоров. Речь идет о такой проблеме: как достичь приемлемого соглашения с Советским Союзом в условиях, когда соседи России упорствуют в своего рода политике бойкота, от которой они откажутся... когда будет поздно»[99].

Что и говорить, у Англии были умные и прозорливые дипломаты. Но не они решали.

Собственно говоря, в Лондоне и Париже в июле-августе 1939 года понимали неизбежность вопроса.

20 июля 1939 года Стрэнг писал Галифаксу из Москвы о том, что предпосылкой завершения переговоров должна быть «договоренность, например, между Советским Союзом и Польшей о том, что Советский Союз будет иметь право прохода». 25 июля Галифакс писал Сидсу: «Близость военных переговоров делает необходимым выяснение позиции Польши» [100], а в инструкциях Драксу английское правительство заведомо исходило из того, что этот вопрос делегация не должна решать, а должна уйти от него!

Много лет спустя столь солидный авторитет, как тот же Стрэнг, признавал, что «было вполне естественным для Советского правительства испрашивать согласие на транзит своих войск»[101]. Но то, что казалось естественным для людей со здравым смыслом, никак не могли понять люди, ослепленные антикоммунизмом. Ни Бек, ни Чемберлен с Галифаксом не хотели никого слушать не хотели даже слушать французов, которые в этом вопросе были значительно разумнее. Думенк настаивал на том, чтобы оказать давление на Варшаву, но его усилия оказались тщетными.

Итак, ответа на кардинальный вопрос все не было.

День четвертый: протокол

Адмирал Дракс (председательствующий). Объявляю заседание открытым.

После того как мы на вчерашнем заседании получили заявление советской военной миссии, мы передали его нашим правительствам и в настоящее время ожидаем ответа. Мы счастливы, что советская миссия в ожидании этого ответа сочла возможным продолжить работу нашего совещания...

Маршал К. Е. Ворошилов. Советская военная миссия принимает к сведению заявление г-на председателя адмирала Дракса о том, что английская и французская миссии передали своим правительствам наши вопросы и ожидают ответа на них. Я считаю возможным теперь приступить к изложению наших планов и прошу г-на председателя разрешить предоставить слово начальнику Генерального штаба Красной Армии командарму 1го ранга члену нашей миссии Б. М. Шапошникову.

Адм. Дракс. Прошу.

Командарм Б. М. Шапошников. На предыдущих заседаниях военных миссий мы заслушали [план] развертывания французской армии на западе. Согласно просьбе военных миссий Англии и Франции, по поручению военной миссии СССР, я излагаю план развертывания вооруженных сил СССР на его западных границах.

Против агрессии в Европе Красная Армия в европейской части СССР развертывает и выставляет на фронт:

120 пехотных дивизий, 16 кавалерийских дивизий, 5000 тяжелых орудий (сюда входят и пушки и гаубицы), 9 — 10 тыс. танков, от 5 до 5,5 тыс. боевых самолетов (без вспомогательной авиации), т. е. бомбардировщиков и истребителей.

В это число не входят войсковые части укрепленных районов, части противовоздушной обороны, части охраны побережья, запасные части, отрабатывающие пополнения (депо), и части тыла.

Не распространяясь в подробностях об организации Красной Армии, скажу коротко: стрелковая пехотная дивизия состоит из 3

стрелковых полков и 2 артиллерийских полков. Численность дивизии военного времени19 000 человек.

Корпус состоит из 3 дивизий, имеет свою артиллерию — 2 полка. (Адмирал Дракс в разговоре с генералом Хейвудом интересуется, записывает ли кто-либо из офицеров сообщение командарма Шапошникова, и получает утвердительный ответ.)

Армии различного состава корпусов — от 5 до 8 корпусов — имеют свою артиллерию, авиацию и танки.

Боевая готовность частей укрепленных районов от 4 до 6 часов по боевой тревоге.

Укрепленные районы СССР имеет вдоль всей своей западной границы от Ледовитого океана до Черного моря.

Сосредоточение армии производится в срок от 8 до 20 дней. Сеть железных дорог позволяет нс только сосредоточить армию в указанные сроки к границе, но и произвести маневры вдоль фронта. Мы имеем вдоль западной границы от 3 до 5 рокад на глубину в 300 км.

Мы имеем сейчас достаточное количество мощных больших паровозов и большие грузовые вагоны, размером в два раза большие, чем были раньше. Наши поездные составы ходят в два раза большими по весу, чем было раньше. Увеличена скорость движения поездов.

Мы имеем значительный автотранспорт и рокады — шоссе, позволяющие произвести сосредоточение автотранспортом вдоль фронта.

Мы выслушали общие соображения о плане действий от главы французской миссии генерала Думенка и ничего конкретного не слышали о плане действий английской армии от генерала Хейвуда. Также ничего не слышали в конкретном изложении о планах действий на море объединенного англо-французского флота.

Я сейчас изложу одобренные военной миссией СССР три варианта возможных совместных действий вооруженных сил Англии, Франции и СССР в случае агрессии в Европе.

Первый вариант — это когда блок агрессоров нападет на Англию и Францию. В этом случае СССР выставляет 70% тех вооруженных сил, которые Англией и Францией будут непосредственно направлены против главного агрессора — Германии. Я поясню. Например, если бы Франция и Англия выставили против Германии непосредственно 90 пехотных дивизий, то СССР выставил бы 63 пехотные дивизии, 6

кавалерийских дивизий с соответствующим количеством артиллерии, танков, самолетов общей численностью около 2 млн. человек.

В этом варианте считается обязательным участие в войне Польши, в силу ее договора с Англией и Францией, всеми ее силами. Причем от 40 до 45 пехотных дивизий Польша должна сосредоточить для главного удара на своих западных границах и против Восточной Пруссии.

Правительства Англии и Франции должны добиться от Польши обязательства на пропуск и действия вооруженных сил СССР, сухопутных и воздушных, через Виленский коридор и по возможности через Литву — к границам Восточной Пруссии, а также если обстановка потребует, то и через Галицию.

Хотя конкретных планов по действию морских флотов Англии и Франции высказано не было, считаю необходимым привести соображения Генерального штаба Красной Армии, одобренные военной миссией СССР

Действия объединенного англо-французского флота должны иметь целью:

1. Закрытие Ла-Манша и прорыв сильной эскадры в Балтийское море для действий против флота главного агрессора в Балтике и против его берегов.

2. Англия и Франция должны добиться от балтийских стран согласия на временное занятие англо-французским флотом Аландских островов, Моонзундского архипелага с его островами (Эзель, Даго, Вормс), портов Ганге, Пернов, Гапсаль, Гайнаш и Либава в целях охраны нейтралитета и независимости этих стран от нападения со стороны Германии.

3. Перерыв подвоза в Германию из Швеции руды и другого сырья.

4. Блокаду берегов главного агрессора в Северном море.

5. Господство в Средиземном море и закрытие Суэцкого канала и Дарданелл.

6. Крейсерские операции у берегов Норвегии и Финляндии, вне их территориальных вод, у Мурманска и Архангельска против подводных лодок и крейсеров флота агрессора.

Северный флот СССР ведет крейсерские операции у берегов Финляндии и Норвегии, вне их территориальных вод, совместно с англо-французской эскадрой.

Что же касается нашего Балтийского флота, то он, в случае благоприятного разрешения вопроса о временном занятии вышеуказанных островов и портов, будет базироваться совместно с объединенным флотом Англии и Франции на Ганге, Аландском и Моонзундском архипелагах, Гапсаль, Пернов, Гайнаш и Либаве, в целях охраны независимых балтийских стран.

При этих условиях Балтийский флот СССР может развить свои крейсерские операции, действия подводных лодок и осуществить установку мин у берегов Восточной Пруссии и Померании. Подводные лодки Балтийского флота СССР помешают подвозу промышленного сырья из Швеции для главного агрессора.

(По мере изложения командармом Б. М. Шапошниковым плана действий адмирал Дракс и генерал Хейвуд наносят на имеющиеся у них кроки обстановку.)

Второй вариант возникновения военных действий — это когда агрессия будет направлена на Польшу и Румынию. В этом случае Польша и Румыния выставляют на фронт все свои вооруженные силы.

Польша должна защищать Румынию. Польша и Румыния могут быть атакованы не одной только Германией, но и Венгрией. Германия может бросить до 90 дивизий против Польши.

Франция и Англия должны выступить и объявить немедленно войну агрессору.

Участие СССР в войне может быть [осуществлено] только тогда, когда Франция и Англия договорятся с Польшей и, по возможности, с Литвой, а также с Румынией о пропуске наших войск и их действиях — через Виленский коридор, через Галицию и Румынию.

В этом случае СССР выставляет 100% тех вооруженных сил, которые выставят Англия и Франция против Германии непосредственно. Например, если Франция и Англия выставят против Германии 90 пехотных дивизий, то и СССР выставляет 90 пехотных дивизий, 12 кавалерийских дивизий с соответствующей артиллерией, авиацией и танками.

Задачи морских флотов Англии и Франции остаются те же, что указаны в первом варианте. Задачи Северного и Балтийского флотов СССР также остаются те же, что и в первом варианте.

На юге Черноморский флот СССР, заградив устье Дуная от проникновения по нему подводных лодок агрессора и других

возможных морских сил, закрывает Босфор от проникновения в Черное море надводных эскадр противника и их подводных лодок.

Третий вариант. Этот вариант предусматривает случай, когда главный агрессор, используя территорию Финляндии, Эстонии и Латвии, направит свою агрессию против СССР В этом случае Франция и Англия должны немедленно вступить в войну с агрессором или блоком агрессоров.

Польша, связанная договорами с Англией и Францией, должна обязательно выступить против Германии и пропустить наши войска, по договоренности правительств Англии и Франции с правительством Польши, через Виленский коридор и Галицию.

Выше было указано, что СССР развертывает 120 пехотных дивизий, 16 кавалерийских дивизий, 5 тыс. тяжелых орудий, от 9 до 10 тыс. танков, от 5 до 5,5 тыс. самолетов. Франция и Англия должны в этом случае выставить 70% от указанных только что сил СССР и начать немедленно активные действия против главного агрессора.

Действия англо-французского военно-морского флота должны проходить, как указано в первом варианте.

Польша должна выставить против Германии не менее 45 пехотных дивизий с соответствующей артиллерией, авиацией и танками.

Если бы в войну была втянута Румыния, то она должна участвовать в ней всеми своими силами, и правительства Англии и Франции должны добиться согласия от правительства Румынии на пропуск наших сил через территорию Румынии.

Таковы общие соображения по совместным действиям вооруженных сил Англии, Франции и СССР, одобренные военной миссией СССР.

(Общие оживленные переговоры всех членов английской и французской военных миссий.)

Адм. Дракс. Мы благодарим маршала и начальника Генерального штаба за ясное и точное изложение плана, которое он только что сделал.

У нас будет целый ряд вопросов, которые мы желали бы задать. Мы хотели бы поэтому получить некоторое время для того, чтобы обсудить их и чтобы число этих вопросов не получилось слишком большим. Поэтому мы считаем целесообразным представить эти вопросы на завтрашнем заседании...»

Так и произошло. Остальная часть заседания была посвящена плану военно-морских операций Англии и Франции.

День четвертый: реконструкция

15 августа, четвертый день переговоров. К этому дню «дипломатические фронты» стали достаточно определенными. Но, несмотря па все сомнения и опасения, советская миссия использовала этот день для того, изложить свой план военного сотрудничества с Францией и Англией.

Откровенно спросим самих себя: было ли это нужно? Если исходить из обычных процедурных норм, то у К. Е. Ворошилова уже к утру 15 августа было достаточно поводов, чтобы уклониться от изложения советского военного плана. Может быть, на его месте адмирал Дракс так бы и поступил. Но заявление советской военной миссии, сделанное 14 августа, кончалось формулой: «До получения ответа советская военная миссия считает возможным изложить свои соображения о плане совместных действий против агрессии в Европе».

Я почти уверен, что, слушая начало этой формулы, Дракс и Думенк ожидали слов: «советская военная миссия не считает возможным изложить свои соображения...». Но они услышали иное.

Мы не будем подробно комментировать выступление Б. М. Шапошникова — оно говорит само за себя своей конкретностью, широтой, размахом. Это был настоящий план совместных действий, а не призыв «держаться каждому на своем фронте». Иными словами, СССР еще и еще раз проявлял добрую волю и стремление достичь соглашения. И, судя по тону советских делегатов, можно было не волноваться по поводу хода переговоров. Но это было обманчивое спокойствие.

Хотя особняк на Спиридоновке был окружен тихим садом, мир вокруг него бурлил. Грозовые тучи войны сгущались на европейском горизонте. Немецкая пресса вела разнузданную антипольскую кампанию, а дивизии вермахта медленно выходили в район своего сосредоточения по плану «Вайс». 14 августа в Оберзальцберге Гитлер имел длительную беседу с Браухичем и Гальдером об операциях против Польши. «В течение 8 — 4 дней мир должен понять, что

Польша стоит перед крахом», — заявил он[102]. Как видно из записей Гальдера, начало войны было назначено на 1 сентября[103]. Эту дату мало кто знал, но она незримо стояла за всем, что совершалось в те августовские дни 1939 года.

Видя, как Англия и Франция тянут переговоры в Москве, Гитлер считал возможным на этом спекулировать. Ведь еще много лет назад — в 1934 году — он говорил в беседе с Германом Раушнингом:

— Вероятно, мне не избежать соглашения с Россией.

Я придержу его, как последний козырь. Возможно, это будет решающая игра моей жизни... Но она никогда не удержит меня от того, чтобы столь решительно изменить курс и напасть на Россию, после того как я достигну своих целей на Западе...[104]

Есть события, которые легче рассматривать и анализировать с дистанции. Однако случается и так, что многолетнее удаление облегчает некоторым политикам и историкам на Западе фальсифицировать смысл событий. Пакт о ненападении, заключенный 23 августа 1939 года между СССР и Германией, принадлежит к событиям именно такого порядка. Надо воздать должное западной историографии: она приложила максимум усилий, дабы замутить призму исторического восприятия. Во имя подобной цели многие из тех, кто в предвоенное время специализировался на сделках с Гитлером, вдруг «прозрели» и стали обвинять в этом Советскую страну. Буржуазные политики и историки, изрядно «поумневшие» после того, как советский народ положил на алтарь победы 20 миллионов жертв, задают риторические вопросы: «Как можно было заключать договор с гитлеровской Германией?» Почему, вопрошают они, Советский Союз предпочел договор с Германией, а не с Англией и Францией, с которыми он так или иначе стал союзником в 1941 году? Почему не сразу в 1939-м? Действительно, почему? Этот вопрос мы с полным правом можем возвратить тем английским, западногерманским и американским историкам, которые его ставят.

Истории этого периода посвящено много работ. Опубликованы серьезные исследования, принадлежащие перу академиков В. М. Хвостова, И. М. Майского, члена-корреспондента АН СССР П. А. Жилина, профессоров В. И. Попова, В. Т. Фомина и многих других, соответствующие разделы в «Истории Коммунистической партии Советского Союза», «Истории Великой Отечественной войны

Советского Союза» и в «Истории внешней политики СССР». В результате изучения этой проблемы уже сейчас можно считать выясненным ряд фактов, проливающих свет на существо дела.

Прежде всего очевидно, что начавшиеся весной 1939 года первые германские прощупывания позиции СССР прошли бесплодно. Немецкий замысел состоял в том, чтобы, использовав торгово-экономические переговоры, выяснить перспективы политических переговоров с СССР. Но «первый тур» зондажа (апрель — май) прошел безуспешно, и немцам не удалось перейти от тем экономических к темам политическим. Кстати, из этого никто не делал секрета. В. М. Молотов подробно охарактеризовал состояние советско-германских отношений в речи 31 мая 1939 года. Он сказал:

«Ведя переговоры с Англией и Францией, мы вовсе не считали необходимым отказываться от деловых связей с такими странами, как Германия и Италия. Еще в начале прошлого года по инициативе германского правительства начались переговоры о торговом соглашении и новых кредитах. Тогда со стороны Германии нам было сделано предложение о предоставлении нового кредита в 200 миллионов марок. Поскольку об условиях этого нового экономического соглашения мы тогда не договорились, то вопрос был снят. В конце 1938 года германское правительство вновь поставило вопрос об экономических переговорах и о предоставлении кредита в 200 миллионов марок. При этом с германской стороны была выражена готовность пойти на ряд уступок... Наркомвнешторг был уведомлен о том, что для этих переговоров в Москву выезжает специальный германский представитель гн Шнурре. Но затем... эти переговоры были поручены германскому послу в Москве г-ну Шуленбургу и... прерваны ввиду разногласий. Судя по некоторым признакам, не исключено, что переговоры могут возобновиться»[105].

Комментируя эти слова Молотова, известный английский публицист Александр Верт писал, что они «на первый взгляд не заключали в себе какого-либо сокровенного смысла. Но это могло быть деликатным предупреждением Западу, в частности Англии, где некоторые из близких доверенных Чемберлена по-прежнему рассчитывали на торговые переговоры с Германией как на лучшее для них средство вернуться к политике умиротворения Гитлера»[106].

Можно лишь добавить, что в Лондоне «деликатное предупреждение» не было услышано.

В конце мая начался «второй тур» германского зондажа. Приведу его характеристику, принадлежащую видному английскому историку Алану Баллоку. Баллок, анализируя ход германского зондажа советских позиций, подтверждает, что попытка, предпринятая статс-секретарем Вайцзекером в мае 1939 года в беседе с советскими дипломатами, оказалась безуспешной. Советские представители вели переговоры лишь в рамках торговли и проявили, по словам Баллона, «недоверие и нежелание связывать себя». Более того: 30 июня 1939 года Гитлер приказал прервать переговоры. Лишь 22 июля чиновник МИД Шнурре получил указание поставить вопрос «более широко». Но с советской стороны не спешили: лишь 3 августа был дан ответ, и ответ по существу отрицательный[107].

Однако Гитлер не оставил своих усилий. Почему? Здесь играл роль целый ряд обстоятельств: во-первых, оценка перспектив грядущей войны, в которой Гитлер хотел «перестраховать» операции вермахта и иметь противником Польшу, но не Советский Союз; во-вторых, понимание фюрером опасности для него тройственного соглашения между Францией, Англией и Советским Союзом; в-третьих надежды на английских и французских мюнхенцев и расчет на имевшиеся некоторые данные о том, что западные державы неискренни в своих намерениях относительно СССР.

Военные аргументы выдвигались, в частности, Кейтелем. Он считал, что вермахт может сокрушить Польшу, но для дальнейших операций сил еще недостаточно. Что случится, если, войдя в Польшу, Германия встретит Советскую Россию в качестве противника? Неужели надо будет сразу продолжать марш на Восток? Гитлеру было ясно, что рано или поздно он это осуществит. Но пришло ли время? Как известно со слов генерала Лахузена, летом — осенью 1939 года Гитлер считал, что положение серьезно и что война будет тяжелой, может быть, бесперспективной. Кстати, если обратиться к оценкам, которые немецкий генштаб давал тогда силам Красной Армии, то они — в отличие от оценок 1941 года! — говорили о Красной Армии как о серьезном противнике. Так, в сводке 12го отдела генштаба от 28 января 1939 года м № 267/39 говорилось: «Русские вооруженные силы военного времени в численном отношении представляют собой

гигантский военный инструмент. Боевые средства в целом являются современными. Оперативные принципы ясны и определенны. Богатые источники страны и глубина оперативного пространства — хорошие союзники [Красной Армии]». В этой обстановке генералы были не прочь заполучить еще одну перестраховку.

В Берлине с напряжением следили за обменом мнениями между Англией и Францией, с одной стороны, и Советским Союзом — с другой. В те месяцы советского посла в Берлине не было (что, впрочем, говорит о характере советско-германских отношений того времени). Поверенным в делах был Г А. Астахов. С ним в мае беседовал Вайцзекер, в августе его приглашал на беседу Риббентроп. Что же говорил 3 августа 1939 года Иоахим фои Риббентроп Г А. Астахову? Это были далеко идущие предложения. Риббентроп заявил Астахову, что между СССР и Германией нет неразрешимых вопросов «на протяжении всего пространства от Черного моря до Балтийского»[108].

Сейчас в публикациях архивных материалов германского МИД можно прочитать об этих предложениях. Но гораздо меньше известна на Западе оценка, которой Г А. Астахов сопроводил предложения имперского министра. Астахов писал в Москву, что немцы не собираются «всерьез и надолго соблюдать соответствующие эвентуальные обязательства». «Я думаю лишь, — продолжал он, — что на ближайшем отрезке времени они считают мыслимым идти на известную договоренность...» [109]

Москва согласилась с этой оценкой[110]. Но это не остановило немцев. В имперской канцелярии, в министерстве Риббентропа на Вильгельмштрассе следили за московскими переговорами с напряженным вниманием. Посол Шуленбург сообщал в Берлин о всех подробностях встречи западных миссий в Ленинграде и Москве, а из Лондона немецкое посольство, располагавшее хорошими связями в Форин оффисе, докладывало свои данные. Все это подстегивало Гитлера. Еще больше подстегивали его сроки намечаемой операции «Вайс». Уже шла середина августа, а полной политической ясности не было.

В день начала московских переговоров (12 августа) Гитлер беседовал с графом Чиано в Оберзальцберге. Разговор этот, как всегда, не был особо откровенен, но Гитлер все-таки поставил Чиано в

известность, что любой ценой нападет на Польшу осенью, ибо «с середины сентября» дожди сделают наступление невозможным. Когда же Чиано предложил созвать конференцию европейских стран, то Гитлер ответил ему:

— Это будет означать, что Италии, Германии и Испании будет противостоять фронт Англии, Франции, России и Польши, что, безусловно, создаст невыгодную обстановку![111]

Итак, до 12 августа Гитлер не был уверен, что его «поворот» удастся. 14 августа из Лондона в Берлин пришла тревожная телеграмма: поверенный в делах Кордт узнал, что по английской оценке «советское правительство проявило столько признаков доброй воли к заключению договора, что нет никакого сомнения в том, что он будет подписан»[112]. Судя по всему, Кордту стали известны донесения Сидса из Москвы, который, как мы уже знаем, подтверждал серьезность советских намерений.

14 августа Гитлер, беседуя с Гальдером и Браухичем, намекнул им, что будет решительно действовать как в Москве, так и в Лондоне[113]. В 14 часов 15 минут из Берлина в Москву уходит срочная шифровка Шуленбургу: ему предписывается немедленно попросить аудиенцию у В. М. Молотова на 15 августа[114]. А в 22 часа 53 минуты в тот же адрес отправляется сверхсрочная шифровка с директивой о том, что же именно должен сказать Шуленбург. В ней содержались предложение «покончить с периодом политической вражды и открыть путь к новому будущему для обеих стран» и декларация о том, что «Германия не имеет агрессивных намерений против СССР». Риббентроп предлагал начать «выяснение германо-русских отношений» и для этой цели изъявил готовность прибыть в Москву[115]. Беседа Шуленбурга с Молотовым состоялась 15 августа в 20 часов.

Так, к 15 августа 1939 года создалась новая обстановка, заставившая Советское правительство самым настойчивым образом требовать от своих англо-французских партнеров по переговорам в Москве ответа на кардинальный вопрос, в который все упиралось,

Дни пятый и шестой: протокол

Пятый день начался изложением планов ВВС Англии, о которых сообщение сделал маршал Бернет. Его доклад был весьма оптимистичным. Так, Бернет говорил:

«Наши авиационные базы в Англии защищены лучшими средствами в мире, которые непрерывно развивались с 1917 года, так что в настоящее время эффективность действия всех средств противовоздушной обороны этих баз находится на очень высоком уровне.

Мы в состоянии проводить действия нашей бомбардировочной авиации в глубоком тылу Германии. Бомбардировочная авиация с английских баз может в течение продолжительного времени и непрерывно поддерживать бомбардировку тылов Германии. Причиной этого будет то, что мы будем иметь за собой все ресурсы английской промышленности. Кроме того, мы имеем дополнительное преимущество, заключающееся в том, что мы обладаем большим количеством хорошо натренированных и обученных авиационных механиков. Это сильно облегчает разрешение проблемы снабжения и эксплуатации».

Примерно в таких же розовых красках рисовал положение французской авиации и генерал Вален. После этого дискуссия вернулась к более общим и более существенным проблемам:

...Ген. Думенк. Наша программа теперь предусматривает замечания советской делегации относительно трех принципов. Можно ли попросить г-на маршала сделать сейчас эти замечания?

Маршал **К.** Е. Ворошилов. Советская военная миссия основательно ознакомилась с тремя принципами, врученными ей главою французской военной миссии гном генералом Думенком[116].

Эти три принципа об организации обороны договаривающихся сторон слишком универсальны, абстрактны, бесплотны и никого ни *к* чему не обязывают. Я их, разумеется, разделяю, так как против них трудно возразить. Но они, не представляя ничего конкретного, могли бы послужить материалом разве только для какой-либо абстрактной

декларации. Мы же собрались здесь не для принятия общей декларации, а для выработки конкрет*ной* военной конвенции, которая должна определить количество дивизий, артиллерийских орудий, танков, самолетов, морских эскадр и пр., совместно участвующих в деле обороны договаривающихся стран.

В этом заключается наш ответ на представленные три принципа.

Ген. Думенк. Я хочу сказать маршалу, что он очень строг по отношению к моим принципам.

Маршал К. Е. Ворошилов. Жесткость моего ответа определяется жесткостью современного военно-политического положения...».

Ход дискуссии все более ясно показывал, что западные делегаты не стремятся к скорейшему решению обсуждаемых вопросов по существу:

Маршал К. Е. Ворошилов. ...Мы не разрешили кардинального вопроса для советской стороны, а именно — вопроса о пропуске вооруженных сил Советского Союза на территорию Польши и Румынии для совместных действий вооруженных сил договаривающихся сторон против общего противника.

Только после положительного разрешения указанного вопроса мы могли бы приступить к обсуждению заслушанных здесь в общем абрисе планов представителей трех военных миссий.

До сих пор мы только обменялись сообщениями. Я лично полагаю, что это — только начало наших конкретных разговоров об определении количества вооруженных сил каждой страны и их применении против агрессии в Европе.

Ген. Думенк. Не находит ли г-н маршал возможным, не теряя времени, уточнить эти цифры в виде предварительного проекта параграфов (статей) конвенции?

Маршал К. Е. Ворошилов. Я полагаю, что до тех пор, пока наша советская миссия не будет иметь ответа на наш вопрос, теперь уже всем известный, о котором миссии Великобритании и Франции запросили свои правительства, всякая предварительная работа является, до известной степени, бесполезной.

Ген. Думенк. Я принимаю к сведению сказанное гном маршалом и предлагаю перейти к вопросу о том, что же мы будем делать на следующем заседании...

Маршал К. Е. Ворошилов. Я хотел бы просить г-на генерала Думенка и г-на адмирала Дракса ориентировочно сообщить, когда они ожидают ответа от своих правительств на наш вопрос.

Ген. Думенк. Как можно скорее.

Маршал К. Е. Ворошилов. Если ответ, которого ожидают английская и французская миссии, может надолго затянуться, мне думается, что нам придется, после нашего сообщения относительно авиационных сил СССР, наши заседания прервать до получения ответа...

Адм. Дракс. Я не имею возможности сообщить о том,

когда будет получен от правительства ответ, так как это зависит от самого правительства...».

Заседание на этом закончилось. На следующем, шестом, заседании — оно состоялось 17 августа — с большим сообщением выступил начальник ВВС РККА Локтионов, который подробно охарактеризовал состояние нашей авиации. После этого К. Е. Ворошилов тоже подробно ответил на различные вопросы, выдвинутые западными миссиями, и предложил договориться о дальнейшей работе:

...Маршал К. Е. Ворошилов. Кто желает еще слово? Повестка сегодняшнего заседания у нас исчерпана. Необходимо определить день следующего заседания и программу работы предстоящего заседания. Мы уже условились вести нашу работу впредь до исчерпания тех вопросов, которые стояли на повестке дня нашего совещания. Дальнейший ход наших заседаний сейчас целиком зависит от получения советской военной миссией ответов на ее вопросы военным миссиям Англии и Франции.

Мы поработали довольно основательно, и мне кажется, что если за сегодняшний и завтрашний день не будет получено ответа от правительств Англии и Франции, нам, к сожалению, придется прервать на некоторое время наши заседания в ожидании этого ответа.

Ген. Думенк. Я хочу поблагодарить от имени английской и французской делегаций за те ответы, которые были даны сегодня маршалом Ворошиловым на заданные нами вопросы. Некоторые из этих вопросов требуют, конечно, подробного и внимательного изучения. Мы готовы представить добавочные вопросы[117], которые необходимы для этого конкретного изучения. Что касается дальнейших

наших заседаний, то, может быть, мы зафиксируем дату следующего заседания для разрешения указанных вопросов. Это нам не помешает ожидать ответа на кардинальный вопрос...

Маршал К. Е. Ворошилов. Остается решить вопрос, когда мы будем заседать. Советская миссия считает, что до получения ответа на поставленные ею вопросы мы должны будем прекратить работу нашего совещания. (Продолжительный разговор между адмиралом Драксом, генералом Думенком и генералом Хейвудом.)

Адм. **Дракс.** Нам предстоит еще много работы, которая не может быть выполнена без получения ответов на вопросы, которые мы хотели бы задать. Эта работа задержалась бы, если ответы не будут получены. По моему мнению, такая отсрочка не является желательной и необходимой и не в интересах трех миссий. Поэтому я предлагаю назначить следующее заседание на 20 или 21 августа, как этого пожелает маршал...

Маршал К. Е. Ворошилов. Советская военная миссия принимает предложение назначить следующее заседание на один из ближайших дней — на 20 или 21 — и спрашивает, какой день является для вас более приемлемым20 или 21 августа.

Адм. Дракс. Мы бы предпочли 21 августа. Это в том случае, если ответ из Парижа и Лондона не будет получен раньше. В противном случае мы попросим назначить день заседания раньше».

Дни пятый и шестой: реконструкция

Мы объединяем заседания 16 и 17 августа, ибо их течение весьма сходно. Теперь, когда мы знаем колоссальное напряжение тех дней, трудно даже заниматься комментированием тех (в известной мере второстепенных) вопросов, которые обсуждали Дракс, Хейвуд, Бернет, Локтионов и Вален 16 и 17 августа. Но эти вопросы надо было обсуждать.

Терпеливо заслушав своих коллег, маршал Ворошилов 16 августа дает почувствовать им серьезность положения. Это заметно в его оценке «принципов» Думенка, а еще больше — в повторении вопроса о проходе советских войск. 17 августа советская миссия, поистине набравшись терпения, продолжает разбор частных вопросов, например, представляет подробные сведения о советских ВВС. Со своей стороны, западные миссии продолжают бомбардировать советскую сторону детализированными вопросами. Я бы сказал, чересчур детализированными!

Вопрос Ворошилова — все еще без ответа. Дракс находит спасение в предложении отложить заседания. Он сам называет дату следующей встречи — 21 августа. Тем самым он подписывает фактический приговор уже зашедшим в тупик переговорам. Теперь уже ничто не может убедить советских делегатов в том, что можно рассчитывать на положительный ответ Англии и Франции. Н. Г Кузнецов рассказывает, что при докладе И. В. Сталину они услышали от него, что он не считает намерения англичан серьезными.

Судя по документам, к 16 августа Советское правительство еще взвешивало все «за» и «против». 16го В. М. Молотов беседовал с послом США в Москве Лоуренсом Штейнгардтом. США в переговорах не участвовали, но их близость к англо-французской дипломатии не составляла секрета. В. М. Молотов заявил Штейнгардту:

«Советское правительство относится со всей серьезностью к положению в Европе и к своим переговорам с Англией и Францией. Этим переговорам мы придаем большое значение, что видно из того

большого времени, которое мы отдавали этим переговорам. Мы с самого начала относимся к переговорам не как к делу, которое должно закончиться принятием какой-то общей декларации. Мы считаем, что ограничиваться декларацией было бы неправильно и для нас неприемлемо. Поэтому как в начале переговоров, так и сейчас нами ставился вопрос так, что дело должно идти о конкретных обязательствах по взаимопомощи в целях противодействия возможной агрессии в Европе. Нас не интересуют декларативные заявления в переговорах, нас интересуют решения, которые имеют конкретный характер взаимных обязательств по противодействию возможной агрессии. Смысл этих переговоров мы видим только в мероприятиях оборонительного характера на случай агрессии, а в соглашениях о нападениях. На кого-либо мы не согласились бы участвовать. Таким образом, все эти переговоры мы ценим постольку, поскольку они могут представлять значение как соглашение о взаимопомощи для обороны от прямой и косвенной агрессии»[118].

Однако Штейнгардт не проявил особого оптимизма и сказал наркому, что «необходимо подготовить Рузвельта на случай окончания переговоров, в особенности на случай их неудачи». Совершенно очевидно, что Штейнгардт пользовался не только советской информацией, а был также в курсе позиции Англии, Франции и Польши.

Несколько лет назад советский историк профессор В. И. Попов решил задать вопрос благополучно здравствовавшему адмиралу сэру Реджинальду Драксу: как он теперь смотрит на переговоры 1939 года и на вопрос о пропуске войск?

Дракс ответил ему следующим образом:

— Мне не раз задавал этот вопрос маршал Ворошилов. Я отвечал, что этот вопрос переговоров между правительствами едва ли является компетенцией военных миссий. Мы не желали и не предлагали, чтобы русские войска проходили через территорию Польши для того, чтобы атаковать Германию. Мы полагали, что можно было найти другое, более значительное решение... Мы могли бы согласиться с тем, что в случае, если бы на Польшу было совершено неспровоцированное нападение, Англия и Москва предпримут немедленные консультации с польским правительством об оказании помощи…[119]

Вот и вся мудрость адмирала Дракса! А ведь он прекрасно знал, что даже в том гипотетическом случае, если бы Англия и Франция предприняли консультации, польское правительство заняло бы непреклонную позицию. Уже в ходе переговоров (это было 17 августа) Думенк послал одного из своих помощников, капитана Боффра, в Варшаву для встречи с маршалом Рыдз-Смиглы. Но тот был непреклонен, заявив: «С немцами мы рискуем потерять свою свободу, с русскими мы потеряем свою душу»[120]. Источники позиции польского правительства нетрудно понять, если учесть, что лорд Галифакс в беседе с Гафенку — министром иностранных дел Румынии — однажды признался, что он не оказывал никакого давления на Польшу, дабы она согласилась пропустить советские войска[121]. Иными словами, источники несговорчивости Польши следовало искать в двойной игре англичан, которые ссылались на поляков, заявляя, что все-де зависит от Польши, и в то же время давали полякам понять, что те могут придерживаться своего авантюристического курса.

Снова и снова Советскому правительству предлагалось, чтобы оно подписало договор, не имея фактически права ввода своих войск на территорию Польши. А это позволило бы немецким войскам, расправившись с польскими вооруженными силами, уже в сентябре 1939 года выйти к советским границам.

По этому поводу Александр Верт с полным правом писал:

«При всех условиях русским надо было самим готовиться к неизбежности нового гитлеровского натиска на Восток — против Польши. Причем не исключена была возможность, что немцы одновременно предпримут наступление также против прибалтийских государств, а возможно, и Румынии, а тогда фронт протянется от Балтийского моря до Черного...»[122].

Кстати, о позиции Польши знали в Берлине: 10 августа 1939 года, перед самым началом англо-франко-советских военных переговоров, граф Шуленбург доносил из Москвы в Берлин:

«Здешний польский посол Гжибовский в начале августа вернулся из отпуска. В беседе между ним и итальянским послом Россо был затронут также вопрос об англо-франко-советских переговорах относительно заключения пакта. Итальянский посол заявил, что, по его мнению, начинающиеся в настоящее время переговоры между

военными лишь тогда могут привести к конкретному результату, когда Польша в той или иной форме примет в них участие или по крайней мере заявит о своем согласии принять советскую вооруженную помощь. Польский посол ответил на это, что в позиции Польши по отношению к переговорам о пакте ничто не изменилось. Польша ни в коем случае не потерпит того, чтобы советские войска вступили на ее территорию или даже только проследовали через нее. На замечание итальянского посла о том, что это, вероятно, не относится к советским самолетам, польский посол заявил, что Польша ни в коем случае не предоставит аэродромы в распоряжение советской авиации»[123].

Итак, «жребий был брошен». Исчерпав все возможности переговоров с Англией и Францией, Советский Союз ответил согласием на приезд Риббентропа в Москву.

День седьмой: протокол

«Адм. Дракс (председательствующий). Объявляю заседание открытым.

Я должен, прежде всего, заявить маршалу, что в соответствии с его желанием мы собрались сегодня. По-моему мнению, следовало бы отложить заседание еще на 3 — 4 дня. Но мы хотели бы воспользоваться сегодняшним заседанием для того, чтобы обсудить три или четыре важных вопроса.

Должен вас информировать, что полномочия британской миссии получены и будут сейчас оглашены...

Я перехожу теперь ко 2-му пункту. Так как маршал пожелал, чтобы это заседание состоялось, я хотел бы попросить его высказать свое мнение насчет нашей дальнейшей работы.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я от имени миссии Советского Союза вношу предложение сделать перерыв нашего совещания не на 3 — 4 дня, как об этом просят английская и французская миссии, а на более продолжительный срок, тем более что члены нашей миссии заняты в эти дни на осенних маневрах, и в надежде, что за этот период будут выяснены все те вопросы, которые одинаково всех нас интересуют. Я имею в виду получение ответов от правительств Великобритании и Франции на поставленные советской миссией вопросы. (Переговоры между адмиралом Драксом и генералом Думенком.)

Адм. Дракс. Я попросил бы маршала наметить более определенно срок перерыва.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я, к сожалению, лишен возможности точно определить этот срок, так как нам, очевидно, нет практической необходимости собираться до того, как будут получены ответы английской и французской миссиями от своих правительств. Мне думается, что, если будут получены положительные ответы на наши вопросы, тогда придется наше совещание собрать как можно раньше. Если ответы будут отрицательные, я вообще не вижу возможности дальнейшей работы для нашего совещания, потому что вопросы, нами поставленные, как я уже предварительно осведомлял высокое наше

совещание, являются для нас решающими, кардинальными. Если на них не будут получены положительные ответы, тогда вряд ли будет необходимость вообще собираться.

Адм. Дракс. Мы понимаем, что члены советской миссии очень заняты. Мы были бы рады дать точный ответ на вопросы маршала, но я бы попросил сделать перерыв, чтобы обсудить предложение маршала о сроке перерыва совещания. (Советская миссия выражает согласие на перерыв заседания.)

Объявляется перерыв».

После перерыва Дракс попытался взвалить вину за трудности в работе на советскую сторону. В ответ на это маршал К. Е. Ворошилов заявил:

«В своем заявлении глава английской военной миссии адмирал Дракс от имени английской и французской военных миссий поставил несколько вопросов, на которые советская миссия считает необходимым дать свои разъяснения.

1. В заявлении подчеркивается факт приглашения в СССР французской и английской военных миссий для выработки военной конвенции.

Советская военная миссия разъясняет действительное положение дела.

Настоящее совещание военных миссий Англии, Франции и СССР явилось естественным продолжением политических переговоров, которые велись между представителями Англии, Франции и СССР, целью которых, как известно, было — выработать совместный план сопротивления агрессии в Европе.

В связи с этим Советское правительство неоднократно заявляло о том, что оно не может отделить политического пакта от военной конвенции, которые должны явиться результатом политических и военных переговоров между нашими странами.

Согласившись с мнением Советского правительства, правительства Англии и Франции и командировали свои военные миссии в СССР.

2. Англо-французской военной миссии, по ее заявлению, трудно понять действия советской миссии, намерение которой, по ее мнению, заключается в постановке сразу же сложных и важных политических вопросов.

Намерением советской военной миссии было и остается — договориться с английской и французской военными миссиями о практической организации военного сотрудничества вооруженных сил трех договаривающихся стран.

Советская миссия считает, что СССР, не имеющий общей границы с Германией, может оказать помощь Франции, Англии, Польше и Румынии лишь при условии пропуска его войск через польскую и румынскую территории, ибо не существует других путей для того, чтобы войти в соприкосновение с войсками агрессора.

Подобно тому как английские и американские войска в прошлой мировой войне не могли бы принять участия в военном сотрудничестве с вооруженными силами Франции, если бы не имели возможности оперировать на территории Франции, так и советские вооруженные силы не могут принять участия в военном сотрудничестве с вооруженными силами Франции и Англии, если они не будут пропущены на территорию Польши и Румынии. Это военная аксиома.

Таково твердое убеждение советской военной миссии.

Английская и французская миссии, к нашему удивлению, не согласны в этом с советской миссией. В этом наше разногласие.

Советская военная миссия не представляет себе, как могли правительства и генеральные штабы Англии и Франции, посылая в СССР свои миссии для переговоров о заключении военной конвенции, не дать точных и положительных указаний по такому элементарному вопросу, как пропуск и действия советских вооруженных сил против войск агрессора на территории Польши и Румынии, с которыми Англия и Франция имеют соответствующие политические и военные отношения.

Если, однако, этот аксиоматический вопрос французы ц англичане превращают в большую проблему, требующую длительного изучения, то это значит, что есть все основания сомневаться в их стремлении к действительному и серьезному военному сотрудничеству с СССР.

Ввиду изложенного, ответственность за затяжку военных переговоров, как и за перерыв этих переговоров, естественно, падает на французскую и английскую стороны».

На этом совещание фактически закончилось, хотя Дракс и Думенк продолжали бомбардировать советскую миссию различными сугубо

второстепенными вопросами.

День седьмой: заключение

Седьмой день переговоров стал их последним днеми все шло к тому. К утру 21 августа никакого ответа на кардинальный вопрос советской военной миссии получено не было и сам Дракс в начале заседания по простоте душевной сказал, что говорить, собственно, не о чем. Правда, западные делегаты быстро спохватились и попытались возложить вину на советскую сторону. Но эти обвинения были немедленно отведены К. Е. Ворошиловым. Дабы не терять лица, Дракс и Думенк продолжали предлагать все новые и новые вопросы (в частности, касающиеся мобилизационной готовности советских ВВС).

Спросим под конец: что же фактически предприняли миссии западных стран, получив советский вопрос? Сейчас это можно точно восстановить по документам[124]. Из указаний, полученных английской миссией, Дракс знал, что ему ни в коем случае не надо вдаваться в обсуждение сего кардинального вопроса. Думенк же доложил об этом вопросе 14 августа в Париж. Одновременно в своей телеграмме он предложил послать в Варшаву генерала Валена, дабы получить от польского генштаба «секретное принципиальное согласие, которое позволило бы франко-британской делегации обсуждать этот вопрос на конференции с военной точки зрения, оставляя официально польское правительство в стороне». 15 августа Думенк направил в Париж очередной отчет, в котором, отметив корректность советской позиции в вопросе о пропуске войск («русские очень строго ограничивают зоны вступления [советских войск], становясь исключительно на стратегическую точку зрения»), повторил свое предложение. 16 августа посол Франции в Москве Наджиар со своей стороны сообщил, что «то, что предлагает русское правительство для осуществления обязательств политического договора, по мнению генерала Думенка, соответствует интересам нашей безопасности и безопасности самой Полыни». Наконец, 17 августа Наджиар прямо предупредил, что если ответ не будет дан, то «военные переговоры будут прерваны».

Но — увы! — 19 августа из Варшавы в Париж пришло сообщение французского военного атташе: польский генштаб и «сам» Юзеф Бек

не хотят дать согласие. Тогда-то в Париже и придумали такой шаг: сделать вид, будто перед польскими деятелями вопрос о пропуске советских войск вообще не ставился, и «дать русским в принципе утвердительный ответ, который позволил бы продолжать военные переговоры». Именно такую попытку предпринял Думенк в беседе с К. Е. Ворошиловым 22 августа. Но хотя текст переписки французской миссии с Парижем и не был известен советским делегатам, Думенк был, как говорится, «пойман с поличным» К. Е. Ворошиловым.

Советские делегаты покидали особняк на Спиридоновке, не видя реальной возможности достичь соглашения и будучи этим немало озабоченными. Озабочены они были и другим важным событием, которое происходило в те дни. 20 августа 1939 года советско-монгольские войска, которые до того времени отражали начавшееся в мае вторжение японских войск в районе озера Буир-Нур и реки Халхин-Гол, перешли в наступление. Шел второй день боев, в ходе которых части Красной Армии упредили японцев, собиравшихся начать наступление 24 августа. Но 21го сражение еще не было выиграно (это произошло лишь 31 августа, а весь конфликт закончился 16 сентября).

На этом можно закончить описание августовских переговоров. Оно помогает нам ощутить всю сложность тогдашней ситуации и, если можно так выразиться, ее «многозначность». Наконец, еще одно замечание. Автор ни в коем случае не хочет абсолютизировать значение переговоров в особняке на Спиридоновке: поведение, продемонстрированное представителями Англии и Франции с 12 по 21 августа 1939 года за столом переговоров в Москве, явилось логическим продолжением курса, который Англия и Франция проводили на протяжении многих лет. Провал переговоров вытекал из нежелания тогдашних руководителей Англии и Франции принять вместе с СССР действенные меры против германской агрессии, вытекал из их надежд на то, что удастся направить германскую агрессию против Советского Союза.

Можно опустить занавес? Нет, мы еще не рассмотрели всех фактов, которые могут дать нам представление об игре сил на «дипломатической поверхности» и под ней.

ПОД ЗНАКОМ МЮНХЕНА. Глава 4.

Сэр Реджинальд и сэр Гораций

Теперь перенесемся из Москвы в Лондон и Берлин, со Спиридоновки на Даунинг-стрит и Вильгельмштрассе. Это необходимо, чтобы понять тот политический фон, на котором разворачивались драматические события июля — августа 1939 года. Действующие лица будут тоже другими, особенно с английской стороны. И главным из них будет не сэр Реджинальд Дракс, а снова уже знакомый нам сэр Гораций Вильсон. Именно с его именем связаны тайные германо-английские переговоры, которые проходили в июне — августе 1939 года в Лондоне и Берлине. Теперь даже западные историки (Уилер Беннет, Льюис Немир, Хильгрубер) признают, что это были подлинные переговоры, причем ведущая роль в них принадлежала английским представителям.

Мы знаем, что после 1938 года мюнхенцы ни на миг не прекращали своей опасной работы. Об этом заботились и в Берлине, и в Лондоне. Взаимные визиты следовали друг за другом, планы возникали один за другим. Что же происходило в интересующий нас период времени и непосредственно накануне его?

Есть вполне определенные сведения о том, что «новый тур» секретных англо-германских переговоров в 1939 году начался в июне. Но, пожалуй, у них было несколько прелюдий. По этому поводу имеется примечательное свидетельство известного английского публициста Сефтона Делмера. Весной 1939 года он сопровождал министра торговли Роберта Хадсона в Москву во время его достаточно безуспешного визита. Делмер пишет: «Роберта Хадсона и Оливера Стенли из министерства торговли 15 марта ожидали в Берлине. Они имели полномочия предложить Германии колониальные сферы влияния и большой кредит»[125].

Не буду забывать, что в данной работе я избрал жанр документального повествования, и это обязывает предъявлять документальные подтверждения. Я не смог бы этого сделать, если бы в 1945 году в силезском поместье Гредицберг не был захвачен архив бывшего немецкого посла в Лондоне Герберта фон Дирксена.

После войны архив был опубликован, и тайное стало явным. Стало известно многое из того, о чем в предвоенные годы можно было лишь догадываться.

...В июле 1939 года в Лондоне заседала международная китобойная комиссия, на которую прибыли и германские представители. Среди них находился тайный статский советник Гельмут Вольтат, о котором было известно, что он очень близок *к* генерал-фельдмаршалу Герингу и является одним из уполномоченных по проблемам так называемого четырехлетнего плана — плана мобилизации военной промышленности Германии. Прибыв в Лондон, Вольтат получил приглашение встретиться в неофициальной обстановке с уже упоминавшимся министром торговли Хадсоном. 20 июля эта встреча состоялась. Причем, как записал в своем дневнике Дирксен, Хадсон развивал перед Вольтатом далеко идущие планы англо-германского сотрудничества в целях открытия новых и эксплуатации существующих мировых рынков. Он высказал, между прочим, небезынтересное мнение, что «в мире существуют еще три большие области, в которых Германия и Англия могли бы найти широкие возможности приложения своих сил, а именно: английская империя, Китай и Россия»[126].

Вслед за Хадсоном в действие вступил наш старый знакомый — сэр Гораций Вильсон. Он также встретился с Вольтатом и развил аналогичные идеи. (Об этом, впрочем, рассказывал и Хессе в своих мемуарах, которые, кстати, во многом перекликаются с документальными свидетельствами, содержащимися в архиве Дирксена, хотя и были квалифицированы рядом западногерманских историков как «бездоказательные». Но мы пока останемся в рамках архива Дирксена.) Так, Вильсон подготовил для Вольтата специальный доклад, содержание которого вкратце излагает в своих записках Дирксен. Вот этот текст:

«Программа, которая обсуждалась гном Вольтатом п сэром Горацием Вильсоном, заключает:

а) политические пункты,

б) военные пункты.

в) экономические пункты.

К пункту «а».

1) *Пакт о ненападении.* Ги Вольтат подразумевал под этим обычные, заключавшиеся Германией с другими державами, пакты о ненападении, но Вильсон хотел, чтобы под пактом о ненападении занимался отказ от принципа агрессии как таковой.

2) *Пакт о невмешательстве*, который должен включать разграничение расширенных пространств между великими державами, особенно же между Англией и Германией.

К пункту «б» — Ограничение вооружений.

1) На море,

2) на суше,

3) в воздухе.

К пункту «в».

1) *Колониальные вопросы.* В этой связи обсуждался главным образом вопрос о будущем развитии Африки. Вильсон имел в виду при этом известный проект образования обширной колониально-африканской зоны, для которой должны были бы быть приняты некоторые единообразные постановления. Вопрос, в какой мере индивидуальная собственность на немецкие колонии, подлежащие возвращению нам, сохранилась бы за нами после образования интернациональной зоны, остался открытым. То, что в этой области, по крайней мере теоретически, англичане готовы или были бы готовы пойти нам далеко навстречу, явствует из того достоверно известного гну Вольтату факта, что в феврале английский кабинет принял решение вернуть Германии колонии. Сэр Гораций Вильсон говорил также *о* германской колониальной деятельности в Тихом океане; однако в этом вопросе гн Вольтат держался очень сдержанно.

2) *Сырье и приобретение сырья для Германии.*

3) *Промышленные рынки.*

4) *Урегулирование проблем международной задолженности.*

5) *Взаимное финансовое содействие.*

Под этим сэр Гораций Вильсон понимал санирование Германией восточной и юго-восточной Европы...

...Конечной целью, *к* которой стремится г-н Вильсон, является широчайшая англо-германская договоренность по всем важным вопросам, как это первоначально предусматривал фюрер. Тем самым, по его мнению, были бы подняты и разрешены вопросы столь большого значения, что восточные проблемы, зашедшие в тупик, как

Данциг и Польша, отошли бы на задний план и потеряли бы свое значение. Сэр Гораций Вильсон определенно сказал гну Вольтату, что заключение пакта о ненападении дало бы Англии возможность освободиться от обязательств в отношении Польши. Таким образом, польская проблема утратила бы значительную долю своей остроты»[127].

Это изложение планов Вильсона, сделанное аккуратным Дирксеном, позволяет констатировать, что «послемюнхенская программа», излагавшаяся Вильсоном Хессе, не только осталась в силе, но и приобрела совершенно определенные очертания. Правда, на этот раз Вильсону не удалось остаться в тени: его июльские беседы с Вольтатом и Хадсоном не остались секретом для английской общественности. Сведения о них проникли в печать (очевидно, не без участия политических противников Вильсона). Ряд видных журналистов, в том числе Вернон Бартлет и Гордон Леннокс, выступили с резкими критическими статьями, не без оснований обвиняя Вильсона и Хадсона в попытках сговора с немцами. Поднялся скандал. Сначала Вильсон пытался отрицать факт переговоров, затем стал ссылаться на то, что встреча состоялась не по его инициативе. Очень забеспокоилось по поводу переговоров и французское посольство. Все это в значительной мере спутало карты сэра Горация.

Заволновались и в Берлине. 31 июля в адрес Дирксена пошла шифрованная телеграмма следующего содержания:

«Прошу немедленно телеграфировать содержание политических переговоров, которые министериаль-директор Вольтат вел при последнем своем посещении Лондона, в особенности отчет о совещаниях Вольтата с Вами, так как он сообщает, что вел политические переговоры по согласованию с послом.

Риббентроп»[128].

Дирксен немедленно ответил, сославшись на свои предыдущие донесения (выдержку из них мы приводили). Он подчеркнул, что расценивает поведение Вильсона как согласующееся с «тенденциями конструктивной политики в здешних правительственных кругах»[129]. Тут же в адрес Дирксена из Берлина полетела еще одна телеграмма, подписанная статс-секретарем Вайцзекером:

«Вольтат по возвращении в Берлин сделал доклад о своей беседе с сэром Горацием Вильсоном. Этот доклад был передан генерал-

фельдмаршалом Герингом рейхсминистру иностранных дел. Он содержит предложение Вильсона о широком англо-германском сотрудничестве, иначе говоря, о соглашении политического, военного и экономического характера. Эти предложения рассматриваются, по-видимому, английской стороной как официальный зондаж. Вольтат, очевидно, не задал Вильсону напрашивавшийся вопрос, предполагают ли эти предложения одновременный отказ от связанных с политикой окружения переговоров, в особенности с Москвой. Как уже указано в предыдущей телеграмме, рейхсминистр иностранных дел просит сообщить по телеграфу о содержании переговоров с Вольтатом, а также о Вашем отношении к ним»[130].

Почему же в Берлине поднялся такой переполох? Очевидно, не только потому, что доклад Вольтата попал не к Риббентропу, а к его сопернику Герингу, который наверняка не упустил возможности отправиться немедленно к фюреру и похвастаться своим дипломатическим успехом. Нет, это было, конечно же, сопровождающим обстоятельством. Главным же, безусловно, было то, что в Берлине понимали исключительный характер предложений Вильсона.

Напомним, что переписка между Берлином и германским посольством в Лондоне разгорелась уже в тот момент, когда было известно о предстоящих советско-франко-английских военных переговорах. Не случайно в телеграмме Вайцзекера прямо указывается, что логическим продолжением идей Вильсона должен быть отказ Англии от тройственных переговоров. Предложение Вильсона о «широком англо-германском сотрудничестве» открывало перед Гитлером исключительные перспективы. Во-первых, оно давало ему возможность убедиться в том, что Лондон не стремится достигнуть соглашения с Советским Союзом, и спекулировать на этом. Во-вторых, предложение Вильсона открывало перед Гитлером перспективу того желанного англо-германского союза, о котором он мечтал многие годы.

Не удивительно, что от Дирксена требовали самых точных ответов. 1 августа он направил Вайцзекеру ответ следующего содержания:

«1. Касательно беседы Вольтата с сэром Горацием Вильсоном и моего отношения к ней я ссылаюсь на телеграфное донесение № 277

от 3I.VII. То, что Вольтат во время беседы не поднял прямо вопроса об отказе от политики окружения, объясняется его договоренностью со мной о том, чтобы он вообще больше слушал, чем говорил.

2. Несмотря на то, что беседа в политическом отношении не была углублена, мое впечатление таково, что в форме хозяйственно-политических вопросов нам хотели предложить широкую конструктивную программу. Трудности проведения этой программы для британского правительства, при господствующем теперь настроении общественности, указаны в моем донесении от 24.VII — А. 2974.

3. Что соглашение с Германией было бы несовместимо с одновременным проведением политики окружения, ясно здешним руководящим лицам. Определяющие соображения в этом вопросе основываются примерно на следующих положениях:

а) Соглашение с Германией химически, так сказать, растворило бы данцигскую проблему и открыло бы дорогу к германо-польскому урегулированию, которым Англии не было бы больше надобности интересоваться.

б) К продолжению переговоров о пакте с Россией, несмотря на посылку военной миссии, — или, вернее, благодаря этому, — здесь относятся скептически. Об этом свидетельствует состав английской военной миссии: адмирал, до настоящего времени комендант Портсмутской крепости, практически находится в отставке и никогда не состоял в штабе адмиралтейства; генерал — точно так же простой строевой офицер; генерал авиации — выдающийся летчик и преподаватель летного искусства, нс не стратег. Это свидетельствует о том, что военная миссия скорее имеет своей задачей установить боеспособность Советской Армии, чем заключить оперативные соглашения.

Высокопоставленный офицер из министерства авиации недавно высказал авиационному атташе свое убеждение в том, что ни британская, ни русская сторона не имеют серьезного желания заключить соглашение.

в) Относительно оценки военного значения Польши все еще имеются сомнения, которые находят свое отражение в сдержанности в финансовом отношении. Отчет генерала Айронсайда также не был, как слышно, чрезмерно положительным.

г) Располагающий наилучшими связями, принадлежащий к лейбористской партии политик Роден Бакстон (брат лорда Ноэля Бакстона) в разговоре с советником посольства развивал те же положения, что и Вильсон, и указывал на ликвидацию политики окружения, как на само собой разумеющееся следствие соглашения с Германией. Запись беседы с Бакстоном посылается с этой же воздушной почтой.

4. Все более усиливается впечатление, что возможность принципиального соглашения с Германией должна быть установлена в течение ближайших недель для того, чтобы определить содержание избирательных лозунгов (ср. донесение от 24.VI — А.2974). Здесь надеются, что политическое успокоение, которого можно ожидать с наступлением вакаций, создаст предпосылки к составлению программы переговоров, имеющей шансы на осуществление.

Дирксен»[131].

Этот ответ говорит о многом — в первую очередь о том, что Вильсон был далеко не одинок в своей акции. Действительно, англо-германские переговоры, как и в 1938 году, шли довольно широким фронтом. Кстати, в Париже об этом знали. Мы уже приводили слова министра колоний Жоржа Манделя о том, что «здесь и в Лондоне далеко еще не оставлены надежды договориться с Берлином»[132].

Для того, чтобы «спасти» переговоры, которым помешали разоблачения английской прессы, Вильсон пошел на испытанное средство: снова обратился к своему давнему партнеру Фрицу Хессе. Как мне рассказывал сам Хессе, большинство встреч с Вильсоном происходило по инициативе последнего — Вильсон не любил, чтобы его тревожили, а сам давал сигнал, ежели считал встречу необходимой. Очередной разговор Хессе с Вильсоном не был лишен своеобразной иронии. Вильсон начал с извинений за то, что переговоры с Вольтатом стали объектом всеобщей гласности, а затем заверил, что Чемберлен готов «искупить грех», однако не хочет, чтобы это было истолковано как свидетельство слабости Англии. Англия, торжественно заявил Вильсон, не боится войны.

— Почему вдруг такие угрозы? — удивился Хессе.

Вильсон предпочел не отвечать на этот ехидный вопрос и предложил оставить в стороне спорные проблемы и заняться

проблемами англо-германского взаимопонимания. Он спросил в свою очередь:

— Считаете ли вы до сих пор возможным достижение взаимопонимания между Великобританией и Германией? Считаете ли вы, что Гитлер хочет мира?

Хитрый Хессе, конечно, предпочел уклониться от ответа на этот прямой вопрос, но заявил, что считает необходимым продолжать переговоры, начатые Вольтатом[133]. То же самое выяснилось и во время личной встречи посла Дирксена с Вильсоном, которая состоялась в августе 1939 года.

В это время в зондаже с немецкой стороны принимали участие Вольтат, Хессе, советник посольства Теодор Кордт, его брат Эрих и другие, с английской — Вильсон, Бакстон, высокопоставленный чиновник Форин оффиса Батлер. В частности, во время беседы Теодора Кордта с Батлером выяснилось, что Вильсон испытывает желание побеседовать и с самим Дирксеном. Беседа состоялась 3 августа 1939 года, то есть за два дня до отъезда Дракса в Москву, — в тот самый период, когда шла разработка инструкции английского правительства для военной миссии, направлявшейся на московские переговоры. Дирксен послал в Берлин подробнейший отчет (документ А.3186 от 3 августа 1939 года), в котором говорилось:

«Выяснилось, что суть беседы Вольтата — Вильсона остается в полной силе. Сэр Гораций Вильсон подтвердил мне, что он предложил гну Вольтату следующую программу переговоров:

1) Заключение договора о «ненападении», по которому обе стороны обязываются не применять одностороннего агрессивного действия, как метода своей политики. Сокровенный план английского правительства по этому пункту сэр Гораций Вильсон раскрыл мне тогда, когда я в ходе беседы задал ему вопрос, каким образом соглашение с Германией может согласоваться с политикой окружения, проводимой английским правительством. В ответ на это сэр Гораций Вильсон сказал, что англо-германское соглашение, включающее отказ от нападения на третьи державы, начисто освободило бы британское правительство от принятых им на себя в настоящее время гарантийных обязательств в отношении Польши, Турции и т. д.; эти обязательства приняты были только на случай нападения и в своей формулировке

имеют в виду именно эту возможность. С отпадением этой опасности отпали бы также и эти обязательства.

2) Англо-германское заявление о том, что обе державы желают разрядить политическую атмосферу с целью создания возможности совместных действий по улучшению мирового экономического положения.

3) Переговоры о развитии внешней торговли.

4) Переговоры об экономических интересах Германии на юго-востоке.

5) Переговоры по вопросу *о* сырье. Сэр Гораций Вильсон подчеркнул, что сюда должен войти также колониальный вопрос. Он сказал, что в настоящий момент нецелесообразно углубляться в этот очень щекотливый вопрос. Достаточно будет условиться, что колониальный вопрос должен быть предметом переговоров.

6) Соглашение о невмешательстве. Сэр Гораций Вильсон пояснил, что требующееся от германской стороны заявление содержится уже в речи фюрера от 28 апреля. С английской стороны также будут готовы сделать заявление о невмешательстве по отношению к Велико-Германии. Оно распространяется, в частности, и на данцигский вопрос. Сэр Гораций Вильсон уклонился от того, чтобы высказаться относительно германской сферы интересов так же ясно, как он это сделал в разговоре с гном Вольтатом, или как г-н Роден Бакстон — в беседе с г-ном Кордтом, хотя из хода беседы можно было заключить, что это германское требование могло бы обсуждаться в этом пункте программы.

7) Вооружения. Сэр Гораций Вильсон сказал по этому поводу, что он хочет категорически подчеркнуть, что под этим подразумевается не разоружение, а переговоры о вооружениях вообще. В дальнейшем ходе беседы выяснилось, что он хорошо сознает трудности, стоящие на пути к заключению какого бы то ни было соглашения об ограничении вооружений, а также и тот факт, что такое соглашение может быть поставлено на очередь и осуществлено лишь через несколько лет»[134].

Доклад Дирксена очень многозначителен, и, как видно, планы Вильсона заходили очень далеко. Это подтверждает и Хессе. В первой половине августа Вильсон изложил ему программу из 6 пунктов, которую просил довести до сведения Гитлера. Вот эти пункты:

Пункт первый: оборонительное соглашение на 25лет.

Пункт второй: английская декларация о постепенном возвращении Германии ее бывших колоний и создание совместного англо-германо-французского комитета.

Пункт третий: включение Германии в Оттавское соглашение, то есть превращение ее в «младшего партнера» в рамках Британской империи.

Пункт четвертый: договор о разграничении экономических сфер влияния между Англией и Германией, в рамках которого Англия была готова признать специфическую сферу интересов Германии на континенте в том случае, если это не приведет к ущемлению английских интересов.

Пункт пятый: открытие для Германии лондонского финансового рынка и заем размером до 4,5 миллиона имперских марок.

Пункт шестой: в качестве ответного шага Гитлер должен обязаться не предпринимать никаких акций в Европе, которые могли бы привести к войне, — за исключением таких, на которые он получил бы полное согласие со стороны Англии[135].

Иными словами, перед нами та же программа, которая была предложена Вольтату в июле. Это была программа далеко идущих уступок со стороны Англии с надеждой на то, что Гитлер станет ее экономическим и военным союзником. С английской стороны Гитлеру делался недвусмысленный намек, что, мол, сейчас он не должен начинать действий, но когда получит на это разрешение, то сможет начать действовать... Как свидетельствует Хессе, он лично отвез эти предложения в Германию и доложил о них Риббентропу и своему другу Вальтеру Хевелю.

Гн Гельмут Вольтат жив до сих пор, и я решил обратиться к нему, ныне человеку делового мира ФРГ, с просьбой поделиться воспоминаниями о переговорах 1939 года. В августе 1966 года гн Вольтат ответил мне следующим весьма любезным письмом из города Меересбуша, что близ Дюссельдорфа:

«Публикацию советского министерства иностранных дел о так называемых документах я получил много лет назад. К сожалению, я не могу читать по-русски.

Если бы мне пришлось высказывать мнение по поводу переговоров, которые велись в предвоенные месяцы 1939 года, то это потребовало бы такой работы, на которую у меня до сих пор не было

времени, так как я очень занят своими делами. Насколько я могу судить, интерпретация тогдашних переговоров и оценка действовавших лиц весьма несовершенны, ибо для историков и писателей, не участвовавших в событиях, явно недостаточно чтения опубликованных до сих пор документов.

С совершенным почтением

Г. Вольтат».

Получив этот ответ, я позволил себе быть назойливым и попросил г-на Вольтата ответить лишь на один вопрос: от кого исходила инициатива переговоров? Ответ мною был получен такой:

«Я хотел бы заметить, что мой собственный доклад премьер-министру Герингу о беседах с английскими политиками, в том числе с сэром Горацием Вильсоном, показывает, что инициатива исходила от меня. Этот доклад также опубликован союзниками. В течение 1939 года я три раза по различным поводам посещал Лондон. Задания, которые я получал в связи с отдельными переговорами, носили торгово-политический характер, однако охватывали и другой комплекс вопросов... Во всех этих случаях я вел также частные разговоры политического характера. Общие впечатления, которые сложились у у меня в июле, я изложил в докладе на имя Геринга, посланном также на имя имперского министра иностранных дел.

Как следует из донесения немецкого посла фон Дирксена, я поддерживал с ним тесный контакт. Изображение политической обстановки в моем докладе дает возможность увидеть определенный план, который я считал реальным на основе переговоров об ослаблении политической напряженности. Это не был какой-то определенный план, который я получил бы от сэра Горация Вильсона. Мои многочисленные беседы с ним и анализ политической обстановки, данный в моем докладе, побудили меня изложить определенное решение.

По отношению к вышеупомянутому политическому докладу инициатива проведения переговоров, если пользоваться Вашими словами, исходила не от имперского правительства и также не от кого-либо из его членов.

Для Вашей информации я хотел бы заметить, что указание о ведении торговых и экономико-политических переговоров отдавалось соответствующими имперскими министерствами через комиссию

высших чиновников этих министерств под председательством представителя министерства иностранных дел...

Я должен далее заметить, что в течение первого полугодия 1939 года я выполнял ряд самых различных заданий, в частности участвовал в экономических переговорах с Румынией в марте 1939 года, в переговорах с представителем президента Рузвельта в связи с Эвианской конференцией в январе — феврале 1939 года, в обработке результатов опекавшейся мною немецкой антарктической экспедиции 1939 года, в переговорах с испанским правительством и в переговорах о международной китобойной конвенции. Обсуждение всех этих тем привело меня в ,Лондон для разговора с большим числом политиков.

Письмо, которое я направил 25 августа 1939 года г-ну фон Дирксену и которое находится в его архиве, можно понять только после подробного истолкования. Прежде всего я хотел бы здесь заметить, что я был дружен с г-ном фон Дирксеном. Я хотел дать ему понять, что до дня написания письма еще не было принято никакого решения о ведении конкретных переговоров о политической разрядке. Имперский министр иностранных дел очень ревниво следил за соблюдением своей компетенции. Поэтому я не хотел, чтобы мой доклад был использован министерством иностранных дел в качестве рабочей основы. Я подчеркнул, что основой для обработки в министерстве иностранных дел должен был явиться доклад посла в Лондоне. Доклад посла в основном совпадал с моим, что и явствует из публикации. Мой же доклад призван был подкрепить аргументы Геринга в его переговорах с фюрером по трем различным вопросам»[136].

Это не особенно откровенное разъяснение г-на Вольтата все-таки интересно для нас именно тем, что подчеркивает значение инициативы Вильсона. Кстати, Хессе косвенно подтверждает осторожный намек Вольтата. Он считает, что инициатива в тайных переговорах принадлежала Вильсону и что Вильсон сам в этом признавался. Однако тот же Хессе утверждает, что Вольтата послали в Лондон намеренно, желая использовать его репутацию не «нациста», а делового человека. Но если даже принять предпосылку Вольтата, что инициатива переговоров между Англией и Германией «исходила не от имперского правительства», а явилась его частным делом, то Вильсон шел на очень многое, излагая свой план. Но он и не ошибся, выбирая

для своих контактов немецкого представителя, который — как видно из письма г-на Вольтата — неоднократно выполнял важнейшие задания нацистского руководства.

Переговоры между Вольтатом и Вильсоном нельзя рассматривать в отрыве от других событий. Дело в том, что у ряда германских политиков того времени было два обличья. Одно было официальное, в котором они выступали перед своими английскими партнерами в качестве ответственных чиновников министерства иностранных дел или других ведомств нацистского государства. Но было и другое лицо: эти же люди представали в роли оппозиционеров, стремившихся к свержению Гитлера.

Так, весной 1939 года в Уши (Швейцария) состоялась встреча группы немецких оппозиционеров с английским профессором Шайрером, вхожим в круги Форин оффиса и *к* тому же сэру Горацию Вильсону. Немецкие эмиссары предупредили, что скоро начнется война и что Гитлер хочет захватить не только Данциг, но и всю Польшу, а затем собирается двинуться на Украину[137]. Вслед за встречей в Швейцарии последовали и другие контакты. В частности, через английского журналиста Яна Кольвина, который был известен своими связями с английской разведкой, было направлено еще одно сообщение о решимости Гитлера напасть на Польшу[138].

Летом 1939 года в Англии побывало множество немецких эмиссаров. В их числе находились Фабиан фон Шлабрендорф, молодые дипломаты Адам Тротт и Гельмут фон Мольтке. Все они вели энергичные переговоры с английскими дипломатами. Более того: *через эти каналы англичанам стало известно о намерении Гитлера предложить пакт о ненападении Советскому Союзу.* Тот же самый Вайцзекер, который вел переписку с Дирксеном и запрашивал его об условиях сделки с англичанами, тайком связался с англичанами и *ориентировал их о намерениях Гитлера*[139]. В своих Мемуарах Вайцзекер сообщил, что по его указанию братья Кордты «дали английским друзьям понять, что Гитлер хочет обогнать их в Москве».

Эта сторона деятельности оппозиции приобретает для нас особый интерес. Если бы англичане не знали о намерении Гитлера совершить «поворот» в отношениях с Советским Союзом, то тогда была бы логически оправдана их линия на переговорах в Москве. Однако это было не так. Уже в мае 1939 года один из лидеров оппозиции Карл

Гёрделер через своих посредников передал в Лондон соответствующие сведения, полученные им из немецких военных кругов[140]. Вслед за ним сотрудник секретариата имперского министерства иностранных дел Эрих Кордт беседовал на эту тему с Ванситтартом[141].

Не менее важный зондаж шел через двух шведских промышленников, известных своими международными связями. Одним из них был миллионер Аксель ВеннерГрен, который стал посредником между Гитлером и Чемберленом. Другой — Биргер Далерус — являлся прямым уполномоченным Геринга. С английской стороны действо«вала группа влиятельных промышленников. Эти контакты состоялись в июне — августе 1939 года. 11 августа Гитлера посетил верховный комиссар Лиги наций в Данциге Карл Буркхардт — человек, через которого уже давно вились нити тайных связей с Германией. В ходе беседы Буркхардт выразил уверенность, что «западные державы всегда готовы к ведению переговоров», а фюрер подтвердил свое желание сотрудничать с Англией. О результатах беседы Буркхардт проинформировал правительства Англии и Франции[142].

14 августа — через день после начала англо-франко-советских переговоров в Москве — в Берлине появился деятель лейбористской партии Чарльз Роден Бакстон, тот самый, который в Лондоне беседовал с Дирксеном. Бакстон вручил представителю германского министерства иностранных дел меморандум с проектом широкого соглашения, признающего «Восточную Европу естественной жизненной сферой Германии»[143]. Все эти зондажи находили свое отражение даже в официальных беседах.

15 августа — в условиях, когда Чемберлену уже были известны советские предложения, — английский посол Гендерсон посетил статс-секретаря Вайцзекера и вполне определенно намекнул ему на то, что предложения сэра Горация Вильсона остаются в силе. Как записал Вайцзекер, Гендерсон «намекнул на возможность будущих всеобъемлющих германо-английских переговоров по таким крупным вопросам, как колонии, сырье и т. д.». Однако, добавил Гендерсон, «положение стало сложнее и серьезнее, чем в прошлом году, ибо Чемберлен со своим зонтиком уже больше не может прилететь сюда»[144].

Воистину крик души закоренелого мюнхенца! Как хотелось бы Гендерсону, чтобы было достигнуто новое соглашение типа Мюнхенского и в здании имперской канцелярии вновь появился сэр Невиль Чемберлен со своим знаменитым зонтиком. Пожалуй, зонтик был еще более выразительным символом Мюнхена, чем сам Чемберлен. Все шло к тому, что в один прекрасный день зонтик снова выйдет из дома № 10 по Даунингстрит, направится на аэродром, очутится в самолете, совершит вояж в Берлин и, выйдя через день-другой из самолета на Кройдонском аэродроме, покажет собравшимся листок бумаги и заговорит голосом сэра Невиля:

— Господа, я привез вам мир на вечные времена. Англо-германский мир и гибель коммунизма!

Но что должен был делать перед лицом такой вполне реальной перспективы Советский Союз?

Разгаданная игра

В дипломатической игре западноевропейских держав, которая велась летом 1939 года, был поставлен своеобразный рекорд запутанности, ибо борьба эта развертывалась сразу в нескольких плоскостях:

первая (английская): переговоры с Советским Союзом о возможном сотрудничестве с ним и Францией для отражения нацистской агрессии;

вторая (англо-французская): переговоры *о* линии поведения по отношению *к* СССР;

третья (англо-французская): переговоры с Польшей как вероятным объектом германской агрессии;

четвертая (англо-немецкая): секретные переговоры с немецкими официальными лицами с целью выяснения возможностей сговора с Германией;

пятая (англо-немецкая): секретные переговоры с неофициальными немецкими представителями с целью определить подлинные намерения Германии;

шестая (немецко-английская): неофициальное информирование Англии о намерениях Германии зондировать позицию СССР.

Поистине в этой игре можно было запутаться! Тем более что почти все стороны, участвовавшие в переговорах в одной плоскости, знали (или догадывались), что происходит в другой. Так, немцы примерно знали, как идут переговоры Англии и Франции с СССР, и еще точнее знали, какова позиция Польши. Англичане знали, как орудует Германия за дипломатическими кулисами.

Но и Советский Союз, вокруг которого стягивалось кольцо дипломатического заговора, знал, что Англия ведет двойную игру и не прочь сговориться с гитлеровской Германией. Опубликованные МИД СССР в 1971 году документы из архивов советской дипломатии периода 19381939 годов — они увидели свет в исключительно важной и интересной книге «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны» — вводят нас в курс той активной и неустанной борьбы,

которую вела советская дипломатия, выполняя решения Коммунистической партии, направленные на защиту мира и социалистического строительства. Донесения советских послов из европейских столиц, выступления руководящих деятелей партии и правительства, директивы и ориентировки говорят о том, что все силы и средства были брошены на защиту интересов нашей страны.

Если проследить, например, доклады советских посольств из Лондона и Парижа, то из них можно видеть, что тайные ходы мюнхенцев, в том числе и пресловутые переговоры Вильсона с Вольтатом, не остались вне поля зрения советской дипломатии. Советское правительство знало о том, какая тонкая сеть интриг плетется империалистическими политиками, стремившимися возвести вокруг СССР глухую стену дипломатической изоляции. Для срыва этого замысла советская политика располагала мощными средствами.

...Сегодня, через 30 с лишним лет после драматических событий преддверия второй мировой войны, мы можем приподнять занавес над этими событиями при помощи еще одного весьма надежного свидетеля — архивов, в которых хранятся донесения, поступавшие в Москву от отважных советских разведчиков, работавших за пределами нашей страны — в Берлине, Токио, Лондоне, Варшаве. Эти документы обнародованы в 1971 году в упомянутой выше публикации МИД СССР[145].

Многие имена авторов донесений, поступавших в Москву, сейчас известны всему миру. Среди них — Герой Советского Союза немецкий антифашист Рихард Зорге. От его проницательного взгляда и аналитического ума не укрывались самые секретные планы третьего рейха. Так, сразу после мюнхенского сговора Рихард Зорге доносил из Токио (3 октября 1938 года):

«От военного атташе [имелся в виду германский военный атташе в Японии полковник Матцкий. — Л.Б.] получил сведения о том, что после разрешения судетского вопроса следующей проблемой будет польская, но она будет разрешена между Германией и Польшей подружески в связи с их совместной войной против СССР»[146].

Примерно такого же рода сведения получили советские разведчики в Варшаве: их «невольным» источником был немецкий дипломат Рудольф фон Шелия — выходец из известной аристократической семьи, ненавидевший «выскочку» Гитлера. Он

охотно делился своими мыслями и известными ему сведениями с одним немецким коммерсантом, которого считал связанным с западными кругами; в действительности же сведения фон Шелия шли в Москву. Так, 18 ноября 1938 года Рудольф фон Шелия рассказал о своей беседе с вице-директором политического департамента министерства иностранных дел Польши Кобыляньским:

«Кобыляньский сказал: «Министр не может говорить так открыто, как могу говорить я. Вопрос о Карпатской Руси имеет для нас решающее значение. Вы видите, какое беспокойство вызывает этот вопрос в наших украинских областях. Мы подавляли и будем подавлять это беспокойство. Не делайте для нас невозможным проведение нашей политики. Если Карпатская Русь отойдет к Венгрии, то Польша будет согласна впоследствии выступить на стороне Германии в походе на Советскую Украину»[147].

Эта преступная идея сговора с Германией пропагандировалась очень энергично. 28 декабря 1938 года Шелия беседовал с одним польским дипломатом, который получил от своего правительства такую ориентацию:

«Политическая перспектива для европейского Востока ясна. Через несколько лет Германия будет воевать с Советским Союзом, а Польша поддержит, добровольно или вынужденно, в этой войне Германию. Для Польши лучше до конфликта совершенно определенно стать на сторону Германии, так как территориальные интересы Польши на западе и политические цели Польши на востоке, прежде всего на Украине, могут быть обеспечены лишь путем заранее достигнутого польско-германского соглашения»[148].

13 февраля 1939 года немецкий посол в Варшаве Мольтке заявил одному из своих собеседников, что «Польша в случае германорусского конфликта будет стоять на нашей стороне»[149]. Но вскоре эта уверенность сменилась другими настроениями: из предыдущего изложения мы знаем, что, выжав из Польши все, что помогало подготовке войны против СССР, нацистское руководство избрало Польшу своей очередной жертвой. Об этой смене настроений рассказал хорошо информированный сотрудник Риббентропа д-р Петер Клейст одному немецкому журналисту, и эти высказывания тоже стали известны в Москве. Вот что было сообщено:

«В ходе дальнейшего осуществления германских планов война против Советского Союза остается последней и решающей задачей германской политики. Если раньше надеялись заполучить Польшу на свою сторону в качестве союзницы в войне против Советского Союза, то в настоящее время Берлин убежден, что Польша по своему нынешнему политическому состоянию и территориальному составу не может использоваться против Советского Союза в качестве вспомогательной силы. Очевидно, Польша должна быть вначале территориально разделена (отделение областей, принадлежавших ранее Германии,, и образование западно-украинского государства под германским протекторатом) и политически организована (назначение надежных с германской точки зрения руководителей польского государства), прежде чем можно будет начать войну с Россией при помощи Польши и через Польшу»[150].

Чем ближе дело шло к развязыванию войны, тем интенсивнее шел закулисный торг. 15 апреля 1939 года Рихард Зорге сообщал:

«Второй секретарь германского посольства возвратился из Берлина, где участвовал в ряде совещаний в министерстве иностранных дел. На совещаниях присутствовал Риббентроп. Секретарь заявил, что в течение ближайшего года или двух лет политика Германии будет исключительно сконцентрирована на французском и британском вопросах с учетом всех вопросов, связанных с СССР.

Главная цель Германии — достичь такой политической и военной силы, чтобы Англия была вынуждена без войны признать требования Германии на гегемонию в Центральной Европе и ее колониальные притязания.

Только на этой основе Германия будет готова заключить продолжительный мир с Англией, отрекшись даже от Италии, и начать войну с СССР»[151].

Через некоторое время советское руководство располагало более подробной информацией о замыслах Гитлера, которая гласила:

«По собственным словам Гитлера, сказанным им несколько дней тому назад Риббентропу, Германия переживает в настоящий момент этап своего абсолютного военного закрепления на востоке, которое должно быть достигнуто с помощью жестоких средств и невзирая на идеологические оговорки. За беспощадным очищением востока

последует «западный этап», который закончится поражением Франции и Англии, достигаемым политическим или военным путем. Лишь после этого станет возможным великое и решающее столкновение с Советским Союзом и будет осуществим разгром Советов.

В настоящее время мы [то есть нацистское руководство. — Л. Б.] находимся еще на этапе военного закрепления на востоке. На очереди стоит Польша. Уже действия Германии в марте 1939 г. — создание протектората в Богемии и Моравии, образование словацкого государства, присоединение Мемельской области — были не в последнюю очередь направлены против Польши и заранее рассматривались как антипольские акции. Гитлер понял примерно в феврале этого года, что прежним путем переговоров Польшу нельзя привлечь на свою сторону. Таким образом, он решил, что необходимо силой поставить Польшу на колени. Узкому кругу доверенных лиц Гитлера было известно, что последнее германское предложение Польше было сделано в твердом убеждении, что оно будет ею отвергнуто. Гитлер и Риббентроп были убеждены в том, что по соображениям внутренней и внешней политики польское правительство не сможет согласиться с германскими требованиями. Только по этой причине в германское предложение ничтоже сумняшеся вставили пункт о немыслимой самой по себе гарантии неприкосновенности границ Польши в течение 25 лет. Расчет немцев был правильным. В результате отказа Польши мы смогли фактически избавиться от германо-польского пакта о ненападении и получили по отношению к ней свободу рук.

Если развитие пойдет в соответствии с германскими планами и если Польша добровольно не капитулирует в ближайшие недели, что мы вряд ли можем предположить, то в июле — августе она подвергнется военному нападению. Польский генеральный штаб считается с возможностью военных действий осенью, после уборки урожая. Действуя внезапно, мы надеемся смять Польшу и добиться быстрого успеха. Больших масштабов стратегическое сопротивление польской армии должно быть сломлено в течение 8 — 14 дней...

Завершение подготовки Германии к войне против Польши приурочено к июлю — августу...»[152].

Далее в сообщении говорилось:

«Весь этот проект встречает в Берлине лишь одну оговорку. Это — возможная реакция Советского Союза»[153].

Таким образом, картина становилась довольно ясной: замысел Гитлера начать войну в августе — сентябре можно было считать определенным. Наличие такого намерения подтвердил и Рудольф фон Шелия, который рассказал 7 мая 1939 года:

«За последние дни в Варшаву прибыли: 1) ближайший сотрудник Риббентропа Клейст с заданием определить настроение в Польше; 2) германский военно-воздушный атташе в Варшаве полковник Герстенберг, возвратившийся из информационной поездки в Берлин;

3) германский посол в Варшаве фон Мольтке, который ио указанию Гитлера был задержан почти на целый месяц в Берлине и в настоящее время, не получив директив о дальнейшей политике в отношении Польши, вновь занял свой пост. Сообщения Клейста и Герстенберга о нынешних планах Германии были идентичными. Мольтке в ответ на заданный ему вопрос заявил, что он также слышал в Берлине об отдельных частях этих планов...

По мнению немецких военных кругов, подготовка удара по Польше не будет завершена раньше конца июля. Запланировано начать наступление внезапной бомбардировкой Варшавы, которая должна быть превращена в руины. За первой волной эскадрилий бомбардировщиков через 6 часов последует вторая, с тем чтобы завершить уничтожение. Для последующего разгрома польской армии предусмотрен срок в 14 дней...

Гитлер уверен, что ни Англия, ни Франция не вмешаются в германо-польский конфликт»[154].

Какова же была позиция польских и английских мюнхенцев? Об этом Шелия информировал своего собеседника 25 мая:

«Фон Шелия рассказал, что по инициативе вицеминистра иностранных дел Польши Арцишевского германский посол фон Мольтке 19 или 20 мая был вместе с Арцишевским на завтраке у болгарского посланника в Варшаве. Арцишевский действовал с согласия Бека. Арцишевский говорил, что Бек весьма неохотно принимает участие в проведении нынешней политики Польши и, конечно, был бы готов договориться с Германией, если бы удалось найти какую-либо форму, которая не выглядела бы как капитуляция. Бек считает, что война между Германией и Польшей была бы

бессмыслицей, из которой извлекли бы выгоду лишь другие. Какое большое значение Бек придает тому, чтобы не раздражать Германию, показывает та сдержанность, которую Польша проявляет в отношении переговоров о пакте между Западом и Советским Союзом»[155].

Когда же советско-франко-английские переговоры стали реальностью, усилия гитлеровской дипломатии были сосредоточены на том, чтобы не допустить создания единого антинацистского фронта. Так, 7 августа 1939 года из высказываний немецкого военно-воздушного атташе в Польше Герстенберга стало известно:

«В настоящее время решение принято. Еще в этом году у нас будет война с Польшей. Из совершенно надежного источника я [то есть Герстенберг. — Л. Б.j знаю, что Гитлер принял решение в этом смысле. После визита Вольтата в Лондон Гитлер убежден в том, что в случае конфликта Англия останется нейтральной. Переговоры западных держав с Москвой п входят неблагоприятно для нас. Но и это является для Гитлера еще одним доводом в пользу ускорения акции против Польши. Гитлер говорит себе, что в настоящее время Англия, Франция и Советский Союз еще не объединились; для достижения соглашения между генеральными штабами участникам московских переговоров потребуется много времени; следовательно, Германия должна до этого нанести первый удар. Развертывание немецких войск против Польши и концентрация необходимых средств будут закончены между 15 и 20 августа. Начиная с 25 августа следует считаться с началом военной акции против Польши»[156].

Итак, имея возможность суммировать данные, поступавшие в Москву по всем возможным каналам — от советских дипломатов, от друзей нашей страны за рубежом, от нашей внешнеполитической разведки, — Советское правительство шло по единственно верному пути срыва замыслов империалистических держав. В сложнейшей обстановке оно должно было искать средства для обеспечения интересов первой в мире страны социализма.

«Перед Коммунистической партией и Советским правительством, — отмечается в «Истории КПСС», — со всей остротой встала задача не допустить международной изоляции СССР, создания единого империалистического фронта. При решении этой важнейшей внешнеполитической задачи партия руководствовалась указаниями В. И. Ленина, который неоднократно подчеркивал необходимость

использования разногласий между империалистическими державами, чтобы затруднить их объединение в антисоветских целях. Он говорил: «...правильна ли наша политика использования розни между ними (империалистами. — *Ред.)*, чтобы затруднить для них соединение против нас? Конечно, такая политика правильна»...»[157].

Именно из этих ленинских указаний исходили Коммунистическая партия и Советское правительство, решая принять неоднократно выдвигавшееся Германией предложение заключить с ней договор *о* ненападении. Советско-германский договор о ненападении был подписан 23 августа 1939 года сроком на десять лет.

Если бы ждали дольше...

Очень трудно исследовать гипотетические положения и точно сказать, что случилось бы, если бы Советский Союз осенью 1939 года продолжил бесконечные тройственные переговоры.

Все же иногда бывает полезно рассмотреть возможное, чтобы понять реальное. Попытаемся же разобраться в данной гипотетической ситуации по частям.

Проблема первая: что дало бы продолжение тройственных переговоров?

Этот вопрос я задавал Ивану Михайловичу Майскому и Николаю Герасимовичу Кузнецову. Оба убеждены, что затягивание переговоров с англо-французской стороны носило не тактический, а «стратегический» характер. Ни Англия, ни Франция не имели целью заключить соглашение — в противном случае они могли бы заставить Польшу и Румынию дать согласие на пропуск советских войск через свою территорию. Сама идея договора с СССР казалась таким деятелям, как Чемберлен, немыслимой.

Не следует забывать, подчеркивал И. М. Майский, что в то время мы имели дело не с Англией Черчилля, а с Англией Чемберлена и Галифакса.

По свидетельству Н. Г Кузнецова, в среде советской делегации поведение английских и французских уполномоченных вскоре~ после начала переговоров вызвало серьезное недоверие, и это недоверие потом лишь укреплялось. Таково же было мнение И. В. Сталина, которому советская делегация каждый день докладывала о ходе переговоров.

Но если бы Советский Союз уступил своим западным партнерам и не прервал переговоры, а стал ждать ответа? Существовал ли шанс, что Польша и Румыния изменят свою позицию?

Если вернуться к трудным дням августа 1939 года, то хроника этих дней говорит: 21 августа 1939 года польское правительство снова категорически заявило, что оно не разрешит пройти советским войскам. Такова же была позиция Румынии. Правда, 23 августа

полковник Бек дал свое согласие — но не на проход советских войск, а па «возможное сотрудничество» Польши и СССР в случае германской агрессии. Однако даже в этой ситуации Бек ставил условия, а именно: он соглашался лишь «на рассмотрение во время переговоров в Москве всех гипотез возможного сотрудничества». В принципе это согласие ничего не значило. Во-первых, оно было дано слишком поздно, то есть тогда, когда и Галифакс, и Бек уже знали, что польский ответ ничего не изменит. Во-вторых, оно означало лишь еще одну оттяжку. Да к тому же абсолютно неясно, поступило ли бы вообще это согласие, если бы не сообщение о визите Риббентропа в Москву. Бек дал согласие 23 августа, уже зная о визите и будучи почти уверенным, что это его согласие никому не нужно.

Тогда напрашивается другой вопрос: можно ли было подписывать соглашение на основе англо-французских предложений? Предположим, что СССР все-таки подписал военную конвенцию, проект которой предлагали Англия и Франция. Этот проект, как известно, содержал три пункта:

конвенция осуществляется «как следствие постановлений договоров» в тех случаях, которые предусмотрены этими договорами;

союзники обязываются установить «непрерывные, прочные и долговременные фронты» на восточных и западных границах Германии;

союзники будут «действовать всеми своими силами... на всех... фронтах до низвержения германской мощи», и их решения будут «согласовываться по мере развития событий».

...И вот начинается война. Германия вторгается в Польшу. Все три страны, подписавшие конвенцию, вступают в состояние войны — но с одной особенностью. Англия и Франция остаются в своем «прекрасном далеке»: Англия — за Ла-Маншем, а Франция, согласно подлинному плану Гамелена (а не обещаниям Думенка), спокойно наблюдает за событиями из-за линии Мажино. Зато обе они достигают желанной цели: Советский Союз вовлечен в мировую войну. Вермахт быстро проходит через Польшу, а Советский Союз не может ввести в Польшу свои войска. Через 2 — 3 недели вермахт уже на советских границах, и перед ним СССР, находящийся в состоянии войны с Германией. Итог — война в 1939 году.

Разберем две возможные ситуации. *Первая:* СССР не вступает в схватку за Польшу (что, кстати, наложило бы на него такое же клеймо предателя, как на Англию и Францию). Тогда вермахт выходит *к* Негорелому (60 километров от Минска) и вступает в соприкосновение с Красной Армией. Весьма проблематично, что такое противостояние не означало бы войну. Еще в 1939 году известный французский публицист Пертинакс полагал, что «Россия, поставляя оружие [союзникам. — Л. Б.], навлекла бы на себя гнев Гитлера и поставила бы себя под удар со стороны польского тыла»[158]. А. Верт указывает, что «русским надо было готовиться *к* неизбежности нового гитлеровского натиска на Восток»[159]. А Грегоре Гафенку (отнюдь не друг СССР) считал, что «если бы, несмотря па достижение принципиального соглашения [между тремя державами. — Л. Б.], война все же вспыхнула, Германия повернула бы главные свои силы против СССР»[160]. Наконец, во время московских переговоров адмирал Дракс сам рисовал невеселую перспективу того, что Польша и Румыния «станут немецкими провинциями».

Сколько времени продлилось бы советско-германское «противостояние» на границе? Зная любовь Гитлера к провокациям, можно полагать, что недолго. Ведь обе страны находились бы в состоянии войны! *Если Гитлер в 1941 году напал на нашу страну, имея с ней пакт о ненападении, то что помешало бы ему сделать это, находясь в состоянии войны с нами?*

Разумеется, была бы и *вторая* возможность: не дожидаясь выхода немецких войск к Негорелому, встретить их на территории Польши. Но это подавно означало бы, что Советский Союз немедленно оказался бы втянутым в войну (да еще вдобавок имея Польшу своим противником, поскольку не было бы ее согласия на пропуск Красной Армии!).

Чего же могла в таком случае Красная Армия ожидать от Англии и Франции? Она апеллировала бы *к* пунктам конвенции, на что последовал бы ответ: господа, создавайте «непрерывный фронт» на Востоке, а мы его уже создали у линии Мажино! Помощь? Увы, она не предусмотрена конвенцией. Извольте драться до «низвержения германской мощи»...

Судите сами: в сентябре 1939 года Англия и Франция не оказали никакой реальной помощи союзной с ними буржуазной Польше, с

которой обе страны были связаны социальными, политическими и военными узами. Ни одна французская дивизия не вышла за линию Мажино, ни одна англо-французская эскадрилья не появилась в воздухе над Германией. Это исторический факт. Так какое же основание было полагать, что Чемберлен и Даладье помогли бы Советскому Союзу?

Перевес сил Германии над СССР был бы в 1939 году весьма значителен: вермахт уже отмобилизовал более 150 дивизий (до 3 миллионов человек), а вооруженные силы **СССР** составляли около 2 миллионов человек[161]. По плану Б. М. Шапошникова, СССР мог выставить около 130 дивизий. Вдобавок значительные силы Красной Армии находились на Дальнем Востоке, где вели бои с японскими агрессорами.

К тому же речь шла не только о военных факторах. Наряду с тем, что Гитлер хотел «перестраховать» себя на Востоке путем политических **переговоров с СССР,** он мог быстро переориентироваться на «перестраховку» на Западе — путем политических переговоров с Англией. Как мы знаем, это было бы не столь трудно: стоило лишь подхватить шар, пущенный сэром Горацием Вильсоном.

Итак, *в ситуации, которая сложилась в Европе, у советских руководителей не могло быть никакой уверенности в том, что Англия и Франция пришли бы на помощь Советскому Союзу.* Чемберлен был бы просто счастлив, видя, что Германия увязает в войне, а Англия может сражаться «до последнего советского солдата»...

Проблема вторая: началась ли бы вообще вторая мировая война? Есть такие историки, которые считают, что если бы **СССР** не пошел на заключение пакта, то войны вообще не было бы, так как Гитлер не осмелился бы напасть на Польшу (тем самым высказывается клеветническая идея, что Советский Союз — виновник войны).

Это предположение ни на чем не основано. Если вспомнить первую директиву Гитлера о нападении на Польшу, то она была отдана задолго до того, как родилась идея пакта. Подготовка плана «Вайс» осуществлялась совершенно независимо от того, какую позицию займет СССР. Так, директива о нападении на Польшу была подписана 3 апреля и затем повторена в мае[162]. *Срок нападения на Польшу — 1 сентября — был определен еще* 11 *апреля, а затем повторен 16*

мая[163]. Печально знаменитая беседа фюрера с генералитетом состоялась 23 мая, когда о пакте еще и речи не было.

Все было нацелено на то, чтобы начать войну с Польшей — имея пакт с СССР или не имея его. Недаром Риббентроп да и сам Гитлер признавались, что речь идет совсем не о Данциге. Не для того были сосредоточены десятки дивизий вермахта на германо-польской границе, чтобы после отторжения Данцига распустить солдат по домам.

Предположение о том, что война не началась бы в 1939 году и что Гитлер стал бы еще долго выжидать, не заключи он германо-советский пакт, кажется мне необоснованным еще по одному важному соображению. Дело в том, что Гитлер не хотел и не мог ждать. В его беседах с генералитетом все время сквозила одна мысль: время работает не на Германию!

Отдавая в 1936 году приказ о разработке пресловутой «четырехлетки», Гитлер прямо указывал, что к 1940 году Германия должна быть готова *к* войне[164]. Чем дальше, тем больше фюрер торопился. В 1939 году он почти в каждой своей беседе с генералитетом говорил о факторе в семени и о том, что время работает не на Германию. И этого мнения придерживался не только он. В своих мемуарах сэр Айвон Киркпатрик записал, что, когда он уже после войны беседовал в Нюрнберге со своим «старым знакомым» Германом Герингом, тот подтвердил ему: 1939 год Германия считала оптимальным для начала войны[165].

Но, может быть, Гитлер впоследствии изменил свою точку зрения? Нет. 12 декабря 1944 года, беседуя с командирами дивизий перед началом Арденнского наступления, он говорил им:

«Итак, мы ведем борьбу, которая так или иначе неизбежно должна была наступить. Следует выяснить только один вопрос: был ли удачным момент ее начала? Политическая ситуация постоянно меняется. И тот, кто хочет достигнуть кажущейся ему необходимою политической цели, не действует в условиях стабильности, которая абсолютно гарантирует ему осуществление этой цели. Такого не бывает в политике: симпатии или антипатии народов — понятие весьма изменяющееся. В этом году я прочитал меморандум, который я составил сразу после польского похода в 1939 году. Я могу сегодня его отдать для опубликования в печати. Я могу сказать, что

действительность подтвердила его в каждом пункте, причем не один, а десять раз.

Тенденция этого меморандума состояла в том, чтобы доказать, что теоретически выгодная политическая ситуация в 1938 — 1939 годах отнюдь не была стабильной. Наоборот, она зависела от многих факторов, которые в любой момент могли измениться...

Кроме того, прибавляются военные факторы. Не существует момента, в котором мы можем считать вооружение законченным. Мы имели один раз счастье, бросив гигантские средства, — я израсходовал до 1939 года 92 миллиарда марок! — достичь полного превосходства в большинстве областей вооружения. Однако ясно, что это было лишь временное превосходство. Ибо в тот самый момент, когда мы, например, ввели новую тяжелую полевую гаубицу, другие государства уже начинали конструировать орудия с дальнобойностью, равной 18 километрам. В тот момент, когда мы ввели определенные виды танков, у русских уже были задуманы танки «КВ-1» и «КВ-2», а в первую очередь «Т-34». И эти типы уже были сданы в производство. Иными словами, сама война через один или два года показала нам, что некоторые наши типы, в которых мы могли считать себя абсолютно превосходящими в течение первых двух лет, оказались устаревшими.

Кроме того, надо было учесть следующий момент, который касался меня лично. Я был уверен в том, что в ближайшие 10, 20, 30 и, может быть, 50 лет в Германии не будет человека с таким авторитетом, с таким влиянием на нацию, с такой решимостью, какими обладаю я»[166].

Нет, в своем авантюристическом зуде Гитлер ни в коем случае не хотел ждать. Не мог ждать.

Проблема третья: если бы нападение на Польшу все таки совершилось, а Советский Союз остался бы, скажем, нейтральным, то что это означало бы?

Такая ситуация могла бы сложиться, если бы СССР ответил отказом на немецкое предложение, но и не заключил бы соглашение с Англией и Францией.

Конечно, развал Польши произошел бы в такие же «блиц-сроки». В конце сентября армия Гудериана была бы уже в 60 километрах от Минска. Правда, это не означало бы немедленного начала войны, но

стратегическое положение СССР резко ухудшилось бы. В том числе и потому, что Германия не остановилась бы на больше.

Если взглянуть на директиву об операции «Вайс», то в *ее* 1-м пункте имеется такая строчка: «Позиция лимитрофов будет определяться исключительно военными требованиями Германии»[167]. В беседе с генералами Гитлер более откровенно говорил о «необходимости решить прибалтийскую проблему»[168]. В переводе на обычный язык это могло означать только захват Литвы, Эстонии и Латвии.

Чтобы перепроверить свое предположение, я обратился к свидетелям — лицам, занимавшим в конце 30х годов ведущее положение в трех прибалтийских республиках.

...Юозас Урбшис теперь занимается переводами с французского на литовский. Когда я приехал к нему в Каунас, то застал его за очередной работой — переводом роллановского «Кола Брюньона». Урбшис был так глубоко погружен в мир образов и мыслей великого француза, что ему казалось трудным мысленно перенестись в другую историческую эпоху. Медленно, как бы преодолевая внутреннюю инерцию, он начал свой рассказ о положении Литвы в конце 30-х годов.

Профессиональный дипломат, посол, а затем генеральный секретарь министерства иностранных дел Литвы, Урбшис в конце 1939 года стал министром иностранных дел этого государства. Именно Урбшису пришлось первым выслушать от Иоахима фон Риббентропа ультимативное требование отдать Германии Клайпедскую область. Он рассказывает:

— Да, это было 20 марта 1939 года в большом кабинете Риббентропа на Вилыельм-штрассе. Насколько помню, об этой встрече я попросил сам. К тому времени немецкие притязания на Клайпеду стали носить столь вызывающий характер, что я хотел предпринять какие-то меры, чтобы избежать вооруженного конфликта и получить заверения, что Германия не предпримет шагов, которые привели бы к нарушению территориальной целостности Литвы. Помню, я возвращался из Италии через Берлин. Мне сообщили, что Риббентроп 20 марта меня примет. Во время визита я начал излагать свои соображения. Однако Риббентроп грубо меня оборвал и предъявил ультиматум: Литва должна немедленно отдать Германии Клайпедскую область...

Было заметно, что Урбшису нелегко говорить об этом, как и вообще об отношениях между Германией и прибалтийскими республиками на пороге второй мировой войны:

— Конечно, отношения между Литвой и Германией имели особенность. Она заключалась в прямых территориальных притязаниях Германии. Если по отношению к Латвии и Эстонии Германия внешне придерживалась дипломатических норм, то к нам прямо предъявлялись претензии. Антилитовская линия проводилась и в веймарскую эпоху, но Гитлер, придя к власти, резко ее усилил. Стала активно действовать его агентура в Литве национал-социалистская партия в Клайпеде. Клайпедские нацисты, базируясь на Кёнигсберг и Тильзит, готовили акты саботажа и террора. Знаменитый процесс Неймана — Засса показал, как далеко зашли провокационные действия Германии. И все это завершилось ультиматумом Риббентропа...

— Какое впечатление произвел па вас Риббентроп? Мой вопрос, видимо, был сформулирован неудачно. Урбшис ответил контрвопросом:

— Какое может произвести на вас впечатление человек, который хочет напасть на вас и отнять что-либо?

— Вспоминая о тех годах, — продолжал Урбшис, — конечно, ретроспективно видишь, что прибалтийские республики относились к Германии с большой подозрительностью. Это, кстати, можно сказать не только про малые страны Европы. И, конечно, пример Клайпеды говорит о том, что Германия питала агрессивные намерения против трех наших маленьких стран. Литва была вынуждена капитулировать. 23 марта немецкие войска вступили в Клайпеду, а в Каунас для «юридического оформления» агрессии был прислан господин Ганс Глобке — да, тот самый Глобке...

Я спросил:

— Как вы считаете, в случае отсутствия пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом Гитлер напал бы на прибалтийские республики?

Урбшис задумался.

— Да, пожалуй, они двинулись бы на нас. Или, *может* быть, решили бы немного подождать, сделать паузу и захватить наши республики, когда пошли бы на Советский Союз. Но если учесть, что

тогда немцы находились в состоянии полного опьянения своими успехами, можно полагать, что они не стали бы дожидаться...

Такова была оценка с литовской стороны. Но Литва, как заметил Урбшис, представляла собой «особый случай». Поэтому я решил продолжить свои беседы на эту тему.

Другим моим собеседником оказался Артур Стегманис, некогда занимавший пост директора политического отдела министерства иностранных дел буржуазной Латвии. Стегманис был хорошо знаком с политикой германского правительства по отношению к прибалтийским странам, поскольку в течение двух лет являлся первым секретарем, а затем советником посольства Латвии в Берлине. В 1939 году ему снова пришлось заниматься Германией, так как он был назначен руководителем специального ведомства по выполнению латвийско-германского соглашения о репатриации немцев из Латвии. Стегманис сказал:

— Разумеется, в официальных заявлениях германского правительства после прихода Гитлера к власти всегда говорилось о стремлении установить дружественные отношения с прибалтийскими республиками. Такие заявления делали представители министерства иностранных дел и другие высокопоставленные чиновники. Но тот, кто внимательно изучал германскую прессу и высказывания германских лидеров, мог сразу заметить, что для внешнего употребления произносились одни слова, а для внутреннего — совсем другие.

Перед тем, как поехать в Берлин, я внимательно проштудировал книгу Гитлера «Майн кампф», которая преисполнена биологической злобы к прибалтийским народам и в которой прямо говорилось о необходимости возвращения Германии на берега Балтийского моря. Когда об этом мне приходилось заговаривать с немецкими дипломатами, они заверяли, что слова Гитлера имели только «теоретический характер». Но это было маскировкой...

У Стегманиса были основания для таких умозаключений. Стоило открыть книги, журналы, выходившие в Германии в те годы, как можно было обнаружить определенные свидетельства о тех намерениях, которые строили немецкие нацисты по поводу Прибалтики. На пропагандистском рынке котировались книги Эрнста Брунова «Прибалтийское пространство» и Августа Виннига

«Тевтонский рыцарский орден и его замки», в которых описывались исторические права Германии на Прибалтику. Геополитик Пауль в своей книге «Расы и государства в северо-восточном районе» утверждал, что территория Германии должна быть расширена за счет земель бывшего тевтонского ордена. Газета Гиммлера «Дас шварце кор» опубликовала карту, на которой указывалось, что Латвия, Эстония и Литва принадлежали Германии еще в 1250 — 1400 годах.

Пангерманская пропаганда велась и в самой Латвии. Только в одной Риге в 1939 году действовало 66 различных немецких обществ, занимавшихся прогитлеровской пропагандой. Главным штабом пропаганды являлось так называемое «Германо-латвийское народное сообщество». Через это сообщество в Латвию в большом количестве присылались так называемые «паспорта предков» — они адресовались немцам, проживавшим за границей, для подтверждения их расовой принадлежности. Немцы не забывали напоминать правителям буржуазной Латвии, что именно германской интервенции те были обязаны сохранением капитализма в этой стране. Так, в начале 1939 года было торжественно отпраздновано двадцатилетие боев германского добровольческого корпуса за Ригу.

— Отношения между Германией и буржуазной Латвией, — продолжал Стегманис, — были очень сложными, как и бывают отношения между двумя диктатурами. Как известно, в Латвии с 1934 года была установлена диктатура Ульманиса. Среди лидеров тогдашней Латвии было много тех, кто склонялся к сотрудничеству с Германией. Однако они упускали из виду тот факт, что фашистская Германия имела собственные планы касательно Прибалтики. Посещая по служебным делам Ригу, я не раз имел случай докладывать министру иностранных дел Мунтерсу о своих впечатлениях по поводу немецкой политики. За время пребывания в Берлине я понял смысл немецких претензий и видел, что немецкие политики рассматривают латвийский народ как народ неполноценный. Это было заметно даже во время официальных переговоров, которые мне приходилось вести с немецкими представителями. Так, во время переговоров об осуществлении репатриации немцев из Латвии немецкий делегат Дюльфер позволил себе такие грубости, что мне ничего не оставалось другого, как покинуть зал переговоров. Кстати, мне рассказывали, что Дюльфер впоследствии вернулся в Ригу уже в качестве оккупанта...

— Как вы считаете, — повторил я свой вопрос, — какова была бы линия Гитлера, если бы не существовало советско-германского соглашения?

— У меня нет никакого сомнения, — ответил Стегманис, — что Гитлер немедленно захватил бы все прибалтийские республики. Могут возразить, что существовал пакт между Германией и Латвией, между Германией и Эстонией о ненападении. Но разве для Гитлера пакты что-либо значили?

Удар по вражеским планам

Смысл событий 1939 года — как бы он ни фальсифицировался на Западе — все-таки становится ясным и представителям западной общественности. С этой точки зрения очень характерна книга «Германо-советские отношения 1917 — 1941 гг.», принадлежащая перу известного западногерманского общественного и политического деятеля, социал-демократа Дитера Поссера. Анализируя причины, приведшие к заключению советско-германского пакта, Поссер проводит коренное различие между побудительными мотивами нацистского правительства и причинами, заставившими Советский Союз пойти на этот шаг. Он пишет:

«Для Советского *Союза* были решающими другие соображения. Он был убежден, что Гитлер будет стремиться к созданию «нового порядка» в Европе любыми средствами и в том числе пойдет на риск войны. Достичь сотрудничества с западными державами оказалось невозможным — преимущественно из-за сопротивления со стороны Польши. Англия и Франция также не проявили действительного желания вступить в коалицию; хотя они и хотели ограничить дальнейшую немецкую экспансию, но в то же время они ни в коем случае не хотели укрепления Советского Союза. Кроме того, советские политики опасались того, что западные державы могут сговориться с Гитлером за счет России... Дальнейшим мотивом советских действий было также стремление избегнуть войны на два фронта, так как в то время происходил военный конфликт на Дальнем Востоке с Японией, а Япония согласно антикоминтерновскому пакту 1936 года являлась союзником Германии»[169].

Да, пакт был для нашей страны вынужденным шагом, вызванным всем комплексом политики мировых держав после Мюнхена.

«При создавшихся условиях, — пишут авторы «Истории внешней политики СССР», вышедшей под редакцией Б. Пономарева, А. Громыко и В. Хвостова, — Советское правительство не могло отклонить германское предложение, так как это значило подвергнуть страну смертельному риску.

Конечно, Советское правительство не рассчитывало и не могло рассчитывать на верность гитлеровцев своим обязательствам. Но было очевидным, что на ближайшее время гитлеровская Германия не нападет на СССР Раже временное продление мира было чрезвычайно важным для него, принимая во внимание крайне острую и неблагоприятную обстановку, сложившуюся летом 1939 г., когда война началась бы в самых невыгодных для СССР обстоятельствах — в состоянии изоляции, и сразу на двух фронтах: против Германии и против Японии»[170].

В этой развернутой интерпретации действий Советского правительства, основанной на марксистском анализе конкретной исторической ситуации, я хотел бы выделить один момент, который обычно выпадает из поля зрения западных аналитиков: вопрос об угрозе для СССР войны на два фронта. Его легко упустить из виду, когда смотришь на карту, скажем, из Кельна, но он был далеко не безразличен для Москвы — особенно в условиях, когда осенью 1939 года война на дальневосточном фронте уже была реальностью.

Напомним факты. Общее стратегическое положение СССР, который являлся и является как европейской, так и азиатской державой, определялось в то время фактом неприкрытой японской агрессии на азиатском континенте. Уже в июле 1938 года Япония предприняла вторжение на территорию СССР близ Владивостока (в районе озера Хасан), которое было ликвидировано Красной Армией в августе того же года. Но это была не последняя «локальная война» в данном районе. 11 мая 1939 года японские войска повторили свои агрессивные действиями этот раз в районе Халхин-Гола на монголо-китайской границе, — нацеливая удар на Транссибирскую железнодорожную магистраль. Здесь начались серьезные бои, в которых к августу участвовало с японской стороны до 75 тысяч человек, а с советской — до 100 тысяч человек. К этому времени советско-монгольские войска уже отбили два японских наступления и ожидали третьего (оно было назначено японским командованием на 24 августа). Таким образом, «первый фронт» на Дальнем Востоке уже существовал. А надо ли доказывать, что такое угроза войны на два фронта? Эта опасность была предотвращена.

Более того: после августа 1939 года образовалась достаточно серьезная трещина в «Антикоминтерновском пакте» — возникли

трения между двумя главными империалистическими хищниками Германией и Японией. Подписанием пакта СССР расстроил планы той части японской военщины, которая связывала большие надежды с нападением Германии на нашу страну (а ведь в этом случае японские агрессоры могли бы рассчитывать на успех своих операций на наших восточных границах). Можно понять, с каким скрежетом зубовным было встречено сообщение о пакте в Токио. 24 августа 1939 года временный поверенный в делах СССР в Японии сообщал в Москву:

«Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь. Вчера и сегодня происходил непрерывный обмен визитами, и этот факт оживленно обсуждался членами правительства, двора и тайного совета... Газеты начинают, пока осторожно, обсуждать возможность заключения такого же пакта Японии с СССР. В качестве подготовки к этому вчера и сегодня под большими заголовками помещались сообщения корреспондентов из Берлина, где говорится: «Похоже на то, что Германия после подписания этого пакта будет стараться, чтобы Япония заключила с СССР такой же пакт»; «Риббентроп перед отъездом в Москву убеждал в этом японского посла Осима». В высказываниях многих видных деятелей признается неизбежность коренного пересмотра внешней политики Японии, и в частности к СССР»[171].

Действительно, в апреле 1941 года советской дипломатии удалось заключить договор о нейтралитете с Японией, что уменьшило для СССР угрозу войны на два фронта и укрепило безопасность наших дальневосточных границ.

Принимая свое решение, Советское правительство нанесло решительный удар по всем планам создания единого антисоветского фронта и в Европе: это решение срывало все замыслы европейских мюнхенцев, старавшихся объединить Германию, Англию и Францию в планах, направленных против Советского Союза. Если заглянуть в дневники некоторых главарей третьего рейха, например, Альфреда Розенберга, то там можно найти строки, пышащие гневом по поводу того, что был заключен пакт. Розенберг считал его чуть ли не «изменой» нацистским идеям.

...В конце 1970 года на западногерманском книжном рынке появился интересный документ — изданные мюнхенским Институтом современной истории дневники сотрудника абвера (управления разведки и контрразведки ОКВ) Гельмута Гроскурта. Дневники содержат много любопытных записей, касающихся кануна войны и отношения «высших кругов» третьего рейха к советско-германскому пакту. Так, Гроскурт прямо зафиксировал в своих записях сомнения, связанные с пактом («Не попались ли мы на удочку?»). «Японцы серьезно обеспокоены, — писал он в конце августа 1939 года. — Весь антикоминтерновский пакт зашатался»[172]. Согласно записям Гроскурта, Гитлер в специальной речи 27 августа, произнесенной перед высшими чинами рейха, был вынужден оправдываться, говоря, что пакт «неправильно понят» в рядах нацистской партии[173].

Представляет большой интерес свидетельство Гроскурта о том, как были встречены события августа 1939 года в одной из «центральных лабораторий» нацистской агрессии — в абвере, возглавлявшемся адмиралом Вильгельмом Канарисом. Гроскурт указывает, что Канарис возлагал большие надежды на то, что удастся достичь какого-то соглашения между Англией и Германией. Заключение же пакта между СССР и Германией наносило удар по этим надеждам, и чины абвера были крайне встревожены данным обстоятельством. Не менее встревожены они были также тем воздействием, которое оказал пакт на союзников и сателлитов Германии. Так, 27 августа Гроскурт докладывал от имени абвера начальнику генерального штаба Гальдеру: «Пакт ухудшает положение, так как нам теперь никто не верит». Вслед за этим оп отмечал в дневнике: «Испания: неблагоприятное воздействие пакта»[174].

В равной мере обеспокоены были и те германские военные круги, которые отнюдь не принадлежали к почитателям Гитлера. Так, уволенный в отставку с поста начальника генерального штаба генерал-полковник Людвиг Бек составил специальный меморандум под заголовком «Русский вопрос для Германии». В нем он резко осудил заключение пакта, считая, что тем самым совершился «возврат России в Европу» и после заключения пакта СССР будет «отягощать стратегическую свободу действий Германии». В частности Бек писал, что отныне «прибалтийские государства потеряны для Германии». Итак, налицо любопытное совпадение: как в «архинацистских» кругах,

так и в кругах, оппозиционно настроенных по отношению к Гитлеру, заключение пакта считалось фактом неблагоприятным с точки зрения далеких перспектив империалистической Германии.

Что же касается абвера, то там возмущались еще и по другой причине: адмирал Канарис давно носился с идеей использования украинской националистической эмиграции в целях создания базы для отторжения Советской Украины. Десятки тысяч марок были потрачены на изменников, которым абвер отводил роль сатрапов сначала в Западной Украине (после разгрома Польши), а затем — во всей Украине.

Этот план давно вынашивался в берлинских кабинетах: пожалуй, еще со времени кайзеровской оккупации Украины. Еще тогда в Берлин был вывезен недоброй памяти гетман Скоропадский, который был посажен на официальную пенсию от военных властей. Не получив, однако, от банкрота Скоропадского реальной помощи в осуществлении своих планов, вермахт обратился к другим националистическим группкам и группам, среди которых особое место заняла пресловутая организация ОУН, возглавлявшаяся сначала полковником Коновальцем, а затем Л1ельником. ОУН превратилась в главное орудие абвера. Для нее были созданы в Германии специальные диверсионные школы, а «внешней базой» была избрана Польша, где оуновцы совершали террористические акты против советских дипломатов и польских демократов. В этих подлых делах особенно отличились такие будущие тузы немецкого оккупационного режима, как Степан Бандера и Ришард Яры.

Не случайно в начинавшейся войне на Востоке абвер отводил своей оуновской агентуре особое место. Так, 9 сентября 1939 года, то есть уже после начала войны с Польшей, генеральный штаб отдал распоряжение о том, что на польской территории должны быть созданы три административные единицы: «Познань, Варшава, Западная Украина»[175]. Во исполнение этой директивы абвер срочно послал офицера из отдела диверсий и саботажа (абвер II) в штаб 14й немецкой армии «для отработки всех вопросов, связанных с Украиной». А 12 сентября на совещании в поезде Гитлера начальник отдела диверсий и саботажа Лахузен беседовал с Кейтелем и Риббентропом, обсуждая возможности действий украинских националистов в целях «образования самостоятельной польской и

галицийской Украины»[176]. Гроскурт занес в свой личный дневник, что немедленно установил контакты с Мельником и Яры, дабы ускорить их приготовления.

Но этим планам абвера не суждено было сбыться.

17 сентября, в условиях, когда развал польского государства стал фактом, Красная Армия выступила на защиту интересов народов Западной Украины и Западной Белоруссии.

«Партия и Советское правительство, — отмечается в «Истории КПСС», — учитывали, что нельзя полагаться на то, что гитлеровская Германия будет долго соблюдать свои обязательства по договору. В интересах обороны страны надо было остановить гитлеровские войска подальше от жизненных центров СССР, не позволить им вынести свои стратегические рубежи к советской границе. СССР не мог остаться равнодушным и к судьбам братского населения Западной Украины и Западной Белоруссии, не мог отдать его под фашистское иго. 17 сентября 1939 года Красная Армия перешла границу, в короткий срок заняла Западную Украину и Западную Белоруссию. Эти области воссоединились с Советской Украиной и Советской Белоруссией в единые государства украинского и белорусского народов»[177].

Это обстоятельство вызвало в германских военных кругах большое недовольство. В вышеупомянутом дневнике Гроскурта отмечалось, что в верхушке рейха и вермахта царило подлинное возмущение по поводу того, что немцы дали «большевикам возможность беспрепятственно продвинуться вперед». Ришард Яры был, по словам Гроскурта, «вне себя от возмущения». А генерал Гальдер даже назвал 17 сентября днем «позора немецкого политического руководства»[178]. Эти эмоции можно объяснить: в высшем руководстве вермахта были явно недовольны тем, что для будущего нападения на СССР ухудшаются исходные позиции.

События, развернувшиеся в Европе после августа 1939 года, показали, что решение Советского правительства помогло сорвать многие планы гитлеровской Германии. В частности были расстроены планы, касавшиеся Прибалтики, которую Альфред Розенберг однажды назвал «п вызванной стать областью немецкого поселения»[179]. Из рассказов Урбшиса и Стегманиса мы знаем, как далеко заходили эти планы, предусматривавшие создание новой базы агрессоров близ советских границ н порабощение народов Прибалтики. Приведу еще

один весьма характерный документ, касавшийся этой проблемы. 2 мая 1939 года сотрудник Риббентропа д-р Клейст излагал немецкие намерения следующим образом:

«В прибалтийских государствах мы хотим достичь такой же цели иным путем. Здесь не будет иметь места применение силы, оказание давления и угрозы (экономические переговоры с Литвой мы ведем, соблюдая в высшей степени лояльность и любезность). Таким способом мы достигнем нейтралитета прибалтийских государств, то есть решительного отхода их от Советского Союза. В случае войны нейтралитет прибалтийских стран для нас так же важен, как и нейтралитет Бельгии или Голландии; когда-то позже, если это нас устроит, мы нарушим этот нейтралитет, и тогда, в силу заключенных нами ранее пактов о ненападении, не будет иметь места механизм соглашений между прибалтийскими государствами и Советским Союзом, который ведет к автоматическому вмешательству СССР»[180].

Итак, вот какой была цель: сначала обеспечить нейтралитет, то есть «отход» прибалтийских государств от СССР, а затем нарушить этот нейтралитет и захватить Эстонию, Литву и Латвию. Осуществление этого замысла стало невозможным после заключения советско-германского пакта, а дальнейшее развитие событий показало, какие важные последствия имело заключение пакта для судеб этого района Европы.

В сентябре — октябре 1939 года Советское правительство предложило Латвии, Литве и Эстонии заключить пакты о взаимопомощи. Правительства этих стран, оказавшись в положении внешнеполитической изоляции и испытывая сильное давление со стороны своих народов, вынуждены были принять это предложение. Эти договоры содержали обязательство договаривающихся сторон оказывать друг другу всяческую помощь, включая и военную, в случае прямого нападения или угрозы нападения со стороны любой европейской державы. Предусматривались создание на территории Латвии, Литвы и Эстонии военных баз и размещение на них небольшого числа советских воинских частей. Заключенные договоры обеспечивали национальную независимость этим странам, были направлены против превращения их в плацдармы для нападения на СССР.

В Латвии, Литве и Эстонии происходили быстрое полевение масс и изоляция правящих фашистских клик. Правители этих стран Прибалтики пытались приостановить нарастание революционного кризиса. Одновременно они, видя, что договоры с Советским Союзом изолируют их от международного империализма, начали, с одной стороны, всячески саботировать договоры, а с другой — устраивать провокации и сколачивать реакционные силы против Советского Союза. Так, в декабре 1939 года и в марте 1940 года в Таллине и Риге состоялись закрытые конференции, обсуждавшие вопрос об организации военного союза прибалтийских государств против СССР и о создании так называемой «Прибалтийской конфедерации». Все эти шаги предпринимались в развитие идей антисоветской Балтийской антанты, созданной еще в 1934 году. В это же время встретились командующие армиями трех стран, а генеральные штабы Латвии, Литвы и Эстонии разрабатывали планы совместных военных действий против Советского Союза. Правящие круги прибалтийских стран пытались заручиться поддержкой Германии. Шеф департамента политической полиции Литвы дважды — в ноябре 1939 года и в феврале 1940 года выезжал в Берлин с просьбой об установлении немецкого протектората над Литвой, а эстонский уполномоченный посещал с этой же целью Берлин в ноябре 1939 года. Резко участились и другие враждебные Советскому Союзу акты.

В этой обострившейся обстановке правительство СССР 14 и 16 июня 1940 года обратилось к правительствам Латвии, Литвы и Эстонии с нотами, продиктованными интересами как советского народа, так и народов Прибалтики. Правительство СССР, разоблачая антисоветские провокации, предлагало строго соблюдать договоры о взаимопомощи. Для предотвращения новых провокаций и обеспечения безопасности своих малочисленных гарнизонов в Прибалтике оно считало необходимым ввести на предоставленные ранее базы дополнительные воинские контингенты. Правительства Латвии, Литвы и Эстонии были вынуждены принять предложение Советского Союза.

Советская политика дала возможность трудящимся прибалтийских государств понять подлинный характер курса правящих клик, замышлявших втянуть свои народы в войну против СССР Это привело массы в движение. В «Истории Коммунистической партии Советского Союза» констатируется:

«В Латвии, Литве, Эстонии в первой половине 1940 года складывалась революционная ситуация, созревали все условия для свержения фашистских режимов. Прибалтийские страны оказались слабым звеном в цепи империализма. Классовые противоречия здесь достигли наивысшего предела. Создавалась обстановка, когда «низы» не хотели жить по-старому, а «верхи» не могли управлять по-старому. Это был общенациональный кризис, затрагивающий и эксплуатируемых и эксплуататоров. Вместе с тем конкретные исторические условия, в которых возникла революционная ситуация в Латвии, Литве, Эстонии, открывали для рабочего класса и его компартий пути мирного развития революции, без гражданской войны. Возможность такого исхода событий при определенных условиях предвидел В. И. Ленин. Еще в 1916 году он писал, что «в отдельных случаях», в виде исключения, например, в каком-нибудь маленьком государстве после того, как соседнее большое уже совершило социальную революцию, *возможна* мирная уступка власти буржуазией, если она убедится в безнадежности сопротивления и предпочтет сохранить свои головы»[181].

Коммунистические партии Латвии, Литвы, Эстонии, руководствуясь марксистско-ленинским учением, повели народы своих стран *к* свержению полностью обанкротившихся фашистских режимов, *к* социалистической революции, восстановлению Советской власти»[182].

Как мы знаем, именно это и произошло летом 1940 года. В это же время совершилось воссоединение молдавского народа в единой советской республике и воссоединение Северной Буковины с Советской Украиной. Отторгнутые с помощью империалистов в годы гражданской войны и интервенции от Советской республики, они вернулись в семью народов, вместе с которыми боролись за революцию. Тем самым значительная территория — более 400 тысяч квадратных километров, на которой проживало более 20 миллионов человек, — выпала из системы империалистической политики, из системы империалистического военного планирования. Все эти действия СССР диктовались подлинными интересами противодействия агрессии, интересами социализма: от фашистского ига были спасены миллионы белорусов, украинцев, эстонцев,

латышей, литовцев, а передний край будущей обороны был выдвинут далеко вперед.

Наконец, активная политика Советского правительства сорвала важный замысел международного империализма, состоявший в том, чтобы вовлечь нашу страну в войну в неблагоприятных для нее условиях. В «Истории внешней политики СССР» приводится высказывание И. В. Сталина, сделанное в беседе с югославским послом М. Гавриловичем. Поведение Англии и Франции, говорил И. В. Сталин, ясно показало Советскому правительству, что «всякое заключение пакта с союзниками привело бы к тому, что Советскому Союзу пришлось бы нести все бремя германского нападения в момент, когда Советский Союз не мог справиться с германским нападением»[183].

Итак, этого удалось избежать осенью 1939 года. 1939 год стал для Советского Союза годом оттяжки надвигающейся опасности. Но опасность оставалась.

НА ПОДСТУПАХ К «БАРБАРОССЕ». Глава 5.

Война началась

Однажды — это было 5 апреля 1940 года — Йозеф Геббельс в узком кругу своих сотрудников решил изложить свои взгляды на методологию нацистской внешней политики. Эти рассуждения сохранились. Вот они:

«До сих пор нам удавалось оставлять противника в неизвестности по поводу подлинных целей Германии — точно так же, как до 1932 года наши внутриполитические противники не замечали, куда мы гнем. Тогда они не заметили, что наши клятвы в верности законности были всего-навсего притворством. Мы хотели легально прийти к власти, но отнюдь не собирались легально с ней обращаться... Нас, собственно говоря, можно было придушить, это было не так уж трудно. Однако этого не сделали. Точно так получилось и во внешней политике. В 1933 году премьер-министр Франции должен был сказать (а если бы я был им, то сказал бы) так: «Ага, рейхсканцлером стал человек, который написал «Майн кампф», где сказано то-то и то-то. Такого человека рядом с нами мы не потерпим: либо он уберется прочь, либо мы начнем воину!». Такой образ действий был бы вполне логичен. Но этого никто не сделал. Нас не тронули, нам дали миновать опасную зону, и мы смогли обойти все подводные камни...

Мы знаем наши цели, но мы их не предаем гласности. Если их облечь в слова, то у нас сразу появятся враги и начнется сопротивление. Сначала нам нужно приобрести мощь, а там мы уже посмотрим, что с ней делать... Цели приходится достигать по этапам. Каждый этап в отдельности понять легче, ибо он кажется достижимым, и любой может полагать, что он пройдет такой этап... Сегодня мы говорим: «жизненное пространство». Пусть каждый понимает под этим, что хочет. А мы заговорим, когда придет время»[184].

Период, последовавший за Мюнхеном, представил собой наглядную иллюстрацию того, как нацистской Германии удавалось действовать согласно этой методике. Можно сказать — это не методика, а форменный разбой. Но к какому иному средству может

прибегать государство, ставящее перед собой разбойничьи цели завоевания мирового господства? Если бы Геббельс произносил свою речь не 5 апреля 1940 года, а, скажем, 5 апреля 1960 года, он, конечно, прибегнул бы к иной терминологии и наверняка применил бы словечко «эскалация». Этот последний термин, пущенный в обращение американскими «политологами» в начале 60х годов, по своему потаенному содержанию мало чем отличается от циничной фразеологии Геббельса. Когда в 1962 году Соединенные Штаты послали военных советников на помощь южновьетнамскому диктатору Нго Динь Дьему, они «уже знали свои цели, но не предавали их гласности». За советниками последовали полки морской пехоты, за ними целые американские дивизии; за действиями на Юге Вьетнама — бомбежки Демократической Республики Вьетнам и Камбоджи («пусть каждый понимает под этим, что хочет»!). Шла эскалация — а на деле это была агрессия.

У нацистской Германии тоже была своя эскалация. Рейх начал ее еще в 1936 году вступлением в демилитаризованную Рейнскую зону, затем продолжил в 1938 году захватом Австрии и Судетской области Чехословакии, а в 1939 году — захватом остальной Чехословакии и нападением на Польшу.

Польская кампания продолжалась недолго. Она закончилась даже быстрее, чем предполагали в немецком генеральном штабе, — и уже надо было думать о следующем этапе. Действия Англии и Франции, хотя и вызвали раздражение фюрера, не причинили вермахту больших забот. Если против Польши было брошено 60 дивизий, то на французской границе были оставлены 23 — к тому же «второклассные» — дивизии.

В 1969 году на английском и западногерманском книжных рынках появилось исследование английского военного публициста Джона Кимхе, наделавшее много шума. Эта книга в английском варианте называется «Несостоявшаяся битва» (под таким заголовком она вышла и на русском языке в 1971 году); в немецком переводе она названа «Могла ли война кончиться в 1939 году?». Джон Кимхе тщательно проанализировал как архивные материалы, так и свидетельства очевидцев, касающиеся начального периода войны, а именно: первых сентябрьских недель 1939 года. Во введении к своей работе автор не без иронии пишет:

«Среди оставшихся в живых английских и немецких генералов существует общее мнение, что вторую мировую войну немцы проиграли вследствие того, что приковали себя к определенным решающим битвам, из которых им следовало бы своевременно выйти. Основная идея данной книги состоит в том, что в действительности в ходе всей войны, на всех театрах военных действий наиболее истребительной и решающей была та битва, с которой не стали связывать себя ни Англия, ни Франция, — «несостоявшаяся битва» периода первых трех недель сентября 1939 года. Она повлекла за собой больше человеческих жертв, чем все другие битвы, вместе взятые, — по меньшей мере двадцать миллионов»[185].

Это свое парадоксальное утверждение Джон Кимхе подкрепляет целым рядом фактов, заявляя, что если бы западные державы не пошли на «странную войну», а силами 85 французских и нескольких английских дивизий ударили по 23 слабым немецким дивизиям на франко-германской границе, то Гитлер бы уже тогда проиграл войну. Выводы Кимхе разделяет и другой исследователь этого периода — западногерманский историк Андреас Хильгрубер. В своей книге «Стратегия Гитлера» он пишет, что вермахт не выдержал бы соединенного удара Англии и Франции в сентябре 1939 года. «Тогда бы не только судьба Польши, но и все развитие второй мировой войны пошло по иному руслу»[186]. Но этого не произошло, когда Польшу постигла тяжелая судьба.

Гитлер был доволен развитием событий на фронте. Но он был недоволен поведением Советского Союза: его сокровенным желанием было втянуть СССР в прямые военные действия против Польши, и в адрес Шуленбурга летели одна телеграмма за другой... План заключался в том, чтобы заставить Советский Союз официально вступить в войну, тогда Англия объявила бы войну Советскому Союзу и тот оказался бы изолированным в будущем столкновении с Германией. Однако Советский Союз не клюнул на эту удочку.

Уже 12 сентября 1939 года — когда был ясен успех операции «Вайс» — Гитлер задумался над подготовкой новой операции — против Франции и Англии. 20 сентября Кейтель отдал соответствующее распоряжение ОКВ, причем Гитлер настаивал, чтобы новая операция началась сразу, без промедления, в конце осени 1939 года! Как вспоминал тот же Кейтель, некоторые дивизии были

отправлены иа Запад тотчас после взятия Варшавы (то есть после 27 сентября). Кейтель утверждал, что начало новой операции было назначено на 25 октября. Возможно, он ошибался, но то, что в генштабе серьезно думали о нападении на Францию уже в 1939 году, — неоспоримый факт[187].

23 ноября 1939 года в имперской канцелярии состоялось очередное совещание фюрера со своими генералами. Речь Гитлера опять была очень длинной, но в достаточной мере откровенной. Вот фрагмент стенограммы, который дает нам дополнительную возможность проникнуть в гитлеровскую «лабораторию войны»:

«Цель нашей встречи состояла в том, чтобы вы получили представление о мире моих идей, которые сейчас мною владеют, и чтобы вы узнали о моих решениях... Я в 1933 году пришел к власти. Позади был период тяжелых боев. Все, что было до меня, обанкротилось. Я должен был все реорганизовать снова, начиная с народа и кончая вермахтом. Сначала была предпринята внутренняя реорганизация — устранение явлений распада и пораженчества... В ходе внутренней реорганизации я поставил перед собой и вторую задачу — освободить Германию от ее международных обязательств. Следует обратить внимание на две вещи: выход из Лиги наций и отказ от конференции по разоружению. Это было трудное решение. было немало пророков, которые заявляли, что дело дойдет до оккупации Рейнской области, а число веривших мне было очень небольшим... После этого я дал приказ вооружаться. И здесь было много пророков, которые предсказывали неудачу, и было очень мало веривших. В 1935 году последовало введение всеобщей воинской повинности. Вслед за этим была осуществлена ремилитаризация Рейнской области — *еще* одна операция, которую никто не считал возможной. Мне мало кто верил. Затем началось создание укреплений по всей территории, в первую очередь на Западе.

Год спустя на повестку дня встала Австрия. И в этом шаге многие сомневались. Однако он принес существенное укрепление рейха. Следующий шаг — Богемия, Моравия и Польша. Но это нельзя было сделать единым духом. Сначала я должен был построить Западный вал. было невозможно достичь цели, не переводя дыхания. С самого начала мне было ясно, что я не мог удовлетвориться Судетской областей. Это была лишь часть решения вступить в Богемию. После

этого последовало создание протектората и тем самым была заложена основа для захвата Польши.

Но в это время мне еще не было ясно: должен ли я сначала ударить против Востока и после этого против Запада или наоборот? Мольтке в свое время стоял перед такой же проблемой. События развернулись так, что началось с борьбы против Польши...

Меня могут упрекнуть: борьба и снова борьба. Но я вижу в борьбе сущность всего живого. Никто не может уклониться от борьбы, если он не хочет погибнуть. Численность населения растет, и это требует увеличения жизненного пространства. Моей целью было создать разумное соотношение между численностью населения и жизненным пространством. Для этого необходима война. Ни один народ не может уклониться от решения этой задачи иначе он погибнет. Таковы уроки истории.

...После смерти Мольтке было упущено много возможностей. Решение было возможно только путем нападения на какое-либо государство при удобной ситуации. Политическое и военное руководство несло ответственность за то, что шансы были упущены. Военное руководство всегда заявляло, что оно еще не готово. В 1914 году началась война на несколько фронтов. Она не принесла решения проблемы. Сегодня пишется второй акт этой драмы. Впервые за 67 лет можно констатировать, что мы не должны вести войну на два фронта. Наступило то, о чем мы мечтали с 1870 года и что считали невозможным. В первый раз в истории мы должны вести войну только па одном фронте, а на другом руки у нас должны быть свободны. Однако никто не может знать, как долго так может продолжаться.

Я долго сомневался, где начинать — на Западе или на Востоке. Однако я не для того создал вермахт, чтобы он не наносил ударов. Во мне всегда была внутренняя готовность к войне. Получилось так, что нам удалось сначала ударить по Востоку. Причина быстрого окончания польской войны лежит в превосходстве нашего вермахта. Это славное явление в нашей истории. Мы понесли неожиданно малые потери в людском составе и вооружении. Теперь мы можем держать на Восточном фронте только несколько дивизий. Создалось положение, которое мы ранее считали недостижимым. Положение таково: па Западе противник сосредоточился за своими укреплениями. Нет возможности на него напасть.

Решает следующее: как долго мы можем выдержат такое положение? Россия в настоящее время не опасна. Она ослаблена многими внутренними событиями, а кроме того, у нас с ней договор. Однако договоры соблюдаются только до тех пор, пока они целесообразны... Мы сможем выступить против России только тогда, когда у нас будут свободны руки на Западе»[188].

Обратите внимание на фразу: «Мы сможем выступить против России только тогда, когда у нас будут свободны руки на Западе».

Иными словами: план операции на Западе рассматривался все в том же принципиальном ракурсе — под углом зрения будущей войны против Советского Союза!

Были и другие — дополнительные — соображения в пользу удара против Запада. Так, Гитлер хотел обезопасить Рурскую область, свой главный арсенал.

— У нас есть одна ахиллесова пята, — говорил Гитлер, — это Рурская область. От владения Руром зависит ход войны. Если Франция и Англия через Бельгию и Голландию нанесут удар по Рурской области, мы подвергается огромной опасности. Немецкое сопротивление придет к концу. На компромиссы надеяться нечего: победа или поражение. При этом речь идет не о судьбе национал-социалистской Германии, а о том, кто будет господствовать в Европе...

Как видим, Гитлер все время возвращался к своей генеральной идее, идее господства в Европе. Во имя этой цели и была разработана операция «Гельб» — поход против Франции.

Эта операция началась в 5 часов 35 минут 10 мая 1940 года и развивалась необычайно быстрыми темпами, завершившись к 25 июня. Будущий генерал бундесвера, а тогдашний майор танковых войск граф Иоганн Адольф фон Кильманзегг писал по этому поводу в своей книге «Танки между Варшавой и Атлантикой»: «Мы можем доложить, что выполнили задачу, возложенную на нас историей, Германией и фюрером»[189].

Правда, разгромив Францию, Гитлер не торопился взяться за уничтожение Англии. Ему казалось, что после краха Франции Англия без промедления капитулирует и, более того, присоединится к германо-итальянскому блоку. Именно об этом он говорил 2 июня 1940 года, в разгар французской кампании, когда появился в штабе генерал-фельдмаршала фон Рундштедта в Шарлевиле, чтобы задним числом

объяснить свой приказ об «остановке» немецких танковых войск перед Дюнкерком.

По поводу этого приказа до сих пор идет спор. Многие исследователи (в том числе и советские, например, большой знаток этого периода полковник В. И. Дашичев) приводят весьма убедительные соображения в пользу того, что решение Гитлера в основном имело военные резоны, а политические расчеты играли второстепенную роль. Но разве последние можно сбрасывать со счетов? Так, генерал Йодль занес в свой дневник запись, что 20 мая Гитлер во время оперативного совещания заметил: «Англичане могут немедленно получить сепаратный мир, если отдадут колонии»[190].

На следующий день представитель Риббентропа при генеральном штабе Хассо фон Этцдорф доложил Гальдеру: «Мы ищем контакт с Англией на базе раздела мира»[191].

Об этом же впоследствии вспоминал Кейтель: «После краха Франции он [Гитлер] надеялся на быстрое прекращение войны с Англией. И я знаю, что были предприняты соответствующие зондажи...»[192].

Когда же 2 июня 1940 года Гитлер прибыл к Рундштедту (к которому питал особую симпатию), то он, не упоминая о своих зондажах, говорил о своих целях. По его словам, Англия должна была лишь признать гегемонию Германии на континенте и даже могла не возвращать колонии. Главное: «настало время разделаться с большевизмом»[193].

Так по невидимой спирали мысли фюрера возвращались все к тому же пункту — уничтожению большевизма.

Идея, которая не умерла

Проблема создания «общеевропейской» антисоветской коалиции, при помощи которой Гитлер мог бы, как говорится, «в условиях максимального благоприятствования» осуществить свой поход против Советской России, продолжала занимать умы нацистских политиков и после начала польского похода, и в момент нападения на Францию.

Параллельность замыслов нацистских политиков в этом отношении была просто удивительной: с одной стороны, они с подлинно прусской последовательностью воплощали в жизнь один план захвата за другим: Австрия, Судетская область, остальная часть Чехословакии, Клайпеда, Польша, Дания, Норвегия, Франция, причем все эти планы составляли ступеньки к будущему плану «Барбаросса» — главному из главнейших планов немецкого и международного империализма. Но, с другой стороны, обращал на себя внимание парадокс: в перечне «ступеней» числились только капиталистические государствах том числе и те, которые могли бы быть в определенной ситуации военными союзниками и идеологическими партнерами Гитлера в походе против Советского государства. Антикоммунизм Гитлера и других империалистических немецких политиков был весьма своеобразным: он вовсе не мешал им глотать одно капиталистическое государство за другим...

Казалось бы, после официального начала второй мировой войны, после того, как Англия открыто объявила войну гитлеровской Германии, в имперской канцелярии должны были расстаться с идеей вовлечения ее в возможную антисоветскую коалицию. Но мы уже приводили слова Розенберга, который сформулировал задачу нацистской дипломатии как умение «делать из невозможного возможное». Как после Мюнхена, так и после нападения на Польшу Гитлер все еще надеялся заполучить Англию в качестве союзника — разумеется, младшего — в антисоветской коалиции.

Посланник Вальтер Хевель, один из немногих дипломатов, непосредственно причастных к стряпне на «дипломатической кухне» нацистской Германии, и бывший личный представитель Риббентропа

при ставке Гитлера, впоследствии дал следующее свидетельство на сей счет: «Гитлер сначала думал, что он сумеет изолировать Польшу и после победоносного окончания польского похода сможет достичь соглашения с западными державами. Он был убежден, что будет новое соглашение с Англией.

В беседе с Хессе, который, как можно понять, был обескуражен крахом своих попыток сговориться с сэром Горацием Вильсоном, Хевель, как бы утешая незадачливого участника тайных переговоров, заявил:

— Гитлер был готов продолжать начатые вами, гн Хессе, переговоры, как только будет для этого шанс. Он только хочет иначе сформулировать некоторые положения. Гитлер никогда не откажется от свободы рук в Восточной Европе, так как он убежден, что если он сделает англичанам такие уступки, то не сможет получить возможность для большого похода против России...

Несколько удивленный, Хессе спросил Хевеля:

— Каков же тогда смысл пакта, который он заключил с Советским Союзом?

Хевель отвечал:

— Цель пакта — принудить англичан к нейтралитету. А теперь, когда даже эта цель не достигнута, Гитлер вовсе и не собирается соблюдать пакт![194]

Хевель при этом пояснил, что сейчас — а это был период после нападения на Польшу и перед нападением на Францию — Гитлер использует для зондирования английской позиции не только Риббентропа (а следовательно, Хессе), но и профессора Альбрехта Хаусхофера — сына основателя геополитики Карла Хаусхофера и личного друга заместителя фюрера Рудольфа Гесса.

Запомним это оброненное замечание Хевелем — имя Хаусхофера еще встретится нам в совершенно определенной связи — и продолжим изучение той зловещей параллельности, о которой писалось выше.

Нападение на Францию состоялось 10 мая 1940 года. Как известно, эта военная операция длилась недолгого 22 июня, когда была подписана капитуляция Франции. Но еще за 14 дней до окончания военных действий в Берлин поступил от одного из агентов нацистской разведки доклад, в котором содержался отчет о контактах с английской агентурой. Эта агентура, как сообщает Хессе, поддерживала контакты

через папского нунция в Берне. Английский агент, действовавший по полномочию английского генерального консульства в 7Кеневе, явился к немецкому генеральному консулу в Цюрихе, а также к тамошнему уполномоченному адмирала Канариса и начал зондаж возможных условий компромисса между Англией и Германией. С английской стороны были сделаны такие предложения:

денонсация советско-германского пакта,
восстановление границ 1914 года на Востоке,
отказ Германии от Эльзаса и Лотарингии,
«гарантии» Польше и Чехословакии,
возврат Германии ее бывших колоний,
создание франко-германо-английской коалиции.

Однако Ватикан был не единственным посредником в этой хитроумной операции международного антикоммунизма. Из воспоминаний министра иностранных дел Италии Чиано известно следующее обстоятельство: в ночь с 17 на 18 июня 1940 года состоялась очередная встреча между Гитлером и Муссолини в Мюнхене, на которой обсуждались планы расправы с побежденной Францией. Параллельно велись переговоры между министрами иностранных дел обеих стран, причем эти переговоры приняли очень странный оборот. Чиано спросил Риббентропа:

— Вы предпочитаете продолжение войны или заключение мира?

Мы помним, что однажды точно такой разговор уже состоялся между Чиано и Риббентропом — это было на пороге второй мировой войны. Тогда на вопрос Чиано, хочет ли Гитлер захвата Данцига, Риббентроп ответил: «Нет... Нам нужна война». Так было в 1939 году. В июне же 1940 года Риббентроп дал совсем другой ответ:

— Мы предпочитаем мир. Лондон уже установил доверительный контакт с Берлином через Швецию[195].

С чего бы это? Что имел в виду Риббентроп? Долгое время на этот вопрос нельзя было ответить — до тех пор, пока много лет спустя бывший посол Швеции в Лондоне Бьерн Притц не сообщил о беседах, которые он имел в июньские дни 1940 года в Лондоне. В июне 1940 года, то есть как раз перед встречей Риббентропа с Чиано, состоялась другая встреча. Ее участниками были Бьерн Притц и заместитель министра иностранных дел Англии Ричард Батлер. Разумеется, они разговаривали о ситуации, которая складывалась на полях сражений

Франции, и Притц не мог не поинтересоваться мнением Батлера о дальнейшем ходе событий. Батлер довольно откровенно сказал, что считает необходимым заключить мир и найти компромисс с Германией. Более того, Батлер заявил, что Галифакс (который в то время все еще был министром иностранных дел) разделяет его точку зрения. На основании этой беседы Притц послал срочную шифровку в Швецию, в которой он довел до сведения министра иностранных дел Швеции Гюнтера о том, что «часть английского правительства стремится к миру с Германией»[196].

Был ли это блеф со стороны Батлера? К сожалению, нет. И не только Риббентроп считал дело не лишенным перспектив. В частности, вечером того же 18 июня Гитлер встретил Геринга на франкфуртском аэродроме и подтвердил, что надеется на соглашение с Англией. А 23 июня в беседе с главнокомандующим сухопутными войсками генерал-полковником фон Браухичем фюрер заявил, что «Англия будет вести себя покорно»[197]. Наконец, в эти же дни фон Вайцзекер записал, что «в нынешнем английском кабинете пробивает себе дорогу миролюбивое настроение», и прямо назвал при этом имя Галифакса[198]. Как видим, разговоры Батлера с Притцем дошли не только до Швеции, но и до Германии.

Впрочем, шифровки Притца не были единственным каналом возможного сговора. 22 июня итальянский посол в Стокгольме довел до сведения руководства держав «оси», что «английский посол [в Швеции. — Л. Б.] заявил министру иностранных дел Гюнтеру, что Англия готова вступить в мирные переговоры с Германией и Италией»[199], и такие же донесения поступили из Венгрии. Итак, речь шла отнюдь не об эскападе Батлера, а о планомерной попытке группы мюнхенцев вернуться на путь, который предложил в свое время сэр Гораций Вильсон!

При этом Гитлер рассчитывал не только на Галифакса и Батлера: он ставил, в частности, на престарелого английского политика Дэвида Ллойд Джорджа, который в свое время посещал фюрера, а также на герцога Виндзорского, отрекшегося от престола и тоже в свое время посещавшего Гитлера в его баварской резиденции. Опираясь на все эти расчеты, германское правительство вступило в прямой контакт со шведским правительством для того, чтобы искать компромисса с Англией. Другими посредниками были Швейцария, Ватикан и

Соединенные Штаты. Что касается папы Пия XII, то он действовал решительно, открыто обратившись к правительствам Германии, Англии и Италии с предложением о компромиссном мире. Как пишет известный знаток ватиканской политики Саул Фридлендер в своей книге «Пий XII и третий рейх», «Пий XII сделал это в тихой надежде на то, что мир между Берлином и Лондоном даст рейху возможность обратиться против Советского Союза и ликвидировать в нем атеистический коммунизм»[200]. Коротко и ясно!

В игру вступил и сам Гитлер, давший американскому журналисту Карлу фон Виганду интервью, в котором прямо намекал на возможность мира с Англией. Более того, в речи, произнесенной 19 июня в рейхстаге, он также дал понять Англии, что готов к соглашению. Хотя речь давала очень мало исходных посылок для возможного компромисса и практически предлагала Англии капитулировать, тем не менее она была использована в «мюнхенском» направлении. Папа Пий ХП передал через своего представителя в Лондоне послание, в котором прямо указывалось, что лорд Галифакс должен использовать возможность, которую предоставил ему 19 июня фюрер в своем предложении мира, и попросить об уточнении немецких мирных целей[201].

В последующие дни весь Лондон был полон слухов о предстоящем «компромиссе». В Берлин поступали сведения о том, что герцог Виндзорский собирается сделать серьезный демарш перед королем Георгом VI. Такого же демарша ожидали от Ллойд Джорджа. Описывая обстановку тех дней в Лондоне со слов ирландских политиков, немецкий посол в Дублине констатировал: «К быстрому заключению мира на сравнительно приличных условиях, основанных на базе нынешних немецких успехов, склонны следующие лица: Чемберлен, Галифакс, Саймон, сэр Сэмюэль Хор, посылку которого в Испанию следует рассматривать именно в этом плане, а также консервативные круги (Асторы, Лондондерри и другие), высшие чиновники (Вильсон), Сити, «Таймс»[202]. Знакомые все лица!

Не удивительно, что Берлин пришел в состояние политической эйфории — вплоть до того, что руководитель иностранной разведки СС Вальтер Шелленберг по приказанию Риббентропа составил поистине фантастический план — выкрасть направившегося в то время в Португалию герцога Виндзорского и использовать его в

качестве немецкого ставленника. В мемуарах Шелленберга, вышедших после войны, этому плану посвящена целая глава[203]. Но мы не будем заниматься анекдотами. Были планы и посерьезнее. В частности, глава крупного голландского авиационного концерна КЛМ Альберт Плесман появился 24 июня 1940 года у Геринга и предложил ему план, на основе которого должен был произойти раздел сфер влияния между Германией и Англией. Сферой влияния Англии должна была быть ее империя, Соединенных Штатов — американский континент, а Германии — континентальная Европа. Планом Плесмана предусматривалось сохранить германскую гегемонию во всей континентальной Европе, слегка смягчив ее формы в Польше и Чехословакии, а также включить Африку в сферу немецкого влияния. Это предложение было передано как в Лондон, так и в Берлин[204].

В том же направлении работала мысль упоминавшегося выше профессора Хаусхофера. 8 сентября состоялась его беседа с заместителем Гитлера Рудольфом Гессом, результатом которой было составление специального меморандума под заголовком: «Существуют ли возможности германо-английского мира?». Рудольф Гесс прямо поставил вопрос ученому мужу: существует ли возможность передать «серьезные предложения Гитлера ведущим деятелям Англии?». Гитлер де «не желает разрушения Британской империи» и поэтому ищет соответствующих деятелей в Англии, которые поняли бы его намерения. Хаусхофер сразу назвал целый ряд людей: например, английского посла в Венгрии О'Малли, затем посла в Испании сэра Сэмюэля Хора, английского посла в Вашингтоне лорда Лотиана, наконец, молодого герцога Гамильтона, который «в Лондоне в любой момент имеет возможность встретиться с Черчиллем и королем». Гесс уполномочил Хаусхофера уточнить все эти предложения. Выполняя поручение, Хаусхофер доложил, что наиболее реальной кандидатурой является герцог Гамильтон, которому он 23 сентября 1940 года и написал письмо, предложив встретиться в Лиссабоне[205].

...Сейчас, много лет спустя, когда мы регистрируем закулисную сторону событий лета 1940 года, все это выглядит по меньшей мере невероятным. Ведь шла война, причем Гитлер вовсе не оставлял попыток военного покорения Англии. Именно в это время началась знаменитая «воздушная битва» над Англией, в которой гибли сотни мирных жителей страны. Именно в эти дни разрабатывались планы

разрушения Лондона и Ковентри. Именно в эти дни готовилась операция «Зеелеве» — план высадки гитлеровских армий в Англии. Но все это не мешало роковой параллельности действий немецких и английских антикоммунистов!

Нам остается ответить лишь на один вопрос: почему же все-таки сговор не состоялся? Это немаловажный вопрос, и у него есть два аспекта — немецкий и английский. Сначала разберем немецкую позицию. Например, что могли думать в имперской канцелярии, получив предложения Вильсона, переданные Фрицу Хессе и предлагавшие Германии сделку — но на явно не выгодных для нее условиях?

Все это происходило в период между 8 и 13 августа 1939 года, В это время завершались приготовления к войне против Польши. Как мы знаем, в это же время нацистское руководство рассматривало самые различные внешнеполитические акции, и именно в это время шли англо-франко-советские переговоры. Разумеется, принятие английских предложений обещало в дальнейшем создание того самого «священного антибольшевистского союза», о котором так мечтал Гитлер. Но цена, запрошенная Англией за это, была довольно велика. Англичане прямо намекали гитлеровской Германии, что она должна стать «младшим партнером» и заручаться английским согласием на свои действия в Европе. Это, разумеется, ни в коем случае не мог принять Гитлер.

Когда же началась война, ситуация переменилась: на немецкие предложения не могла согласиться Англия. Безусловно, если бы у власти находился Чемберлен, то Батлер и Галифакс вполне могли бы заручиться его согласием на те предложения, которые шли через шведского посредника и по другим каналам. Но в этот момент у власти находился уже не Чемберлен, чья «мюнхенская» политика умиротворения агрессора потерпела крах и завела Англию в тупик. Правительство возглавлял Черчилль — представитель совсем иной фракции английской буржуазии, той ее части, которая при всем своем антикоммунизме трезво понимала, что уступки Гитлеру только приведут Британскую империю к катастрофе. Недаром Черчилль в эти дни в своих официальных речах в палате общин 4 и 18 июня категорически подтверждал, что Англия будет продолжать войну и не собирается капитулировать.

Мюнхенцы по обе стороны фронта переоценили свои возможности. Они полагали, что мир — и в том числе английский народ — уже покорились Гитлеру. Но это было далеко не так. Не в последнюю очередь решимость английского народа к отпору нацизму заставила правящие круги Британской империи отказаться от политики умиротворения. Черчилль был не меньше антикоммунистом, чем Чемберлен, — и в этом едва ли можно было сомневаться, зная политическую биографию нового премьер-министра. Но он обладал достаточным чувством политического реализма, чтобы понимать, куда ведет мюнхенский путь. Война продолжалась, и Гитлеру так и не удалось включить Англию в свою антисоветскую коалицию.

Коалиция агрессоров: алогизм и логика

Каждый раз, когда заканчивался очередной поход вермахта, берлинская кинокомпания «Уфа» поспешно создавала соответствующий документальный фильм. Польша и Франция, Норвегия и Греции должны были как бы во второй раз переживать свой позор, когда на экранс возникал хищный орел — эмблема кинокомпании. Многие кадры из этих фильмов стали «хроникальной классикой»: польские пограничные эмблемы, сброшенные на землю; Гитлер, пританцовывающий перед салон-вагоном в Компьене, где предстояло подписание французской капитуляции; немецкие солдаты, совершающие туристскую прогулку по афинскому Акрополю...

Поздней осенью 1941 года «Уфа» переживала большие затруднения. Уже пора было создавать очередной фильм — на сей раз о победе над Советским Союзом. Шел пятый месяц войны, и по всем расчетам Геббельса, лично опекавшего немецкую кинематографию, дивизии фельдмаршала фон Бока уже должны были войти в Москву — тем более что 2 октября началось наступление, которое считалось последним. Время для выпуска фильма, который должен был потрясти мир, явно созрело. Начиная с 22 июня 1941 года фронтовые операторы наснимали достаточное количество однообразных, но эффектных кадров. Не хватало лишь одного — финальной сцены. Фильм о походе против Польши завершался парадом в Варшаве, фильм «Победа на Западе» венчался маршем по Парижу, и само собой разумелось, что фильм «Поход на Восток» должен был бы завершаться парадом победоносных полков вермахта на Красной площади.

Но вот беда — именно эти кадры не были сняты. По простой причине: Москву не взяли. Что делать? Ведь фильм надо было выпускать. Выход был найден: решено было после кадров осеннего немецкого наступления вмонтировать сцену, равноценную, по мнению авторов фильма, захвату Москвы. Ею оказалась пятая годовщина «антикоминтерновского пакта», пышно отпразднованная в немецкой столице 25 ноября 1941 года. Зрителям, пришедшим в кино и ожидавшим видеть марш дивизии СС «Рейх» по улице Горького,

пришлось удовлетвориться видом зала имперской канцелярии и постной физиономией Иоахима фон Риббентропа, приветствующего своих коллег, приглашенных в Берлин из всех стран гитлеровской военной коалиции.

Это была на редкость разношерстная компания. Под первыми номерами шли основатели «антикоминтерна» — Германия, Япония и Италия, подписавшие этот пакт 25 ноября 1936 года. За ними — Финляндия, Румыния и Венгрия. Следующую группу составляли марионеточные государства — Словакия, Хорватия, а дальше — государства, которые фактически не существовали, а числились: квислинговская Норвегия, нанкинский Китай, коллаборационистское «правительство» Дании. Все они 25 ноября 1941 года объявили о вступлении в «антикоминтерновский пакт». К ним примыкали франкистская Испания и, разумеется, профашистские элементы из всех стран Европы, призванные инсценировать «международный крестовый поход» против большевизма.

Как сложилась эта военная коалиция и как она функционировала? Уже после войны стали известны документы, говорящие о том, какие склоки происходили среди господ антикоминтерновцев, в первую очередь между нежно обожавшими (и искренне ненавидевшими) друг друга фюрером и дуче. Ведь это только в дурном фарсе можно вообразить себе двух союзников, которые скрывают друг от друга самые важные планы. А именно так и случилось: Муссолини готовил в секрете от Гитлера свое нападение на Албанию, а Гитлер сообщил дуче о сроках начала операции «Барбаросса» за один день до 22 июня 1941 года.

Очевидно, нужно быть по меньшей мере мастером комедии (или трагикомедии), чтобы написать драматическое произведение под названием «Гримасы коалиции». После окончания войны найдено много документов, которые свидетельствуют о том, что, немецкая сторона проявляла по отношению к своим союзникам недоверие высшей степени. В частности, когда летом 1965 года в чешском Черном озере были найдены документы VI управления Главного управления имперской безопасности СС, то значительная часть из них относилась к той разведывательной сети, которую организовали немцы на территории Италии. Объектами разведки были не просто итальянцы: нет, ими были высшие чины фашистской империи, за

которыми тщательно следили немецкие агенты, информировавшие обо всем Берлин.

Несколько иначе обстояло дело в Испании, где методы действия немецких представителей находили форму, совсем абсурдную для представителей дружественной державы. Так, например, если проштудировать переписку между Вильгельмштрассе и немецкими дипломатическими представителями в Мадриде, то можно установить, что на определенном этапе развития испано-германских отношений — начиная примерно с конца 1942 года — в умах некоторых немецких дипломатов и политиков появилась «интересная» идея: им показалось, что упрямого Франко, который не спешил выполнять все указания из Берлина, можно заменить кем-нибудь другим. В частности, уже с декабря 1942 года немецкий представитель в Мадриде обратил особое внимание на генерала Аугустино Муньоса Грандеса — бывшего командира «Голубой дивизии», человека весьма близкого к Франко и известного своими прогерманскими симпатиями. 16 января 1943 года посланник Мольтке доносил в Берлин, что он имел длинный разговор с Муньосом Грандесом. Мольтке писал:

«О своих отношениях с каудильо генерал высказался в том смысле, что Франко относится к нему с ревностью, в том числе и потому, что глава государства думает, что он, Муньос Грандес, находится в особо интимном и доверительном отношении к фюреру».

Дальнейшие высказывания Муньоса Грандеса были настолько недружелюбными по отношению к каудильо, что Мольтке испугался и поспешил заверить генерала в своей лояльности к Франко. Однако этот разговор стал предметом оживленной переписки — тем более что в апреле 1943 года Муньос Грандес пригласил к себе немецкого военного атташе и заявил, что он хочет принять меры для улучшения германо-испанских отношений. Этот разговор вызвал новый поток переписки, в ходе которой высказывались самые откровенные предложения сделать ставку на Муньоса Грандеса — против Франко[206].

Мы знаем, что все эти планы ни к чему не привели — развитие событий на Восточном фронте отбило у Берлина охоту заниматься всякого рода интригами в Испании. Но этот эпизод — один из многих в цепи «коалиционных нежностей», которыми обменивался Гитлер со своими союзниками. Своих союзников венгров фюрер считал

никудышными вояками, хотя и добивался их посылки на фронт; о румынах говорил, что им нельзя доверять, а Финляндию, которой клялся в верности, втихомолку собирался включить в состав Великогерманской империи. Гитлеру платили той же монетой.

Союзы, построенные на дележе награбленного, никогда не бывают сердечными. Но почти всегда в них имеется некий «медовый месяц» — период, когда добычи еще нет, а она только предполагается. Шкура неубитого медведя имеет волшебное свойство: она неудержимо влечет к себе. Поэтому было бы вредной аберрацией видеть в истории антикоминтерновского блока только ссоры и дрязги.

При всем своем политическом цинизме (или, скорее, благодаря ему) Адольф Гитлер, его генеральный штаб и все, кто стоял за ними, понимали, что для успеха «Барбароссы» Германии нужны будут союзники. Андреас Хильгрубер не без иронии констатирует, что Германия начала свой «крестовый поход против большевизма» совсем не в той коалиции, которую собиралась создать. Во-первых, Гитлер не заполучил на свою сторону Англию, о союзе с которой мечтал с 1925 года. Польша, которую Геринг когда-то собирался с делать главной опорой антисоветской политики в Восточной Европе, оказалась не союзником, а первой жертвой агрессора. Тройку прибалтийских государств, режимы в которых мало чем отличались от нацистского, в 1940 году пришлось списать в счет «убытков» германской дипломатии. Швецию и Турцию не удалось вывести из нейтрального положения. ,Даже Франко, всем обязанный Гитлеру, не пошел на открытое вступление в войну, ограничившись поддержкой втихомолку...

Мы позволим себе вкратце определить состояние той коалиции, на которую могла опираться Германия, начиная войну против Советского Союза.

1. *Италия.*

Теоретической основой германо-итальянского блока был так называемый «Стальной пакт», заключенный в мае 1939 года и предусматривавший совместные военные действия двух государств Европы. Спустя некоторое время «Стальной пакт» был расширен: 27 сентября 1940 года было подписано военное соглашение в рамках антикоминтерновского блока (Италия, Германия, Япония).

Когда 31 января 1939 года японский посол генерал Осима посетил Гиммлера, то последний, излагая в своем дневнике содержание

состоявшейся беседы, записал следующее: «Мы обсудили заключение договора, предназначенного для дальнейшей консолидации треугольника — Германия, Италия, Япония и придания ему законченной формы. Он также сказал мне, что вместе с германской контрразведкой проводит меры, рассчитанные на долгое время вперед. Цель этих мер — расчленение России, которое должно начаться с Кавказа и Украины. Однако эта система станет действенной только в случае войны»[207].

И вот этот случай подходил, система «становилась действенной». Если перелистать переписку Муссолини с Гитлером, то можно установить, как систематически дуче подстрекал Гитлера к началу войны против Советского Союза. Даже в то время, когда Гитлер не был еще готов к этой самой главной своей операции, Муссолини советовал ему поскорее расправиться с большевизмом.

В принципе военное сотрудничество Германии и Италии было решенным делом. Однако немецкий генеральный штаб не возлагал на итальянцев слишком больших надежд. Сепаратные действия Италии на Балканском полуострове показали, что боевые качества итальянских дивизий весьма низки, а экономические возможности Италии незначительны. В тех же письмах Муссолини можно найти длинные списки товаров, которые дуче требовал от своего союзника для того, чтобы оснастить свою армию. В силу этих обстоятельств немецкий генералитет был осторожен в планировании итальянского участия в будущей восточной кампании. Соответственно Италии не было сделано определенных территориальных обещаний. Зато Муссолини, узнав о начале операции «Барбаросса», предложил фюреру итальянский экспедиционный корпус численностью в 40 тысяч человек. Но, как полагается подлинному цинику, он заметил своей жене:

— Дорогая Рахель, это значит, что война проиграна[208].

2. Румыния

Едва в сентябре 1940 года в Румынии был совершен фашистский переворот, как началась систематическая подготовка к привлечению ее к участию в нападении на Советский Союз. В отличие от осторожности, проявленной к Италии, здесь для сомнений не было оставлено ме. ста: Гитлер определенно собирался заполучить румынские дивизии себе на подмогу. В ноябре 1940 года «кондукатор»

Ион Антонеску прибыл в Берлин и имел длительные переговоры с руководителями фашистской Германии. В своих письменных показаниях, данных 6 января 1946 года, Антонеску откровенно признал, что переговоры, проходившие в ноябре 1940 года, можно рассматривать как «начало моего сговора с немцами в подготовке войны против Советского Союза»[209].

В январе 941 года Антонеску снова направился в Германию для переговоров, в результате которых было условлено, что рейх получает право ввести в Румынию свои войска. Антонеску спросил Гитлера, следует ли это рассматривать как акт, враждебный Советскому Союзу. Гитлер подтвердил предположение «кондукатора», однако заявил ему, что тот не должен этого бояться, поскольку Германия всегда «защитит» Румынию[210].

Третья встреча Гитлера с Антонеску состоялась в мае 1941 года, и здесь уже все карты были выложены на стол. Гитлер и Антонеску в открытую обсуждали планы совместных военных действий против Советского Союза. Параллельно шли переговоры между генеральными штабами и наносились взаимные визиты военных миссий.

Действия Гитлера не отличались особой замысловатостью. Он прямо сказал, что (цитирую показания Антонеску) «для возвращения Бессарабии и Северной Буковины она [Румыния) не имеет иного пути, кроме как только выступить на стороне Германии. При этом он указал, что за нашу помощь в войне Румыния сможет оккупировать и поставить под свой контроль также другие советские территории вплоть до Днепра»[211].

3. *Венгрия*

Начальник разведки венгерской армии Уйсаси в своих показаниях на Нюрнбергском процессе относил первые действия по привлечению Венгрии к операции «Барбаросса» к ноябрю 1940 года. В это время в Будапешт пришло письмо генерала Гальдера, который информировал начальника генерального штаба Венгрии генерала Верта о том, что венгерская армия «приглашается к участию в войне против Советского Союза». Верт в принципе не возражал, но заявил, что его армия еще не готова к войне, и запросил соответствующую помощь[212].

Начиная с этого времени представители вооруженных сил обеих стран систематически встречались и вели переговоры, в ходе которых обсуждались подробности предстоящего военного сотрудничества. Со

стороны Германии были сделаны соответствующие предложения: в качестве платы за предоставление 19 венгерских дивизий Венгрия должна была получить «земли в Югославии, а в России старое Галичское княжество, предгорье Карпат до Днестра»[213].

Правда, здесь возникал один старый вопрос — вопрос о Трансильвании. Этот район являлся предметом давнего спора между Венгрией и Румынией. Так называемые венские арбитражи не удовлетворили ни ту, ни другую сторону, и поэтому Германия имела возможность вести циничную игру. В разговорах с венграми немцы намекали, что Трансильвания после войны будет передана венграм, а в разговорах с румынами заявляли противоположное.

В сентябре 1940 года венгерский посол в Берлине Стояи был на приеме у Гитлера, и тот намекнул, что можно будет рассмотреть вопрос о полном удовлетворении венгерских притязаний. А в ноябре 1940 года Гитлер пообещал Антонеску пересмотреть решение венского арбитража в пользу Румынии. Е ноябре 1941 года Гитлер подтвердил это обещание. Риббентроп же, отправившись в Будапешт, обещал то же самое венграм. Пожалуй, единственным откровенным человеком оказался Геринг. Однажды, беседуя с Антонеску по дороге в свое имение, он сказал ему без обиняков:

— В конце концов зачем вы ссоритесь с венграми из-за Трансильвании, которая по существу больше немецкая, чем румынская или венгерская?[214]

Тем не менее Венгрия дала свое согласие на участие в военной авантюре Гитлера. Хорти был весьма обеспокоен тем, что в первом варианте «Барбароссы» в качестве союзников упоминались только Румыния и Финляндия. В Берлине послу Стояи прямо намекнули, что если Венгрия не предложит своих услуг, то ей не получить южной части Трансильвании. А прогитлеровски настроенный генерал Верт практически уже вел переговоры с ОКВ и ОКХ.

4. *Финляндия*

Хронологию контактов между Германией и Финляндией по поводу предстоявшего нападения на СССР можно начать с 18 августа 1940 года, когда из Берлина в Хельсинки приехал эмиссар Геринга полковник Велтьенс, по официальной версии, для того, чтобы выяснить у финского командования возможность «транзитных перевозок» немецких войск. В рекомендательном письме финского

посланника в Берлине, имевшемся у Велтьенса, указывалось, что о согласии на планы, сообщаемые Велтьенсом, следует уведомить Берлин конспиративной телеграммой, содержащей лишь одно слово. Эта телеграмма вскоре пошла в Берлин. Уже 21 сентября в финском порту Вааза появились первые транспорты с немецкими войсками и вооружением. На следующий день Кивимяки оформил в Берлине окончательное «транзитное соглашение» между Финляндией и Германией.

«Если бы в самом деле речь шла только о транзитных перевозках через Финляндию и Норвегию, — писал по этому поводу О. В. Куусинен, — зачем потребовалась бы такая конспиративность настоящих заговорщиков? Б действительности, однако, речь шла о другом. Как германские, так и финские заправилы, стремящиеся к совместной агрессии против Советского Союза, хотели как можно скорее создать в Северной Финляндии операционную базу для немцев; но так как ясно было, что появление уже первых контингентов немецких войск на территории Финляндии не могло остаться незамеченным, то в целях маскировки их подлинного назначения был выдуман хитроумный предлог — их «транзитное» перемещение. «Транзитные» контингенты немцев по пути застряли в гостеприимной стране и прочно обосновались на железнодорожных узлах Северной Финляндии»[215].

Когда в конце декабря 1940 года в генеральном штабе германских сухопутных сил состоялось совещание начальников штабов армий, обсуждавших план «Барбаросса», по некоему случайному совпадению в ставке Гальдера оказался и начальник генерального штаба финской армии генерал Геприкс. Он не принимал участия в совещании у Гальдера, но тем не менее сделал для высших немецких офицеров доклад о советско-финской войне 1939 года. Вслед за этим в его честь был дан ужин, на котором всячески восхвалялось «германо-финское братство по оружию».

Гитлер предпочел начать с военных контактов. Когда в феврале 1941 года в Хельсинки прибыл специальный представитель немецкого генерального штаба полковник Бушенхаген, то оказалось само собой разумеющимся, что оба генеральных штаба начали подготовку к совместным военным операциям.

Между Хельсинки и Берлином регулярно курсировали представители генеральных штабов, и они обо всем договорились. Как записал в своем дневнике Гальдер *7* июня 1941 года, «командование финской армии пошло на наши предложения и, видимо, на всех парусах стремится к выполнению задачи»[216]. Но дело не ограничивалось военной сферой. 20 мая Гитлер направил премьер-министру Рюти послание, в котором разъяснил свои планы. Рюти и Маннергейм заявили, что хотят располагать «свободой действий»[217]. На практике же 17 июня уже была объявлена мобилизация, и финские войска начали военные действия против СССР совместно с немецкими. Что касается «оплаты» их усилий, то Гитлер обещал финнам Ленинградскую область и Советскую Карелию.

Так в течение 1940 — 1941 годов Гитлер обеспечил себе непосредственную военную помощь со стороны *четырех* европейских государств. Хотел ли он большего? Безусловно. В частности, он оказывал значительное давление на *Болгарию с* целью получить и от нее военную помощь. Однако придворная клика Бориса, и без того непрочно сидевшего на троне, не рискнула пойти на это, боясь своего народа. *7* июня 1941 года Борис, будучи в гостях у Гитлера, прямо заявил, что болгарский народ не будет воевать против СССР[218].

Довольно скоро выяснилось, что Германия не сможет рассчитывать и на поддержку *Югославии*. Из этого были сделаны соответствующие выводы: весной 1941 года, после прихода в Югославии *к* власти антинемецкого руководства, Гитлер решил оккупировать эту страну.

Что касается *Турции*, то ей даже собирались пообещать весь Кавказ[219] и одновременно запугивали ее «советской угрозой». 18 июня 1941 года был заключен германо-турецкий «договор *о* дружбе», но Турция дала понять, что вступит в войну лишь тогда, когда обозначится крах СССР.

От нейтральных стран Гитлер получил на первых порах немного. Участие *Швейцарии* в войне было исключено. Зато *Швеции* были сделаны авансы: ей были обещаны принадлежавшие Финляндии Аландские острова[220]. Это несколько удивило Швецию, ибо она знала, что Гитлер хочет привлечь к военному сотрудничеству и Финляндию, следовательно, не заберет у нее Аландские острова. Уже в марте 1941 года Гитлер понял, что Швеция не примет участия в

военных действиях, хотя и надеялся па то, что она будет пропускать войска из Норвегии в Финляндию[221]. Швеция действительно пропустила 24 июня одну дивизию, но затем не повторила этого. **От** Швеции (равно как и от Швейцарии) Германия получала лишь определенную экономическую выгоду.

Итак, мы перечислили всех возможных союзников Гитлера в Европе? Нет, еще осталась *франкистская Испания*. Здесь, однако, складывалась парадоксальная ситуация.

Казалось бы, военное сотрудничество Испании и Германии в войне против СССР могло считаться обеспеченным. В пункте 1 секретного протокола, подписанного в Саламанке 20 марта 1937 года, предусматривались консультации «на случай защиты обеих стран от угрозы коммунизма». Такие фразы давно уже обозначали военный союз — не для защиты от коммунизма, а для нападения на него. Франко 16 августа 1940 года писал Муссолини о своем желании вступить в войну «при благоприятной возможности», а за несколько дней до этого — 8 августа — немецкий посол в Мадриде Шторер разъяснял в депеше на имя Риббентропа, что именно подразумевается под «благоприятными возможностями». Оказывается, Франко хотел получить за участие в войне солидное вознаграждение — Гибралтар, Французское Марокко, часть Алжира, владения у Гвинейского залива и, разумеется, значительную материальную помощь. Таким образом, «плата за страх» была обозначена, и Франко 23 октября 1940 года при встрече с Гитлером в Хендайе мог заявить о том, что в этой войне «Испания будет счастлива бороться на немецкой стороне»[222].

Но выяснилось, что представления о «счастье» были у обоих диктаторов различными, поскольку, как достаточно наглядно показали германо-испанские отношения, основную черту гитлеровской коалиции составляли грубый эгоизм и желание наживы, в том числе за счет своего партнера. Гитлер, вынашивая свои европейские планы, не собирался отдавать Гибралтар Испании; в равной мере он не спешил обещать ей французские колонии, ибо те были нужны ему для того, чтобы держать в руках вишистскую Францию. В глубине души Гитлер не переносил Франко (как и Муссолини), видимо, считая, что миру достаточно одного фюрера. Со своей стороны *Франко* также вел двойную игру, стремясь под вексель участия в войне выторговать

побольше. В качестве первого вклада он отправил на советско-германский фронт пресловутую «Голубую дивизию».

Поэтому, пожалуй, не так уж трудно понять, почему Гитлер 10 февраля 1945 года в разговоре с Мартином Борманом сказал:

— Я иногда себя спрашиваю, не совершили ли мы ошибку в 1940 году, когда не вовлекли Испанию в войну? Ведь почти ничего не надо было, чтобы ее толкнуть в войну, так как она сгорала от нетерпения присоединиться к клубу победителей... Но так как Испания не могла принести нам ничего существенного, то я считал это ее прямое вмешательство нежелательным... Короче, лучшую службу, которую Испания могла нам сослужить, она нам сослужила: сделала так, чтобы Иберийский полуостров оказался вне военного конфликта[223].

В этом «откровении» проявилась определенная логика нацистской коалиции: коалиция никогда не была искренней. Даже когда Гитлер, Гиммлер и Геббельс развернули отчаянную пропаганду «крестового похода против коммунизма» и стали создавать во Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Словакии так называемые «добровольческие легионы» СС, они цинично рассматривали вояк из этих легионов только как пушечное мясо. 16 июля 1941 года Гитлер в узком кругу своих сообщников вполне серьезно возмущался «бесстыдным выпадом одной вишийской газетки, заявившей, будто война против Советского Союза есть война всей Европы и ее, дескать, надо вести на пользу всей Европе. Очевидно, эта вишийская газета хочет подобными намеками добиться того, чтобы из этой войны извлекли пользу не только немцы, но и все европейские государства»[224]. Как раз этого и не хотел допустить фюрер. Это была его война, война за его мировое господство, которым он ни с кем не хотел делиться.

В свете подобного категорического императива германской стратегии следует рассматривать и отношения рейха со своим азиатским союзником по оси — с *Японией.* Эта тема сама по себе заслуживает специального исследования — настолько она обширна и важна для понимания логики и алогизма агрессивных коалиций. Исследователи истории японо-германских отношений В. Л. Исраэлян и Л. Н. Кутаков в своей обширной работе «Дипломатия агрессоров» с полным правом констатируют:

«Германо-японские отношения накануне нападения Германии на Советский Союз проходили под знаком на устойчивых взаимных

стремлений Берлина и Токио использовать своего партнера для осуществления собственных внешнеполитических целей. За показным единством взглядов и манифестацией дружбы и сотрудничества скрывались соперничество и глубокие противоречия, вытекавшие из хищнической, империалистической сущности внешней политики и дипломатии главных участников фашистского блока — Германии и Японии»[225].

Для нас же важно установить лишь одно: как должны были выглядеть действия Японии в германских планах против СССР и насколько они вообще учитывались при разработке «Барбароссы»? Здесь мы можем увидеть ту же, на первый взгляд, алогичную, а в действительности логическую ситуацию, что и в отношениях между Гитлером и Франко, только мультиплицированную на тысячи километров, отделявших Японию от Германии, и на удельный вес этого империалистического государства в мировой политике.

Военное «содружество» Германии и Японии против СССР было закреплено специальным соглашением от 27 сентября 1940 года (тройственный блок), и с того времени обе страны поддерживали тесный контакт. По характеристике принца Коноэ сентябрьский пакт представлял собой «план превращения трехстороннего антикоминтерновского пакта, который был в то время в силе, в военный союз, направленный в основном против СССР». Разумеется, было вполне логичным, что Риббентроп в феврале 1941 года информировал японцев о предстоящем нападении на СССР, которое «приведет *к* гигантской победе немцев» и будет означать «конец советского режима»[226].

Но когда дело стало ближе подходить *к* реализации «Барбароссы», Гитлер принял несколько неожиданное решение. 5 марта 1941 года была утверждена «Директива № 24. О сотрудничестве с Японией», В ней содержался весьма странный пункт 5-й:

«5) Японцам не следует делать никаких намеков касательно операции «Барбаросса».

В то же время пункт 1й «Директивы № 24» гласил: «1) Цель сотрудничества, основанного на тройственном пакте с Японией, — заставить Японию как можно скорее предпринять *активные действия на дальнем Востоке*. Таким путем английские силы будут связаны, а центр тяжести интересов США будет отвлечен на Тихий океан. Чем

скорее это произойдет, тем больше шансов на успех будет иметь Япония, поскольку ее соперники все еще недостаточно подготовлены к войне. Операция «Барбаросса» создаст для этого особенно благоприятные политические и военные предпосылки»[227].

Итак, все-таки связь с «Барбароссой»? Конечно, ибо только наивный человек мог предполагать, что Япония не будет точно информирована о немецких намерениях. Она их знала и — с поразительным параллелизмом! — приняла решение о самостоятельных действиях, не связанных с действиями Германии. Это решение было принято 3 февраля 1941 года на одной из знаменитых «координационных конференций» высших руководителей Японии. Японцы, видимо, наученные опытом Хасана и Халхин-Гола, избрали для своей агрессии южное направление[228].

Когда весной 1941 года министр иностранных дел Японии Мацуока отправился в Европу и посетил Берлин и Москву, он действовал в соответствии с этой директивой. Получив от Риббентропа достаточное количество намеков на предстоящее нападение на Советский Союз, Мацуока заключил в Москве пакт о ненападении, и Япония этим подчеркнула, что не собирается (во всяком случае, в первой фазе) таскать для Гитлера каштаны из огня войны с СССР[229]. Как отнесся к этому Берлин? По одной версии, Риббентроп был недоволен самовольными действиями Японии[230]. По другой версии (слова Гитлера, сказанные Редеру), Мацуока заключил договор «по его [Гитлера] совету»[231].

В глубине души Гитлер действительно был удовлетворен японским решением, ибо оно освобождало его от необходимости делиться с Японией будущими трофеями в Азии. Недаром во время подробного разговора с Мацуокой 4 апреля 1941 года он ни словом не обмолвился о «Барбароссе», а предпочел общие рассуждения о дальневосточной ситуации, обещал Японии помощь в случае вступления Америки в войну, а затем перевел речь на Сингапур[232]. На следующий день Риббентроп продолжил ту же линию, уверяя главу японского дипломатического ведомства, что «Германия уже выиграла войну», и снова повторив, что Германия и Италия должны действовать в Европе, а Япония — в Азии[233].

Мацуока, конечно, со всем согласился. 16 апреля главное командование японской армии и главное командование японского флота отдали распоряжения об «энергичной активизации» подготовки к действиям в южном направлении[234]. Эти меры были полностью одобрены 2 июля 1941 года на очередной «координационной конференции», решения которой стали фундаментом японского военного планирования во второй мировой войне[235]. Курс на Сингапур и Индокитай казался Японии более надежным. Лишь на «всякий случай» в июне 1942 года генеральный штаб разработал план выхода японской армии к Омску и оккупации Восточной Сибири — на узкой полосе вдоль Транссибирской магистрали[236]. Но, обжегшись в 1939 году, японские генералы предусматривали теперь эти действия только на тот случай, если СССР «развалится».

Повторяю: как это ни удивительно, решение «координационной конференции» (о котором Гитлер не знал) находилось в полном соответствии с его тайными пожеланиями.

15 июля 1941 года, в атмосфере опьянения первыми успехами на Востоке, Гитлер пригласил к себе японского посла и стал развивать идею совместных военных действий против СССР и Америки. «Мы должны совместно их уничтожить!» — воскликнул Гитлер и высказал мнение, что японцы должны «для ускорения» краха СССР вступить в войну и оккупировать советскую территорию до Омска, куда собираются выйти и немецкие войска[237]. Впрочем, это предложение не противоречило предыдущей схеме Гитлера, поскольку столь запоздалое вступление Японии в войну не давало бы ей прав на слишком большие притязания. Но японцы не спешили. Они предпочитали выжидать — пока не увидели, что Советский Союз устоял.

В конечном счете военноэкономический потенциал гитлеровской коалиции выглядел так[238].

Ресурсы собственно Германии:

Население: 70 млн. чел.
Промышленные рабочие: 10 млн. чел.
Добыча угля 257 млн. т
Добыча нефти 0,9 млн. т.

Выплавка стали 20,8 млн. т.

Ресурсы оккупированной и «союзной» Европы

Население: 220 млн. чел.
Промышленные рабочие: 18 млн. чел.
Добыча угля 143 млн. т
Добыча нефти 6,6 млн. т.
Выплавка стали 11 млн. т.

Как видим, участие сателлитов и экономика порабощенной Европы давали Гитлеру не так уж мало. В результате одному Советскому Союзу с его 180миллионным населением и производством 18 миллионов тонн стали, 165 миллионов тонн угля и 31 миллиона тонн нефти противостоял противник, который располагал экономическим потенциалом, превышавшим советский по важнейшим показателям (по углю более чем в два раза, по стали почти в два раза).

Дальнейшие события показали, как бесславно распался антикоминтерновский блок — блок бесчестных политических клик, которые торговали судьбами миллионов людей во имя корыстных, подлинно империалистических целей.

КАК ДЕЛАЮТСЯ ВОЙНЫ. Глава 6.

Фельдмаршал Паулюс в селе Заварыгино

Как это часто бывает, большое и серьезное событие началось с комического эпизода. Когда телеграфный аппарат на узле связи штаба Донского фронта 25 января 1943 года принял сообщение о пленении первого немецкого генерала из состава окруженной у Волги 6-й немецкой армии, этому сообщению никто не поверил. Не потому, что кто-либо сомневался в факте пленения немецкого генерала. Наступление по плану «Кольцо» проводилось войсками Донского фронта уже пятнадцатый день, и было ясно, что рано или поздно генералы германского вермахта попадут в плен. Дело было не в том. Удивление вызвала Фамилия командира 297-й немецкой пехотной дивизии: Драббер? Такого генерала, по всем данным, в окруженной группировке не было. Из штаба фронта в штаб армии пошла телеграмма с просьбой немедленно уточнить фамилию пленного. Через некоторое время пришел ответ: не Драббер, а Дроббер. Дальше пришел еще вариант: не Дроббер, а Дробке. Наконец когда офицеры штаба армии получили возможность лично допросить пленного генерала, то оказалось, что имя его — Мориц фон Дреббер. Выяснилось и другое обстоятельство: Дреббер получил генеральское звание только за несколько дней до пленения и, разумеется, не числился в списках генералов, известных в штабе Донского фронта.

Итак, в плен был взят первый немецкий генерал. В суматохе штабной работы, в беспрерывном шуме аппаратов Бодо, которые принимали донесения из наступающих армий, как-то не было времени задуматься над значением этого факта. После долгих месяцев поражений, после горьких потерь, неимоверного напряжения сил мы как-то еще не успели ощутить, что здесь, в волжских степях, война вступила в новую качественную стадию. И это обстоятельство «весомо, грубо, зримо» находило свое выражение в облике германских генералов, которые начиная с 25 января потянулись цепочкой в деревню Заварыгино — туда, где находился штаб Донского фронта, которым командовал генерал-полковник Константин Константинович Рокоссовский.

Мориц фон Дреббер был первым пленным генералом — но не последним. Начиная с 25 января штабы армий Донского фронта каждый день докладывали о пленении огромных масс немецких солдат и офицеров. Немало было и генералов. Это создало для штаба фронта необычную задачу: как разместить пленных генералов? Деревушка Заварыгино, в которой находился штаб фронта, и без того была забита до отказа. Но по распоряжению начальника штаба фронта генерала М. С. Малинина комендант штаба полковник Якимович приступил к созданию необычайного генеральского городка. Я был в числе офицеров, выделенных в распоряжение Якимовича.

Несколько домиков было отведено специально для размещения пленных генералов 6-й армии. К ним то и дело подъезжали машины, из которых, сгорбившись и ежась от мороза, выходили люди с генеральскими погонами немецкой армии. Одежда их, правда, сильно отличалась от парадной. На головах генералов красовались меховые шапки самых невероятных фасонов, шеи были замотаны шарфами совсем не по форме, руки были запрятаны в самодельные рукавицы.

31 января из штаба 64-й армии Донского фронта пришло сообщение, заставившее всех взволноваться: в плен взяты командующий 6-й армией генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс, начальник его штаба генерал-лейтенант Артур Шмидт, первый адъютант полковник Адам и группа штабных офицеров. После недолгого допроса в штабе генерала Шумилова Паулюс был перевезен в штаб фронта в деревню Заварыгино, где ему был отведен отдельный домик.

Я мог наблюдать, как к этому домику подкатил огромный немецкий штабной автомобиль со штандартом командующего армией и из него, слегка ссутулившись, вышел высокий человек в меховой шапке. Сразу бросилось в глаза, что лицо фельдмаршала беспрерывно подергивалось. Нервный тик искажал лицо Паулюса, и он с ним с трудом боролся.

1 февраля 1943 года было очень холодным и ветреным, как, впрочем, и все предыдущие дни. Поздно вечером комендант штаба Донского фронта полковник Якимович получил распоряжение доставить фельдмаршала Паулюса на первый допрос. На этот раз мы сели с полковником не в машину Паулюса, а В нашу «эмку» и поехали к домику Паулюса. Когда фельдмаршалу сообщили, что он сейчас

предстанет перед лицом советского командования, черты его лица еще более обострились. Не сказав ни единого слова, Паулюс стал медленно одеваться.

Расстояние было небольшим, и через несколько минут мы оказались у дома, где жил представитель Ставки Верховного командования генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов. Надо прямо сказать, что это помещение не было специально приспособлено для приема фельдмаршалов. Обыкновенная изба, состоявшая из нескольких комнат, с очень тесной прихожей, в которой толпились многочисленные офицеры и военные корреспонденты. Впрочем, Н. Н. Воронов решил корреспондентов не пускать на допрос. Исключение было сделано только для Романа Лазаревича Кармена — прославленного кинооператора. Ему и принадлежит единственный сохранившийся снимок допроса Паулюса.

Медленно переступая по ступенькам, фельдмаршал поднялся на крыльцо, вошел в переднюю, разделся и, обратившись ко мне, спросил:

— Скажите, как мне различить Воронова и Рокоссовского?

Заглянув в комнату, я сориентировался и сказал, что Воронов будет сидеть в центре, а Рокоссовский — слева от него. Паулюс молча кивнул головой и вошел в комнату. Перед ним сидели Воронов и Рокоссовский и переводчик капитан Дятленко. Комната была пуста и, стоя у занавески входной двери, я по приказанию Н. Н. Воронова дал возможность Роману Кармену сделать свой снимок.

Допрос продолжался недолго. Воронов, который вел беседу, предложил Паулюсу отдать продолжавшей драться группе немецких войск приказ прекратить военные действия, чтобы избежать напрасного кровопролития. Паулюс выслушал, тяжело вздохнул и отказался, сославшись на то, что он, мол, военнопленный и его приказы недействительны. Воронов повторил свое предложение, подробно его обосновав. Нервное возбуждение Паулюса усилилось, левая часть его лица стала еще чаще подергиваться. Но, когда Паулюс заговорил, Рокоссовский и Воронов услышали все тот же ответ.

После этого Воронов спросил Паулюса, какой режим питания ему установить, чтобы не нанести вреда его здоровью? Лицо пленного выразило крайнее удивление. Он ответил, что ему ничего особенного

не надо, но он просит хорошо относиться к раненым и больным немецким солдатам и офицерам.

Воронов сказал:

— Советская армия гуманно относится к пленным. Но советские медицинские работники встретились с большими трудностями, ибо немецкий медицинский персонал бросил на произвол судьбы немецкие госпитали.

Паулюс долго медлил с ответом и с трудом произнес:

— Господин маршал, бывает на войне такое положение, когда приказы командования не исполняются...

После этого допрос был закончен. Паулюс встал, вытянулся, отсалютовал советским генералам и, повернувшись к двери, вышел. Надев свою тяжелую шинель, он собирался уже было выйти к машине, но внезапно обратился к полковнику Якимовичу:

— Господин полковник, не мог бы я пройти пешком до моего дома?

Якимович отвечал, что на улице очень холодно и что лучше бы поехать на машине. Когда я переводил эти слова, на лице Паулюса было написано явное желание настаивать на своей просьбе.

— Ну чтож, — сказал Якимович, — если вам угодно...

Мы вышли на улицу и молча двинулись по дороге втроем. Где-то сзади шли конвоиры. Была морозная, звездная ночь, совершенно тихая и спокойная. Снег скрипел под сапогами. И вдруг Паулюс, повернувшись в мою сторону, сказал:

— Вы знаете, я много месяцев не видел звездного неба.

И не дождавшись ответной реплики, а может быть, и не желая вступать в беседу, сам сказал:

— Да, с того времени, как мы уехали из Голубинской.

— Да, — сказал я, — ведь в Голубинской был ваш штаб.

Паулюс молча кивнул головой. Минут через пять мы подошли к его домику.

...Состояние Фридриха Паулюса можно было понять. Паулюс не был рядовым генералом немецкой армии; он считался одним из наиболее выдающихся деятелей немецких вооруженных сил. Это не был «генерал по наследству»: Паулюс даже не являлся дворянином и вопреки богатой фантазии некоторых авторов — никогда не носил приставку «фон». Зато Фридрих Паулюс прошел школу генерального

штаба и командовал крупным соединением. Более того, Фридрих Паулюс был непосредственным участником разработки плана «Барбаросса». Именно он, приступив летом 1940 года к исполнению обязанностей первого оберквартирмейстера (то есть заместителя начальника генерального штаба), стал руководить разработкой всего плана «Барбаросса».

Трудно искать закономерность в случайности. Никто не мог предвидеть, что именно генерал-фельдмаршал Паулюс, являвшийся одним из соавторов плана «Барбаросса», станет первым германским фельдмаршалом, попавшим в плен к советским войскам. Очень далек был путь от Берлина до Заварыгино, и Фридрих Паулюс, безусловно, не мог предполагать, что судьба таким необычным образом продемонстрирует ему провал плана, который он сам готовил.

Свидетельство очевидца

Существует много исследований, касающихся военного генезиса операции «Барбаросса». Но мы предоставим слово Фридриху Паулюсу. Находясь в плену в СССР, а затем проживая в ГДР, он неоднократно брался за перо для того, чтобы написать свои воспоминания о былом. Среди его записок особое внимание привлекают две: первая, написанная в мае 1946 года и повествующая о причинах отказа от вторжения в Англию, и вторая, посвященная непосредственному планированию «Барбароссы».

Начнем с первой — тем более, что мы уже знаем, насколько важен этот вопрос для понимания оценки стратегических перспектив войны, господствовавшей в ОКВ и ОКХ летом — осенью 1940 года[239].

3 мая 1946 года

«Паулюс генерал-фельдмаршал бывших германских вооруженных сил

О причинах, заставивших отказаться от проведения десантной операции против Англии

При постановке вопроса о том, почему Гитлер отказался от проведения операции против Англии, необходимо прежде всего рассмотреть обстановку, сложившуюся летом 1940 года.

В результате наступательной операции на Западе немецкие войска в конце мая 1940 года вышли на побережье Атлантического океана на территории Голландии, Бельгии и Северной Франции. Уцелевшие части английских экспедиционных войск (10 — 12 дивизий) бежали из района Дюнкерка в Англию на военных кораблях, каботажных пароходах и различного рода мелких судах. Немецкие войска остановились на побережье и не стали преследовать противника, да на этот случай ничего и не было подготовлено. Гитлер намеревался сначала в короткий срок целиком вывести из войны всю Францию и полагал, что для этого потребуются усилия всех вооруженных сил Германии.

После перегруппировки сил 7 июня началось наступление на юг против остальной части Франции, которое закончилось 22 июня

капитуляцией последней.

Вслед за этим войска были вновь направлены на Атлантическое побережье, где они заняли исходные районы для наступления против Англии. Приказы на этот счет были отданы в конце июня — начале июля. Для проведения десантной операции были выделены (справа налево): 9-я, 16-я и 6-я армии, исходный район простирался от Фландрии до Шербура и Сен-Мало. Главный удар намечалось нанести из района Булони.

Изданные приказы действительно свидетельствовали о намерении предпринять высадку десанта. В таком смысле они были восприняты командованием армий и войсками. Армия «Норвегия» с самого начала была предусмотрена лишь для дезинформации противника и отвлечения его сил.

Военно-морской флот получил задачу по изысканию и подготовке необходимых переправочных средств, штабам армий также предписывалось приступить к сбору всех имевшихся в полосе их действий мелких каботажных и речных судов. Инженерные войска немедленно начали готовить эти суда, строить паромы, а войска приступили к тренировочным занятиям по погрузке и десантированию. К штабам частей и соединений сухопутных войск были прикомандированы офицеры военно-морского флота.

Никто не сомневался в серьезности намерений верховного главнокомандования. Правда, в войсках и штабах сразу же возникли опасения относительно недостаточности числа и частичной непригодности переправочных средств. На соответствующие запросы и заявки верховное командование отвечало, что подготовку и обучение войск пока следует проводить с помощью имеющихся средств, что дополнительные переправочные средства подготавливаются и они своевременно будут предоставлены.

Примерно в конце августа 1940 года командование 6-й армии, располагавшейся на левом фланге развернувшихся для операции сил, было уведомлено о том, что на фронте армии предполагается лишь демонстрация наступления, а в действительности десантная операция должна проводиться силами 9-й и 16-й армий. Эти сведения запрещалось сообщать кому бы то ни было за пределами штаба 6-й армии. Командование военно-морских сил заверило, что оно

предоставит достаточное количество переправочных средств для проведения операции силами 9-й и 16-й армий.

К этому времени оба воздушных флота, которыми командовали фельдмаршалы Шперле и Кессельринг, были сосредоточены на Западе. Считалось, что они значительно превосходят силы английской авиации.

Серьезные опасения вызывало лишь соотношение сил на море. Вопрос сводился к следующему: удастся ли авиации свести на нет явное превосходство английского флота над немецким, особенно учитывая частые туманы в проливе?

В то время мне стало известно от лиц, принадлежавших к кругам **OKX,** что командование военно-морского флота при определенных условиях считает возможным успешную высадку десанта в Англии, но питает большие сомнения, сможет ли военно-морской флот совместно с авиацией в течение длительного времени обеспечивать коммуникации подвоза через пролив. Считалось, что английский флот активизирует свои действия уже на второй день операции.

Когда в сентябре 1940 года я прибыл в **OKX,** располагавшееся в Фонтенбло, у меня сложилось впечатление, что как командующий сухопутными силами, так и начальник генерального штаба верили в серьезность намерения Гитлера осуществить высадку десанта.

Осуществление десантной операции Гитлер (OKB) откладывал с одного срока на другой, пока в октябре не стало ясно, что из-за плохой погоды поздней осенью и зимой о проведении операции в 1940 году уже не могло быть и речи. Однако до меня не дошло никакой директивы, в которой бы говорилось об отказе от плана проведения десантной операции. В конце осени 1940 года был получен приказ, которым предписывалось продолжать подготовительные мероприятия, в течение зимы собрать и обобщить весь накопленный опыт, с тем чтобы использовать его, когда вновь станет возможно осуществить операцию, а именно весной 1941 года.

Весной 1941 года была проведена перегруппировка сил в связи с планом «Барбаросса». Отныне подготовка *к* десантной операции осуществлялась лишь с целью дезинформации противника, чтобы сковать английские силы на острове и, помимо всего, отвлечь внимание от Востока.

Если теперь, после рассмотрения хода исторических событий, попытаться дать ответ на вопрос, имел ли вообще Гитлер когда-нибудь намерение действительно провести высадку десанта в Англии и почему он отказался от проведения этой операции, то я должен прежде всего констатировать, что касательно его намерений провести операцию у меня нет сведений из первых рук.

Хотя приказы относительно действительного проведения операции сами по себе еще ничего не доказывают, все же я полагаю, что Гитлер, находившийся под впечатлением крупных и быстрых успехов в кампаниях против Норвегии и Франции и переоценивавший технические возможности, первоначально имел намерение осуществить вторжение.

При ретроспективном рассмотрении событий мне представляется, что для последовавшего отказа от этой операции существовали следующие причины:

1) *Риск и боязнь потери престижа* в случае неудачи операции.

2) *Надежда заставить Англию пойти на мир под простой угрозой вторжения* в сочетании с подводной войной и воздушными налетами.

3) *Намерение не слишком ущемлять Англию,* так как Гитлер издавна надеялся достичь с ней взаимопонимания.

4) Сформировавшееся уже летом 1940 года *намерение Гитлера напасть на Россию.*

По пункту 1). Высадка десанта в Англии в любом случае представляла собой риск. Хотя в тот критический момент после поражения под Дюнкерком Англия располагала на острове примерно только одиннадцатью дивизиями, все же она имела огромные людские резервы в территориальных войсках. К началу июля (после окончания войны против Франции), когда прошло около полутора месяцев со времени Дюнкерка, оборона Британских островов усилилась. Вместе с тем немецкое командование вследствие ограниченности морских транспортных средств могло переправить в Англию в короткий срок лишь ограниченное количество дивизий. А в дальнейшем сразу же ожидалась активизация действий англичан на море. Таким образом, было трудно дать прогноз хода борьбы на острове после вторжения.

Хотя штаб руководства морскими операциями и доложил Гитлеру, что он считает возможным переправить выделенные для операции

войска имеющимися в распоряжении подручными средствами, но не все представители командования ВМФ придерживались такого мнения.

Поскольку английский флот имел огромное превосходство, были серьезные опасения относительно того, удастся ли обеспечить бесперебойный подвоз через Ла-Манш в течение длительного времени. Следовало ожидать активизации действий английского флота уже начиная со второго дня высадки.

С другой стороны, необходимо принять во внимание существовавшее в тот период превосходство немецкой авиации над английской и возможность ее действий против английского флота в районе пролива, ширина которого в самом узком месте составляет всего лишь 30 км (Кале — Дувр). Сразу же после высадки десанта часть немецкой авиации можно было перебазировать на английские прибрежные аэродромы.

Таким образом, можно не соглашаться с утверждением, что в рассмотренных выше условиях вторжение было невозможно.

Поэтому, пожалуй, правомерно предположить, что Гитлер пошел бы на связанный с этой операцией риск, если бы он стремился лишь к нанесению поражения Англии.

По пункту 2) Гитлер, очевидно, надеялся, что после военного разгрома Франции и поражения англичан под Дюнкерком, последствия которого он, быть может, переоценивал, Англия будет готова пойти на мир и что необходимо лишь пригрозить вторжением в Англию в сочетании с успешной подводной войной и с превосходством немецкой авиации, чтобы заставить ее сделать этот шаг.

По пункту 3). К этому добавлялся еще один расчет. Политическая позиция Гитлера по отношению *к* Англии и его стремление *к* достижению взаимопонимания с ней достаточно известны из книги Гитлера «Майн кампф», а также из его речей. При ретроспективном рассмотрении событий следует констатировать, что он остался верен этим идеям. Поэтому, пожалуй, не будет ошибочным предположить, что его нерешительность в отношении десантной операции объяснялась также старой надеждой достичь взаимопонимания с Англией.

По пункту 4). Все вышеприведенные рассуждения позволяют сделать вывод, что главную цель войны Гитлер видел не в разгроме

Англии.

В связи с этим необходимо рассмотреть и такой вопрос: не заставило ли Гитлера его намерение выступить против России отказаться от операции против Англии?

Если десантная операция против Англии сама по себе была уже риском, то вслед за этим невозможно было предвидеть, сколько времени продлится борьба за Лондон и Британские острова после успешной высадки десанта и какие силы немецкой армии она поглотит и скует. Далее, Гитлер не был уверен, удастся ли ему собрать необходимые силы для нападения на Россию.

Но уже потеря престижа в случае провала десантной операции имела бы столь значительные последствия, что Гитлер опасался, что ему больше уже не удастся собрать необходимое число сторонников нападения на Советскую Россию.

Если принять во внимание, что намерение Гитлера напасть на Россию родилось непосредственно вслед за войной против Франции, то есть в начале июля 1940 года (как это стало известно из дневника Йодля[240]), то наличие определенной связи между этим намерением Гитлера и отказом его от проведения десантной операции против Англии становится вполне вероятным.

ПАУЛ ЮС».

Эти суждения очень весомы, особенно в том, что касается их квинтэссенции — связи между отказом от «Зеелёве» и признанием приоритета за планом нападения на СССР.

Действительно, если взять даты планирования «Зеелёве» и сопоставить их с датами планирования «Барбароссы», то можно видеть следующее: первое задание составить план «Зеелёве» было дано ОКВ 2 июля, соответствующая директива (№16) была подписана Гитлером 16 июля[241]. Задания же на разработку плана «Барбаросса» были даны 25 и 30 июня (беседы Гитлер — Гальдер), 3 и 22 июля (Гитлер — Грейфенберг, Гитлер — Браухич).

31 июля было определено, что Германия должна напасть на СССР в мае 1941 года..

В августе 1940 года началась «битва над Англией», и высадка была назначена на 21 сентября. Но уже 17 сентября Гитлер отложил всю операцию «на неопределенный срок». Кстати, это было сделано еще в самый разгар воздушных боев: бомбежки Ковентри и

Бирмингема состоялись 14 — 19 сентября. Согласно сообщению Иодля, Гитлер принял решение отложить «Зеелёве» не 17 сентября, а уже 13-го, (то есть даже до знаменитого «дня Британии» — 15 сентября). А 17 сентября фюрер заявил, что предпосылки для «Зеелёве» еще не созданы.

Разумеется, определенную роль в решении Гитлера и ОКВ сыграл энергичный отпор английской авиации. Однако последние исследования в этом вопросе показали, что, оказывается, Гитлер ждал от «битвы над Англией» не столько завоевания господства в воздухе и создания непосредственных условий для высадки, сколько подавления воли Англии к сопротивлению и ее капитуляции. Он опять-таки рассматривал операцию не как самоцель, не изолированно, а в перспективе осуществления своих планов дальнего прицела. Только в этом контексте надо рассматривать общеизвестные аргументы, которые фюрер выдвигал в беседах с Гальдером. Он говорил: «Англия надеется на Россию и Америку, а когда первая надежда рухнет, то и Америка отпадет». Или: «Если Россия будет разгромлена, то Англия лишится последней надежды»[242].

Важно и другое обстоятельство: нападение на СССР не было единственным замыслом в те месяцы, а план «Зеелёве» не был единственной альтернативой ему. Дискутировались и другие варианты: «периферийная стратегия» в Средиземном море (сторонниками ее были Редер и Хойзингер) или даже африканский вариант (создание 150-миллионной колониальной империи в Африке). Но все эти планы были отклонены — во имя «Барбароссы».

«Директива № 21»

Теперь перейдем к более обширному документу покойного фельдмаршала, дающему представление о том, как же именно происходило военное планирование операции «Барбаросса». Паулюс начинает свой рассказ так:

«В конце июля 1940 года Гитлер сообщил штабу оперативного руководства ОКВ, а также главнокомандующим тремя видами вооруженных сил, что он не исключает возможности похода против Советского Союза, и дал поручение начать предварительную подготовку. Итак, хотя война на Западе еще не была закончена и ее исход не был окончательно ясен, Гитлер хотел отказаться от большого шанса ведения войны на один фронт и рискнуть вести войну на два фронта. Однако это характеризует его соображения только с военной стороны...

Генеральный штаб сухопутных войск воспринял агрессивные намерения Гитлера с двойственными чувствами. Он видел в походе против России опасный факт открытия второго фронта, а также считал возможным и вероятным вступление Соединенных Штатов в войну против Германии. Он полагал, что такой группировке сил Германия сможет противостоять только в том случае, если она успеет быстро разгромить Россию.

Однако сила России представляла собой большую неизвестную величину. Считалось, что операции возможны только в хорошее время года. Это означало, что для них оставалось мало времени. Генеральный штаб считал своей задачей определить оперативные, материальные и людские возможности и их границы. Однако в остальном он исходил из того, что нужно подчиниться политическому руководству»[243].

Действительно, единственный упрек, который нельзя сделать германскому генеральному штабу, это упрек в недостаточной подготовке. Ни один военный план вермахта не готовился столь фундаментально, Вот сравнительные данные;

Операция / Сроки разработки / Продолжитсльность разработки

«Вайс» (нападение на Польшу) / апрель 1939 — 1 сентября 1939 г./ 5 месяцев

«Везерюбунг» (захват Дании и Норвегии) / декабрь 1939 — 9 апреля 1940 г. / 4 месяца

«Гельб» (нападение на Францию) / сентябрь 1939 — 10 мая 1940 г. / 8 месяцев

«Марита» (вторжение в Грецию) / ноябрь 1940 — 6 апреля 1941 г. / 7 месяцев

«25» (агрессия против Югославии) / март 1941 — 6 апреля 1941 г. / 1 месяц

«Барбаросса» (нападение на СССР) / весна 1940 более — 22 июня 1941 г. / более 12 месяцев.

Сохранились первоначальные наметки плана «Барбаросса», относящиеся к 22 июля 1940 года. Гальдер записал следующие директивы Гитлера и Браухича:

«а) Развертывание продлится четыре — шесть недель.

б) Необходимо разбить русскую сухопутную армию или по крайней мере занять такую территорию, чтобы можно было обеспечить Берлин и Силезский промышленный район от налетов авиации противника.

Желательно такое продвижение в глубь России, чтобы паша авиация могла разгромить ее важнейшие центры.

в) Политические цели: украинское государство, союз прибалтийских государств, Белоруссия, Финляндия. Прибалтика — заноза в теле.

г) Необходимо 80 — 100 дивизий. Россия имеет 50 — 75 хороших дивизий»[244].

Таковы были идеи, высказывавшиеся Гитлером и Браухичем. На этом основании Гальдер решил поручить первую разработку плана начальнику штаба 18-й армии генерал-майору Эриху Марксу, способному генштабисту, сыну известного историка. 29 июля генерал Маркс принялся за работу и вскоре уже доложил о ее первых результатах. Его идея была такова: «наносить только один главным удар... из Румынии, Галиции и Южной Польши в направлении на

Донбасс, разбить находящиеся на Украине армии и вслед за этим маршировать через Киев на Москву»[245].

Параллельно с генералом Марксом работали генерал Грейфенберг и подполковник генштаба Фойерабенд, которые также пришли к мысли сделать центром тяжести южный участок и заставить стоящие перед Москвой войска принять бой «обратным фронтом». На карте этот замысел выглядел привлекательно: мощная стрела пронзала южную часть СССР, миновала Киев и выходила к Москве. А находившиеся в районе Минск — Смоленск советские армии оказывались отрезанными от собственной столицы[246]. Неизвестно, докладывались ли эти первоначальные варианты Гитлеру (вероятнее всего — нет). Но 31 июля 1940 года Гитлер снова беседовал с руководителями ОКХ и дал такие установки:

«Вывод: на основании этого заключения Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года. Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше. Операция только тогда будет иметь смысл, если мы одним ударом разгромим государство. Одного захвата известной территории недостаточно. Остановка зимой опасна. Поэтому лучше подождать, по потом, подготовившись, принять твердое решение уничтожить Россию. Это необходимо также сделать, учитывая положение на Балтийском море. Существование второй великой державы на Балтийском море нетерпимо.

Начало похода — май 1941 года. Срок для проведения операции — пять месяцев. Лучше всего было бы уже в этом году, однако это не даст возможности провести операцию слаженно.

Цель: уничтожение жизненной силы России. Операция распадается на:

Первый удар: Киев, выход на Днепр, авиация разрушает переправы. Одесса;

Второй удар: Прибалтика, Белоруссия, направлении на Москву.

После этого: двусторонний охват с севера и юга, позже — частная операция по овладению районом Баку»[247].

В таких условиях появляется более детальный «Оперативный проект «Восток», принадлежащий генералу Марксу. В нем уже фигурируют две ударные группы: одна на юге, другая — в центре. Первой группе генерал Маркс ставил в качестве цели Киев, второй — рубеж Рогачев — Витебск. Затем вторая группа должна была наносить

удар прямо на Москву[248]. Генерал фон Зоденштерн предлагал совсем иное решение. Его замысел в большей мере учитывал вышеприведенное высказывание Гитлера от 31 июля: две ударные группы расположить на флангах. Северная группа должна прорываться к Москве, южная — к Харькову, войскам же центральной группы (у Бреста) поручить лишь сковывание русских сил[249].

Таково было положение дел, когда Паулюс принял пост заместителя начальника генерального штаба. Ему надлежало свести воедино все планы в таком виде, чтобы доложить их фюреру. Паулюс эту задачу выполнил. Так в конечном счете родилась на свет «Директива № 21»[250], которая гласила:

«Фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами
Ставка фюрера
18.12.40 г.
Верховное главнокомандование вооруженных сил
Штаб оперативного руководства вооруженными силами
Сов. секретно
Только для командования
Отдел обороны страны
№ 33408/40
Директива № 21
План «Барбаросса»

Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии. (Вариант «Барбаросса».}

Сухопутные силы должны использовать для этой цели все находящиеся в их распоряжении соединения, за исключением тех, которые необходимы для защиты оккупированных территорий от всяких неожиданностей.

Задача военно-воздушных сил — высвободить такие силы для поддержки сухопутных войск при проведении Восточной кампании, чтобы можно было рассчитывать на быстрое завершение наземных операций и вместе с тем ограничить до минимума разрушения восточных областей Германии вражеской авиацией. Однако эта концентрация усилий **ВВС** на Востоке должна быть ограничена требованием, чтобы все театры военных действий и районы размещения нашей военной промышленности были надежно

прикрыты от налетов авиации противника и наступательные действия против Англии, особенно против ее морских коммуникаций, отнюдь не ослабевали.

Основные усилия военно-морского флота должны и во время Восточной кампании, безусловно, сосредоточиваться против Англии.

Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операций.

Приготовления, требующие более продолжительного времени, если они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15.5.41 г.

Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны.

Подготовительные мероприятия высших командных инстанций должны проводиться, исходя из следующих основных положении.

1. Общий замысел

Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено.

Путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русские военно-воздушные силы будут не в состоянии совершать налеты на имперскую территорию Германии.

Конечной целью операции является создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга — Архангельск. Таким образом в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации.

В ходе этих операций русский Балтийский флот быстро потеряет свои базы и окажется, таким образом, не способным продолжать борьбу,

Эффективные действия русских военно-воздушных сил должны быть предотвращены нашими мощными ударами уже в самом начале операции.

II. Предполагаемые союзники и их задачи

1. В войне против Советской России на флангах нашего фронта мы можем рассчитывать на активное участи Румынии и Финляндии.

Верховное главнокомандование вооруженных сил в соответствующее время согласует и установит, в какой форме вооруженные силы обеих стран при их вступлении в войну будут подчинены германскому командованию.

2. Задача Румынии будет заключаться в том, чтобы отборными войсками поддержать наступление южного фланга германских войск, хотя бы в начале операции, сковать противника там, где не будут действовать германские силы, и в остальном нести вспомогательную службу в тыловых районах.

3. Финляндия должна прикрывать сосредоточение и развертывание отдельной немецкой северной группы войск (части 21-й армии), следующей из Норвегии. Финская армия будет вести боевые действия совместно с этими войсками. Кроме того, Финляндия ответственна за захват полуострова Ханко.

4. Следует считать возможным, что к началу операции шведские железные и шоссейные дороги будут предоставлены для использования немецкой группе войск, предназначаемой для действий на Севере,

III. Проведение операций

А) Сухопутные силы. (В соответствии с оперативными замыслами, доложенными мне.) Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий.

Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее ее и раздробить силы противника в Белоруссии. Таким образом будут созданы предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север, с тем чтобы во взаимодействии с северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операциям по

взятию Москвы — важного центра коммуникаций и военной промышленности.

Только неожиданно быстрый развал русского сопротивления мог бы оправдать постановку и выполнение этих обеих задач одновременно.

Важнейшей задачей 21-й армии и в течение Восточной кампании остается оборона Норвегии.

Имеющиеся сверх этого силы (горный корпус) следует использовать на Севере прежде всего для обороны области Петсамо и ее рудных шахт, а также трассы Северного Ледовитого океана. Затем эти силы должны совместно с финскими войсками продвинуться к Мурманской железной дороге, чтобы нарушить снабжение Мурманской области по сухопутным коммуникациям.

Будет ли такая операция осуществлена силами немецких войск (две-три дивизии) из района Рованиеми и южнее его, зависит от готовности Швеции предоставить свои железные дороги в наше распоряжение для переброски войск.

Основным силам финской армии будет поставлена задача в соответствии с продвижением немецкого северного фланга наступлением западнее или по обеим сторонам Ладожского озера сковать как можно больше русских войск, а также овладеть полуостровом Ханко.

Группе армий, действующей южнее Припятских болот, надлежит посредством концентрических ударов, имея основные силы на флангах, уничтожить русские войска, находящиеся на Украине, еще до выхода последних к Днепру.

С этой целью главный удар наносится из района Люблина в общем направлении на Киев. Одновременно находящиеся в Румынии войска форсируют р. Прут в нижнем течении и осуществляют глубокий охват противника. На долю румынской армии выпадет задача сковать русские силы, находящиеся внутри образуемых клещей.

По окончании сражений южнее и севернее Припятских болот в ходе преследования следует обеспечить выполнение следующих задач:

На юге — своевременно занять важный в военном и экономическом отношении Донецкий бассейн;

На севере — быстро выйти к Москве. Захват этого города означает как в политическом, так и в экономическом отношениях

решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла.

Б) Военно-воздушные силы. Их задача будет заключаться в том, чтобы, насколько это будет возможно, затруднить и снизить эффективность противодействия русских военно-воздушных сил и поддержать сухопутные войска в их операциях на решающих направлениях.

Это будет прежде всего необходимо на фронте центральной группы армий и на главном направлении южной группы армий.

Русские железные дороги и пути сообщения в зависимости от их значения для операции должны перерезаться или выводиться из строя посредством захвата наиболее близко расположенных к району боевых действий важных объектов (речные переправы) смелыми действиями воздушно-десантных войск.

В целях сосредоточения всех сил для борьбы против вражеской авиации и для непосредственной поддержки сухопутных войск не следует во время операции совершать налеты на объекты военной промышленности. Подобные налеты, и прежде всего против Урала, встанут в порядок дня только по окончании маневренных операций.

В) Военно-морской флот, В войне против Советской России ему предстоит задача, обеспечивая оборону своего побережья, воспрепятствовать прорыву военно-морского флота противника из Балтийского моря. Учитывая, что после выхода к Ленинграду русский Балтийский флот потеряет свой последний опорный пункт и окажется в безнадежном положении, следует избегать до этого момента крупных операций на море.

После нейтрализации русского флота задача будет состоять в том, чтобы обеспечить полную свободу морских сообщений в Балтийском море, в частности снабжение по морю северного фланга сухопутных войск (траление мин).

IV.

Все распоряжения, которые будут отданы главнокомандующими на основании этой директивы, должны совершенно определенно исходить из того, что речь идет о мерах предосторожности на тот случай, если Россия изменит свою нынешнюю позицию по отношению к нам.

Число офицеров, привлекаемых для первоначальных приготовлений, должно быть максимально ограниченным. Остальных сотрудников, участие которых необходимо, следует привлекать к работе как можно позже и знакомить только с частными сторонами подготовки, необходимыми для исполнения служебных обязанностей каждого из них в отдельности.

Иначе имеется опасность возникновения серьезнейших политических и военных осложнений в результате раскрытия наших приготовлений, сроки которых еще не назначены.

V.

Я ожидаю от господ главнокомандующих устных докладов об их дальнейших намерениях, основанных на настоящей директиве.

О намеченных подготовительных мероприятиях всех видов вооруженных сил и о ходе их выполнения докладывать мне через верховное главнокомандование вооруженных сил.

Гитлер»

Так выглядел замысел в декабре 1940 года, и по существу он остался неизменным до июня 1941 года (не считая коррективов, внесенных в связи с операциями на южном фланге).

Нам представляется в этой связи важным осветить следующий вопрос: в какой мере последовавший крах операции «Барбаросса» был связан с изложенным в «Директиве № 21» стратегическим и оперативным замыслом и в какой мере это можно зачислить на «личный счет» Адольфа Гитлера?

В немецкой военной истории известны случаи, когда вокруг того или иного плана возникали легенды, воздействие которых на общественное мнение было поистине огромным. Пример тому — знаменитый план графа Альфреда фон Шлиффена, считавшийся шедевром военной мысли XIX — XX веков. Как показали события 1914 года, этот план не смог привести Германию к победе, а, наоборот, предрешил ее крах. Но это пе помешало созданию мифа о плане Шлиффена. «Если оставаться ему верным, — объявил Вильгельм Гренер в 1915 году, — то можно победить, стоит от него отойти — дело пойдет насмарку»[251]. В соответствии с этим лозунгом все победы зачислялись на счет Шлиффена, а поражения — на счет отклонений от его плана.

Сказанное целиком применимо и к плану «Барбаросса». В послевоенной западногерманской литературе обнаруживается сильное стремление списывать все поражения лишь на счет «дилетантских решений» фюрера, а победы — на счет ОКВ/ОКХ. Каково же было внутреннее соотношение между решениями Гитлера и решениями военных специалистов в «Директиве № 21»?

Если сравнить «Директиву № 21» с предварительным замыслом генерала Маркса, то в ней действительно есть отличие. Оно состоит в том, что генерал Маркс предлагал наносить главный удар через Украину, а Гитлер перенести центр тяжести в район к северу от Припятских болот и вдобавок придал особое значение взятию Ленинграда. По последнему поводу ныне на фюрера сыплются упреки: мол, решение включить Ленинград в список первоочередных целей было произволом Гитлера, который руководствовался не военными, а идеологическими соображениями («Ленинград — бастион большевизма»). Если бы вермахт не отвлекся на Ленинград, проще было бы взять Москву...

До последнего времени с этими утверждениями было довольно трудно спорить: Гитлер действительно часто говорил о Ленинграде как оплоте большевизма», и действительно между проектом генерала Маркса и «Директивой № 21» есть разница. Откуда появилось приведшее к ней решение? Были ли промежуточные этапы? До сих пор историки располагали лишь туманными намеками на проект, который разрабатывался в ОКВ под эгидой Йодля (так называемый «этюд Лоссберга»), но дата его указывалась неопределенно. В дневнике ОКВ о нем упоминалось 12 сентября, но заместитель Йодля генерал Варлимонт в своих мемуарах утверждает, что «этюд» был составлен в конце ноября, то есть тогда, когда все принципиальные решения были приняты. Данную точку зрения перенял и А. Хильгрубер в своем капитальном труде «Стратегия Гитлера».

Сегодня мы можем внести некоторую ясность в этот вопрос. Во-первых, «этюд Лоссберга» действительно существовал и теперь находится в нашем распоряжении. Во-вторых, он был датирован 15 сентября. В-третьих, именно в нем была высказана идея о роли северного участка фронта, легшая в основу подписанной Гитлером «Директивы № 21».

Оказывается, в «этюде Лоссберга» содержался весьма подробный разбор дилеммы: к северу или к югу от Припятских болот? В документе так и говорилось:

«Для осуществления операций сначала необходимо решить, будет ли находиться направление главного удара севернее или южнее Припятских болот. Учитывая превосходство немецких сил, можно не сомневаться в том, что операции в обоих районах начнутся одновременно.

В пользу нанесения главного удара на севере говорят следующие соображения:

значительно лучшие возможности сосредоточения (железнодорожные линии);

заинтересованность в нанесении скорейшего поражения русским в Прибалтике;

сравнительно лучшие дорожные условия на операционном направлении;

возможность взаимодействия с XXI группой, действующей из Финляндии;

достижимость Ленинграда и Москвы.

В пользу нанесения главного удара на юге говорят следующие аргументы:

угрожаемое положение Румынии,

возможность снабжать немецкие моторизованные соединения, базируясь на румынские и галицийские нефтяные источники (однако гораздо худшие коммуникации после пересечения русской границы),

значение Украины.

Вносится предложение: избрать направление главного удара на севере»[252].

Таким образом, уже здесь совершенно определенно высказывается рекомендация — и она исходит не от Гитлера, а от ОКВ! Заметим, кстати, что ОКВ предлагало северный вариант, сознательно отказываясь от некоторых особых возможностей, которые, по его мнению, могли бы открыться на Украине. В «этюде Лоссберга» имеется следующий примечательный параграф:

«Как значительное преимущество для операции па юге необходимо учитывать то обстоятельство, что, судя по всему, русские на Украине скоро будут иметь внутренние трудности. Эти осложнения,

направляемые работой 2-го отдела[253] абвера, могут привести к нарушению и без того слабого железнодорожного сообщения».

Как видно, Лоссберг немало ожидал от работы ведомства адмирала Канариса и предвидел «внутренние трудности» Советской страны. Но тем не менее он отказывался от южного варианта!

Что касается общего замысла, изложенного в этом «этюде», то любопытно следующее высказывание:

«Каким образом в дальнейшем будет организовано взаимодействие обеих главных групп восточнее Припятских болот и каковой будет конечная военная цель — это в значительной мере будет зависеть от того, произойдет ли после начальных немецких успехов развал России и когда он наступит. Если западные районы России и связь с морями будут потеряны, нам представляется невероятным, что Россия останется еще дееспособной — даже если учитывать русскую военно-промышленную область на Урале. В качестве весьма дальней цели можно обозначить общую линию: Архангельск — Горький — Волга до Сталинграда — Дон до впадения в Черное[254] Море».

Как мы уже видели, именно эта цель была официально поставлена Гитлером в «Директиве № 21».

Когда в военно-историческом управлении немецкого генерального штаба стали еще во время войны составлять обзор военных операций, то там зафиксировали, что соображения Лоссберга были учтены и в значительной мере повлияли на выбор северной части европейской России, как района сосредоточения основных сил[255]. В этом документе прямо указывается, что при взвешивании всех точек зрения решение *о* выборе северного участка было принято на базе двух документов: «этюда Лоссберга» от 15 сентября 1940 года и проекта генерального штаба от 26 ноября. В разработке генерального штаба в защиту северного варианта приводились следующие соображения:

1) именно здесь находится главная группировка Красной Армии;

2) здесь лучше железнодорожные условия для сосредоточения наших войск;

3) для наступления на Москву и Ленинград здесь существует гораздо больше удобных шоссейных и железных дорог;

4) именно отсюда ближе всего до главной цели Москвы;

5) наконец, именно здесь находится Прибалтика, захват которой является одной из главных целей на первом этапе.

Повторены почти все доводы Лоссберга! Кроме того, в упомянутом документе военно-исторического управления отмечалось, что Гитлер при принятии окончательного решения согласился с соображениями Йодля — Лоссберга о том, что немецкое превосходство в силах делает ненужным эшелонирование наступления во времени: все группы могут начинать наступление в одно и то же время.

Нельзя сказать, что при разработке плана «Барбаросса» немецкий генеральный штаб не сознавал трудности этого предприятия. По его мнению, трудность состояла в том, что необходимо было одновременно добиваться решения двух задач. Первой задачей был фронтальный прорыв, а второй — превращение прорыва фронтального в охватывающий, что в сочетании представляло собой гораздо более сложную задачу, чем та, которую ставил себе кумир генералитета фельдмаршал Альфред фон Шлиффен, планируя нападение на Францию. Пресловутый «план Шлиффена» выглядел арифметической задачкой по сравнению с алгебраическим уравнением «Барбароссы». Ведь Шлиффен не имел в виду начинать с прорыва на своем знаменитом «правом фланге», а просто-напросто предполагал пройти через слабо защищенную Бельгию. Здесь же такой возможности не представлялось.

Но как и где прорвать советский фронт? С самого начала было признано, что предложение генерала Маркса прорвать фронт в одном месте абсолютно нереально. Потом возникла идея прорыва в двух местах. Это также было признано недостаточным. Наконец, был предложен такой выход: расчленить весь многосоткилометровый фронт советской обороны на отдельные участки и тем самым затруднить возможный отход Красной Армии.

Встал также вопрос о целях операции, причем обнаружились любопытные нюансы. Если верить ставшим традиционными утверждениям западногерманской историографии, то немецкий генеральный штаб неизменно был трезвым, разумным и осторожным, а авантюрист Гитлер ставил перед ним невыполнимые задачи. В действительности не всегда было так. Когда речь зашла о постановке целей, то трезвый, разумный и осторожный Браухич заявил, что ближайшей целью для группы армий «Север» должны быть Псков и Ленинград, для группы армий «Центр» — Смоленск и Москва, а для

группы армий «Юг» — Киев. Иными словами, он самым авантюристическим образом предполагал, что все три группы армий смогут безостановочно пройти от границы до Ленинграда, Москвы и Киева соответственно. Но вот какая, оказывается, возникла парадоксальная ситуация: авантюрист Гитлер возразил против этого, заметив, что надо разделить операцию на два этапа. Нужно, мол, сначала уничтожить противника в Прибалтике и создать себе там надежную базу для последующей фланговой атаки на Москву. В соответствии с этими общими соображениями Гитлера и была разработана «Директива № 21».

Комментарий Фридриха Паулюса

«Директиве № 21» посвящено немало комментариев чисто военных, военно-политических и прочих. Следует отметить, что сама директива сопровождалась огромным количеством дополнительных приказов, указаний, распоряжений: недаром в генеральном штабе было заведено сначала «дело Барбаросса», а потом даже «сборная папка Барбаросса». Но среди комментариев всякого рода особняком стоит комментарий Паулюса, написанный им в годы плена. В нем сочетаются компетентность и необходимая (но не частая у генералов вермахта) способность к самоанализу. Паулюс вспоминает:

«Подготовительная игра для операции «Барбаросса» проводилась под моим руководством в середине декабря 1940 года в течение двух дней в ставке командования сухопутных войск в Цоссене. Время совпало примерно со временем подписания «Директивы № 21» [«Варбаросса»!] ОКВ.

Теперь, когда подлинный ход операции, именуемый походом на Восток, уже принадлежит истории, для интересующегося военными вопросами будет очень полезно ознакомиться с тогдашними мыслями и тогдашними оценками возможностей: ниже я изложу основные точки зрения штабной игры — разумеется, не во всех подробностях, которые подверглись обсуждению.

Исходное положение «синих» (немецкая сторона)

1. Сначала были изложены основные идеи стратегической разработки, выполненной на основании июльского указания ОКВ: путем быстрых операций и глубокого проникновения танковых сил уничтожить силы русской армии, находящиеся в Западной России, и воспрепятствовать отходу уцелевших боеспособных частей в глубину России.

Первая цель: Украина (включая Донбасс), Москва, Ленинград. Основное направление — Москва. Окончательная цель: Волга — Архангельск. В соответствии с указанием ОКВ, в основу идеи генерального штаба сухопутной армии было положено следующее: Москва как политический, транспортный и военно-промышленный

центр, Донбасс и Ленинград как центры военной промышленности, Украина как главная житница представляли для русского военного руководства решающее значение. Поэтому предполагалось, что, если даже русские будут использовать для отхода свои большие пространства, они так или иначе должны будут принять бой в этих районах.

Следовательно, задачей сухопутных войск было: а) при поддержке авиации уничтожить лучшие кадровые войска русских сухопутных сил, добившись решающего сражения, и тем самым воспрепятствовать планомерному и полноценному использованию огромного русского людского потенциала;

б) быстро добиться этого решения, а именно: до того, как русские смогут полностью развернуть свои оборонительные силы;

в) после удачи первого прорыва стремиться по частям громить русские силы и не давать им создать единый новый фронт.

Если при помощи этих решений еще нельзя было достичь окончательного выигрыша войны, то тем не менее предполагалось, что Россия ни в отношении вооружений, ни в отношении личного состава не будет в состоянии держаться долгое время и тем более не сможет добиться перелома в ходе войны.

2. При оценке поведения русских предполагалось, что они окажут упорное сопротивление на границе:

а) по политическим причинам — ибо трудно было ожидать, что русские добровольно отдадут области, которые воссоединились с Россией;

б) по военным соображениям — для того, чтобы с самого начала ослабить немецкие наступательные силы, и для того, чтобы заставить немцев оттянуть решительные сражения до времени, когда удастся развернуть полную оборонительную готовность. Кроме того, путем отхода вглубь русские могли рассчитывать навязать немцам борьбу, предварительно ослабив их, то есть в удалении от их основных баз.,

Общие намерения и цели немецкого командования
в начале кампании 1941 года

Главной целью была Москва. Для достижения этой цели и исключения угрозы с севера должны были быть уничтожены русские войска в прибалтийских республиках. Затем предполагалось взять Ленинград и Кронштадт, а русский Балтийский флот лишить его базы.

На юге первой целью была Украина с Донбассом, а в дальнейшем — Кавказ с его нефтяными источниками. Особое значение в планах ОКВ придавалось взятию Москвы. Однако взятию Москвы должно было предшествовать взятие Ленинграда. Взятием Ленинграда преследовалось несколько военных целей: ликвидация основных баз русского Балтийского флота, вывод из строя военной промышленности этого города и ликвидация Ленинграда как пункта сосредоточения для контрнаступления против немецких войск, наступающих на Москву.

Когда я говорю, что было принято решение, то этим я не хочу сказать, что во мнениях ответственных командиров и штабных офицеров было полное единство. Раздавалось много тревожных голосов — как по поводу допустимости всей операции, так и по поводу трудностей, связанных с выполнением поставленной цели. С другой стороны, хотя об этом говорилось мало, высказывалось мнение, что вполне следует ожидать быстрого краха советского сопротивления как следствия внутриполитических трудностей, организационных и материальных слабостей так называемого „колосса на глиняных ногах"…»[256]

Таково суждение фельдмаршала Паулюса. Оно дает возможность понять всю авантюристичность замысла «Барбароссы», которую в глубине души понимали и германские генштабисты. Это, впрочем, не помешало им принять к неукоснительному исполнению директивы национал-социалистского руководства. Однако и самые опытные генералы германского генштаба не могли прыгнуть выше своей головы. Размер их собственных сил был ограничен: первоначально Гитлер «отпустил» на Восточную кампанию 80 — 100 дивизий. Затем (к началу 1941 года) речь зашла о 144 дивизиях (не считая дивизий Италии, Румынии, Венгрии, Финляндии). Так примерно и осталось. 22 июня в бой вступило 153 немецких дивизии, 12 румынских, 2 венгерских, 3 итальянских, 18 финских — всего около 3,5 миллиона человек.

Но чего надлежало добиться с помощью этих дивизий? Аппетиты были немалые.

Как мы помним, 31 июля цели были сформулированы так: первый удар — на Киев, то есть на Украину. Второй удар — на прибалтийские государства и в направлении Москвы. Итак, в списке должны фигурировать:

а) Москва,

б) Украина.

Далее шел пункт:

в) Кавказ и бакинская нефть. На этом настаивало Военно-экономическое управление ОКВ и в свою очередь Кейтель, поскольку в соответствии с его директивой № 32 от 17 июня 1941 года предстояло двинуться через Кавказ на Ближний Восток, в Иран и Индию[257].

Казалось бы, достаточно. Но мы знаем, что Гитлер думал и о северном направлении. 3 февраля ОКВ было предписано: «Центр тяжести на севере». И дальше: «Главная задача — не забывать о цели заполучить Прибалтику и Ленинград»[258]. Значит:

г) Ленинград и Прибалтика.

А командование немецких войск в Норвегии добавило:

д) Мурманск.

Тут вступает в спор генеральный штаб. Ему кажется необходимым сосредоточиться на Московском направлении, чтобы здесь разбить основные силы Красной Армии. Но Гитлер не хочет ограничиваться этим. Тогда Гальдер задает вопрос Йодлю:

— Хотим ли мы разбить противника или мы преследуем экономические цели?

Йодль ответил:

— Фюрер считает возможным и то, и другое...[259]

«Второе правительство» в действии

Здесь мы подходим к одному из ключевых моментов замысла «Барбароссы». Выше я имел случай изложить некоторые общие соображения по поводу тех социально-экономической сил, которые стояли за национал-социалистским режимом и его экспансией. Но теория остается теорией — а что говорит нам практика?

Немецкая промышленность ожидала от войны вполне определенных результатов. Так, Фридрих Флик писал 23 июня 1940 года (через день после капитуляции Франции): «Мы имеем моральное и материальное право притязать на распределение объектов»[260]. Понятие о морали у Флика было своеобразное, но в делах материальных он разбирался неплохо. В соответствии с этим главный управляющий делами имперской группы металлургической промышленности Рейнхард направил 44 крупнейшим рурским предпринимателям — в том числе Цангеру, Пенсгену, Рейшу, Феглеру, Клекнеру — письмо следующего содержания:

«Со стороны официальных органов нас попросили срочно установить: какие пожелания имеются у нас касательно предстоящего мирного урегулирования и реорганизации экономических отношений в европейском районе? При этом следует учесть следующие страны: Норвегию, Данию, Швецию, Финляндию, Голландию, Бельгию, Люксембург, Францию, Англию и Балканы»[261].

Адресаты не заставили себя ждать. Их «пожелания» были изложены в нескольких толстых томах. Составителей вовсе не смущало то, что из девяти перечисленных в письме европейских стран были захвачены только шесть. Финляндия числилась «союзником», Швеция — нейтральной, а приготовления к захвату Англии только начались. Но рурские предприниматели уже видели в своем кармане не только лотарингскую руду, по и английский уголь. Иными словами: агрессия совершалась во имя совершенно определенных интересов.

Характер обогащения крупнейших фирм во время войны являлся предметом тщательного разбирательства на процессах в Нюрнберге. Ведшие дела Круппа, «ИГ Фарбен» и Флика американские военные

юристы собрали огромный материал. Нас он интересует лишь в приложении к «Барбароссе», но общая тональность материала вполне очевидна. Если ставить в приложении к немецкой агрессии классический вопрос: «Кому это выгодно?», — то ответ будет совершенно однозначным: разумеется, не немецкому солдату, умиравшему на полях Смоленщины и Приволжья, а тем, кто рассчитывал стать владельцем огромных естественных богатств и промышленного потенциала Советского Союза.

Адольф Гитлер не раз упрекал свой генеральный штаб, что он мыслит чисто по-военному и не учитывает экономических потребностей Германии. Какую же он видел следующую экономическую цель? «Надо завоевать то, в чем мы нуждаемся и чего у нас нет. Нашей целью должно быть завоевание всех областей, имеющих для нас особый военно-экономический интерес»[262]. Именно так Гитлер сказал министру вооружения Фрицу Тодту за два дня до начала войны. На встрече с группой видных немецких промышленников Геринг пообещал: «Если Германия выиграет войну, то она станет величайшей державой в мире, она будет господствовать на мировых рынках. Германия обогатится. Ради этой цели стоит рисковать»[263]. А так как Геринг и Гитлер собирались рисковать лишь жизнью своих солдат, они со спокойной совестью могли запрашивать: какие будут пожелания?

Ответ на этот вопрос дало Военно-экономическое управление ОКВ (генерал Томас), которое являлось связующим звеном между германскими промышленными фирмами и вермахтом. 28 февраля 1941 года в ведомстве Томаса было решено, что при осуществлении «Барбароссы» «главной задачей организации будет захват сырья и всех важных предприятий, к чему с самого начала будут привлечены надежные представители немецких концернов, ибо только с помощью их опыта можно будет обеспечить успех (например, бурый уголь, руда, химия, нефть)»[264]. С участием этих «надежных представителей» и появились на свет рекомендации генерала Томаса. Как всегда, слово за документом:

«Операция, направленная на захват европейской части СССР (без Урала), принесет следующие результаты:

I. В первые же месяцы продовольственное и сырьевое положение Германии облегчится. если благодаря быстрым действиям удастся:

а) предотвратить уничтожение запасов,

б) захватить целыми Кавказские нефтеразработки,

в) разрешить транспортную проблему.

II. На случай длительного ведения войны подлинное облегчение зависит от следующих предпосылок:

а) во *всех областях*

1) от решения транспортной проблемы;

2) от того, сколько населения останется на месте и насколько удастся привлечь его *к* труду;

б) в *области сельского хозяйства*

1) от того, насколько удастся предотвратить уничтожение МТС и насколько возможно использовать их и пополнить машинно-тракторный парк за счет возобновления производства в СССР;

2) от снабжения горючим;

в) в *области промышленности*

1) от захвата в сохранности и пуска в ход электростанций;

2) от обеспечения снабжения промышленности тем сырьем, которого нет в европейской части СССР.

III. До установления связи с Дальним Востоком не будут решены проблемы снабжения Германии каучуком,вольфрамом, медью, платиной, оловом, асбестом и копрой.

IV. Операция должна распространиться на области южнее устья Волги и Дона, включая Кавказ. Для эксплуатации оккупированных районов необходимы нефтеисточники Кавказа»[265].

Этот документ был не единственным в серии военно-экономических документов ОКВ. Так, д-р Ганс-Адольф Якобсен в своем обширном сборнике документов «Вторая мировая война. 1939 — 1945» (Дармштадт, 1959) приводит своеобразный «автореферат» Военно-экономического управления[266], в котором генерал Томас отмечает наиболее значительные рекомендации, внесенные им в ходе войны. В их числе — вышеприведенный меморандум от 28 февраля 1941 года, а также меморандум от 2 октября 1941 года. Томас лишь вкратце характеризует последний меморандум, но поскольку он имеется полностью в нашем распоряжении, я не могу удержаться от искушения познакомить читателя с его текстом.

Совершенно секретный меморандум за № 3208/41 был составлен уже в ходе войны, а именно: 1 октября 1941 года, за день до начала

решающего наступления на Москву[267]. Учитывая это последнее обстоятельство, Военно-экономическое управление ОКВ составило оценку возможного сокращения военного потенциала Советского Союза. К меморандуму была приложена карта с четырьмя возможными рубежами продвижения немецких войск:

Рубеж «А»: Захват Крыма, Харькова, Курска, Тулы, Москвы, Ленинграда, Кандалакши.

Рубеж «В»: Захват всего Донбасса.

Рубеж «С»: Захват Горького.

Рубеж «D»: Захват Кавказа, Баку, Грозного, Сталинграда, Западного Урала.

Высказывались следующие предположения:

Рубеж «А». Его достижение будет означать потерю Россией 2/3 производства стали и алюминия, что исключит увеличение нынешних мощностей. «Будет невозможно пополнение материальной части, даже если зимой наступит перерыв в боевых действиях. Тем не менее не следует ожидать решительного ослабления военного потенциала России>.

Рубеж «В». Его достижение будет означать дополнительно потерю 2/3 угольных запасов. В конечном итоге военный потенциал России «будет ослаблен таким образом, что до лета 1942 года она не сможет собственными силами создать военно-экономические предпосылки для успешного возобновления военных действий западнее Урала».

Рубеж «С». Потеря Горького будет означать почти полное прекращение производства грузовых и легковых автомобилей, а также значительное ослабление авиационной промышленности. По отношению к общему потенциалу «значительных изменений по сравнению с достижением рубежа «В» не последует».

Рубеж «D». Произойдет дальнейшее значительное ослабление военно-экономического потенциала, хотя и не ведущее к полному краху. Последний наступит после потери индустриальных районов Урала».

На чем может задержаться глаз при чтении этого документа? Я сейчас опускаю вопрос об оправданности прогнозов генерала Томаса (об этом речь пойдет ниже). Зато в меморандуме есть нечто ненаписанное: это, во-первых, сам дух расчета по поводу еще не

достигнутых рубежей и еще не захваченных предприятий — вплоть до Урала, хотя немецкие войска стояли еще западнее Вязьмы. Во-вторых, не высказанная, но подразумевавшаяся проблема: ну, а что же будет со всей этой промышленностью?

А этот вопрос волновал тогда многих. Так, еще 26 июня 1941 года в памятной записке для г-на Фридриха Флика, составленной одним из его подчиненных, говорилось:

«Я слышал сегодня, что уже обсуждаются планы распределения русских заводов; особенно большие претензии предъявляют «Рейхсверке»: эти претензии распространяются на угольные месторождения Украины.

Кроме того, г-н Шведе («Ферайнигте штальверке») добивается увеличения доли для «Ферайнигте штальверке». Различные другие концерны также подали свои заявки...»[268].

Как видно, у г-на Флика имелись определенные основания беспокоиться. К этому времени уже были разработаны основные положения, которыми должны были руководствоваться войска на Востоке, — пресловутая «Зеленая папка».

«Зеленая папка» представляет собой один из наиболее подробных документов, в котором была изложена программа систематической экономической эксплуатации оккупированных территорий Советского Союза. Она явилась плодом деятельности так называемого Восточного штаба экономического руководства, который был создан специально для разработки системы экономической эксплуатации нашей страны и подчинялся непосредственно рейхсмаршалу Герману Герингу.

Генеральная задача «Зеленой папки» была изложена в пункте первом предисловия к этому длинному документу. Пункт гласил:

«Согласно приказу фюрера необходимо принять все меры к немедленному и полному использованию оккупированных областей в интересах Германии. Все мероприятия, которые могли бы воспрепятствовать достижению этой цели, должны быть отложены или вовсе отменены».

И далее, во втором пункте:

«Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти — такова главная экономическая цель кампании. Наряду с этим германская военная промышленность должна получить и прочие сырьевые продукты из оккупированных областей, насколько это

технически возможно и с учетом сохранения промышленности в этих областях. Что касается рода и объема промышленного производства оккупированных областей, то они должны быть согласованы в первую очередь с требованиями, которые предъявляет эксплуатация сельского хозяйства и нефтяной промышленности для нужд германской военной экономики... Совершенно неуместно мнение о том, что оккупированные области должны быть возможно скорее приведены в порядок, а экономика их восстановлена»[269].

Итак, перед нами в совершенно обнаженном виде предстает цель превращения Советского Союза в своеобразную гигантскую колонию Германии. Для этого «Зеленая папка» предусматривала создание довольно стройной системы военно-хозяйственных учреждений в тылах групп армий и армий, — это были так называемые хозяйственные инспекции, команды и группы.

27 июля 1941 года последовали «Инструкции по руководству экономикой во вновь захваченных восточных областях», предписывавшие образование определенных компаний монополистического характера, которые должны были взять в свои руки захваченные советские предприятия (среди такого рода компаний можно упомянуть, в частности, так называемые «Остверке ГмбХ»). Смысл этого мероприятия разъяснялся самими немецкими промышленниками так:

«Записка для г-на Флика

13.8.41.

О беседе с полковником Ионом

В ходе сегодняшней беседы с гном Ионом я заговорил об основании «Остверке ГмбХ». Гн Ион подтвердил мне то, что я уже слышал от г-на Шеера, а именно: что путем основания этой компании хотят избежать того, чтобы в немецкой промышленности начались раздоры из-за русских заводов. Кроме того, хотят точно ограничить компетенцию политических властей... Однако интересным было заявление г-на Иона, что он ни в коем случае не собирается постоянно сохранять весь русский экономический комплекс в государственном владении. Совсем наоборот: оп намеревается после окончания войны удовлетворить частновладельческие интересы[270].

Действительно, документация **БХО** («Остверке», или «Бергунд хюттенверке Ост ГмбХ»), членом административного совета которого

стал гн Флик, содержит ряд указаний на то, что и в этой форме концерн Флика получил в свое распоряжение ряд советских предприятий, а именно: металлургический, вагоностроительный, коксохимический, цементный и лесопильный заводы в Днепродзержинске плюс металлургический завод имени Петровского, коксохимзавод, металлургические заводы **ДСМО** и им. Коминтерна, им. Либкнехта, им. Ленина, им. Артема — в Днепропетровске. Крупп получил машиностроительный завод в Краматорске; Маннесман — металлургический завод в Таганроге[271].

Эта процедура не ограничивалась металлургией. Так, директор П. Хенрихс (фирма «Цейс») направил в адрес Экономической группы точной механики и оптики 22 июля 1941 года следующее письмо:

«Г-ну д-ру К. Альбрехту

22 июля 1941 г.

Секретно

Хен/Ри

О русской оптической промышленности

Уважаемый господин доктор Альбрехт! На основании нашего сегодняшнего разговора по телефону посылаю Вам, как Вы того требовали, пронумерованные документы в голубой папке, оставленные Вами господину Котхаусу во время его последнего посещения. Кроме того, я хочу отметить на основании совещания от 30 июня у генерала Лееба, что восточную территорию следует на первых порах разделить на три экономических района: Ленинград, Москву и Киев. Так как имеются трудности в снабжении продовольствием и сырьем, то исключительно важно, чтобы указанные районы по значимости были определены следующим образом: Украина (Киев и Харьков), Москва и Ленинград.

Господин Котхаус рекомендует, насколько мне известно, произвести обследование и установить опеку над этими тремя районами следующим образом: на Украине — фирма «Эмиль Буш», в Москве — фирма «Лейц», в Ленинграде — фирма «Цейс».

Из голубой папки я взял список с Вашими предложениями, по поводу которых Вы по телефону просили меня высказать свои соображения. В этом списке Вы предусматриваете опеку над русскими предприятиями довольно большим количеством немецких фирм, в то время как г-н Котхаус, как уже было сказано, предусматривает на

первых порах лишь три немецкие фирмы. Если же взять отдельно первичную инспекцию для разведывания промышленного профиля заводов и последующую опеку отдельных заводов, которые должны будут выполнять заказы Германии (я считаю необходимым не объединять эти вопросы), то можно считать, что для инспекции достаточно было бы компетентных представителей вышеназванных трех фирм, а фирмы, которые возьмут на себя опеку над русскими заводами, могут быть названы и позже.

Мне кажется, что Вы абсолютно правильно выбрали фирмы, которым будет поручена опека. Если же впоследствии окажется, что немецкая сторона не сразу сумеет развернуть производство в указанных трех районах, а только, скажем, на заводах южных районов (Киев — Харьков), тогда я попрошу вернуться к вопросу об опеке в этом районе.

В принципе я повторяю то же, что подчеркнул во время нашего сегодняшнего телефонного разговора, а именно: рекомендую при всех обстоятельствах использовать русские заводы только для военного производства. О производстве товаров для нужд населения не должно быть и речи»[272].

Если бы оправдались прогнозы; данные генералом Томасом, то «опека» немецкой промышленности распространилась бы не только на Донбасс и Украину, но и на Москву, Ленинград, Баку, Грозный и Сталинград.

«Второе правительство» требовало от Гитлера не только идеального удовлетворения от захвата той или иной страны, но и определенного материального вознаграждения. А это неизбежно влекло за собой пространственное распространение целей «Барбароссы»: не только Москва, но и Ленинград; не только Ленинград, но и Донбасс; не только Донбасс, но и Кавказ; не только Кавказ, но и Сталинград; не только Сталинград, но и Урал; не только Урал, но и...

Цели были поистине всеохватывающими. Однако при всей своей слепой вере в собственную непобедимость и в безусловный успех операции «Барбаросса» руководители третьего рейха сознавали, что должны были на что-то опираться. И если одной из этих опор должен был стать вермахт как военный инструмент, то параллельно

создавалось еще некое «секретное оружие», которое должно было быть пущено в ход на территории, подлежавшей оккупации.

Об этом пойдет теперь речь.

ПИРАМИДА СМЕРТИ. Глава 7.

У основания пирамиды

23 марта 1942 года в жизни врача из города Мюнстера Иоганнеса Кремера произошла трагедия: умерла его любимая птичка Гансик. Кремер был одиноким, чувствительным человеком — и только канарейка Гансик скрашивала его одиночество: Кремер даже проводил с ней праздники. Поэтому в дневнике, который Кремер вел[273], как было принято еще в XIX веке, огорченный доктор записал:

«Сегодня днем в 14 часов Гансик умер от своих мучений. Мне бесконечно жаль его, ибо мы сроднились с бедняжкой... Эта птичка всегда была моим бодрым товарищем. Произвел кремацию».

Не прошло и нескольких месяцев, как сентиментальный д-р Кремер стал свидетелем смерти не одной птички, а тысяч людей. Он был перемещен из Мюнстера в Аушвиц (Освенцим). Кремеру рассказали о его новой задаче: встречать прибывающих на платформе, делить их на работоспособных и неработоспособных; последние подлежали «особому обращению». Нет, даже это слово в Освенциме нельзя было употреблять. Следовало говорить: подлежали «фильтрации».

30 августа 1942 года Кремер приступил к исполнению своих обязанностей, меланхолически записав в дневник: «38 градусов в тени. Пыль и бесчисленное количество мух. Питание великолепное: например, сегодня вечером ел подкисленную гусиную печенку, заплатил за это 40 пфеннингов».

Но это — прелюдия. О дальнейшем дневник говорит более выразительно:

«2 сентября 1942 года. В 3 часа дня впервые присутствовал при проведении особой акции под открытым небом. По сравнению с происходившим дантовский ад мне кажется просто комедией. Напрасно Освенцим не называют лагерем уничтожения...

6 октября 1942 *года.* Комендант Гесс упал с лошади.

7 октября 1942 *года.* Присутствовал при девятой особой акции...

9 октября 1942 года. Послал в Мюнстер первую посылку, содержащую четыре с половиной килограмма жидкого мыла.

Дождливая погода.

10 *октября* 1942 *года.* Лагерный карантин продолжается.

11 *октября* 1942 *года.* Сегодня воскресенье: отбивная из зайчатины. Получил целую заячью ножку с мучными тефтелями и красной капустой. Заплатил за все это 1 марку 25 пфеннигов.

12 *октября* 1942 *года.* Получил вторую прививку против тифа; вечером почувствовал реакцию; поднялась температура. Несмотря на это, ночью участвовал в особой акции над прибывшими из Голландии (1600 человек). Страшнейшая сцена перед последним бункером. Это была десятая особая акция с моим участием.

13 *октября* 1942 *года.* Присутствовал при наказании заключенных, а затем при казни *7* польских гражданских лиц.

14 *октября* 1942 *года.* Получил плащ из Берлина.

15 *октября* 1942 *года.* Сегодня ночью были первые заморозки...

17 *октября* 1942 *года.* Присутствовал при проведении наказания заключенных и при 11 казнях. Изъял свежий живой человеческий материал.

18 *октября* 1942 *года.* Сырая, холодная погода. Сегодня воскресенье. Утром присутствовал при одиннадцатой особой акции над прибывшими из Голландии. Чудовищные сцены около трех женщин, моливших *о* сохранении жизни.

19 октября 1942 *года.* Вместе с оберштурмфюрером Виртцом и с госпожой Гесс ездил в Каттовиц, чтобы купить погоны для форменного плаща...

24 *октября* 1942 *года.* Сделал смертельные уколы 6 женщинам, участвовавшим в мятеже в Луде...

31 *октября* 1942 *года.* Вот уже 14 дней держится великолепная осенняя погода, побуждающая меня изо дня в день принимать солнечные ванны в саду дома войск СС...

8 ноября 1942 *года.* Сегодня ночью принял участие в двух особых акциях. После обеда участвовал еще в одной особой акции...

10 ноября 1942 *года.* Сегодня выпал первый легкий снежок...

13 *ноября* 1942 *года.* Произвел изъятие свежего живого человеческого материала (печень, селезенка и спинной мозг) у еврея — заключенного в возрасте 18 лет, страдавшего сильной атрофией (заключенный № 68030) . До этого сфотографировал его.

!4 *ноября* 1942 *года*. В общем клубе выступление варьете: великолепно. Танцующие собаки и кукарекающие петухи-карлики.

15 *ноября* 1942 *года*. До обеда присутствовал при проведении наказания заключенных.

16 ноября 1942 *года*. Отправил для Миа и Гретхен посылку с жидким мылом (около 6 килограммов), оценив ее в 300 марок...

18 ноября 1942 *года*. Отъезд в Прагу в 13 часов 28 минут. Поездка через Дрезден, Лейпциг, Ганновер, Оснабрюк — домой, в Мюнстер».

Так закончилось служебное путешествие д-ра Иоганнеса Кремера из Мюнстера в Аушвиц и обратно. Какихлибо 600 километров, максимум сутки езды по военным временам. Нет, это было путешествие в варварство — но не варварство XX века до нашей эры, а варварство нашего собственного XX века.

Попытаемся задуматься над строками из дневника д-ра Кремера, хотя они и не представляют собой сколько-нибудь уникального явления. После окончания войны и даже во время ее было опубликовано много документов подобного рода, от чтения которых мороз подирает по коже. Собственно говоря, дело даже не в том, что речь идет о страшных и чудовищных делах, творившихся в Освенциме или в других концлагерях. Дело в той ужасающей обыденности и привычности, с которой авторы дневников повествуют о страшных и чудовищных событиях. Для них абсолютно все равно — убить человека или съесть отбивную, отмахнуться от назойливых мух или присутствовать при расстреле тысячи людей. Михаил Ромм нашел очень точное определение для этого феномена: обыкновенный фашизм. Этот фашизм не обладает сверхъестественными свойствами. Действуют обыкновенные люди и они обыкновенным образом убивают других обыкновенных людей.

Нет и не может быть абсолютно точной статистики, касающейся результатов политики геноцида, проводившейся нацистами в Европе, — ведь счет шел на миллионы. Только потери Советского Союза составили 20 миллионов человек! Но нужно иметь в виду, что миллион складывается из тысяч, тысячи — из сотен, а сотни — из единиц. Все это надо было организовать, предусмотреть, создать настоящую индустрию уничтожения.

Идя от общего *к* частному, мы как бы теряем масштаб. Когда пытаются представить всю пирамиду гитлеровской политики

истребления народов, обычно начинают с Гитлера или с Гиммлера, с совещания на Ванзее, с цитат из Гейдриха. Но у пирамиды бывает не только верхушка — она начинается с основания. Мало отдать приказ о сооружении концлагерей. Для них нужно найти место, спроектировать все сооружения, построить их, подготовить персонал. Только тогда в ворота, украшенные назидательным девизом «Каждому — свое», могут вкатываться эшелоны с Востока, везущие тех, кто предназначен для уничтожения или для рабского труда.

Передо мной лежит папка документов, связанных с постройкой одного из гитлеровских лагерей уничтожения — Бухенвальда. Бухенвальд мало чем отличался от Освенцима. У Освенцима был свой филиал — Моновиц, где заключенные работали на предприятиях химического концерна, а у Бухенвальда был филиал — Нойштасфурт, где заключенные трудились на подземных авиационных заводах.

Все было очень обыкновенно. Строительная группа при командовании **ВВС,** которой было поручено обеспечить подземные заводы рабочей силой, получила указания построить небольшой, совсем небольшой и очень обыкновенный концлагерь. Нашелся и архитекторстроитель, который взял в руки карандаш и создал вполне пристойный проект лагеря и бараков, в которых должны были жить заключенные. Спланирован был и барак для эсэсовцев, самый обыкновенный: высота 3,35 метра, ширина — 8,14. Ведь даже барак подлежит проектированию. А проект подлежит визированию. Виза стоит на документе и по сей день: «Любке»***. *гтпе Аденпузра, и затем был президентов западногерманского государства (до 1969 года).*

Архитекторы строят для того, чтобы люди жили, а авторы проектов зданий концлагерей строили для того, чтобы люди умирали. Они являлись маленькими, но в то же время необходимыми шестеренками той гигантской машины смерти, которая была организована третьим рейхом.

Итак, пирамиду надо было построить. Те, кто пытается говорить о нападении на Советский Союз как об импровизации, забывают, что лучший контраргумент против их утверждений предоставил сам Гитлер. Не могло быть импровизацией уничтожение целых народов. Все это было заранее обдумано, подготовлено и спланировано.

Как строилась пирамида

«Антикоммунизм — вот основная глупость нашей эпохи», — эти слова Томаса Манна, сказанные много лет назад, сохраняют свою значимость и сегодня. Но великий немецкий гуманист, очевидно, не мог предвидеть, что на определенной стадии глупость станет преступлением. Фашизм довел антикоммунизм до своей абсолютной формы: сделал его заранее обдуманной системой антигуманизма. В этой форме, официально закрепленной на правах государственной доктрины, антикоммунизм просуществовал 12 лет. Именно он стал той основой, на которую опирались все античеловеческие планы, ставшие составной частью операции «Барбаросса».

30 марта 1941 года Гитлер решил просветить руководителей вермахта о подлинных целях нацизма. С этой целью было созвано совещание. Гальдер, аккуратный как всегда, записал слова Гитлера:

«Борьба двух идеологий... Речь может идти только о борьбе на уничтожение»[274].

И дальше:

«Борьба с Россией. Уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции. Надо воспрепятствовать тому, чтобы появилась новая интеллигенция»[275].

Это указание фюрера, смысл которого не допускал двух толкований, генеральный штаб пропустил через свой механизм, как любое другое. Ему было безразлично, чем заниматься: планом разборки понтонных мостов или планом уничтожения коммунистической идеологии. Задание было получено, и вскоре появилась соответствующая инструкция.

Но чем объясняется сочетание в гитлеровской программе этих двух подлежащих уничтожению «объектов»: политических комиссаров и советской интеллигенции? Это сочетание глубоко коренилось в самой сущности нацистской идеологии.

Сначала об интеллигенции. Если можно найти такую идеологию, которая абсолютно отрицает всякую позитивную роль интеллигенции в историческом процессе, то таковой идеологией является нацистская.

Однажды в беседе со своей свитой (это было 18 января 1943 года) Гитлер признался: «Какое счастье для правительства, когда люди не мыслят. Мышление должно состоять только в отдаче или исполнении приказа»[276].

С таким же упоением Геббельс любил повторять изречение: «Люди должны делать то, что мы им вложим в голову». Основная ставка нацизма делалась на то, чтобы околпачивать, одурманивать человека, заставить его забыть о своей человеческой сущности и покорно исполнять приказы, поступающие от фюрера Адольфа Гитлера и от фюреров самых различных рангов. Разумеется, для такого государства и для такого общества не нужна была интеллигенция.

Могут возразить: но ведь в гитлеровской Германии существовали и музыка, и кино, и литература, и даже философия. Однако это были всего лишь жалкие эрзацы. Да к тому же если немцам Гитлер и Геббельс и собирались разрешать штудировать философию (хотя бы нацистскую), слушать музыку (Вагнера) и созерцать тяжеловесную скульптуру (Тирака), то для народов оккупированных стран предполагалось сократить даже этот минимум, сведя его к обучению детей азбуке (разумеется, латинской), правилам сложения и вычитания, может быть, таблице умножения. Даже применительно к населению собственной страны Гитлер говорил: «Немецкое население не должно получать никакого образования. Если мы совершим эту ошибку, то сами посеем семена будущего сопротивления нашему господству. Конечно, надо оставить школы, за посещение которых они должны будут платить. Но учить там надо не больше, чем пониманию знаков уличного движения. По географии пусть они примерно знают, что столица империи зовется Берлином и каждый должен один раз в жизни там побывать...»[277].

Гитлер питал неистребимое отвращение к советской интеллигенции. Больше того: он ее боялся. Как он сам объяснял, необходимо «создать республики без сталинского духа. Интеллигенцию, которую создал Сталин, следует уничтожить. Уничтожить надо весь механизм руководства русского государства. В великорусском пространстве надо применять грубейшую силу. Идеологические узы еще недостаточно связывают русский народ. Как только будут устранены функционеры, эти узы распадутся»[278].

Рейхсфюрер СС Гиммлер в свою очередь интерпретировал идеи фюрера так: «Русские — это рабочий скот, у которого нет никакой культуры»[279]. Как видно, фюрер и рейхсфюрер СС несколько расходились во мнениях. Гиммлер полагал, что у русских ни культуры, ни интеллигенции нет и быть не может. Гитлер же был более предусмотрительным: «Дело идет о борьбе на уничтожение. Если мы этого не поймем, то сейчас разгромим врага, и через 30 лет перед нами снова предстанет коммунистический противник. А ведь мы ведем войну совсем не для того, чтобы консервировать противника!»[280]

В беседах с Борманом, а также со многими другими лицами из своей свиты Гитлер неоднократно возвращался к этой мысли и предупреждал: ни в коем случае нельзя допустить, чтобы на покоренной русской территории появились культурные люди! Однажды Розенберг по неосторожности предложил открыть в Киеве университет, дабы воспитывать там кадры изменников для оккупационной администрации. Гитлер буквально вышел из себя и запретил ему предпринимать что-либо для развития *украинской* культуры.

Гитлер рассматривал советскую интеллигенцию как своего опасного врага. Еще больше он боялся советских политработников. Когда речь заходила о «комиссарах», то фюрер приходил в бешенство.

Сейчас восстановлена картина действий ОКВ при выполнении и этой воли политического руководства.3 марта 1941 года генерал Йодль дал своему штабу указание разработать приказ, который «сразу обезвредил бы большевистских главарей и комиссаров»[281]. 5 марта оберквартирмейстер Вагнер сообщил Йодлю, что по этому поводу есть соответствующие директивы Гиммлера[282]. Они были учтены, и 13 марта соответствующий приказ был готов[283]. Он содержал указание на то, что в «оперативном тылу сухопутных войск рейхсфюрер СС получает специальные полномочия для подготовки политического управления, вытекающие из указания фюрера об окончательном разрешении конфликта между двумя противоположными политическими системами».

Машина вертелась дальше. 13 мая появился «Указ о подсудности в районе «Барбароссы» и об особых мероприятиях войск». Здесь уже излагалась довольно широкая программа истребительных мер[284]. Наконец, последовала зловещая «Инструкция об обращении с

политическими комиссарами» (приказ ОКВ № 44822/41 от 6 июня 1941 года). В ней говорилось:

«1. В этой войне по отношению к данным элементам

[политическим комиссарам. — Л. Б.] нельзя допускать пощады и учитывать принципы международного права. Они представляют опасность для войск и для быстрого умиро-творения завоеванных областей.

2. Политические комиссары являются виновниками варварских азиатских методов борьбы. С ними нужно расправляться быстро и безо всякого. Если их захваты-вают в бою или при оказании сопротивления, то их немед-ленно следует уничтожить при помощи оружия»[285].

Еще одна директива (от 16 мая 1941 года) узаконивала драконовские меры по отношению к советскому населению. Все лица, заподозренные во «враждебных» действиях, должны были подвергаться репрессиям на месте. «Там, где будет упущено время для подобных мероприятий или где они сразу окажутся невозможными, заподозренные элементы должны быть немедленно доставлены офицеру. Последний решает, должны ли они быть расстреляны»[286].

Наконец, директива от 16 сентября предусматривала установление террористического режима под предлогом борьбы с партизанами. «Чтобы в корне задушить недовольство, необходимо по первому поводу незамедлитель-но принять наиболее жесткие меры, чтобы утвердить ав-торитет оккупационных властей... При этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости»[287].

В развитие этих директив генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн приказывал своим войскам принимать беспощадные меры против «большевистских подстрекателей, партизан, саботажников и евреев»[288] Такие же приказы издавали фон Рундштедт, фон Лееб, Рейхенау, Буш. А 7 декабря 1941 года Кейтелем был издан приказ «Мрак и туман», разрешивший тайную депортацию гражданских лиц — участников Сопротивления с оккупированных территорий в Германию для расправы с ними в концлагерях[289].

К чему была такая длинная вереница приказов и распоряжений? Особенность нацистского режима уничтожения состояла в том, что гитлеровцы всегда искали законообразного оправдания для своих

преступлений. Им не-достаточно было убить человека. Для убийства им нужно было соответствующее распоряжение, и тогда убийство совершалось с легкой душой. Уже после войны мы услыхали истинно классическое определение подобного метода. На одном из судов, состоявшихся в 1966 году, свидетелем выступал Ганс Глобке — бывший высший чиновник министерства внутренних дел при Гитлере и статс-секретарь при Аденауэре. Его спросили, как он мог составить комментарий к столь преступному документу, каким являлись антисемитские «Нюрнбергские законы»? Глобке ответил: да, он понимал преступный смысл законов. Но, видите ли, ему хотелось внести «порядок в произвол...»[290].

О, этот педантичный порядок! Мы с ним познакомились в 1941 году, в годы оккупации Советского Союза. Советские люди поняли, как именно Гитлер рассчитывал «окончательно разрешить конфликт между двумя противоположными политическими системами». Смысл гитлеровской «идеологии войны» был предельно прост: он означал физическое истребление идейных противников.

Рассказ Вадима Быкадорова

Архивы третьего рейха оставили человечеству в необычном изобилии документы двоякого рода: документы войны и документы варварства. Подчас их трудно отделить друг от друга, но есть и разница. Военные документы понятны лишь узкому кругу специалистов, документы же нацистского варварства постижимы для каждого. Мы за эти годы узнали многое: дневники Ганса Франка и освенцимского коменданта Рудольфа Гесса, записки лагерных врачей и воспоминания узников. Поэтому автор находился в некотором затруднении, выбирая документы для этого раздела книги. Что может быть страшнее, чем то, что мы уже узнали о крематориях Освенцима, бараках Бухенвальда, расстрелах в таганрогском рву?

Но, как я уже заметил раньше, есть нечто более страшное, чем вышеперечисленные экстраординарные злодеяния. Это — ординарные злодеяния. Я пришел к этому выводу, когда в моем московском кабинете появился немолодой человек, назвавшийся Вадимом Федоровичем Быкадоровым, инженером из Харькова. В свое время Быкадоров был узником одного из филиалов Бухенвальда — лагеря «Дора», располагавшегося близ Нордхаузепа. Нет, в его судьбе не было ничего необычайного, да и вспоминал о ней Быкадоров без большой охоты. Но вот его рассказ, из которого, как говорит русская поговорка, слов не выкинешь, а за каждым из этих слов — судьбы человеческие. Быкадоров сам писал рассказ о лагере. Я не редактировал этот текст и привожу его здесь в том виде, в каком он был предоставлен мне его автором.

«В годы Великой Отечественной войны я не смог эвакуироваться и в июне 1942 года был насильственно забран из г. Харькова в Германию на крупную железнодорожную станцию Зельце близ г. Ганновер. Там меня без суда и следствия и даже без наличия каких-либо доказательств вины — только по одному подозрению в подрывной деятельности против рейха — заключили в концентрационный лагерь. Из группы товарищей харьковчан, арестованных вместе со мной, ни один не вернулся на Родину.

Всего с 1943 по 1945 год мне пришлось побывать более чем в десяти тюрьмах и гестаповских застенках, в штрафном лагере и четырех концентрационных лагерях. Я перенес ужасную зиму 1943/44 года в концлагере Нойенгамме, известном умерщвлением советских военнопленных газом «циклон-Б», потоплением узников на корабле «Кап-Аркона» и другими зверствами. Дважды под различными фамилиями побывал в концлагере Бухенвальд. Бежал из филиала этого лагеря (Лангенштайн близ Хальберштадта). Был пойман и после ряда тюрем, повторного побега, штрафного лагеря Шпергау (г. Мерзебург, зд «Лейна-Верке») был снова отправлен в **Бухенвальд.** Здесь лишь благодаря случайности и помощи товарищей не был опознан и попал в лагерь «Дора».

Период истории лагеря с августа 1943 по май 1944 года я знаю только по рассказам очевидцев. Однако знаю его довольно хорошо, так как интересовался этим еще в лагере, да и позже по крупицам собирал материалы, чтобы когда-нибудь написать об этом людям. Хотя я и не был очевидцем данных событий, однако за подлинность их ручаюсь и могу подтвердить под любой присягой, так как мертвые не лгут.

Первый транспорт прибыл в «Дору» в августе 1943 года. Вслед за ним стали прибывать десятки новых. Комендант Бухенвальда беспрекословно выполнял директиву Берлина об обеспечении концерна «Миттельбау» («Миттельдойче баугемайншафт», генеральный директор Рикге, директор завода Зовацкий). В результате такого темпа ь сентябре месяце в лагере насчитывалось уже 3 тысячи человек, в ноябре — 9 тысяч, а к январю 1944 года эта цифра возросла до 12 тысяч.

С первых же дней пребывания в «Доре» узники почувствовали всю невыносимость жизненных условий в новом лагере. Но основным бичом были, конечно, нечеловеческие условия труда. Прежде в этом месте производились разработки известняка. В течение ряда лет сквозь гору был пробит полукилометровой туннель с несколькими десятками перпендикулярных выработок. В самый короткий срок здесь должны были быть выполнены работы по расширению существующих штолен и превращению их в производственные цехи, пригодные для изготовления реактивного оружия.

В начальный период существования лагеря никто не думал строить бараки для заключенных под землей. Работы на поверхности

ограничивались лишь выгрузкой вагонов и строительством жилья для эсэсовцев. Занимались этим несколько «ауссенкоманд». Единственным достоинством этих команд была возможность дышать свежим, неотравленным воздухом.

Все остальные заключенные работали не менее чем по 12 — 14 часов под землей в самых ужасных условиях. Грузили камни, возили вагонетки, бетонировали полы и т. п. Особенно трудной и вредной была работа в глухих забоях на проходке новых штолен. Такие участки имелись в наиболее отдаленной от входа части подземного лабиринта, а именно: в юго-восточной части туннеля «А — Дора», где в то время еще не было выхода на поверхность. Здесь царил ужасный хаос. Рытвины с застоявшейся водой, каменные бугры, груды породы, песка, щебня, строительного мусора. Основные инструменты рабочих — кирка, лопата, носилки и тачка. Пыль и газы от частых взрывов были здесь настолько густы, что в нескольких шагах все предметы скрывались в пелене тумана даже при свете мощных прожекторов. Слабые вентиляторы, стоявшие в десятке метров от забоя, ничего не давали, лишь разгоняя отравленный воздух несколько дальше по подземелью.

Приближение зимы обострило проблему жилья. И вот по решению коменданта лагеря и директора Зовацкого узники были переведены под землю, где «жилплощади» в это время было еще более чем достаточно. Переход под землю вполне устраивал руководителей лагеря: решались сразу проблемы жилья, отопления (в туннеле было хотя и сыро, но не очень холодно), зимней одежды и даже охраны лагеря.

Настало самое страшное время в истории «Доры».

Большинству из вступающих впервые под своды подземелья «4в» теперь уже не суждено было увидеть солнечный свет. Для «жилых» блоков были выделены три штольни в юго-восточной части подземелья. (Позднее к ним добавилась еще одна штольня у южного входа туннеля «Б»). Это были недавно оконченные и еще не отделанные выработки, имеющие лишь по одному выходу в тупиковую часть туннеля «А».

Страшную картину представляли собой эти жилища — склепы заживо погребенных людей. Несколько недель здесь не было совершенно ничего. Тысячи узников спали на голом сыром каменном

грунте, накрывшись тонким одеялом и положив под голову деревянные башмаки или кусок породы. Позже, в начале декабря, в «жилых» штольнях были установлены пятиэтажные деревянные нары в виде отдельных клеток-боксов на 45 и 90 человек. канализации под землей еще не было. Вместо уборных у стен стояли ряды вечно переполненных бочек, от которых распространялось ужасное зловоние.

Если и не было очень больших вспышек эпидемии, то только потому, что людей прежде убивали нечеловеческие условия труда. Вблизи «жилых» помещений проводились основные буровзрывные работы. Общей вентиляции не было. И именно сюда гнали воздух вентиляторы. Теперь большая часть узников дышала отравленным воздухом все 24 часа. Особенно трудно приходилось работающим у забоев. Эти люди были обречены. Через 1015 дней у них возникали заболевания легких, внезапные приступы судорожного кашля. Спазмы давили горло, лицо синело, язык высовывался изо рта, глаза наливались кровью. Особенно часто такие приступы начинались во время сна. Несчастные вскакивали среди ночи и начинали метаться, судорожно глотая воздух. После нескольких таких приступов у больных начинала идти из горла кровь. Через 3 — 5 дней все кончалось. В страшных мучениях человек умирал.

Обычная смертность в лагере осенью и затем зимой 1943/44 года составляла 70 — 80 человек в сутки. Но бывали дни и даже периоды, когда это число достигало 150 и даже 200 человек. Несмотря на высокую смертность, медпункт и блоки для больных были постоянно переполнены тяжелобольными и дистрофиками. Прибывающие узники слишком быстро превращались в трупы. Число нетрудоспособных катастрофически росло. Одних только «легких больных» и «ходячих» дистрофиков бродило под землей более тысячи человек. Само собой разумеется, содержание бесполезных людей приносило прямой убыток монополиям. Однако «несознательные» узники не желали считаться с доходами концерна «Миттельбау» и упрямо отказывались «вовремя» умирать.

Но повелители подземного царства обеспечили себя полномочиями «войск СС» на право проведения массовых селекций и отправки непригодных узников в Берген-Бельзен. Чтобы избежать волнений в лагере, был пущен слух, что заключенные будут

направлены на «оздоровление». Мало кто поверил в эту очевидную ложь, и вместо разговоров о «санатории» слышался лишь шепот об отправке в газовые камеры. Напуганные предстоящей селекцией, узники впали в неистовое отчаяние. Зная повадки эсэсовцев, каждый мог считать себя обреченным. Больные и изнуренные люди бросились прятаться по различным норам подземного лабиринта. Руководили акцией лагерфюрер, блокфюреры и командофюреры при непосредственном участии д-ра Зовацкого. «Медицинским» отбором занимались эсэсовские врачи под руководством главного врача. Кроме эсэсовцев в охоте принимали деятельное участие все охранники, старосты блоков и капо.

Всего в туннеле было отобрано 500 человек. На поверхности к ним было добавлено еще 200 человек тяжелобольных из лазарета. По словам очевидцев, эта процессия представляла собой ни с чем ни сравнимое зрелище. Полуживые люди были погружены в вагоны и отправлены... На оздоровление? Едва ли можно это утверждать даже сейчас, через двадцать с лишним лет.

К лету 1944 года положение узников изменилось к лучшему. Причиной этого было, конечно, не возродившееся человеколюбие нацистов и даже не боязнь ответственности за свои преступления. Просто для работы на заводе теперь требовалась постоянная квалифицированная рабочая сила, чего нельзя было добиться в существующей обстановке без повышения жизненного уровня.

И вот работающим под землей стали выдавать двойную порцию маргарина, улучшился суп и главное увеличены были порции хлеба. Положительно отразился на здоровье узников и вывод их из-под земли. Это тоже продиктовано не гуманностью нацистов и тем более не великодушием Гиммлера, «узнавшего» из анонимок о «беззакониях». Просто в этот период войны подземные помещения были для гитлеровцев во сто крат дороже и нужнее, чем какие-то деревянные бараки-конюшни. Уменьшилась смертность и в результате улучшения санитарных условий в туннеле. Окончилась проходка новых штолен. Появилась вода. Стала работать канализация.

К лету 1944 года тысячи рабочих рук сделали свое дело. В «Доре» произошли большие изменения. На поверхности была застроена громадная территория, возникли железнодорожная станция, складские площадки, эсэсовский лагерь, лагерь заключенных. Одних бараков

было построено более 140 штук. На склоне Конштайна строился новый крематорий. То же произошло и под землей. Пробит был наружу туннель «А». В феврале и марте всех узников перевели на поверхность. Разрушили «жилые» блоки и превратили их в производственные цехи. Весь камень был вывезен, полы забетонированы, стены побелены, каждая из 46 штолен превратилась в довольно хороший цех. Кругом царили идеальная чистота и порядок. Правда, чистота эта достигалась слишком грязным и бесчеловечным путем. За нее узники часто платили своей кровью. Единственное, что осталось без изменения, это произвол надзирателей...

Работа под землей велась в две смены, каждая по 12 часов с получасовым перерывом. Но этим дело обычно не кончалось: почти ежедневно до иди после смены узников заставляли дополнительно работать на лагерных работах. Выходные дни отсутствовали почти полностью. Лишь один раз в месяц рабочим туннеля давалась пересмена, в результате которой они получали лишних 12часов отдыха. В такие дни в лагере обычно устраивалась генеральная поверка длительностью 3 — 4 часа с различными публичными наказаниями, в том числе и смертными казнями.

К наступлению холодов узникам не выдавали никакой теплой одежды. Не было окончено и строительство бани. Уже шел снег, а узникам, раздетым догола, подолгу приходилось ждать под открытым небом своей очереди попасть под душ или получить одежду из дезинфекции. Все предыдущее в «Доре» поблекло перед ужасами, начавшимися осенью 44го года. Неожиданно для узников лагеря воскресенье 19 ноября было объявлено выходным днем. Рано утром, еще задолго до раздачи пищи, всем русским приказали выстроиться на аппель-плаце. Здесь их уже ожидали охранники и вооруженные эсэсовцы. При помощи плеток скоро все были построены ровными рядами на расстоянии метра один от другого. Позже сюда были присоединены русские рабочие команд ночной смены. Е се шеренги стояли на северной части аппель-плаца. С каждой вышки на узников было направлено по нескольку крупнокалиберных пулеметов. Стояли по стойке смирно с обнаженными головами. Вблизи ворот отдельно стояла в окружении эсэсовцев небольшая группа заключенных. Позже сюда было добавлено несколько человек, вызванных прямо из строя.

Около 10 часов возле ворот собралось довольно много эсэсовских офицеров. Вскоре сюда привели человек десять из бункера. Первое время я плохо видел, что здесь происходило, так как стоял довольно далеко. Через некоторое время Зандер и рапортфюрер взяли из этой группы русского заключенного и стали водить его вдоль рядов, заставляя внимательно присматриваться к стоявшим. Было забрано еще несколько человек. После этого в юго-восточной части апрель-плаца начался допрос, продолжавшийся большую часть дня. На остальных узников, стоявших по стойке смирно, большое лагерное начальство долгое время не обращало никакого внимания. Наблюдали за строем несколько эсэсовцев-стариков. Они беспрерывно ходили между рядами и внимательно следили за узниками. Всех, кто шевелился, имел какие-либо недостатки в одежде или просто не понравился, они избивали плетками и гнали в отдельную группу, стоявшую в центре площади. Лично я попал в этот строй за то, что имел косо пришитый на груди номер. Первой группе «проштрафившихся» какой-то эсэсовец сказал, что будут вешать «для примера». Эта весть распространилась, и вот около сотни узников долгие часы ждали смерти.

Под вечер, после окончания допросов, «штрафникам» объявили, что «на этот раз господин комендант их помиловал и они получат лишь по 10 ударов плетью». Однако предупредили, что если саботаж не прекратится, то в следующий раз будут вешать всех без разбора,

Единичные и групповые казни проводились в «Доре» и до «раскрытия заговора»: в основном за побеги, отказ от работы и мелкое вредительство. Массовые казни за «организованный саботаж» начались через дней после 19 ноября II продолжались до самого конца. Установить число казненных в этот период очень трудно. Едва ли это известно даже палачам. Публичные казни устраивались в лагере не менее 10 раз, и общее число повешенных может выражаться не десятками, а только сотнями. Сюда не входят те жертвы, которые были расстреляны или просто убиты палками в бункере, в лагере и в туннеле, и те, кто умер под пытками во время допросов в бункере и в гестапо г. Нордхаузена. Во время массовых казней весь лагерь обычно не присутствовал (по-видимому, не хотели прерывать производство ракет). На аппель-плац выгоняли только отдельные команды, несколько блоков или одну из смен, работающих под землей. Иногда

на эти зрелища приглашались лишь желающие. Остальные узники видели повешенных при выходе на работу или входе в лагерь. О казнях всегда сообщалось по радио, причем обязательно с угрозами. Вешали как по нескольку человек, так и большими партиями, до 60 человек. Лично я очень хорошо помню несколько массовых казней, в том числе казнь группы, насчитывавшей 54 человека. Вешали на аппель-плаце возле кухни и в туннеле «Б — Дора» на кране для погрузки ракет «Фау-2». Часто вешали в несколько приемов, а чтобы ускорить смерть, иногда стреляли в повешенных. Бывали также случаи, когда не успевших умереть добивали палками.

Обычно роль палачей выполняли эсэсовцы и гестаповцы, в том числе Зандер, эсэсовец, известный по кличке «Конская голова», и один из рапортфюреров. Иногда вешать заставляли кого-либо из узников. Очень хорошо помню случай, когда за отказ вешать поплатились жизнью два немецких коммуниста. При казнях обычно присутствовало много эсэсовских офицеров, гестаповцы и несколько цивильных, в том числе и Зовацкий. Во время казней в туннеле присутствовало много представителей фирм, принимавших участие в изготовлении реактивного оружия, гражданские руководители подземного завода и прочие.

Были ли казненные виновны? Ответить на этот вопрос можно по-разному. Я не берусь утверждать, что, саботируя выпуск реактивных снарядов, антифашисты не наносили вред гитлеровской военной машине и не нарушали нацистских «законов». Во всяком случае, их действия были направлены не на продолжение преступной войны, а на спасение жителей Лондона и Брюсселя. Кроме того, среди казненных было множество людей, повешенных просто для устрашения, то есть имевших ту же вину, что и жители чешской деревни Лидице.

Основная масса повешенных за саботаж были советскими гражданами. Применительно к русским обещания коменданта в отношении репрессий не были пустыми угрозами. Все русские, имевшие до сих пор несколько сносное существование, после 19 ноября были переведены в самые плохие команды, выполняющие наиболее тяжелые работы. Эсэсовцам и немцам-уголовникам даны были специальные указания о жестоком обращении с русскими, Наказания и убийства русских всячески поощрялись и провоцировались. Если бы не сплоченность и выносливость русских,

не интернациональная солидарность в лагере, не уважение и помощь узников других стран, большинство русских были бы уничтожены еще задолго до начала эвакуации. Безусловно, повлияли на это и успехи Советской Армии, сеявшие среди палачей страх перед предстоящей ответственностью за свои преступления»[291].

Так на практике выглядела систематическая политика геноцида. Советских людей истребляли в тюрьмах, концлагерях, «рабочих лагерях», по приговорам судов и без приговоров, поодиночке и тысячами. Во исполнение каннибальских замыслов тех, кто возомнил себя претендентами на мировое господство.

Наметки рейхсляйтера Розенберга

Еще два дня отделяло мир от нападения Гитлера на Советский Союз. На улицах Бреста играли ребята, советские люди были заняты мирным трудом. А в Берлине впервые был предан гласности — правда, в очень узком кругу — план расчленения Советского Союза под немецким владычеством. Присутствующие впервые узнали о плане создания на оккупированных территориях четырех рейхскомиссариатов — «Балтенланд» (или «Остланд»), «Украина», «Кавказ» и «Россия» (или «Московия»).

Сейчас на основании различных документов установлено, что, согласно немецким планам, наша страна должна была быть расчленена на четыре рейхскомиссариата:

1. Рейхскомиссариат «Москва» (рейхскомиссар Зигфрид Каше, резиденция — Москва). В его составе планировалось создать генеральные комиссариаты: «Москва», «Тула», «Ленинград», «Горький», «Вятка», «Казань», «Уфа», «Пермь».

2. Рейхскомиссариат «Остланд» (рейхскомиссар Генрих Лозе, резиденция — Рига) с генеральными комиссариатами «Эстония», «Латвия», «Литва», «Белоруссия».

3. Рейхскомиссариат «Украина» (рейхскомиссар Эрих Кох, резиденция — Ровно) с генеральными комиссариатами «Волыно-Подолия», «Житомир», «Чернигов», «Киев», «Харьков», «Николаев», «Таврия», «Днепропетровск», «Сталино», «Ростов», «Сталинград», «Саратов», «Немцы Поволжья», «Воронеж».

4. Рейхскомиссариат «Кавказ» (рейхскомиссар Арно Шикеданц, резиденция — Тбилиси) с генеральными комиссариатами «Кубань», «Ставрополь», «Грузия», «Азербайджан», Горским комиссариатом и главными комиссариатами «Калмыкия» и «Армения».

Эта структура возникла не сразу. Сначала, согласно докладной записке Розенберга от 2 апреля 1941 года, предполагалось, что СССР автоматически распадется на семь комплексов: «Великороссия», «Белоруссия», «Украина», «Крым», «Прибалтика», «Кавказ», «Туркестан»[292]. Затем появились четыре рейхскомиссариата, из

которых комиссариаты «Остланд» и «Украина» были практически созданы, «Москва» и «Кавказ» существовали только на бумаге, а пятый комиссариат — «Туркестан» даже не получил визы Гитлера. В своей первоначальной форме идеи Розенберга, который был назначен «особо-уполномоченным фюрера по централизованной разработке проблем восточноевропейского пространства», были одобрены Гиммлером, который в каждом комиссариате учредил должность высшего начальника полиции и СС. Кстати, такие начальники были назначены и в те комиссариаты, которые так и не были созданы: например, «полномочиями» высшего начальника полиции и СС в Москве «был облечен» группенфюрер СС Эрих Бах-Зелевски, на Кавказе — оберфюрер СС Корземан. Добавим, что подобное «планирование» не прекращалось и в ходе войны. В качестве анекдота можно привести мемораидуМ на имя Тербовена, составленный 1 марта 1943 года III кем иным, как Видкуном Квислингом, который рекомендовал создать на территории СССР несколько провинций — Новгородскую (с центром в Петербурге), центральную (с центром в Москве), а затем Русско-Украинскую, Северокавказскую, Волжскую, Северорусскую, Уральскую, Западносибирскую и Восточносибирскую[293].

Значительное, если не центральное, место во всей структуре оккупированной территории Советского Союза должен был занять рейхскомиссариат «Украина», который был создан не только на бумаге, но и реально: 1 сентября 1941 года он был учрежден под начальством Эриха Коха, резиденция которого расположилась в Ровно. В рейхскомиссариат вошли шесть генеральных комиссариатов — «Волыно-Подолия», «Николаев», «Житомир», «Киев», «Днепропетровск» и «Таврия» (с Крымом). В дальнейшем предполагалось создать еще несколько генеральных комиссариатов — «Чернигов», «Харьков», «Воронеж» и «Сталино». Однако ввиду того, что эти комиссариаты так и остались в непосредственной близости к фронту, их территория продолжала находиться под «юрисдикцией» тыловых органов соответствующих армий и групп армий.

В свое время Розенберг предполагал расширить Украину за счет Саратовской, Сталинградской и Ростовской областей, но эти области по BIIOJIH8 понятным причинам так и остались вне сферы деятельности Эриха Коха. Пришлось отказаться также от планов

создания «самостоятельного украинского государства». Причины были различны. Во-первых, оказалось, что среди немецкой агентуры, которую долгие годы растили на территории Германии до войны, нет ни одной более или менее подходящей кандидатуры на роль сколько-нибудь авторитетного руководителя этого мифического государства. Зато не было недостатка в распрях и раздорах между претендентами на «украинский престол». Известен скандальный эпизод, когда 30 июня 1941 года представители группы Бандеры, ворвавшись во Львов, поспешно (чтобы оказаться первыми) провозгласили «украинское государство», Однако немецкие военные власти и СС не одобрили этот «самостийный» шаг бандеровцев.

Данное обстоятельство не должно способствовать рождению новой легенды (впрочем, она уже родилась на Западе), что, мол, будь немецкие оккупанты в России и на Украине «поразумнее», все обошлось бы наилучшим образом и советские граждане, вместо того чтобы идти в партизаны, стали бы верноподданно служить рейху. До сих пор па страницах ряда западногерманских и американских исследований, посвященных оккупационной политике Гитлера в Советском Союзе, идет ожесточенный спор: в чем состояли главные ошибки Гитлера? Упрек, который предъявлялся рядом авторов (например, нацистским бардом Эдвином Двингером) Гитлеру и Гиммлеру, состоит, в частности, в том, что, мол, Гитлер не использовал шансов, которые у пего имелись, что оккупационные войска напрасно проводили столь жестокую политику, что надо было дать больше свободы местному населению, надо было санкционировать образование отдельных национальных государств — и тогда все было бы прекрасно...

История знает немало случаев, когда после неудачи того или иного плана находились люди, которые заявляли: я бы сделал лучше. Но по правде сказать, мурашки по коже пробегают, когда читаешь сочинение, суть которого состоит в том, что автор говорит: я бы совершил это преступление лучше, чем другой. Иначе нельзя определить смысл вышеупомянутой дискуссии об оккупационной политике Гитлера. Ведь те, кто в настоящее время ведет этот спор, являются такими же, как и Гитлер, антикоммунистами, сторонниками ликвидации Советского государства и советского общественного строя, но только хотят изобразить себя более вежливыми и

деликатными антикоммунистами — благо, что никто не может проверить, были ли бы они такими же деликатными, если бы оказались на месте гитлеровцев. А правда состоит в том, что советские люди не хотели примириться с оккупантами, которые несли им порабощение, стремились лишить народы СССР их великих социальных завоеваний, совершенных под знаком Октябрьской революции. Те же, кто пытается сеять иллюзии, будто возможно «подправить» Гитлера и повторить его опыт в «улучшенном варианте», — идут на заведомый и опасный обман...

Но вернемся к рейхскомиссариатам. Так никогда и не был создан рейхскомиссариат «Москва» с генеральными комиссариатами «Москва», «Тула», «Горький», «Казань», «Уфа» и т. д. Предполагалось, что на севере он будет распространяться до Ледовитого океана, на востоке — до Челябинска, Магнитогорска, Омска, Тобольска и Новосибирска включительно[294]. Нв юге этот гигантский комиссариат должен был распространяться до Туркестана. Начальником комиссариата предполагалось назначить обергруппенфюрера СА Зигфрида Каше, который был близок к Герингу. Заметим, что Каше пришлось долго своего назначения, но, как свидетельствует Эрих Кордт, он еще в 1944 году мечтал об этой должности и даже назначил нескольких своих друзей членами «московского штаба»[295].

Никогда не был создан и другой рейхскомиссариат «Кавказ», во главе которого должен был стать ближайший сотрудник Розенберга Арно Шикеданц. У Шикеданца были конкуренты: первым из них был видный немецкий тюрколог профессор Герхард фон Меиде. Шикеданц выиграл этот спор и успел даже создать свой штаб в количестве более тысячи человек. Но штаб так и не начал работу. Сам же Шикеданц ждал желанного момента до 1943 года, а затем, видя, что на Кавказ ему не попасть, попросился в Минск.

Наконец, шла долгая дискуссия по поводу судьбы советских среднеазиатских республик. Здесь предполагалось создать рейхскомиссариат «Туркестан». Упоминались и другие названия: «Пантуркестан», «Большой Туркестан», «империя Магомета». Шла речь о федерации полуавтономных государств под немецким протекторатом, в которую предполагалось включить Казахстан, Узбекистан, Киргизию и Туркменистан. Подготовительными работами по созданию «Пантуркестана» занимался советник Розенберга Вели

Каюмхан: но он так никогда и не отправился в свою новую «империю», предпочитая оставаться в комфортабельной венской гостинице «Империал»[296].

Но будем оставаться в рамках реального: кроме фантастических планов, были самые конкретные меры, направленные на осуществление колониальной политики на Востоке. Как выразился 16 июля 1941 года Гитлер, предстояло «удобно разделить огромный пирог, дабы мы могли, во-первых, им овладеть, во-вторых, им управлять, в-третьих, его эксплуатировать»[297].

Первое — «овладеть» — казалось Гитлеру и его генералам и рейхсляйтерам делом не столь трудным и, во всяком случае, обеспеченным. Следовательно, надо было уже готовиться «управлять», и 15 июля 1941 года в генеральном штабе был составлен план, который должен был решить эту часть задачи. Согласно ему «оккупация и охрана захваченной русской территории» должны были осуществляться «минимальными силами», а именно: 12 таковыми, 6 моторизованными, 34 пехотными, 3 горнострелковыми и 1 кавалерийской дивизиями. Всего, следовательно, 56 дивизий — не больше и не меньше[298]. Этими силами гитлеровская Германия собиралась «княжить и володеть» в своей новой колонии, властвовать над народами нашей страны. Само имя Советского Союза должно было исчезнуть с географической карты, а слово «Москва» — навеки позабыто. Что же нацисты хотели сделать с Москвой?

О чем рассказывал и о чем молчал генерал Герсдорф

...Я мог себе представить, как выглядел генерал-майор барон Рюдигер Кристоф фон Герсдорф в годы войны, хотя это было не так просто сделать, видя престарелого человека в ортопедической коляске (заядлый кавалерист, он не оставлял этого занятия до преклонных лет, пока не упал с лошади). Но в манерах этого представителя силезского дворянства, в роду которого один генерал сменял другого, чувствовалась привычка, дающаяся не только годами учения.

Когда барон фон Герсдорф весной 1941 года прибыл в Познань, где находился тогда штаб фон Бока, он еще не знал своего начальника, но вскоре смог познакомиться с ним в достаточной мере.

— В «тройном созвездии» немецких фельдмаршалов — Рундштедт, Манштейн, Бок — Теодор фон Бок был, пожалуй, самой блестящей фигурой, — так охарактеризовал генерал фон Герсдорф человека, который должен был взять Москву. — Большой стратег, знаток своего дела, прусский фельдмаршал, каким его можно себе представить: точный, корректный, лощеный. Однако эти профессиональные свойства соединились у Бока с честолюбием, карьеризмом и безжалостностью. Как принято говорить, Бок был человеком, который шел по трупам...

Военная карьера фон Бока к моменту нападения на СССР уже насчитывала немало страниц — в ней было, например, взятие Парижа и Варшавы. Бок был одним из тех генералов вермахта, которых Гитлер произвел в фельдмаршалы в необыкновенно торжественной обстановке: в мраморном зале имперской канцелярии фон Бок получил маршальский жезл с орлом и свастикой. Иными словами, не было никакого сомнения, что Гитлер выбрал для взятия Москвы человека, обладавшего всеми данными, которыми, с точки зрения германского милитаризма, должен был обладать полководец, выполняющий одну из центральных задач операции «Барбаросса».

— Бок придерживался мнения, — рассказывал Герсдорф, — что именно у него должны быть силы и именно на его участке должен

наноситься главный удар. Когда в августе 1941 года выяснилось, что Боку придется передать часть танковых дивизий своему южному соседу, он был просто вне себя.

— Каким же образом Бок собирался брать Москву?

— Видите ли, у него было два варианта. Первый он называл «большим решением». Оно предполагало два мощных танковых удара: один севернее Москвы, где-то в районе Ржева — Калинина; другой — южнее, через Орел и Тулу. Оба удара не должны были сходиться в самой Москве, они должны были сначала идти параллельно, а потом сомкнуться восточнее советской столицы.

— Где именно?

— Я не помню сейчас точно все населенные пункты, но речь шла о Горьком...

На этот раз я не мог упрекнуть моего собеседника: действительно, минуло ЗО лет, и память немецких генералов на русские города могла ослабеть. Но ослабевшую память можно было заменить — заменить документами. В документах же стояли слова: выйти на линию Рязань — Владимир — Калязин — Калинин.

После некоторой паузы мой собеседник все-таки дал свой комментарий:

— Для оценки этого плана надо иметь в виду, что согласно приказу Гитлера наши войска не должны были вступать в Москву. Они должны были лишь окружить город.

— Не должны были вступать в Москву?

— Да, это прямо следовало из приказов фюрера...

Оказывается, перед началом наступления на Москву в штаб Бока прибыл некий высший чин нацистского руководства (имя его Герсдорф забыл) и представился в качестве начальника «передового штаба Москва». Он заявил, что имеет указание фюрера, согласно которому войска не должны вступать в сам город. Бок должен будет лишь выделить части для выполнения задач «обеспечения безопасности». Герсдорф попросил уточнить формулировку, на что гость из Берлина назвал эти задачи «задачами политической безопасности».

— Это был эсэсовский чин? — спросил я, поскольку из уже опубликованных документов явствовало наличие «передовой команды Москва» в составе эсэсовской айнзатцгруппы «Б».

— Нет, я точно помню, что мой посетитель был в форме нацистской партии...

Сей визитер, по словам Герсдорфа, даже не был допущен к Боку и был отослан в тыл, пока войска не дойдут до Москвы. Но если подобным образом Герсдорф хотел свалить всю вину за варварскую идею «закупорки» Москвы на нацистов, то это ему не удалось, ибо указанная идея была подробнейшим образом изложена в директиве штаба оперативного руководства верховного главнокомандования. 7 октября 1941 года в распоряжении за номером 441675/41 указывалось, что вермахт не должен вступать ни в Ленинград, пи в Москву, а лишь герметически «закупорить их». 12 октября это распоряжение было подтверждено документом за номером 1571/41. А штаб того же фон Бока 15 октября 1941 года довел до войск этот преступный приказ. Генералы ни в чем не уступали нацистским бонзам.

В этих условиях мысль штабных офицеров работала во вполне определенном направлении: предусматривалось тесное сотрудничество вермахта, СС и СД для превращения Москвы в колоссальный концлагерь. А дальше намечалось создание «супер-Освенцимов» на Востоке, куда для уничтожения в газовых камерах должны были быть «пересланы» москвичи — дети, женщины, старики. А сам город?

Несколько лет назад, работая под руководством Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского в группе консультантов по фильму К. Симонова и В. Ордынского «Если дорог тебе твой дом», я доложил маршалу известные данные — в том числе рассказ бывшего адъютанта начальника оперативного отдела штаба группы армий «Центр» фон Шлабрендорфа о плане затопления нашей столицы. Однако в группе возникли сомнения: было ли в самом деле такое намерение? Ведь с технической точки зрения спустить воду канала Москва — Волга на город было едва ли выполнимо.

Маршал считал, что надо искать подтверждений. В соответствии с его указанием я попросил моих друзей в Бонне разыскать фон Шлабрендорфа. Последний подтвердил, что именно об этом говорил Гитлер, когда приезжал в Борисов к Боку. Я же занялся раскопками в архивах.

Поиски оказались не без результата. В частности, удалось найти одну запись, сделанную во время так называемых застольных бесед

фюрера со своей свитой. Так, 9 октября 1941 года один из эсэсовских чинов записал в своем дневнике:

«Фюрер распорядился, чтобы ни один немецкий солдат не вступал в Москву, Город будет затоплен и стерт с лица земли».

Запись от 17 октября гласила:

«В русские города, в том числе в большие, немцы не должны вступать, если города переживут войну. С Петербургом и Москвой этого не случится»[299].

Да, да, так это и говорилось. И не только говорилось — это предполагалось сделать. Недаром эсэсовский палач Гейдрих в пылу своего кровавого усердия писал 20 октября 1941 года Гиммлеру:

«Рейхсфюрер!

Я покорнейше прошу соизволения привлечь Ваше внимание к тому факту, что отданные строгие указания, касающиеся городов Петербурга и Москвы, не смогут быть осуществлены, ежели с самого начала не будут предприняты самые жестокие меры.

Командир айнзатцгруппы «А» бригаденфюрер СС Штальэкер доложил мне, что, по сведениям агентов, вернувшихся из Петербурга, разрушения в городе еще весьма незначительны. Пример бывшей польской столицы показал, что даже самый интенсивный обстрел не вызывает желательных разрушений.

По моему мнению, в таких случаях надо орудовать массовым использованием зажигалок и фугасов. Я покорнейше прошу напомнить при случае фюреру, что если вермахту не будут отданы абсолютно точные и строгие приказы, то оба вышеупомянутых города не смогут быть разрушены.

Хайль Гитлер!

Гейдрих»[300].

Итак, Москва должны была погибнуть — такова была одна из ступеней преступного плана. Но не последняя!

Конечная цель

Что такое «генеральный план Ост»? Полный текст этого плана еще не найден. Он принадлежит к самым секретным документам третьего рейха, поскольку разрабатывался в недрах СС и под личным наблюдением Гиммлера. Пока обнаружено лишь несколько писем Гиммлера с изложением основных идей «генерального плана», а также записи чиновников СС и ведомства Розенберга, в которых излагались некоторые разделы плана. Однако достоверно известно, что еще в 1940 году Гиммлер поручил группе эсэсовских чинов из IV управления Главного управления имперской безопасности СС разработать планы, предусматривавшие истребление славянских народов и онемечивание той части славян, которую эсэсовцы собирались оставить в живых в качестве своих рабов.

Один из первых документов в системе «генерального плана Ост» сохранился. Вот его текст:

«Рейхсфюрер СС

Специальный поезд

28.5. 1940

Совершенно секретно

Государственной важности

В субботу 25 числа сего месяца я представил фюреру изложенные мною письменно соображения об обращении с местным населением восточных областей. Фюрер прочел все шесть страниц моего проекта, нашел его вполне правильным и одобрил. В то же время фюрер дал указание напечатать проект в возможно меньшем количестве экземпляров, запретить его размножение и обращаться с ним как с совершенно секретным документом. На нашей беседе присутствовал также министр Ламмерс. Фюрер высказал пожелание, чтобы я пригласил в Берлин генерал-губернатора Франка, ознакомил его с проектом и передал ему, что фюрер полностью его одобряет. Я предложил фюреру поручить министру Ламмерсу, которому я вручил один экземпляр проекта, ознакомить с ним четырех гауляйтеров восточных областей: Коха, Форстера, Грейдера и верховного

президента Силезии генерал-губернатора Франка, а также имперского министра Дарре, и сообщить им, что фюрер одобрил этот проект и утвердил его в качестве директивы...

Фюрер согласился со мной и дал министру Ламмерсу соответствующее поручение.

Один экземпляр находится у бригаденфюрера СС Грейфельта — начальника ведомства, подчиненного мне как рейхскомиссару по делам укрепления немецкой расы. Ему я поручаю поочередно ознакомить с проектом всех начальников главных управлений и в первую очередь пять высших руководителей СС и полиции областей «Восток», «Северо-Восток», «Висла», «Варта» и «Юго-Восток», а также представить мне соответствующий письменный отчет.

Ознакомление с документом начальников главных управлений следует поручить одному из руководящих чиновников войск СС. Каждый из начальников главных управлений должен прочитать проект в его присутствии и подтвердить ознакомление с содержанием своей подписью.

Вместе с тем каждый ознакомившийся с документом должен дать расписку в том, что ему известно, что данный документ является директивой, которая, однако, ни в коем случае не должна цитироваться или даже воспроизводиться по памяти в приказах по соответствующим главным управлениям.

Бригадефюреру войск **СС** Грейфельту разрешается ознакомить с содержанием документа также бургомистра Винклера и своих ближайших сотрудников; выбор последних должен быть согласован со мной.

Один экземпляр документа я передаю лично начальнику охранной полиции с указанием довести его содержание до своих ответственных сотрудников в выше установленном порядке, без разрешения изготовления копий. Круг его сотрудников, подлежащих ознакомлению с документом, должен быть также согласован со мной...

Рейхсфюрер СС»[301].

Вот какая степень секретности была предусмотрена для этого плана!

Впоследствии руководителем группы, разрабатывавшей «генеральный план **Ост»,** был назначен профессор Берлинского университета д-р Конрад Майер, имевший чин штандартенфюрера СС.

На примере разработки «генерального плана **Ост»** можно наблюдать органическое взаимопроникновение фашизма «необыкновенного» и «обыкновенного». Разумеется, сам план нельзя назвать обыкновенным: такой термин не применишь к документу, который предусматривал уничтожение десятков миллионов людей. Но разрабатывали план обыкновенные люди. В частности, гн профессор Конрад Майер, родившийся 15 мая 1901 года, с 1 апреля 1934 года являлся штатным профессором сельскохозяйственно-ветеринарного факультета университета имени Фридриха Вильгельма в Берлине и был директором Института полеводства и сельскохозяйственной политики на этом факультете. Как он сам писал в своей анкете, его функции этим не ограничивались:

...Выполнение других задач:

референт имперского министерства продовольствия,

руководитель исследовательской службы,

руководитель имперского объединения пространственных исследований.

Данные о прочих государственных и научных должностях:

вице-президент Немецкого исследовательского сообщества,

второй председатель исследовательского общества национальной экономики.

Специальность: полеводство, сельскохозяйственная политика».

Все эти работы он выполнял с изрядным усердием. Поэтому, когда профессора представили *к* награждению «военным крестом за заслуги», то в соответствующем документе говорилось:

«Профессор д-р Конрад Майер, создав исследовательскую службу, нашел совершенно новый путь для концентрации и направления науки *к* цели обеспечения свободы продовольственного снабжения немецкого народа. Кроме того, в качестве руководителя сектора биологии и сельского хозяйства в имперском экономическом совете он провел различные организационные мероприятия, которые благоприятно отразились на ходе войны. Обеспечение продовольственного положения немецкого народа не шло бы столь быстрыми темпами, если бы не были произведены концентрированные работы исследовательской службы и не был сделан соответствующий вклад в рамках «борьбы с вредителями». Кроме того, д-р Конрад Майер в качестве руководителя главного управления в рейхскомиссариате по

укреплению немецкой народности на Востоке произвел гигантские предварительные работы по вопросу планирования на Востоке и по вопросу об использовании наших крестьян и солдат. Благодаря своей организаторской и научной работе профессор д-р Конрад Майер стал выдающимся примером готовности, умения, знания и организаторского таланта, продемонстрировал образцы исключительной личной инициативы. Он проделал на своем посту большую военно-экономическую и военно-научную работу»[302].

Архивы Берлинского университета свидетельствуют о многих важных постах, которые занимал профессор Майер: 11 декабря 1941 года он был назначен профессором сельскохозяйственного факультета Познанского университета, носил чин оберфюрера СС и в этом качестве до середины 1944 года по специальному указанию рейхсфюрера был забронирован и призван лишь в октябре 1944 года.

Как видно из представления к награде, соучастие Майера в «планировании на Востоке» не было секретом. Это впоследствии было подтверждено и во время Нюрнбергского процесса (дело Грейфельта), на котором Майер был приговорен к 25 годам тюрьмы (он был выпущен значительно раньше). Обыкновенный человек, что же дальше?

А дальше шел сам «генеральный план Ост». Содержание этого документа стало известно историкам по косвенным данным — в основном, по тем отзывам, которые давались различными ведомствами третьего рейха, принимавшими участие в составлении «генерального плана». Первоначально план касался преимущественно Польши. Однако впоследствии его основным объектом стал Советский Союз.

15 июля 1941 года Майер послал на имя Гиммлера «разработку планов колонизации восточных территорий», после чего копии документов были направлены Гиммлером на рассмотрение ряду ведомств. В частности, весьма подробную рецензию дал начальник отдела колонизации в политическом управлении имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий Эрих Ветцель. Другая рецензия принадлежит Гельмуту Шуберту — сотруднику главного штаба рейхскомиссара по германизации. На основании замечаний рецензентов и очередных указаний Гиммлера профессор Майер 28 мая 1942 года представил краткое резюме по вопросам методов германизации отдельных советских областей. Все

эти материалы были адресованы Гиммлеру, чей интерес к проблемам германизации славянских земель был исключительно велик[303].

9 июня 1942 года рейхсфюрер СС на совещании высших чинов СС повторил свое основное требование полной колонизации Восточной Европы, причем конкретно перечислил, какие области должны быть в течение 20 лет колонизированы: Чехия, Моравия, Западная Пруссия, Верхняя Силезия, генералгубернаторство (то есть Польша), восточные территории, Крым и Ингерманландия[304]. 12 июня 1942 года Гиммлер сделал ряд новых замечаний к резюме профессора Майера и переслал его на дальнейшую доработку Грейфельту — рейхскомиссару по вопросам германизации. Гиммлер отметил, что в данном виде ему «план в общем понравился» и он уже собрался его представить на утверждение Гитлеру, определив срок действия плана — 20 лет.

Окончательное формулирование плана несколько задержалось, и 12 ноября 1942 года начальник секретариата Гиммлера напомнил Майеру об этом. В ответ на это был представлен переработанный документ, но и он не устраивал Гиммлера. 12 января 1943 года последовало очередное указание, в котором он просил включить в план германизации Литву, Латвию, Эстонию, Белоруссию, Ингерманландию, весь Крым и Таврию[305]. В соответствии с этим 15 февраля 1943 года профессор Майер представил на имя Гиммлера цифры потребности в людях для онемечивания указанных территорий.

О масштабах предполагавшегося злодеяния можно судить по следующей выдержке из документа:

«„Генеральный план Ост" предусматривает, что после окончания войны число переселенцев для немедленной колонизации восточных территорий должно составлять... 4550 тысяч человек... Если принять во внимание благоприятное увеличение населения за счет повышения рождаемости, а также в известной степени прилив переселенцев из других стран, населенных германскими народами, то можно рассчитывать ни 8 млн. немцев для колонизации этих территорий за период примерно в 30 лет. Однако этим не достигается предусмотренная планом цифра в 10 млн. немцев. На указанные 8 млн. немцев приходится по плану 45 млн. местных жителей ненемецкого происхождения, из которых 31 млн. должен быть выселен с этих территорий»[306].

Не надо обманываться: глагол «выселить» означал нечто совсем иное, а именно: «уничтожить». Но вот цифра 31 млн. была далеко не последней. Так, в ведомстве Розенберга уточняли:

«Количество людей, подлежащих согласно плану выселению, должно быть в действительности гораздо выше, чем предусмотрено. Только с учетом того, что примерно 5 — 6 млн. евреев, проживающих на этой территории, будут ликвидированы еще до проведения выселения, можно согласиться с упомянутой в плане цифрой в 45 млн. местных жителей ненемецкого происхождения. Однако из плана видно, что в упомянутые 45 млн. человек включены и евреи. Следовательно, план исходит из явно неверного подсчета численности населения. Отсюда напрашивается вывод, что количество людей, которые должны либо остаться на указанных территориях, либо быть выселены, значительно выше, чем предусмотрено в плане. В соответствии с этим при выполнении плана возникнет еще больше трудностей. Если учитывать, что на рассматриваемых территориях останется 14 млн. местных жителей, как предусматривает план, то нужно выселить 46 — 51 млн. человек».

Иными словами: 50 миллионов человек уничтожить, остальных «германизировать». О том, как должна была совершаться германизация, мы имеем возможность составить себе представление на примере рейхскомиссариатов «Остланд» и «Украина». Рейхскомиссар «Остланда» Генрих Лозе с первого дня приступил к выполнению «генерального плана Ост» на территории Прибалтики. Первой подлежала германизации Эстония, население которой считалось наиболее чистым в расовом отношении. (Затем, по мнению Гейдриха, должны были идти латыши и лишь в третью очередь — литовцы.) Согласно этому «расписанию» в Эстопии в период оккупации было уничтожено все еврейское население и началась процедура германизации. В первую очередь германизации подлежали дети убитых эстонцев — советских граждан. Как считал Гиммлер, «эстонцы принадлежат к тем поистине немногим народам, которым мы без вреда для себя можем позволить — за исключением совсем небольшой части слиться с нами»[307].

Следующей областью германизации была так называемая Ингерманландию — территория между Ладожским озером, Новгородом, Онежским озером и Ленинградом. Значительная часть

населения этого района подлежала выселению в Финляндию, а ее земли подлежали германизации и включению в так называемый «административный округ Петербург»[308]. (По некоторым данным, предполагалось «Петербург» переименовать «Адольфсбург».)

Процесс германизации на территории Белоруссии задержался — но не по вине Лозе или Розенберга, а из-за героического и массового сопротивления белорусского населения. Розенберг предполагал расширить Белоруссию на Восток (вплоть до Орла и «Твери») и сделать ее административным центром Смоленск. Одновременно предполагалось переселить в Смоленскую область часть польского населения, дабы разобщить белорусов и русских. Наконец, на Украине речь о германизации шла лишь весьма ограниченно: здесь скорее вставал вопрос о массовом истреблении и выселении украинского населения и перевозке сюда в качестве «военных колонистов» немцев из Румынии, Болгарии и Югославии.

На Украине Гиммлер решил форсировать сооружение своих любимых «военных поселений». Так, в августе 1942 года из района Винницы было изгнано коренное украинское население: здесь решили соорудить военное поселение Хегевальд; а в районе Коростеня — военное поселение Ферстенштадт. Предполагалось, что эти военные поселения станут центрами германизации, для чего всячески старались искать украинских детей с голубыми глазами, дабы использовать их в качестве «евгенического» материала.

Что касается Крыма, то сюда предполагалось (по предложению начальника немецкого гражданского управления в Крыму Альфреда Фрауэнфельда) переселить немцев из Южного Тироля, а также жителей немецких колоний за Днестром. В 1942 году Гитлер пришел к окончательному решению, что Крым будет новой родиной для южных тирольцев (тем самым он хотел ликвидировать потенциальные возможности германо-итальянских конфликтов). Планы переселения южных тирольцев были разработаны довольно подробно, но, конечно же, так и не были осуществлены. Заметим, что одним из первых из Крыма бежал сам Фрауэнфельд.

Наконец, чтобы завершить картину всего плана уничтожения славян, задуманного в имперской канцелярии, приведем еще одно важное свидетельство, пусть и косвенное. В ходе обсуждения и детализации «генерального плана Ост» он рассылался по другим

ведомствам третьего рейха, занимавшимся оккупационными проблемами. Попал он и в имперское министерство по делам оккупированных восточных территорий. Там была составлена соответствующая экспертиза (исходящий номер 1/214 от 27 апреля 1942 года) за подписью д-ра Ветцеля. Оказывается, Розенберга и его сотрудников не устроило, что в первоначальном гиммлеровском проекте не рассматривались перспективы биологического истребления русского народа. И вот что было написано в этом поистине каннибальском документе:

«Необходимо коснуться еще одного вопроса, а именно: вопроса о том, каким образом можно сохранить и можно ли вообще сохранить на длительное время немецкое господство перед лицом огромной биологической силы русского народа... Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается скорее всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их....Для пас, немцев, важно ослабить русский народ до такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе»[309].

Итак, еще раз была названа цель: немецкое господство в Европе. А вне Европы?

Что замышлялось после «Барбароссы»

Выше мы могли убедиться в том, что за момент *начала* разработки операции «Барбаросса» ни в коем случае нельзя принимать ту дату, которая стоит на документе с таким названием. С полным правом то же самое можно сказать и о моменте *завершения* разработки операции. Согласно нормальной логике можно было бы считать, что разработка операции «Барбаросса» как военно-стратегического плана окончилась 21 июня 1941 года — в канун дня, когда три немецкие группы армий начали действовать в строгом соответствии с приказами, разработанными в ОКВ и ОКХ. Но в действительности это было не так. Процесс разработки операции продолжался и после 21 июня, ибо аппетиты немецкого генерального штаба и нацистского руководства ни в коем случае не останавливались на тех военных рубежах, которые были отмечены в «Директиве № 21». Даже та сугубо теоретическая линия «А — А» (от Архангельска до Астрахани), которая была проведена по линейке на карте Советского Союза, совершенно не исчерпывала планов, которые вынашивались в имперской канцелярии. Это и понятно: ведь сама операция представляла собой решающую ступень в борьбе за захват мирового господства, а для этого, разумеется, надо было не только переступить через пресловутую линию «А — А», но и двинуться значительно дальше. Куда же?

В истории «дополнительного» планирования операции «Барбаросса» есть несколько недель, в которых она получила существенное развитие в сравнении с «Директивой № 21». Это произошло в начале июля 1941 года — тогда, когда Гитлер и все его военные советники (не говоря уже о руководителях нацистской партии) были абсолютно уверены в том, что Советский Союз уже разгромлен. Существует известная запись (от 3 июля) в дневнике генерала Гальдера, в которой он высказал свою уверенность в победе. Это мнение разделял и сам Гитлер. Так, 4 июля он заявил, что «Советский Союз практически уже проиграл войну»[310]. 27 июля он «предсказал» Гальдеру, что «через месяц наши войска будут у Ленинграда и Москвы, на линии Орел — Крым, в начале октября — на

Волге, а в ноябре — в Баку и Батуми»[311]. В эти же июльские дни Гитлер назвал и другую цельУрал. 16-м июля 1941 года датируется ставший впоследствии классическим документом агрессии уже упоминавшийся нами протокол совещания в ставке Гитлера, на котором Гитлер, Борман, Розенберг, Геринг, Кейтель и Йодль вели речь о том, как им «разделить русский пирог». Этот протокол, который был впервые оглашен на Нюрнбергском процессе и достаточно часто цитировался в различных работах, посвященных второй мировой войне, зарегистрировал полную уверенность нацистской клики в том, что Советский Союз уже разгромлен и Советская Армия не сможет оказать сколько-нибудь существенного сопротивления.

Был ли готов вермахт к этой ситуации? Конечно. Нацистский генералитет всегда умел предусматривать случаи, когда надо было развивать успех, — он не умел только предусматривать свои поражения. Никто в немецком генеральном штабе не составлял планов на случай провала «Барбароссы», зато уже в начале июня 1941 года, то есть еще до нападения на СССР, была разработана «Директива № 32» — о действиях «после Барбароссы».

Но о ней — немного позже. Сначала мы займемся сравнительно менее известным, но, пожалуй, еще более авантюристическим замыслом германского империализма.

...Итак, середина июля 1941 года. В ставке Гитлера и в генеральном штабе — полная уверенность в победе. В этих условиях на стол генерала Гальдера ложится разработка, в которой предполагается, что война закончена, а для «обеспечения и оккупации» захваченной территории нужно будет всего-навсего 56 дивизий. Они будут выполнять оккупационные задачи, а кроме того, совершать «рейды» в еще неоккупированные районы. Для этого Гальдер решил создать несколько специальных групп, а именно:

а) один танковый корпус для операции в *Закавказье;*

б) два танковых корпуса для контроля *устья Волги;*

в) один танковый корпус для операций на Южном Урале и один — для операций на *Северном* Урале[312].

На Урале? Да, на Урале. Этой, на первый взгляд, фантасмагорической задаче была посвящена специальная разработка, озаглавленная «Операция против Уральского промышленного района» и датированная 27 июля 1941 года. В ней говорилось:

«1. Операция будет проводиться механизированными войсками силой в8 танковых и 4 моторизованных дивизий. Будут по необходимости также привлекаться отдельные пехотные дивизии, которым будет поручено охранять тыловые коммуникации.

2. Характерной чертой операции является то, что эти широко задуманные действия механизированных соединений придется предпринимать в неблагоприятной местности, располагающей небольшим количеством пригодных коммуникаций. Поэтому необходимо перепроверить организационную структуру танковых корпусов и освободить их от всего, что не является необходимым для увеличения ударной силы соединений. В соответствии с этим должно быть также сокращено число автомашин...

Операция по своему замыслу будет привязана к шоссейным и железным дорогам...

Операция будет проводиться с соблюдением максимального эффекта неожиданности путем одновременного удара четырех групп, которые в максимально короткий срок должны достичь Уральского промышленного района. Смотря по тому, как будет вести себя противник, захваченные районы надо будет удерживать или отдавать, однако лишь после уничтожения всех жизненно важных объектов, для чего должны иметься специально подготовленные части».

Далее оперативная разработка гласила:

«3. Своеобразие театра военных действий требует специальной подготовки на зимний период — конкретно по следующим проблемам:

а) разведка дорог;

б) установление наиболее выгодного времени для проведения операции в соответствии с климатическими условиями;

в) изучение ландшафта и естественных преград;

г) соответствующая организационная и тыловая подготовка операции;

д) захват необходимого количества предмостных укреплений у железнодорожных мостов через Волгу, которые в том случае, если они будут разрушены, следует восстановить для переправы войск;

е) подготовка специальных операций с целью захвата важнейших объектов вдоль железных дорог»[313].

Наконец, предусматривались и конкретные направления действий от Астрахани до Куйбышева, даже с заходом южнее Урала (восточнее

Магнитогорска и Челябинска), а на севере — вплоть до Воркуты. Не больше и не меньше!

Конечно, сегодня можно иронизировать над генералами из ОКВ и ОКХ, которые считали, что они смогут 12 дивизиями пройти практически через всю европейскую территорию Советского Союза и захватить Урал. Как и в планировании самой операции «Барбаросса», здесь немецкие генералы полагали, что будут действовать на Урале как бы в безвоздушном пространстве. Для них уже не существовало Красной Армии, для них не существовало и советского населения. Недаром говорится: кого боги хотят наказать, того они лишают разума...

Но уже с августа 1941 года в документах германского генерального штаба не найдешь никакого упоминания об Урале. Развитие событий на советско-германском фронте быстро отрезвило как генерала Гальдера, так и многих других генералов — они с испугом стали констатировать возрастающую мощь советского сопротивления. Об Урале пришлось забыть, ибо зашаталось все здание «Барбароссы».

Однако у агрессии есть своя собственная инерция. Хотя гитлеровским дивизиям не удалось взять ни Ленинграда, ни Москвы, мечты о Свердловске и Челябинске не оставляли нацистских стратегов до самого конца войны. В частности, в мемуарах имперского министра вооружения Альберта Шпеера, которые под аккомпанемент невероятной рекламной шумихи появились на западногерманском книжном рынке в конце 60х годов, рассказывается еще об одном — тоже не осуществленном — плане, касающемся Урала[314]. Оказывается, Шпеер, который в своих мемуарах рисует себя самоотверженным борцом против Гитлера, в апреле 1943 года обратился к фюреру с предложением подготовить новую операцию против Урала. Ссылаясь на данные немецкой разведки, Шпеер доказывал, что Урал представляет собой одну из основных кузниц боевой мощи Красной Армии, и именно поэтому требовал бросить все усилия на то, чтобы парализовать Урал. К своей идее Шпеер склонил и Геринга, который увидел в этом разбойничьем плане возможность реабилитации для своих обанкротившихся ВВС.

Гитлер на первых порах скептически отнесся к предложению Шпеера, поскольку Восточный фронт уже трещал по всем швам и

фюреру приходилось заботиться не о бомбежке Свердловска, а о прикрытии границ Германии. Тем не менее Шпеер настаивал на своем плане, который поступил в штабную разработку, долгое время пытались найти подходящие самолеты для проведения бомбардировочной операции. Увы, к великому огорчению Шпеера, таких самолетов не нашлось.

Примерно в том же направлении работала и мысль обер-палача Гиммлера. В его переписке с начальником имперского управления безопасности СС Кальтенбруннером обнаружено письмо, в котором рейхсфюрер **СС** сообщает своему верному помощнику следующее: ему, Гиммлеру, стало известно, что, оказывается, переплавка военного снаряжения и боеприпасов с Урала на фронт происходит не по железным дорогам, а на подводах и санях и что, мол, каждая подвода проезжает несколько километров, после чего два или три снаряда, лежащие на ней, перегружаются на следующую подводу и вот таким образом снаряды проходят далекий путь от Урала до фронта. На этом месте читающему полагалось бы рассмеяться над информацией, которой располагал владыка гестапо. Однако смеяться рано! Дело в том, что вслед за этим Гиммлер требовал от Кальтенбруннера организовать заброску на Урал диверсантов, которые распространили бы инфекционные заболевания и сорвали бы доставку боеприпасов и вооружения. С присущей Гиммлеру аккуратностью он тут же приводил длинный список различных заболеваний, которые должны были быть распространены на территории Советского Союза[315].

Урал играл в германском военном планировании еще одну специфическую роль. Дело в том, что гитлеровской Германии в «идеальном случае» развития агрессии так или иначе пришлось бы встретиться с интересами японского империализма. Теоретически считалось, что встреча между дивизиями вермахта и японскими самураями должна была произойти где-то около Новосибирска. Во всяком случае, Урал Гитлер хотел оставить для себя. И хотя к концу 1941 года стало уже ясным, что ни о Сибири, ни об Урале не может быть и речи, агрессоры предприняли попытку официального раздела сфер влияния. В конце декабря 1941 года японский посол в Берлине генерал Осима передал Риббентропу проект специального соглашения о «разделе сфер влияния» между Германией и Японией[316]. Проект состоял из трех частей. Первая часть, называвшаяся «Разделение зон

операций», предусматривала, что разграничительной линией между японскими и германскими интересами должен быть 70й градус восточной долготы на всем протяжении азиатского континента — от севера Сибири через Среднюю Азию до Индийского океана. В самом бассейне Индийского океана операции могли производиться и по обе стороны разграничительной линии. Во второй части (под названием «Общий очерк операций») предполагалось, что Япония должна захватить англо-американские базы и территории в Восточной Азии и господствовать в западной части Тихого океана. Что же касается Германия и Италии, то им предназначалось захватить территории в Европе и в Азии, в частности на Ближнем и Среднем Востоке, а также в бассейне Средиземного моря[317].

Этот документ подвергся тщательному обсуждению в Берлине. Со стороны «экспертов» поступил целый ряд возражений: так, адмиралы считали невозможным дать японцам какие-либо точные заверения по поводу разграничения интересов в мировом океане. А генеральный штаб сухопутных войск предложил заменить раздел мира по 70-му градусу Восточной долготы некой «естественной границей», которая должна была проходить значительно восточнее, а именно: по Енисею, затем по границе между Советским Союзом, Монголией и Китаем и далее к Афганистану. Согласно этой разграничительной линии как Уральский промышленный район, так и Сибирский индустриальный комплекс должны были попасть в руки немцев[318].

Договор все-таки был подписан в первоначальном виде. Гитлер видимо, понимая, что о конкретном разделении сфер влияния говорить еще рано, решил не дразнить Японию и согласился с линией по 70-му градусу — благо он мог уступить японцам Сибирь с тем большей готовностью, что не располагал ею. Е тот момент для него гораздо важнее было укрепить военное сотрудничество с Японией и активизировать действия обоих агрессоров против держав антигитлеровской коалиции.

Но 70-й градус делил не только азиатскую часть Советского Союза. Еще более существенным был тот факт, что южная оконечность этого воображаемого водораздела утыкалась в Индийский океан, а к Индийскому океану были прикованы взоры не только японцев, но и немецкого нацистского руководства.

Не случайно в истории операции «Барбаросса» есть еще одна глава — ее «южная» глава, касающаяся планов, связанных с продвижением вермахта через Кавказ на Ближний Восток и далее в Афганистан и Индию. В западной исторической литературе господствует мнение, будто все подобные мероприятия Гитлера находились в стадии самого предварительного обдумывания и, собственно говоря, представляли собой очередную химеру. Этот тезис ничем не подтверждается, — скорее наоборот, он опровергается всеми архивами, обнаруженными после разгрома третьего рейха.

Основным документом, который опровергает тезис о «химерах», является упоминавшаяся выше «Директива № 32», разработанная в июне 1941 года. В ней прямо предполагалось начать подготовку операции «по ту сторону Кавказа».

У этой директивы была любопытная «увертюра»: обнаружилось, что в различных группах немецкой военной клики существуют различные представления о периоде «после Барбароссы». Если сам коричневый фюрер полагал, что основные усилия необходимо сосредоточить в Европе и Азии, то адепты германского колониализма не могли расстаться с мечтой о возвращении африканских владений. Поэтому при подготовке «Директивы № 32» верх сначала взяли те группы, которые считали необходимым в первую очередь закрепиться в Африке, чтобы, базируясь на захваченные там военные базы и возвращенные колонии, разворачивать борьбу против англичан и американцев. Эта цель тесно увязывалась с предполагавшимся захватом всего Пиренейского полуострова. Как известно, Гитлер не удовлетворялся союзом, который существовал между ним и фашистским диктатором Франко. Не доверяя своему союзнику, он предполагал, что гораздо надежнее просто оккупировать Испанию вместе с Португалией и превратить Пиренеи в большой военный плацдарм.

Однако первоначальный вариант «Директивы № 32» был опровергнут Гитлером как слишком односторонний. По его указанию он был пересмотрел. Оставляя возможность использования западноафриканских баз, Гитлер требовал быстрого продвижения через Северную Африку и Египет на Аравийский полуостров. Здесь должны были сойтись, образуя первые клещи, войска Роммеля, действующие в Северной Африке, и немецкий экспедиционный

корпус, которому надлежало пройти через Болгарию и Турцию. Затем предполагалось осуществить вторые клещи: соединить удары вышеупомянутых двух групп с третьей, движущейся с севера, то есть через Закавказье. Таким путем имелось в виду раздавить французские и английские владения на Ближнем Востоке. Весь Аравийский полуостров должен был попасть в немецкие руки.

Но и это не было последним словом в планировании «после Барбароссы». В дальнейшем объединенным немецким войскам надлежало совершить бросок из Аравии в Индию, одновременно в том же направлении должен был последовать еще один удар — из Афганистана.

Немецкая военщина уже давно обращала внимание на Афганистан, считая эту страну подходящей базой для действий против Индии. Ведомство Розенберга еще в 30х годах готовило свою агентуру в Афганистане, опираясь в основном на группу предателей из числа национальных политических деятелей. Еще 18 декабря 1939 года Розенберг направил Гитлеру меморандум, в котором предполагал использовать Афганистан «в случае необходимости против Британской Индии или Советской России»[319]. Сразу после начала войны немецкая агентура в Афганистане заметно активизировалась, значительную роль в этих планах играл и предводитель местных племен вазири, так называемый «факир из Ипи» Хаджи Мирза Хан. Вазири находились в зоне между Индией и Афганистаном и должны были поднять восстание, «на помощь» которому, разумеется, пришли бы немецкие войска.

Таков был общеполитический фон, на котором последовало распоряжение Гитлера начать подготовку к операции против Индии, осуществляемой с территории Афганистана. Разумеется, из этого «стройного» замысла выпала одна «мелочь»: для того, чтобы немецкие войска могли двинуться из Афганистана на Индию, им нужно было перво-наперво оказаться в Афганистане, предварительно преодолев «каких-нибудь» 7 — 8 тысяч километров, отделявших Афганистан от западных границ Советского Союза. Однако опьяненному первыми военными успехами Гитлеру ничего не стоило в своем воспаленном сверх всякой меры воображении «перемахнуть» через такую «малость», как пространство в несколько тысяч километров.

Как вермахт собирался «дойти» до Афганистана и Индии? В том же июле 1941 года был разработан очередной план — план движения через Кавказ, захвата кавказских нефтепромыслов и наступления к ирано-иракской границе. Операцию имелось в виду провести в несколько этапов. Первый этап (захват Северного Кавказа) надлежало осуществить в ноябре 1941 года, затем к маю 1942 года предполагалось завершить подготовку к форсированию Кавказского хребта. Само форсирование Кавказа намечалось на июнь того же года. Далее немецкие войска должны были выйти на исходные позиции в районе Тавриза и, наконец, в июле — сентябре 1942 года устремиться в Ирак. Предполагалось двигаться по трем маршрутам — по побережью Черного моря, по Военно-Грузинской дороге и, наконец, вдоль Каспийского моря от Махачкалы к Дербенту. Для этой операции выделялись значительные силы.

Однако Ирак был лишь одним и к тому же скорее всего вспомогательным направлением будущей глобальной агрессии. Объектом «дальнего прицела» была Индия. Для достижения этой цели кроме войск должна была действовать «пятая колонна» — «факир из Ипи» и другие. (Так, немцы возлагали большие надежды на деятеля индийского националистического движения Субхаса Чандра Боса.) Предполагалось, что националистические силы Индии поднимут восстание в тот момент, когда немецкие войска приблизятся к индийской границе. Задача выхода к границе Индии возлагалась на так называемое «соединение Ф» — моторизованный корпус под командованием генерала Фельми, который формировался в Греции и специально оснащался для действий в субтропических и тропических условиях.

Ни план захвата Афганистана, ни план вступления **в** Индию не были реализованы. Рассуждая на эту тему, известный немецкий историк Андреас Хильгрубер писал, что «все, относящееся к Афганистану, и вообще все планы, связанные с «Директивой № 32», были предусмотрены для времени «после Барбароссы». Однако кардинальная предпосылка для осуществления подобных замыслов, а именно: быстрый развал Советского Союза, так и не стала реальностью»[320].

Нет, не стала! Не смог Гитлер осуществить и «Директиву № 32», не смог он выполнить и другие планы, вроде операций «Танненбаум»

(захват Швейцарии), «Зильберфукс» (захват Швеции), «Феликс» — «Изабелла» (захват Испании и Португалии)[321], не смог и двинуться на завоевание американского континента. По простой причине: советский народ своим легендарным подвигом сорвал план «Барбаросса» и тем самым спас весь мир от фашистского порабощения.

СТРАТЕГИЯ ПРОСЧЕТОВ. Глава 8.

За закрытой дверью

Генералполковник в отставке Франц Гальдер может смело конкурировать с героем классической повести Шамиссо «Петер Шлемиль». Как известно, тень Петера Шлемиля начала самостоятельное существование, что имело роковые для Шлемиля последствия. Франц Гальдер попал в подобную ситуацию, но отделался меньшим ущербом. Он спокойно проживает ныне по улице Ахорнвег 89, что в баварском местечке Ашау (близ озера Химзее). А тень он действительно потерял, но совершенно своеобразным путем.

В дни войны — с 14 августа 1939 года по 24 сентября 1942 года — он вел дневник, причем не для грядущих потомков (как это нередко делают люди, ведущие дневники), а для своего собственного, служебного употребления. Занимая пост начальника генерального штаба сухопутных войск вооруженных сил германского рейха, Франц Гальдер нуждался в точной фиксации всех многочисленных указаний, которые он получал как от Гитлера, так и от главнокомандующего сухопутными войсками фельдмаршала фон Браухича. Имел он и другое обыкновение: записывать наиболее важные мысли, которые ему приходилось слышать в течение дня — благо, он знал стенографию и мог быстро фиксировать на бумаге все, что казалось ему примечательным.

Было бы слишком долго описывать сложную историю того, как этот дневник стал достоянием общественности. Так или иначе он сохранился и представляет собой ценнейший документ для изучения не только стратегии германского генерального штаба, но и его психологии. А последняя представляет интерес, далеко выходящий за частные пределы. Ведь все, что происходило в «мозгу» вермахта, было симптоматично не только для германского империализма, поскольку гитлеровская агрессия была явлением не национальным, а международным, представляя собой лишь одно из проявлений сущности международного империализма.

Итак, дневник Гальдера. Если открыть его страницы, посвященные первым дням операции «Барбаросса» — нападения на

Советский Союз, то там можно найти удивительные строки, например, записи, из которых явствует, что в июне 1941 года начальник германского генерального штаба считал войну выигранной. И это не было пропагандистской фразой, не было бахвальством а-ля Геббельс. Нет, Гальдер вполне серьезно верил.

Эти фразы меня настолько заинтересовали, что я решил удостовериться, до какого же времени начальник генерального штаба продолжал верить в то, о чем некогда писал в дневнике. Именно таков был вопрос, который я решил задать Францу Гальдеру.

Однажды, будучи в ФРГ, я предпринял подобную попытку. Однако Гальдер не принял меня, сославшись на плохое состояние здоровья. Тогда я избрал иной метод. Написал из Москвы письмо в Ашау. И получил ответ, в котором Гальдер сообщал мне следующее:

«После того как политическое руководство решило начать войну, я считал возможным достижение первой оперативной цели (Десна и т, д.), И она действительно была достигнута. После битвы за Киев я не рекомендовал осуществлять разрешенное Гитлером наступление на Москву и выступал за политическое решение. Главнокомандующий сухопутными войсками, который перед битвой за Киев имел весьма неприятный конфликт с Гитлером, полагал, что он сможет осуществить наступление на Москву, которое было разрешено Гитлером. Тем не менее это наступление началось слишком поздно и не имело достаточной базы из-за отсутствия времени для подготовки. В военном отношении это означало попытку провести операцию без достаточных средств. События под Москвой показали, что у немцев истощены силы. С этого момента я уже не верил в возможность решительной немецкой победы»[322].

Что означало это письмо? Для меня оно было лишним, но очень важным и авторитетным подтверждением того, что записи, относившиеся к июню 1941 года, действительно отражали убеждение их автора в возможности разгрома советских вооруженных сил и Советского государства. На чем же это убеждение базировалось?

Доподлинно известно, что за несколько дней до начала войны с Советским Союзом Гитлер говорил:

— Когда начинаешь войну с Советским Союзом, кажется, что открываешь дверь в темную, незнакомую комнату, не зная, что там за дверью...[323]

Был ли достаточно откровенен фюрер, произнося эти слова? По-моему, не очень. Ибо все годы, предшествовавшие 22 июня 1941 года, Гитлер настойчиво стремился хотя бы в щелку, хотя бы в замочную скважину увидеть «что там, за дверью» — той самой, которую он собирался распахнуть. Эта задача была поставлена всем органам немецкой разведки — военной разведке ОКХ (тан называемому «отделу иностранных армий Востока» полковника Кинцеля), военной разведке и контрразведке ОКВ (абверу) адмирала Канариса, эсэсовской разведке бригаденфюрера Шелленберга, внешнеполитическому бюро НСДАП рейхсляйтера Розенберга, «Зарубежной организации» НСДАП гауляйтера Боле. Вся работа была поставлена на широкую ногу — вплоть до того, что был создан специальный научно-исследовательский институт в Ванзее.

О чем же они докладывали?

Адьютант Гитлера майор Энгель 18 декабря 1940 года записал:

«Фюрер не знает, что делать. Военным не верит. Неясность относительно численности русских... По-моему, фюрер считает, что русские слабы. В этом его укрепили донесения и доклады Кестринга»[324].

Кто такой Кестринг и в чем смысл приведенной здесь записи? Кестринг фигура примечательная. Сын обрусевшего немца, тульского помещика Густава Кестринга, владевшего некогда книжным магазином на Кузнецком мосту, Эрнст Кестринг учился в Москве и знал русский язык, как свой родной. Он покинул царскую Россию в 1917 году и возвратился в Россию советскую в 1931 году в качестве немецкого военного атташе в Москве. (Пробыв здесь до 1933 года, он снова вернулся на этот пост в 1935 году, чтобы занимать его до июня 1941 года.) В конце 1966 года в ФРГ вышел сборник под названием: «Кестринг — военный посредник между Германией и Советским Союзом». Вслед за этим в западногерманских газетах появились рецензии, которые создали книге рекламу. Смысл же рецензий состоял в том, что генерал Кестринг был «другом русского народа» и неоднократно предупреждал Гитлера о силе Красной Армии. На первый взгляд, рецензии выглядели (во всяком случае, в глазах западногерманских читателей) убедительно. Так, в качестве одного из рецензентов выступал д-р Герман Перцген, бывший до войны московским корреспондентом «Франкфуртер цайтунг» и знавший

Кестринга лично. Еще большую убедительность книге придавало то, что она включала не только воспоминания Кестринга (ныне покойного), но и донесения, которые он посылал из Москвы в Берлин. Генерал предупреждал...

Ах, все они предупреждали! Оказывается, Кестринг предупреждал, Вальтер Шелленберг, если верить его мемуарам, тоже предупреждал. И Вильгельм Кейтель, видите ли, предупреждал. На допросе Германа Геринга я слышал и от него, что он, безусловно, предупреждал Гитлера...

Не буду разбирать всю публикацию, посвященную генералу Кестрингу, но следует заметить, что, на мой взгляд, версия о Кестринге, как друге СССР, предупреждавшем Гитлера о «силе большевиков» сама собой разрушается уже при первом знакомстве с книгой. Нет спора, в своих воспоминаниях, написанных задним числом в 1947 — 1953 годах, отставной генерал уверяет, что был против войны и говорил о силе Красной Армии. Но вот казус: в докладах, которые Кестринг посылал в 19371941 годах, нет и намека на подобные предупреждения. Скорее наоборот! Претендующий на роль Кассандры, Кестринг доносил в Берлин об ослаблении Красной Армии, о трудностях советской экономики и т. д. и т. п. Правда, ему «было неясно, что именно нанесет решающий удар по расшатавшемуся строению» (донесение от 25 декабря 1937 года). Но он исправно регистрировал все трудности нашей страны. Например: «Я с радостью могу сообщить об определенных кризисных явлениях в экономике» (доклад от 24 октября 1938 года). Вперемежку с радостными новостями Кестринг сообщал, разумеется, и о неприятностях: о консолидации советского строя, мерах по укреплению обороноспособности СССР. Но баланс был вполне определенным: «Я с давних пор считаю, что мы на длительное время значительно превосходим русских» (донесение от 8 августа 1940 года) [325].

Запись в дневнике Энгеля ставит все на место: оказывается, генерал Эрнст Кестринг уверял Гитлера не в силе, а в слабости Советского Союза. То же самое, кстати, делал генерал-полковник Гейнц Гудериан, которому фюрер особенно верил. В свое время Гудериан представил Гитлеру специальный доклад о Красной Армии. Прочитав доклад (о котором Гудериан, впрочем, ни словом не

обмолвился в своих воспоминаниях), Гитлер воскликнул (это было 10 августа 1940 года):

— Если только умело подобраться к этому колоссу, то он развалится быстрее, чем может об этом догадываться весь мир. Ах, если бы уничтожить этот Советский Союз![326]

Итак, мы знаем теперь, какие доклады в действительности представлял Кестринг. Но он был лишь маленькой шестеренкой в том огромном механизме, который был пущен в ход, чтобы снабдить Гитлера и генеральный штаб материалом о Советском Союзе.

Разведка за работой

Если обратиться к мемуарам немецких разведчиков, то их страницы пестрят причитаниями: ох, как трудно было вести разведку против Советского Союза! Как признавался генерал Филиппи, «было очень трудно получить надежную оценку состояния и боеспособности Красной Армии и ее источников вооружения»[327]. Резидент адмирала Канариса на Ближнем Востоке др Пауль Леверкюн в своей книге «Немецкая секретная служба во время второй мировой войны» заявляет, что немецкой разведке было очень трудно работать в Советском Союзе[328]. Примерно такого же мнения придерживается бывший начальник отдела печати имперского министерства иностранных дел д-р Пауль Шмидт[329].

Однако мы приведем еще более авторитетное свидетельство. Оно принадлежит не кому иному, как генерал-лейтенанту Гансу Пикенброку. В течение многих лет Пикенброк был ближайшим сотрудником адмирала Канариса и возглавлял первый отдел управления разведки и контрразведки верховного главнокомандования вооруженных сил (абвера), то есть отдел информации, в котором сосредоточивались все разведывательные данные. В абвере Ганса Пикенброка ласкательно называли «Пики» — ведь он являлся одним из ветеранов этого ведомства и одним из самых близких и доверенных лиц Канариса.

В отличие от своего шефа Пикенброку удалось выжить. Еще до окончания войны он был переведен в действующую армию, и его не коснулись аресты, произведенные после 20 июля 1944 года. Будучи начальником штаба корпуса, он попал в советский плен, отсидел положенное количество лет за совершенные преступления и затем вернулся в Западную Германию, где скромно доживал свои годы и умер в 1964 году. Пикенброк времени не терял, написал мемуары, в которых довольно откровенно рассказывал о деятельности разведывательной службы вооруженных сил Германии. Мы в настоящее время имеем возможность воспроизвести несколько фрагментов из этих воспоминаний:

«Россия является самой трудной страной для действия разведывательной службы. Причины этого лежат в первую очередь в сильной изоляции страны, возникшей в результате сложной процедуры выезда и въезда. В стране всегда мало иностранцев, а в Европе мало советских граждан. Иностранцы, прибывающие в Россию, всегда бросаются в глаза, сильно контролируются и не могут незаметно ездить по стране. Русские, живущие за границей, — это преимущественно эмигранты, которые ничего не знают о новой России и не имеют с ней связей. Прочие советские граждане, находящиеся в Европе, представляют собой особо проверенных, надежных людей, работать с которыми не имеет смысла. Деньги не являются притягательным средством для русских. Все знатоки России считают русскую контрразведку очень хорошей и разветвленной. В ее работе активно принимает участие население. Все эти обстоятельства очень затрудняли разведывательную деятельность против России, к чему добавлялось еще и то обстоятельство, что до 1939 года Германия не имела общей границы с Россией.

В мирное время против России в Германии работали разведывательные пункты в Кёнигсберге, Бреслау, Вене, Штеттине, Гамбурге и Берлине. Агентурная сеть состояла в первую очередь из поляков, латышей и литовцев, которые жили вблизи русской границы и могли ее переходить, имея на русской стороне знакомых и родственников, которых они опрашивали. Кроме того, мы получали сведения из Финляндии и Эстонии, которые специально засылали агентов, чтобы получить интересующие нас сведения.

Далее, мы устанавливали предварительные контакты со всеми немцами — рабочими, техниками и инженерами, которые ездили в Россию, чтобы при их помощи выяснить определенные вопросы. Большинство из них не хотели иметь дело с разведкой, так как боялись контроля с русской стороны. После возвращения они сообщали нам свои сведения, касавшиеся преимущественно деятельности промышленных предприятий, на которых они работали. Тем не менее опросы немцев, которые работали в России или ездили туда на короткий срок, давали довольно подробные сведения о состоянии русской военной экономики.

При присоединении прибалтийских государств к Советскому Союзу там было оставлено большое количество агентов. Они давали

нам данные о воинских частях, находившихся в этих странах, и работали вплоть до оккупации этих государств Германией. Хорошую службу сослужила нам также разведывательная авиа-эскадрилья Ровеля.

После окончания похода против Польши возникла общая граница между Россией и Германией. В результате войны многие поляки из восточных районов оказались в западных и наоборот. Возникло сильное движение через демаркационную линию. Это давало новый стимул для разведывательной деятельности против России. В качестве агентов мы чаще всего использовали неимущих поляков, которых вербовали, обещая им продовольствие, одежду, скот, выпивку. Результаты не были исчерпывающими, однако в значительной мере были лучше, чем раньше. Мы несли большие потери в агентах, составлявшие примерно 50 процентов их состава. При этом мы не знали, были ли это действительно потери или просто агенты добровольно оставались на другой стороне.

Начиная с февраля 1941 года в разведывательную деятельность включились разведорганы штабов армий, передислоцированных с Запада в Польшу. Они — особенно в апреле, мае и июне — перешли к проведению тактической разведки»[330].

На Нюрнбергском процессе Пикенброк дал следующие показания по поводу заданий, которые он получал в связи с предстоящей операцией:

«Для выполнения этих заданий мною было направлено значительное количество агентов в районы демаркационной линии между советскими и германскими войсками. В разведывательных целях мы также использовали часть германских подданных, ездивших по различным вопросам в СССР, а также опрашивали лиц, ранее бывавших в СССР.

Наряду с этим всем периферийным отделам разведки, которые вели работу против России, было дано задание усилить засылку агентов в СССР Такое же задание — усиление агентурной работы против СССР — было дано *всем* разведывательным органам, которые имелись в армиях и армейских группировках. Для более успешного руководства всеми этими органами абвера в мае 1941 года был создал специальный разведывательный штаб, носивший условное название

«Валли-1». Этот штаб дислоцировался близ Варшавы в местечке Сулиевек.

Руководителем «Валли-1» был назначен наш лучший специалист по работе против России майор Браун. Позднее, когда по нашему примеру 2-й и 3-й отделы абвера также создали штабы «Валли-2» и «Валли-3», этот орган в целом именовался штаб «Валли» и руководил всей разведывательной, контрразведывательной и диверсионной работой против СССР. Во главе штаба «Валли» стоял подполковник Шмальшлегер»[331].

Действительно, обстановка изменилась, когда после 1939 года войска Красной Армии выдвинулись вперед, на новую границу, которая была не такой плотной.

Посмотрим же по дневнику Гальдера, что докладывала разведка:

22 июля 1940 *года*. Первые оценки, данные Браухичем: «У Советского Союза 50 — 70 хороших дивизий»[332].

24 *июля* 1940 *года*. Оценка ОКХ: 141 дивизия в западной части СССР[333].

Август 1940 года. Экспозе генерала Маркса: 147 дивизий и бригад[334].

Теперь снова вернемся к воспоминаниям Паулюса. Когда он в декабре 1940 года проводил штабную игру по операции «Барбаросса», то, по его словам, генеральный штаб имел следующее представление о Красной Армии:

«Предполагалось, что русские имеют следующие силы (реконструкция по памяти): всего 185 дивизий, 50 танковых и моторизованных бригад, из них связаны на финской границе около 20 дивизий, на Дальнем Востоке около 25 дивизий, на Кавказе и в Средней Азии — 15 дивизий. Таким образом, для русско-немецкого фронта оставалось 175 соединений, а именно: 125 стрелковых дивизий и 50 танковых и моторизованных бригад»[335]. Предполагалось, что в течение трех месяцев после начала войны будут подброшены 30 — 40 дивизий — как сформированных вновь, так и подтянутых с других границ России, а через шесть месяцев после начала войны — еще 100 дивизий... Общая численность «красных предполагалась для военного периода 2 миллиона 611 тысяч».

Когда во время одной из бесед с Маршалом Советского Союза Георгием Константиновичем Жуковым я упомянул последнюю цифру,

то мой собеседник удивился:

— Меньше трех миллионов? Не может быть. Паулюс, видимо, ошибся. Нельзя представить себе, что немцы предполагали, будто на фронте они встретят противника, численностью менее трех миллионов...

Но ошибся ли Паулюс? Ведь количество дивизий, которое он назвал в приведенном фрагменте воспоминаний, примерно совпадало с оценками, которых придерживался зимой 1940/41 года немецкий генеральный штаб. Паулюс назвал цифру 175 соединений (для будущего фронта), а в документах генштаба на 29 января 1941 года стоит цифра 177. Если учесть, что фельдмаршал писал свои заметки спустя много лет, то такая ошибка вполне простительна.

Теперь о цифре, которая так удивила Г К. Жукова. В большом справочном документе, который генеральный штаб германских сухопутных сил составил 15 января 1941 года и разослал вплоть до штабов дивизий, содержалась такая оценка Красной Армии. Отдел иностранных армий Востока утверждал, что в мирное время Красная Армия насчитывала 2 миллиона, а в случае проведения полной мобилизации она сможет выставить на западных границах 100 стрелковых и 25 кавалерийских дивизий. Максимальную численность войск на будущем советско-германском фронте отдел оценивал в 4 миллиона человек, однако оговаривался, что, по его мнению, Советский Союз не сможет призвать в армию достаточное число людей ввиду «нехватки квалифицированной рабочей силы»[336]. Таким образом, Паулюс, очевидно, не ошибался; если ОКХ считало, что Красная Армия еле-еле наберет 4 миллиона бойцов, то для военной игры, которая имела своей целью «репетицию» первых недель войны, можно было взять цифру около 3 миллионов.

Опять сухие цифры, генштабистская проза. Но уже в сухих цифрах было заключено то роковое для Гитлера и его рейха противоречие, которое содержалось в стратегическом замысле «Барбароссы». В оценке общего потенциала советских вооруженных сил гитлеровский генеральный штаб решительно просчитался. Он полагал, что в случае успешной мобилизации Красная Армия сможет вывести на поле боя дивизии общей численностью 3 — 4 миллиона бойцов. В действительности уже *к* 1 января 1941 года Красная Армия

насчитывала 4,2 миллиона человек, а к июню 1941 года составляла почти 5 миллионов человек[337].

Но продолжим анализ данных Гальдера. Если в декабре 1940 года немецкий генеральный штаб оценивал силы своего будущего противника в 175 дивизий, то дальше разведывательные цифры стали расти:

28 *января* 1941 *года* — 177 дивизий и бригад[338].

2 *февраля 1941 года* — 180 дивизий и бригад, в том числе на западной границе — 155[339].

4 *апреля* 1941 *года* — 247 дивизий и бригад[340].

21 *июня* 1941 *года* — 213 дивизий и бригад. Общая численность 4,7 миллиона человек (в западных военных округах)[341].

Неправда ли, любопытная картина: от первой «шапкозакидательной» оценки Браухича (50 — 75 хороших дивизий) до явно завышенной оценки на пороге войны! Выводы? Первый: немцы не имели столь необходимой глубинной разведки, они не знали наших резервов. Второй: оценки немецкой разведки добавляют новый штрих к общей картине авантюристичности замысла «Барбароссы». Со времени доклада генерала Маркса число советских дивизий в немецких донесениях возросло вдвое, а расчет немецких сил остался прежним. Гальдер и Браухич были настолько самоуверенны, что считали возможным своими 150 дивизиями разбить армию и в 2, и в 4 миллиона человек.

Но это общие оценки. Обратимся *к* оценкам частным.

Например, что касается советской авиации, то здесь Гитлер был определенного мнения: он ее боялся. Уже в первых вариантах плана «Барбаросса» содержалось указание на необходимость «отгородиться» от возможности советских бомбежек. В директиве ОКХ от 31 января 194! года подчеркивалось, что «надо в большей, чем раньше, мере считаться с действиями русской авиации против сухопутных войск». Если взглянуть на § 1 «Директивы № 21», то там прямо говорится: «Необходимо быстро достичь линии, с которой русская авиация не сможет бомбардировать германскую государственную территорию»[342].

Как это следует понимать? Судя по всему, встреча с советской авиацией в испанском небе оставила у немцев довольно неприятные воспоминания. Помнились нм и маневры 1935 года в Киевском

военном округе со знаменитым воздушным десантом. Появление на вооружении наших ВВС новых самолетов тщательно регистрировалось в Берлине. Видимо, это явилось одной из причин того, что в комплекс мероприятий по подготовке операции «Барбаросса» была включена программа тщательной аэрофотосъемки пограничной полосы, имевшая целью разведать дислокацию советской авиации и направить по ней первые удары. Вот как характеризует эту программу тогдашний пресс-шеф в ведомстве Риббентропа др Пауль Шмидт:

«Наталкиваясь на почти непреодолимые преграды, сооружаемые русскими против «обыкновенных» видов шпионажа, немецкое командование смогло использовать одно средство, которое 20 лет спустя, в наши дни, использовали американцы. Я имею в виду секретную авиаразведку с больших высот. Метод, при помощи которого американцы старались шпионить против Советского Союза высотными самолетами «У-2», не был американским изобретением. До американцев этот метод с успехом применял Гитлер. Эта интересная глава до сих пор была малоизвестна, потому что данные о ней находятся в американских секретных архивах. Можно даже полагать, что именно изучение этих документов привело к посылке самолета «У-2».

В октябре 1940 года тогдашний подполковник Ровель получил абсолютно секретный личный приказ Гитлера: «Сформировать разведывательные соединения, которые смогут с больших высот фотографировать западную часть России. Высота должна быть настолько большой, чтобы русские ничего не заметили. Окончание съемок — к 15 июня 1941 года».

Различные авиационные фирмы спешно занялись подготовкой специальных самолетов. Самолеты были оборудованы герметическими кабинами, специальными моторами, специальными фотографическими устройствами...

Поздней зимой начались секретные полеты эскадрильи Ровеля. Первый отряд летал с озер Восточной Пруссии и разведывал белорусский район. Это были машины «Хейнкель111» со специальными моторами. Второй отряд вел съемки с базы Инстербург и действовал над прибалтийскими государствами (вплоть до озера Ильмень). На этом направлении летали самолеты «До-215» и «Б-2».

Севернее Черноморского побережья летал третий отряд, базировавшийся в Бухаресте...»[343].

Итак, разведка трудилась в поте лица...

Почему они ошибались

Если проанализировать те сведения, которыми немецкая разведка снабжала свое командование, то они складывались из двух элементов:

а) информация о войсках, находившихся в советских пограничных округах. Она была сравнительно обширна, так как новая государственная граница, занимаемая советскими войсками с сентября 1939 года, была не столь непроницаемой для вражеской разведки, а на территории бывших буржуазных государств Канарис и Шелленберг располагали значительной агентурой. В результате здесь немецкие разведывательные данные приближались *к* действительности[344];

б) информация о резервах и о военно-экономическом потенциале Советского Союза и его вооруженных сил. Здесь немецкая разведка и верховное командование пребывали в сфере догадок и, более того, оставались под господствующим влиянием нацистской идеологии, не допускавшей и мысли о внутренней силе социалистического строя.

Результат? Он сложился в форме твердой уверенности и предстоящем быстром развале Советского Союза. Эта уверенность определяла все действия политического и военного руководства Германии перед нападением на Советский Союз. При этом надо подчеркнуть одно обстоятельство: Гитлер и генеральный штаб занимали схожие позиции. После войны часто изображали дело так: генералы, мол, обо всем предупреждали, а Гитлер их не слушал. Даже Вильгельм Кейтель утверждал, что сочинил подобный меморандум. Но вот конфуз: меморандум, как на грех, не сохранился. А столь осведомленный человек, каким был бригаденфюрер СС Вальтер Шелленберг, в своих мемуарах сообщил: «Мнение генерального штаба состояло в том, что наше превосходство в войсках, техническом оснащении и военном руководстве так велико, что концентрированную кампанию можно будет завершить в 10 недель»[345].

О Кейтеле, который якобы сочинял меморандумы, предупреждавшие о советской силе, упомянутый «мемуарист» сказал: «Кейтель считал, что запланированные фюрером меры так эффективны, что советская система не выдержит»[346].

Итак, на чем же базировалась система расчетов или, точнее, «система просчетов» Гитлера и его генералитета? Ответ на этот вопрос имеет не только военно-историческое значение. Гитлер был далеко не первым и остается далеко не последним политиком, который в качестве цели своей жизни поставил уничтожение Советского государства.

Первым, наиболее фундаментальным элементом «системы просчетов» было отрицание жизнеспособности Советского государства, как такового. Оно нашло свое отражение в печально знаменитой формуле «колосс на глиняных ногах», которую Гитлер и его сообщники повторяли много раз.

Свою уверенность в неполноценности советского строя и русского человека Гитлер и иже с ним переносили на Красную Армию и всю обороноспособность Советского государства. ОКВ в октябре 1940 года составило доклад о военном потенциале СССР, основная идея которого состояла в том, что 75 процентов военной промышленности находится в европейской части России. Достаточно их захватить, и русское сопротивление прекратится. Тем более разведка, по свидетельству Шелленберга, не уставала твердить, что железные дороги от Москвы на восток одноколейные (элементарное заблуждение) и что поэтому русские не смогут подвозить в нужном темпе войска и вооружение[347].

На этом основании Гитлер пришел к твердому убеждению, что стоит разгромить основную массу живой силы Красной Армии, взять Москву, Ленинград и Донбасс — и «русские пойдут на капитуляцию». Что же касается возможности передислокации советской военной промышленности на Восток, то такую возможность Гитлер вообще не принимал в расчет.

Сегодня же тс, кто хочет задним числом оправдать германский генеральный штаб, утверждают, что они-де «предупреждали Гитлера о силе русских». Анализ документов говорит как раз об обратном. Немецкие разведчики все время подсказывали Гитлеру: конечно, Советский Союз — большая страна, но его армия совсем не так сильна... Лучшее свидетельство в этом смысле документ ОКХ «Вооруженные силы СССР военного времени», составленный 15 января 1941 года[348]. В нем говорится, например, что СССР «мог бы» мобилизовать 11 — 12 миллионов человек. Но тут же составители

документа оговариваются, что подобные людские ресурсы едва ли могут быть мобилизованы, так как Советский Союз, во-первых, испытывает большую нужду в квалифицированной рабочей силе и, во-вторых, едва ли сможет обеспечить такое большое количество людей соответствующим вооружением.

Еще более скептически оценивали в генеральном штабе возможности военной промышленности Советского Союза. Там, правда, отмечали, что военная промышленность в последнее время развивается и предпринимаются меры для перенесения ее центров на Урал и за Урал. Но в то же время в одном из документов генерального штаба указывалось, например, что для того, чтобы отрезать Урал от европейской части СССР, надо лишь разрушить четыре моста через Волгу. Общая оценка военной промышленности в докладе от 15 января 1941 года также была весьма скептической: авторы доклада отмечали, что вся советская промышленность страдает от недостатка квалифицированных кадров, образовавшегося после того, как были отправлены на родину иностранные специалисты.

В чем были корни недооценки мощи советской индустрии, советского военно-экономического потенциал а? Почему столь поверхностными были суждения, которые выносились немецким генеральным штабом по поводу возможностей советской промышленности?

Прежде всего в необъективной оценке фактов. А эти факты говорили о том, что, начав в 1928 году с уровня производства чугуна и стали, равного 3 — 4 миллионам в год, Советский Союз сумел быстро выдвинуться в ряд крупнейших индустриальных держав. В 1929 году была начата первая пятилетка, в 1932 — вторая, а в период, когда планировалась и разрабатывалась операция «Барбаросса», народы Советского Союза трудились над выполнением уже третьего пятилетнего плана.

В 30е годы совершились беспрецедентная по своим темпам индустриализация огромной страны и ее превращение в страну крупного механизированного сельского хозяйства. Так, в годы второй пятилетки было построено и введено в эксплуатацию 4500 новых промышленных предприятий, а на капитальное строительство было израсходовано 148 миллиардов рублей вместо 65 миллиардов рублей в первой пятилетке. К 1937 году более 80 процентов промышленной

продукции страны производилось на новых или коренным образом реконструированных фабриках и заводах. Валовая продукция всей промышленности в последние годы второй пятилетки выросла по сравнению с 1932 годом в 2 раза, а по сравнению с 1929 годом — почти в 4 раза. Эти темпы сохранились и в начале третьей пятилетки. Соответственным образом росла и продукция оборонной промышленности. Если *и* течение 1932 — 1934 годов в среднем в год производилось 2,5 тысячи самолетов, 3300 танков и 3700 орудий, то для 1935 — 1937 годов эти цифры составили 3578 самолетов, 3139 танков и 5 тысяч орудий[349].

Параллельно с этим происходила мощная культурная революция, Неграмотная Россия становилась не только страной сплошной грамотности, но и страной крупнейших научно-технических достижений, страной, которая вставала в авангард научно-технического прогресса. Кстати, достижения советской науки были хорошо известны в Берлине, так как немецкие ученые еще с периода после Рапалльского соглашения поддерживали тесные и дружественные контакты с нашей страной. Советский Союз не был для Германии «терра инкогнита», его хорошо знали передовые представители немецкой интеллигенции, профессора и писатели. В СССР ездили не только разведчики: у нас куда гостеприимнее принимали рабочих, писателей, деятелей левого крыла немецкой политической жизни. Но их-то и не хотели слушать те, кто задумывал «Барбароссу».

Разумеется, нельзя утверждать, что в ОКХ полностью сбрасывали со счетов советскую военную промышленность. Но, во-первых, ее возможности оценивались гораздо ниже, во-вторых, считалось, что она работает на подражании западным образцам, в-третьих, под влиянием уверений немецких разведчиков сложилось мнение, что в военной промышленности Советского Союза, как и во всей советской индустрии, нет достаточного количества собственных квалифицированных кадров, и, вчетвертых, предполагалось, что развитие немецкого наступления будет столь стремительным, что в самые кратчайшие сроки Советский Союз потеряет свои основные базы и не сможет в достаточной мере снабжать свою промышленность. К этому выводу в ОКХ приходили на основе цифр.

Действительно, цифры говорили не в пользу нашей страны. В 1940 году Советский Союз производил 153 миллиона тонн угля, 18 миллионов тонн стали и 31 миллион тонн нефти. В то же время собственно Германия (в границах 1937 года) производила 252 миллиона тонн угля, 19 миллионов тонн стали и 1 миллион тонн нефти. Но если прибавить потенциал оккупированных стран и сателлитов, то цифры возрастали до 391 миллиона тонн угля, 30 миллионов тонн стали и 7 миллионов тонн нефти. Таким образом, основные показатели говорили не в пользу Советского Союза — если не считать производства нефти, что, впрочем, Германия компенсировала весьма развитым производством синтетического горючего. Далее, арифметические подсчеты, которые производились в немецком генеральном штабе, говорили, что основные центры советской промышленности находятся в западной части страны и поэтому в первый же период войны перестанут работать на Красную Армию.

История показала, насколько беспочвенны были все эти расчеты. Промышленный потенциал Советского Союза складывался не только из голых цифр. Одним из важнейших подтверждений этой аксиомы явилась невиданная по своим объемам передислокация промышленности — в том числе и военной — с запада на восток СССР Западная военная наука вообще не считала возможным выполнение такой передислокации в сколько-нибудь значительных масштабах. В частности, бывший военный министр Польши генерал Сикорский полагал, что «полная или даже частичная эвакуация больших городов совершенно неосуществима. Применение эвакуации в большом масштабе воспрепятствует быстрой мобилизации и сосредоточению войск, а также совершенно разрушит нормальную жизнь нации, значительно ослабляя ее сопротивляемость во время войны»[350]. Так он писал на страницах книги «Будущая война». Когда «будущая война» началась, то тезисы Сикорского оказались применимы к его собственной стране, но они не были приложимы к Советскому Союзу.

Советская плановая экономика плюс исключительная энергия и патриотизм народа, защищавшего свое отечество, сделали возможным передислокацию огромного количества техники и людей. В новые районы переместилось более 1360 крупных предприятий. По

советским железным дорогам с начала войны до конца 1941 года было перевезено почти 1,5 миллиона вагонов эвакуируемых грузов и переправлено в тыловые районы более 10 миллионов человек. Разумеется, это было нелегкой задачей. Общий процесс перевода промышленности СССР на военные рельсы завершился только к 1942 году, и только в это время военные заводы начали работать на полную мощность[351].

Еще несколько цифр. В 1941 году валовая продукция промышленности Советского Союза по сравнению с 1940 годом составила 98 процентов — и это несмотря на потерю значительной части территории! Правда, в ноябре и декабре 1941 года советская промышленность произвела на 50 процентов меньше, чем в соответствующие месяцы 1940 года. Но после этого начался неуклонный подъем, приведший к восстановлению промышленной мощи Советского Союза. Итоговые цифры показывают, что за всю войну советская военная промышленность выпустила 489 тысяч артиллерийских орудий всех калибров, 136,8 тысячи самолетов, 102,5 тысячи танков и самоходных артиллерийских установок. Для сравнения укажем, что за весь этот период от своих союзников Советский Союз получил 9,6 тысячи орудий, 18,7 тысячи самолетов и 10,8 тысячи танков. Следовательно, поставки союзников заняли по артиллерийским орудиям — менее 2 процентов, по самолетам — около 12 и по танкам10 процентов общего количества боевых средств, полученных Красной Армией за время войны[352].

«Развитие Советского Союза в 1938 — первой половине 1941 года проходило в условиях растущей опасности империалистической агрессии, — отметили авторы «Истории Коммунистической партии Советского Союза». — Партия видела угрозу, которую представляла собой политика фашистских государств, и принимала меры по укреплению обороноспособности страны. ЦК партии и правительство осуществили важные мероприятия по развитию ее военно-промышленной базы, по перестройке работы оборонной промышленности с учетом все более явственно надвигавшейся военной опасности, по дальнейшему повышению боевой готовности вооруженных сил. Однако некоторые вопросы, связанные с обороной страны, решить не удалось.

В целом же Советское государство в результате проделанной партией работы располагало мощной военной силой, необходимой для защиты завоеваний социализма. Рост экономического и военного могущества Советского Союза, руководство Коммунистической партии, социальное и морально-политическое единство народа, советский патриотизм — все эти факторы призваны были обеспечить в случае военного столкновения с империализмом победу страны социализма»[353].

...Как же складывалась итоговая оценка Красной Армии нацистским генеральным штабом? Любопытно, что она все время изменялась. Если в январе 1939 года немецкий генеральный штаб признавал, что Красная Армия является «мощным инструментом»[354] и способна осуществить защиту своего государства, то уже через 8 месяцев — в августе 1939 года — последний вывод отсутствует и оценку достоинств Красной Армии заменяют рассуждения о слабости советского командного состава.

Конечно, в Берлине тщательно регистрировали все мероприятия, проводившиеся Советским правительством и партией для укрепления обороноспособности Советского Союза. Там внимательно следили за всеми новшествами, которые вводились после советско-финской войны. Но тем не менее итоговая оценка Красной Армии, данная перед началом войны, сводилась к тому, что реорганизационные меры не дадут должного эффекта.

Руководителям генштаба нужно было вселить в умы немецких офицеров и солдат, которым предстояло начать войну, уверенность в том, что Советское государство и Красная Армия находились в таком положении, что, собственно говоря, нужен только один толчок, и они развалятся.

Говорят, что даже в сумасшествии бывает своя система. Была определенная система и во взглядах нацистского политического руководства, была она и во взглядах немецкого генерального штаба на советские вооруженные силы. В ее основе лежал антикоммунизм. Та же самая слепота, которая позволяла генералу Гофману в 1918 году надеяться, что он пройдет с одним батальоном от Берлина до Москвы, была свойственна нацистским разведчикам и политикам!

В этом отношении не составлял никакого исключения и такой большой знаток России и русского языка, как генерал Кестринг, на

которого столь полагались в Берлине. Сын тульского помещика остался таковым и в мундире немецкого генерала. Все значительные изменения в нашей стране — особенно в сельском хозяйстве — он рассматривал с точки зрения очередных затруднений Советской власти. Даже в те моменты, когда генерал опытным глазом видел сдвиги, происходящие в Советском Союзе, он, оставаясь в душе тульским помещиком, интерпретировал это только как случайность.

Разумеется, кто меняет местами закономерность и случайность, жестоко ошибается. И именно это произошло с немецкой разведкой. Кардинальный просчет немецкого генерального штаба и всего немецкого нацизма состоял в том, что они не понимали, не хотели и не могли понять сущность советского строя, советского человека. Крайне любопытно фиксировать по донесениям Кестринга, насколько заботливо этот многоопытный разведчик отделял понятие «русский» от понятия «советский». Русский человек для Кестринга был очень хорош, и помещикгенерал готов был оделить его самыми добрыми свойствами. А вот коммунистическая идеология в глазах Кестринга была чемто ужасным и стоящим отдельно от граждан великого Советского Союза. Во всяком случае, он уверял в этом своих начальников и писал о «миллионах недовольных», стараясь обнаружить их в рядах Красной Армии. С легкой руки Кестринга все (!) украинцы, армяне, грузины, азербайджанцы и представители других народов Кавказа в рядах Красной Армии объявлялись «ненадежными» и тем самым выдавались за потенциальных союзников Гитлера.

Отсюда возникли абсурдные и несбыточные надеждына то, что в день вторжения гитлеровских армий русский человек восстанет против человека советского. На это в немалой степени полагались в Берлине. Как мы видели выше, на это рассчитывали не только оголтелые нацисты, но и генералы: в «этюде Лоссберга» делалась ставка на «восстание на Украине», организованное адмиралом Канарисом. До чего доходила подобная слепота, можно видеть по целому ряду документов немецкого генерального штаба, в которых с серьезным видом говорилось о том, что, мол, Ленинград будет взят именно потому, что население окруженного города ...взбунтуется. Трудно представить себе более кощунственное и бредовое предположение, но

именно оно содержалось в официальном заключении генерального штаба от 2 января 1942 года!

В том, что немецкий генеральный штаб неправильно оценивал Советский Союз, повинно многое — и нацистский фанатизм, и узколобие прусских генералов, и наследственный антикоммунизм, перенятый от немецких интервентов 1918 года. Было все — но не было объективной оценки фактов. Не было понимания той внутренней силы, которой обладает народ, свергший своих эксплуататоров и начавший строить новое общество. Внутренний потенциал такого народа нельзя было оценивать только по количеству наличных дивизий и тонн выплавленной стали. Цифры могли быть известны немцам, но цифры эти игнорировали людей, которые стояли за ними и были способны на все, чтобы защитить свое отечество, отечество победившего социализма.

Но подобные заблуждения свойственны не только генералу Кестрингу и его сподвижникам — они живучи еще и теперь. Уже после войны нашумела книга известного западногерманского «специалиста» по русским вопросам Клауса Менерта под заглавием «Советский человек». Менерт во многом похож на Кестринга. Если генерал был сыном тульского помещика, то Менерт был внуком владельца московской фабрики «Эйнем». Оба прекрасно понимали русский язык, но мало поняли в советской жизни. Именно поэтому Клаус Менерт в своей книге утверждал, что советский человек не имеет ничего общего с коммунистической идеологией, что последняя является делом внешним, что вообще «советский человек» не потерян для Запада — в той мере, в какой он остался русским, но не стал коммунистом. В книге Менерта содержалась довольно неприкрытая рекомендация: Запад, мол, должен спасти русского человека, освободить его от коммунизма, и русские будут за это несказанно признательны. Книга Менерта могла смело появиться в 1940 году, и это было бы гораздо логичнее. Но она появилась после второй мировой войны — после того, как весь мир убедился в прочности советского строя, в силе и стойкости советского человека.

Приходится признать, что па Западе до сих пор есть немало деятелей, которые убаюкивают себя иллюзиями о слабости советского строя. Один из них — известный американский авиаконструктор Александр Северский (кстати, русского происхождения). В своей книге

«Америка слишком молода, чтобы умереть», написанной в 1961 году, он нашел новый метод утешать безутешных. Подобно тому, как в 1940 году немецкий генеральный штаб считал, что советская военная промышленность занимается только копированием западной, Северский «открыл секрет» советских успехов после второй мировой войны. Он писал: «Россия — это не творение рук своего народа, проложившего себе дорогу собственными руками». Из разъяснений Северского вытекает, что, оказывается, «стремительным ростом индустриальной мощи Россия обязана... не коммунизму... Хотя сотни миллионов людей во всем мире и потянулись, несомненно, в результате ярких достижений России — к коммунизму, последний в сущности был лишь второстепенным фактором русского военного и научного прогресса». Что же за фактор помог «ярким достижениям России»? Мистер Северский с самоуверенностью мелкого бизнесмена провозглашает: «Советский Союз не добился бы никаких успехов... если бы не американская экономическая помощь, в частности американские инженеры, которые помогали строить заводы первой пятилетки». Оказывается, не кто иной, как американцы, создал базу для советского промышленного взлета.

В заключение Северский с наигранным возмущением констатирует: «Русская метаморфоза это историческая, аномалия. Она не может иметь место нигде больше». Вот, оказывается, чего боится Северский! Собственно говоря, в 1941 году Гитлер боялся того же. Поэтому он и хотел доказать всему миру, что Советское государство — это историческая аномалия, отклонение от нормы и что стоит де лишь пустить в дело дивизии вермахта, как аномалия будет устранена и после этого все в мире пойдет, как это было до 1917 года...

События второй мировой войны более чем убедительно показали, что аномалией было нечто совсем другое — появление нацистского режима, который усилиями всего прогрессивного человечества в 1945 году был сметен с лица земли. Аномалией была попытка задержать поступательное развитие истории.

Но вернемся к «Барбароссе» и рассмотрим еще один элемент немецкой системы оценки противника. Дело в том, что немецкая военная разведка, совершавшая много ошибок, на этот раз заметила, что начиная с 1939 года Красная Армия быстрыми темпами стала модернизировать свое вооружение, улучшать боевую подготовку,

укреплять командные кадры, делать выводы из зимней войны 1939/40 года. Так, 3 сентября 1940 года из Москвы в Берлин прибыл знакомый нам генерал Эрнст Кестринг. Он доложил Гальдеру: «Армия находится в стадии подъема. Но ей нужно еще четыре года, чтобы достичь прежнего уровня»[355].

Разведчики нервничали. Кестринг докладывал о трудностях разведывательной работы «изза контроля со стороны ГПУ»[356]. 5 декабря Гитлер как бы успокаивал Гальдера: «Русские, как и французы, хуже нас вооружены. У них меньше современных полевых батареи: все же остальное — старая, скопированная материальная часть. Наш танк типа III с 5см пушкой (весной **их** будет 1500 штук) даст нам явное превосходство. Масса русских танков имеет плохую броню. Русский человек неполноценен. У армии нет командиров. Внутренняя переориентация армии к весне еще не закончится. Мы к весне будем располагать наилучшим руководством, материальной частью, войсками, — а у русских будет самая глубокая точка падения»[357].

Но все же червь сомнения точил Гитлера и всю военную верхушку Германии. 3 февраля Гальдер докладывал фюреру о Красной Армии: «Общее количество танков (пехотные дивизии плюс подвижные соединения) очень велико (до 10000 танков против 3,5 тысячи немецких), но эти танки, очевидно, преимущественно малоценные. Однако не исключены неожиданности». После этого доклада Гитлер внезапно изменил свое мнение о русских танковых войсках. Он заметил Гальдеру, что они «приличны», в них есть «гигантские типы», а по численности они «крупнейшие в мире»[358].

Докладывали Гитлеру также по линии ВВС. Помощник Кестринга Кребс доносил из Москвы: «Перевооружение идет полным ходом. Новый истребитель. Новый дальний бомбардировщик»[359]. Действие это оказывало своеобразное. Гитлер начинал размышлять: а вдруг Красная Армия «успеет реализовать те правильные выводы, которые были сделаны в последнее время»[360]. Сомнений было много, но их старался рассеять уже известный нам Кестринг. 8 мая 1941 года, на пороге войны, он снова докладывал: «Советская Армия улучшилась незначительно. Командный состав неудовлетворителен»[361]. Таким образом, время для нападения было выбрано весьма конкретно — с

учетом того, что Красная Армия находилась в процессе перевооружения и укрепления командных кадров и этот процесс еще не завершила.

Но один лишь выбор времени нападения не решал всего. Главным был кардинальный военно-политический просчет. Ход войны полностью подтвердил, что оценки, сделанные немецким генеральным штабом до 22 июня 1941 года, грешили не какими-то второстепенными просчетами, а что всем тогдашним прогнозам гитлеровских стратегов был присущ органический изъян — игнорирование мощи советского строя, советских вооруженных сил и в связи с этим — переоценка возможностей вермахта.

В последнем генералы гитлеровской армии были далеко не оригинальны. Чванливая и хвастливая переоценка своих сил всегда была характерным признаком прусской военной школы, а здесь она оказалась помноженной на фанатическую и слепую ненависть вдохновлявших генералитет хозяев нацистско-империалистического режима ко всему прогрессивному, к коммунизму и в первую очередь к Советскому Союзу.

Авантюризм в оценках, которые давались советскому строю до 1941 года, закономерным образом привел вермахт к краху в мае 1945 года. Но стратегия просчетов имела свою внутреннюю логику, которая не всегда была однозначной. В первый период войны, скажем, до битвы под Москвой, внешний ход событий не давал повода замечать просчеты тем, кто не хотел их видеть. Но чем дальше, тем явственнее просчеты, допущенные *до 22* июня 1941 года, мультиплицировались и отражались в огромном количестве просчетов, допущенных *после 22* июня.

Если взять тот же самый дневник Франца Гальдера и листать его от недели *к* неделе, от месяца к месяцу, то можно заметить, как в нем по нарастающей появляются недоуменные вопросы: откуда у русских новые силы? Откуда приходят подкрепления? Почему внезапно усиливается сопротивление? Эти вопросы задавал не один Гальдер. Но, увы, немецкая разведка не могла на них ответить.

Применительно ко всем решающим, переломным моментам войны немецкая разведка оказывалась полным банкротом. Так, анализ трофейных документов свидетельствует о том, что ни в штабе генерал-фельдмаршала фон Бока, который начал *2* октября 1941 года свое

решающее наступление на Москву, ни в разведывательном отделе генерального штаба сухопутных сил, ни в ОКВ не предполагали о том, что Советская Армия сможет в декабре 1941 года перейти в контрнаступление. Вот всего лишь две выдержки из высказываний «заинтересованных *лиц*» — выдержки, которые, как принято выражаться, говорят сами за себя:

Гитлер (3 *октября* 1941 *года):* «Враг разгромлен и больше никогда не поднимется»[362].

Гальдер (23 *ноября):* «Военная сила России больше не представляет опасности... Противник разбит...»[363].

А 6 декабря 1941 года противник, который был «разбит» и «не представлял опасности», нанес фон Боку удар, не только стоивший фельдмаршалу его поста, но и навсегда отбросивший немецкие войска от Москвы. Это был удар, от которого вермахт не смог оправиться!

Так было в 1941 году. А разве иначе обстояло дело на последующих этапах войны? Достаточно сказать, что, например, переход советских войск в историческое контрнаступление 19 ноября 1942 года тоже не был предварительно определен немецкой разведкой. Мне приходилось слышать от генерал-полковника Йодля во время его допроса летом 1945 года горькое признание о том, что штаб верховного главнокомандования гитлеровской Германии был полностью застигнут врасплох этим советским наступлением...

Итак, просчеты, просчеты, просчеты... Все это были звенья той цепи, которую мы с полным правом можем назвать стратегией просчетов — стратегией, поистине имманентно присущей гитлеровскому военному и политическому руководству. Конечно, колоссальная мощь гитлеровской военной машины, значительный опыт, накопленный фашистской Германией к 1941 году, объединенный потенциал почти всей Европы, находившейся под пятой нацизма, — все это ставило германские вооруженные силы в такие условия, при которых на первых порах просчеты выявлялись не столь заметно. Но месяц от месяца, год от года эти преходящие преимущества отпадали, и в действие вступали основные долговременные факторы.

НА ПОРОГЕ. Глава 9.

Для чего Гесс полетел в Англию

Итак, военные приготовления заканчивались. Каждая неделя приближала к выполнению график, разработанный в генеральном штабе: в ход была пущена та «адская машина», которая была сконструирована усилиями нацистской партии, немецких монополий и военного командования. Тем не менее мы вынуждены на некоторое время отвлечься от анализа процесса военных приготовлений, ибо перед нами в порядке хронологической последовательности сейчас появляется один эпизод, который невозможно изъять из истории подготовки операции «Барбаросса». Речь идет о полете заместителя фюрера рейхсляйтера Рудольфа Гесса в Англию, совершенном 10 мая 1941 года, то есть в преддверии нападения гитлеровской Германии на СССР.

Историческая литература, посвященная полету Гесса, очень велика. Тем не менее до сих пор остается много спорных вопросов, которые требуют своего разрешения для того, чтобы стало понятным, какое политическое место занимает этот эпизод в общей цепи тогдашних событий. Наиболее часто в западной литературе высказывается взгляд, объясняющий этот беспрецедентный полет личной инициативой Рудольфа Гесса и отрицающий соучастие в этом рискованном предприятии Гитлера и других заправил третьего рейха. Эта версия, по существу принадлежащая не кому иному, как Мартину Борману, который в свое время порекомендовал Гитлеру объявить Гесса сумасшедшим, появилась на свет еще в мае 1941 года и с тех пор в различных вариантах кочует по страницам исторических исследований и популярных брошюр. Но это не придает ей особой убедительности. Как раз наоборот! Тот факт, что она принадлежит Мартину Борману, заставляет нас отнестись к ней с крайней осторожностью. Иная, но не менее спорная трактовка полета Гесса, имеющая хождение на Западе, состоит в том, что полет этот рассматривают как некую «экстравагантность», не связанную с общим контекстом нацистской политики того времени. Все это и заставляет нас более подробно остановиться на данном эпизоде,

сосредоточившись на двух основных вопросах: во-первых, являлся ли полет личным делом Гесса или нет? Во-вторых, каковы были политические цели столь диковинного предприятия?

Итак, начнем по порядку. А это заставляет нас перенестись в обстановку баварской резиденции Гитлера, в так называемый Бергхоф, находившийся близ небольшого городка Берхтесгадена.

Существует много описаний того, как разыгрывались события дня 10 мая 1941 года, когда фюрер узнал о полете своего любимого соратника и заместителя в Англию. Эти описания, принадлежащие различным лицам, например начальнику эсэсовской разведки Шелленбергу, личному переводчику Гитлера Шмидту, начальнику ОКВ Кейтелю и многим другим, в различных вариациях повторяют примерно одну и ту же фабулу. Все они сообщают, что, узнав о происшедшем, Гитлер пришел в неописуемо ярость и впал в один из тех припадков бешенства, которые так часто описываются биографами нацистского главаря. Тут же следует рассказ о том, как он приказал сообщить о сумасшествии Гесса.

У нас есть возможность использовать свидетельства, которые куда более надежно описывают подлинный ход событий 10 мая. Одно из них — свидетельство личного адъютанта Гитлера штурмбанфюрера СС Отто Гюнше, который находился долгое время в советском плену и, располагая для воспоминаний более чем достаточным временем, восстановил некоторые важные события, разыгрывавшиеся как в имперской канцелярии, так и в Бергхофе.

Итак, вот сообщение Гюнше:

«...10 мая около 1О часов утра в приемной перед кабинетом Гитлера появился адъютант фюрера Альберт Борман, брат Мартина Бормана, с адъютантом Гесса оберфюрером СА Пинчем. Пинч держал в руках белый запечатанный пакет. Альберт Борман попросил камердинера Линге разбудить Гитлера и доложить ему, что явился Пинч со срочным письмом от Гесса. Линге постучал в дверь спальни. Гитлер сонным голосом спросил:

— Алло, что случилось?

Линге доложил. Последовал ответ:

— Я сейчас выйду.

Через несколько минут Гитлер, небритый, вышел из своего кабинета, смежного со спальней. Он подошел к Пинчу, поздоровался с

ним и попросил письмо Гесса. С письмом в руке Гитлер быстро спустился по лестнице в гостиную. Линге, Пинч и Борман еще не успели сойти с лестницы, как Гитлер уже позвонил. Когда Линге вошел в гостиную, Гитлер стоял у самой двери, держа в руках распечатанное письмо. Он резко спросил Линге:

— Где этот человек?

Линге вышел и ввел Пинча в гостиную. Гитлер обратился к Пинчу:

— Содержание письма вам известно?

Пинч ответил утвердительно. Выходя из гостиной, Линге видел, как Пинч и Гитлер подошли к большому мраморному столу. Через несколько минут снова раздался звонок. Линге опять вошел в гостиную. Гитлер все еще стоял у стола. Рядом с ним был Пннч. Гитлер бросил Линге:

— Пусть придет Хегль.

Хегль, начальник полицейской команды при штабе Гитлера, быстро явился. Гитлер приказал ему арестовать Пинча. Затем велел немедленно вызвать Мартина Бормана, который был тогда начальником штаба у Рудольфа Гесса. После разговора с Борманом Гитлер вызвал в Бергхоф Геринга и РиббентрЬпа. Тем временем к фюреру вызвали имперского руководителя печати Дитриха, находившегося в то время в Бергхофе. Гитлер приказал Дитриху докладывать ему все сообщения из Англии по поводу полета Гесса и запретил до поры до времени сообщать что-либо о Гессе в печати.

Вечером 10 мая Гитлер совещался с прибывшими в Бергхоф Герингом, Риббентропом и Борманом. Совещание длилось очень долго. Несколько раз вызывали Дитриха и спрашивали, нет ли сообщений из Англии.

О Гессе не было никаких известий.

Поздно вечером Дитрих доложил Гитлеру, что, по сообщению английского радио, Гесс приземлился на парашюте в глухой местности на севере Англии и задержан полицейскими, которым он заявил, что прилетел в Англию для встречи со своим другом герцогом Гамильтоном.

Гитлер быстро спросил, не сообщили ли англичане о намерениях Гесса. Дитрих ответил, что об этом англичане молчат. Тогда Гитлер приказал Дитриху представить полет Гесса в немецкой печати как

поступок «невменяемого». В окружении Гитлера стало известно, что решение объявить Гесса психически неуравновешенным было принято на совещании Гитлера с Герингом, Риббентропом и Борманом.

При поступлении из Лондона сообщения о том, что герцог Гамильтон отказался признать свое знакомство с Гессом, у Гитлера вырвалось восклицание:

— Какое лицемерие! Теперь он его не хочет знать! Арестованный по указанию Гитлера адъютант Гесса Пинч был доставлен в гестапо в Берлин. В гестапо от Пинча потребовали сделать заявление, что в дни, предшествовавшие полету Гесса, он заметил у своего шефа признаки психического расстройства. После того как Пинч дал в гестапо подписку о том, что он сохранит в тайне все факты, связанные с полетом Гесса в Англию, он был освобожден по приказу Гитлера, как ему сказали в гестапо. Однако тут же после освобождения Пинч, который имел чин генерала, был разжалован в солдаты и послан на фронт в штрафную роту. Очевидно, таким путем имелось в виду избавиться от свидетеля по столь щекотливому делу. Но Пинч продолжал здравствовать, и Гитлер в декабре 1944 года соблаговолил произвести его из солдат в лейтенанты.

Жена Гесса арестована не была, а осталась в своем поместье, и Гитлер приказал выплачивать ей значительную сумму денег. Она поддерживала переписку с находившимся в Англии супругом. Письма передавались через Мартина Бормана».

Итак, события предстают перед нами в весьма определенном виде: никакого взрыва бешенства, а явная озабоченность, вплоть до фразы о Гамильтоне, которая говорит о прекрасной осведомленности Гитлера обо всех обстоятельствах полета Гесса. И то, что дело было именно так, подтвердил не кто иной, как упоминавшийся в воспоминаниях Гюнше личный адъютант Гесса оберфюрер СА КарлГейнц Пинч. Пинч также был в советском плену и независимо от Гюнше сообщил обстоятельства исчезновения Гесса. Как и Гюнше, Пинч полностью опровергает версию о психическом расстройстве Гесса. Более того: его показания свидетельствуют о том, что действия Гесса были частью большой военно-политической акции, задуманной Гитлером и его непосредственным окружением накануне нападения на СССР[364].

Оказывается, впервые Пинч узнал о подоплеке намерений Гесса еще в январе 1941 года, когда Гесс предпринял первую попытку вылететь в лагерь противника (она оказалась неудачной). После этого Гесс — в ответ на недоуменные вопросы Пинча — дал достаточно откровенные разъяснения своему адъютанту. Он сказал:

— Это верно, что Гитлер не знал о моей сегодняшней попытке совершить полет. Однако его самое неотложное и самое существенное пожелание состоит в том, чтобы как можно скорее заключить мир с Англией.

Когда Пинч снова спросил, действительно ли Гитлер ничего не знал о полете, Гесс заявил:

— Я попытаюсь вам все объяснить. Я один из самых давних членов нацистской партии, и в книге «Майн кампф» содержится много моих идей. Я уверен, что понимаю мысли фюрера лучше, чем кто-нибудь другой из его окружения. Это станет очевидно, если учесть, что мы провели вместе лет двадцать, а может быть и больше. Если кто-либо и знает, чего хочет Гитлер, так это только я. Гитлер хочет увидеть перед собой сильную Англию. Он хочет мира с Англией. Вот почему он не вторгся в Англию после Дюнкерка. Мы могли бы сделать это легко, вы сами об этом знаете. С тех пор мы вели с ними переговоры. Наш главный враг теперь не на Западе, а на Востоке. Вот чем заняты мысли фюрера!

— Вы имеете в виду Россию? — спросил достаточно догадливый Пинч.

Гесс ответил:

— Я имею в виду Россию...

А затем добавил:

— Именно поэтому фюрер хочет предложить англичанам изменить ход событий и объединиться — разумеется, объединиться против России...

Сообщение Пинча достаточно красноречиво. Оно свидетельствует, что замысел Гесса вытекал из тех самых военно-политических — точнее, антикоммунистических соображений, которые вдохновляли Гитлера в 1938 — 1940 годах. Как видно, Гессу было поручено предпринять последнюю попытку создания единой общеевропейской коалиции. Другое дело, что в своем авантюризме ни Гитлер, ни сам Гесс не могли понять, насколько несбыточна такая

комбинация. Как всегда у них отсутствовало чувство реального. Но разве это могло их остановить?

Как же Гесс выполнил свою задачу? Из предыдущего повествования мы знаем, что еще в 1940 году профессор Хаусхофер занялся установлением контактов в Англии, — это подтверждено документами. Впрочем, об этом рассказывает в своих записках и Гюнше. По его словам, «в конце января 1941 года Гесс доверительно рассказал Пинчу, что он по решению Гитлера намерен лететь в Англию, чтобы довести до конца переговоры, начатые в августе 1940 года. Со слов Гесса Пинчу было известно, что в августе 1940 года по инициативе герцога Бедфордского и других английских влиятельных политиков в Женеве состоялась встреча английских уполномоченных с немецким профессором Альбрехтом Хаусхофером, посланным Гессом в Женеву для предварительных переговоров с англичанами. Во время этих контактов немецкой стороне дали понять, что Англия готова начать мирные переговоры с Германией. Предварительным условием англичане выставили расторжение пакта о ненападении, заключенного в 1939 году между Германией и Советской Россией. Гесс сказал Пинчу, что Гитлер и он согласны были выполнить это условие англичан, но Гитлер хотел отложить начало конкретных переговоров с Англией до занятия Балкан. Смысл разговора Гесса с Пинчем сводился к тому, что политика Германии в то время была направлена на подготовку войны против Советской России».

Это сообщение, сделанное Гюнше в своих записках (они, как мы знаем, писались в плену), удивительным образом совпадает с документами, которые были опубликованы в послевоенное время в Англии и ФРГ, но не были известны Гюнше. Документы эти показывают, что профессор Хаусхофер предпринял зондажи через известного нам швейцарского политика Карла Буркхардта, имевшего хорошие связи в Лондоне. Буркхардт исполнил просьбу Хаусхофера и сообщил в апреле 1941 года о следующих условиях, которые в определенных английских кругах считались возможными для «компромисса»:

Англия объявит «номинальными» свои интересы в Восточной Европе (кроме Греции);

Англия будет считать нужным «восстановление системы государств» в Западной Европе;

колониальный вопрос может быть решен в плане возврата старых немецких колоний[365].

Хаусхофер доложил об этих условиях Гессу и Гитлеру, а затем 28 апреля 1941 года сям встретился с Буркхардтом в Женеве, 3 мая Гесс имел последнюю беседу с Гитлером. Итак, приготовления были не столь малыми, как это сейчас пытаются изобразить...

Гесс очутился в Англии вечером 10 мая. И добрался он туда не без осложнений: он не смог приземлиться и выпрыгнул с парашютом, повредив ногу. 11 мая утром к нему доставили герцога Гамильтона, которому он изложил в самых общих чертах смысл своей миссии и которого попросил послать телеграмму в Цюрих по условному адресу. Вслед за этим Гесса посетил бывший советник английского посольства в Берлине сэр Айвон Киркпатрик, который удостоверил личность Гесса и услышал от него более подробные «комментарии» к полету, включая предложение об англо-германском соглашении на базе раздела мировых сфер влияния. Киркпатрик имел три беседы с Гессом — 13, 14 и 15 мая. Казалось бы, англичанам стало все ясно, включая заявление Гесса о том, что «Германия намерена предъявить России определенные требования, которые должны быть удовлетворены либо путем переговоров, либо в результате войны». Именно так доложил своему правительству о беседе с Гессом Киркпатрик.

Что же, однако, произошло? Если исходить из логики военной ситуации (Англия и Германия находились во вражеских политических и военных лагерях, причем Англия в те дни уже знала, что война вскоре будет расширена за счет нападения на СССР), то, конечно, притязания Гесса должны были быть немедленно отвергнуты, а он сам подлежал заключению в лагерь для военнопленных. Какой, действительно, мог быть разговор с соучастником всех самых кровавых преступлений гитлеровской клики, соавтором злодейских нацистских планов? Но мы, к сожалению, уже знаем, что в некоторых случаях буржуазные политики забывают о логике. Они забыли о ней в Мюнхене, забыли в сентябре 1939 года, в мае 1940 года. И вот шел май 1941 года...

Сейчас, много лет спустя, когда история рассудила правых и виновных в минувшей войне, мы должны зафиксировать безусловный факт: в мае 1941 года, на пороге операции «Барбаросса», английские политики едва устояли перед искушением вернуться к роковым

традициям воинствующего антикоммунизма мюнхенских времен. Они практически вступили в переговоры с Гессом, поручив это лорду-канцлеру Джону Саймону, который в сопровождении того же Киркпатрика 9 июня провел с нацистским эмиссаром подробнейшую трехчасовую беседу[366].

Во время этих переговоров Гесс передал англичанам предложения, о которых Гюнше сообщил следующее:

«В разговорах о полете Гесса в штабе Гитлера под большим секретом передавалось, что Гесс взял с собой в Англию меморандум об условиях мира с Англией, составленный им и одобренный Гитлером. Суть меморандума сводилась к тому, что Англия должна была предоставить Германии свободу действий против Советской России, а . Германия со своей стороны соглашалась гарантировать Англии сохранение ее позиций в колониальных владениях и господство в средиземноморском бассейне. В меморандуме, кроме того, подчеркивалось, что союз «великой континентальной державы Германии» с «великой морской державой Англией» обеспечит им господство над всем миром.

Стало также известно, что с февраля 1941 года Гесс интенсивно занимался разработкой политических и экономических предложений, которые должны были лечь в основу переговоров с англичанами. В разработке этих предложений принимали участие руководитель зарубежной организации национал-социалистской партии Боле, министерский советник имперского министерства хозяйства Ягвиц, генерал Карл Хаусхофер и брат Гесса Альфред Гесс, являвшийся заместителем Боле».

Не может быть сомнения, что Гесс довел до сведения англичан свои идеи в самом развернутом виде. Во-первых, в сохранившемся протоколе беседы между Саймоном и Гессом от 5 июня зафиксировано, что Гесс пожелал сообщить нечто важное Саймону «с глазу на глаз». Текст самого сообщения в протокол не включен. Во-вторых, непосредственный свидетель событий того времени английский эксперт по вопросам психологической войны Сэфтон Делмер сообщил уже после войны, что в сентябре 1941 года состоялась беседа Гесса с другим членом английского правительства — лордом Бивербруком. Гесс прямо сказал тогда Бивербруку, что его

цель — побудить Англию заключить мир с Германией, дабы затем совместно действовать против СССР[367].

В этой ситуации можно понять и ту роль, которую играл в полете Гесса сам Гитлер. Ставка в этой авантюре была слишком высока, чтобы рисковать личным соучастием. Гитлер, явно поощряя Гесса к полету, сделал вид, будто он не имеет к этому никакого отношения, и Гесс прекрасно понимал такую игру. В частности, в письме, оставленном 10 мая Гитлеру, Гесс давал ему полную свободу действий, то есть предоставлял ему возможность в случае неудачи отмежеваться от его, Гесса, полета. Английский исследователь Джон Лизор пишет по этому поводу: «Приближенные Гитлера понимали, что Гесс выполняет то, что фюрер хотел сделать сам, а Гитлер знал все, исключая дату и время полета, ибо последнее зависело только от погоды. Но он, как профессиональный политик, боялся отождествлять себя с миссией Гесса на тот случай, если она провалится»[368].

Действительно, если обратиться к ходу событий, то Гитлер сначала оставлял за собой некоторую возможность выступить в качестве соучастника полета. Но в тот момент, когда ему стала ясна неудача, он безжалостно отказался от своего любимчика. Кстати, этот метод он применял неоднократно. Несколько лет спустя — в самом конце войны, когда в иной ситуации эсесовский генерал Вольф попытался действовать примерно так же, вознамерившись вступить в контакт с американским эмиссаром Алленом Даллесом и заручиться его поддержкой, — Гитлер занял точно такую же позицию. Дав согласие на миссию Вольфа, он предупредил его, что в случае провала «откажется от него так, как отказался от Гесса»[369].

Миссия Гесса не принесла империалистической Германии успеха. Черчилль был достаточно реалистическим политиком, чтобы принять на веру пение нацистских сирен на пороге «Барбароссы». Но, как говорится, из песни слова не выкинешь. Так и из зловещей саги о действиях международного антикоммунизма в начале 40-х годов нельзя выкинуть полет Рудольфа Гесса.

Дымовая завеса

За несколько дней до начала войны на Востоке Геббельс записал в своем дневнике:

«Наши замыслы в отношении России постепенно раскрывают. Угадывают. Время не терпит»[370].

Действительно, Геббельсу было чего бояться, притом не только ему. Разве можно было скрыть сосредоточение трехмиллионной армии? Генштаб разработал специальный график «Барбароссы», согласно которому дивизии трех групп армий перебрасывались к советской границе в пять эшелонов (всего 17 тысяч железнодорожных составов):

в феврале — 13 дивизий,

в марте — 7,

в апреле — 13,

в мае — 30 дивизий,

в июне — 51 дивизия, в том числе танковые и моторизованные,

в июне — июле — 19 дивизий резерва ставки[371].

Как же маскировались эти мероприятия? По вопросу о маскировке ОКВ издало 15 февраля 1941 года специальную директиву под названием «Указания по дезинформации противника»[372]. Во вводной части документа подчеркивалось, что успешное проведение операции «Барбаросса» непосредственно зависит от того, как долго она будет находиться в секрете и насколько хорошо будет замаскирована. В первый период подготовки, то есть с 15 февраля по 15 апреля, надлежало поддерживать версию, что Германия еще не решила, где ей начать новое весеннее наступление, и что она готовит вторжение в Англию. Предлагалось распространять слухи о новых боевых и транспортных средствах, подготовленных к этому вторжению, а также преувеличивать значение второстепенных операций. «Передвижения войск, предназначенных для операции «Барбаросса», — говорилось в директиве, — следует объяснять как мероприятия по передислокации гарнизонов на Западе, на территории собственно Германии и на Востоке, как переброску тыловых эшелонов

для операции «Марита» и, наконец, как меры по обороне собственного тыла от нападения со стороны России». Во второй период подготовки, то есть с середины апреля до нападения на Советский Союз, предписывалось представлять сосредоточение сил для операции «Барбаросса» как «величайший в истории войн дезинформационный маневр, имеющий целью отвлечь внимание от последних приготовлений к вторжению в Англию».

В «Указаниях по дезинформации противника» подчеркивалось, что особенно энергичную деятельность по дезинформации противника должно было развить управление разведки и контрразведки вермахта (абвер). Абверу предписывалось определенным образом проинструктировать военных атташе немецких дипломатических представительств в нейтральных государствах относительно военно-политических целей Германии. Главнокомандующим видами вооруженных сил — сухопутными войсками, военно-воздушными силами и военно-морским флотом предлагалось проводить подготовку и операции «Барбаросса» так, чтобы в войсках сохранялось мнение, будто неуклонно готовится вторжение в Англию и меняются лишь его формы. Операцию «Барбаросса» предлагалось как можно дольше держать в секрете от соединений, сосредоточенных на Востоке, делая все возможное для создания в этих войсках уверенности в том, что их задача — ввести противника в заблуждение, то есть дезинформировать Англию, и внушая им, что на Востоке, мол, Германия сосредоточивает свои войска только для «демонстрации» подготовки нападения на Советский Союз и с действительной целью маскировки своих планов вторжения в Англию...

Особенно большое значение придавалось в директиве распространению ложных сведений о парашютных частях, якобы подготовленных для вторжения в Англию. Чтобы военнослужащие вермахта действительно верили этим сведениям и чтобы об этом узнали разведывательные органы нейтральных государств и государств, дружественных Германии, было приказано командировать в парашютные части людей, владеющих английским языком. Командирам этих частей были выданы подробные карты Великобритании. Наконец, в директиве, о которой здесь идет речь, подчеркивалось, что чем более крупные немецкие силы сосредоточиваются на Востоке, тем энергичнее следует держать мир в

неведении относительно новых немецких военных планов. С этой целью сооружались запретные зоны на некоторых участках побережья Ла-Манша и в Норвегии.

«Указания» заканчивались следующими словами: «Чем более явной будет становиться подготовка к операции «Барбаросса», тем труднее будет вводить противника в заблуждение. И все же необходимо сделать в этом направлении все возможное из того, что предписывается настоящими „Указаниями"».

Как же эта директива воплощалась в жизнь? В «Военном дневнике» ОКВ сохранилось несколько записей на этот счет. Пункт 4-й текста стенограммы секретного совещания начальников отделов ОКВ от 12 марта гласил:

«Штаб оперативного руководства желает распространить дезинформационную акцию на русского военного атташе»[373].

Запись краткая и не совсем понятная. Понять ее помог мне вице-адмирал Михаил Александрович Воронцов, который в 1941 году являлся советским военно-морским атташе в Берлине. Он рассказал:

— Как-то весной 1941 года меня пригласили и начальнику штаба германских военно-морских сил адмиралу Шнивинду. Уже сам по себе факт приглашения выглядел несколько необычным, ибо к этому времени советско-германские отношения были довольно натянутыми и с германской стороны можно было ощутить холодок. Шнивинд начал разговор на неожиданную тему: он стал распространяться о перспективах войны в Индийском и Тихом океанах, о предстоящих там действиях. Вслед за этим он пустился выражать сочувствие советским военно-морским силам, которые не имеют промежуточных баз на коммуникациях между Черноморским и Тихоокеанским флотами и заключил недвусмысленным намеком: «Не нужны ли, мол, советскому флоту базы в Сингапуре?»

Признаться, подобные речи звучали весьма необычно в устах Шнивинда — тем более что к указанному времени мы уже располагали сведениями, что немцы сосредоточивали силы отнюдь не на Тихом океане, а на советской границе. Разумеется, я выслушал Шнивинда. Когда я заметил, что не имею полномочий обсуждать этот вопрос, он попросил меня обязательно сообщить о разговоре в Москву...

Итак, немецкое командование всеми силами старалось отвлечь внимание Советского Союза от сосредоточения ударных сил вермахта на своих восточных границах. Беседа Шнивинда с Воронцовым была лишь одной деталью. В духе предписаний упоминавшейся выше директивы ОКВ о мерах по дезинформации и германскому послу в Москве графу Шуленбургу были даны указания ссылаться на то, что Германия, готовясь к вторжению на Британские острова, выводит войска на отдых. Далее, немецким предприятиям, которые выполняли советские заказы, были даны инструкции свернуть их выполнение, однако предписывалось как можно дольше «оттянуть» уведомление об этом советских властей.

Опасения Геббельса о том, что «наши замыслы в отношении России постепенно раскрывают», имели свой резон. Так, в своем капитальном труде «Стратегия Гитлера» западногерманский историк Андреас Хильгрубер сообщает о следующем любопытном эпизоде. После того как 5 мая 1941 года И. В. Сталин выступил на приеме выпускников военных академий, немецкое посольство в Москве проявило большой интерес к этой речи — тем более что официальный отчет, опубликованный в «Правде», был очень скуп. Тогда на помощь послу пришел корреспондент немецкого информационного бюро в Москве г-н Шюле.

Он заверил, что располагает аутентичным текстом упомянутого выступления, который и был направлен в качестве официального доклада посольства в Берлин. Согласно информации Шюле, И. В. Сталин в этой речи делал особый упор на советско-германском пакте о ненападении и подчеркивал, что Советский Союз не ожидает никаких агрессивных действий со стороны Германии. Этот доклад был принят к сведению в Берлине — по всей видимости, с большим удовлетворением[374].

Однако информация Шюле была неправильна: в действительности И. В. Сталин говорил совсем о другом. Я имел случай беседовать с генералом Федором Ефимовичем Боковым, который в то время являлся начальником Военно-политической академии имени Ленина и присутствовал на приеме в Кремле. Боков сохранил довольно подробные записи высказываний И. В. Сталина. В них говорится, что И. В. Сталин предупреждал офицеров и генералов Красной Армии о том, что обстановка очень напряженная и что в

самом скором времени возможно нападение на СССР И. В. Сталин говорил, что противником в будущей войне будет Германия. Вся его речь была посвящена необходимости повышения бдительности и боеготовности соединений Красной Армии.

Видный советский историк генерал-лейтенант П. А. Жилин в своей книге «Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз» пишет: «Все, кто присутствовал 5 мая 1941 года в Большом Кремлевском дворце на торжественном собрании, посвященном выпуску командиров, окончивших военные академии, помнят выступление на нем И. В. Сталина, говорившего о чрезвычайной сложности международной обстановки, о том, что возможны всякие неожиданности. Он призывал военных повысить бдительность, усилить боеготовность войск, держать порох сухим. Речь И. В. Сталина продолжалась около 40 минут. Тогда он довольно определенно заявил, что с Германией воевать придется»[375].

...В Берлине нервничали. Иозеф Геббельс записал 19 июня, что, по его мнению, «в России догадались о смысле событий». Да этого и невозможно было избежать. Действительно, к тому времени даже в ОКВ решили, что сосредоточение скрывать невозможно. В частности, тому же М. А. Воронцову сообщили, что Германия вынуждена задержать выполнение поставок орудий главного калибра для достраивавшегося па Балтийской верфи крейсера «Лютцов», купленного СССР у Германии. Воронцова принял уже не Шнивинд, а сам гросс-адмирал Редер, который стал уверять нашего атташе, что орудия, увы, нужны самой Германии и заказ будет выполнен при первой возможности, скорее всего через четыре месяца.

Об этой беседе Воронцов немедленно сообщил в Москву народному комиссару военно-морского флота Н. Г Кузнецову.

— Я хорошо помню этот доклад, — вспоминает Н. Г Кузнецов. — Это был не первый сигнал о том, что немцы саботируют выполнение наших заказов и одновременно эвакуируют немецких специалистов, работавших на «Лютцове». Эти сведения были доложены правительству. И. В. Сталин, выслушав доклад, констатировал, что немцы нарушают договор...

Тем активнее осуществлялась дезинформационная акция, которая была запланирована ОКВ. Она состояла из нескольких составных элементов: дипломатических, пропагандистских и чисто военных.

Дипломатические представительства Германии были обязаны всеми силами поддерживать в соответствующих странах впечатление, что Германия продолжает оставаться верной пакту 1939 года; пропаганда направляла свой огонь против Англии, а военное сосредоточение на Востоке маскировалось под «отвлекающее мероприятие», которое якобы должно предшествовать вторжению в Англию. В частности, среди солдат тех соединений, которые перебрасывались на Восток, распространялись слухи, будто части вермахта будут пропущены через советскую территорию для операции против Индии. В свою очередь вся документация «Барбароссы» была причислена к высшей степени секретности. Все было поставлено на службу главной цели — обеспечить успех нападения на Советский Союз.

Той же цели были подчинены и военные операции, проведенные в начале 1941 года, — нападение на Грецию и Югославию. Сейчас по этому поводу некоторые западногерманские историки заявляют, что военные действия на Балканах «помешали» успеху операции «Барбаросса». Так ли это? Этот вопрос специально исследовало Военно-историческое ведомство ФРГ во Фрейбурге, и оно пришло к таким выводам:

а) отвлечение войск на Балканы не мешало сосредоточению на Востоке, и те соединения, которые «опаздывали», могли подойти позже — особенно если учесть, что южный фланг не выполнял решающих задач;

б) отсрочка до 22 июня 1941 года была вызвана в первую очередь климатическими условиями, так как генштаб ждал, пока высохнут поймы рек: весна 1941 года была затяжной, особенно в Белоруссии;

в) генштаб ждал окончания сосредоточения войск Финляндии и Румынии;

г) наконец, в то время генштаб был далек от мысли, что несколько недель могут чему-либо помешать: ведь весь восточный поход был рассчитан на несколько месяцев![376]

Последние минуты

18 июня 1941 года в резиденции рейхсфюрера СС на берлинской Принц-Альбрехт-штрассе произошла такая сцена.

На прием к главарю СС был приглашен Эдвин Эрих Двингер — любимый в нацистских кругах писатель, оберштурмбанфюрер СС и «специалист по русскому вопросу». Знакомство Двингера с Россией состояло в том, что, попав в русский плен в годы первой мировой войны, он наблюдал события Октябрьской революции и принимал участие в борьбе против нее в рядах белогвардейских банд в Сибири.

Когда Двингер появился в кабинете, Гиммлер обратился к нему с такой напыщенной тирадой:

— Я пригласил вас сюда для того, чтобы поставить вас в известность о следующем. Вы являетесь одним из немногих немцев, которые принимали участие в событиях большевистской революции в России в самом ее начале. Поэтому вам, как летописцу нашего времени, я хочу предоставить возможность присутствовать при ликвидации большевистской революции. Но для этого вы будете занимать особое место. Я решил сделать вас моим личным референтом по восточным вопросам в моем штабе! Слава богу, вы крепкий человек, и я это знаю из ваших книг. Нам нужны такие люди, ибо мы не будем играть в бирюльки. Нам не обойтись без того, чтобы уничтожить примерно три миллиона членов коммунистической партии...

Весьма польщенный предложением рейхсфюрера СС, Двингер попросил лишь небольшой отсрочки: он хотел начало войны провести вместе со своим другом генералом Гудерианом в штабе одной из танковых дивизий. Гиммлер не возражал:

— Если вам так хочется, будет по-вашему. Решим так: вы переходите ко мне в Москве, то есть через шесть недель.

— Через шесть недель?

Гиммлер был явно недоволен тем, что в его словах усомнились:

— Что, вы этому не верите? Будьте спокойны, об этом мне сказал сам фюрер! Не позднее 4 августа мы будем находиться в Москве, ибо

это государство рассыплется, как карточный домик[377].

21 июня примерно та же сцена повторилась рядом с Принц-Альбрехт-штрассе — в здании министерства иностранных дел. Там Риббентроп собрал высших чиновников своего ведомства. Его инструктаж был краток:

— Фюрер заверил меня, что вермахт разгромит Советский Союз за 8 недель...[378]

Сроки, названные Гиммлером и Риббентропом, соответствовали общему убеждению, господствовавшему в имперской канцелярии. Правда, когда летом 1940 года Гитлер в первый раз давал Браухичу общие указания о разработке «Барбароссы», то он не оговаривал сроков.

31 августа 1940 года фюрер говорил: «5 месяцев на проведение»[379]. В разработках генштаба были названы такие сроки:

у Эриха Маркса — 9 — 17 недель[380],

у Зоденштерна — до 16 недель[381],

у Паулюса — 8 — 10 недель[382].

Чиано свидетельствовал, что «немцы думают, что все будет кончено за 8 недель»[383], а Браухич считал, что война продлится 6 — 8 недель[384]. Таким образом, Риббентроп не занимался «пропагандой», он только повторил данные генштаба. Остается лишь заметить, что и эта цифра вскоре была сокращена. Гитлер (в беседе с фон Боком) сказал, что война продлится только 6 недель, а Йодль говорил даже о 3 неделях![385] Сегодня все это звучит почти анекдотически, почти невероятно. Но любимым изречением Гитлера, в котором сосредоточилась вся нацистская премудрость, была фраза: «Нет ничего невозможного...».

...Трудно писать о войнах, когда они еще не начались.

Но и не так уж легко писать о них, когда они кончились. Не все так просто раскладывается по историческим полочкам, как это можно было предполагать. Старинная поговорка гласит, что победителей не судят. Кстати, именно на это рассчитывал Адольф Гитлер. Он так и говорил:

— Правдой или неправдой, но мы должны победить. Это единственный путь, он верен морально и в силу необходимости. А

когда мы победим, кто спросит нас о методе? У нас и без того так много на совести, что мы должны победить![386]

Нет, советские люди думали по-иному. Они не мешали вместе правду и неправду. Если Гитлер хотел победить правдой и неправдой, то лозунг Советского Союза гласил. «Наше дело правое, победа будет за нами!».

История рассудила обе стороны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Размышления о смысле истории

Все оказалось не так, как было задумано авторами операции «Барбаросса». Почему? Это надо было бы рассказать в заключительной главе моего документального повествования. И эта глава уже написана, но не мною, а миллионами советских людей в солдатских шинелях, в спецодежде рабочих, в скромной одежде колхозников — теми, кто своим воинским и трудовым подвигом в годы Великой Отечественной войны спас не только свою страну, но и все человечество от угрозы фашистского порабощения. План «Барбаросса» был сорван подвигом советских людей. Май 1945 года стал не очередной весной «тысячелетнего» рейха, а его последней весной.

Но что все это означает? Ведь история не пишется только для того, чтобы толстые фолианты наполняли полки книгохранилищ. Конечно, полного уважения заслуживают архивисты, которые тратят все свои силы на собирание документов, и историки, которые занимаются их интерпретацией, дабы человечество училось на уроках прошлого. Но никогда еще ни одна вакцина не вылечивала, оставаясь на аптечной полке. Только во взаимной реакции с живой жизнью человеческого общества вакцина «исторического факта» может выработать в обществе иммунитет против повторения ошибок прошлого.

Нацистские руководители предчувствовали, какой всемирно-исторический смысл будет иметь их поражение.

7 ноября 1943 года генерал Йодль свое выступление перед гауляйтерами с обзором событий войны завершил таким изречением:

— Мы победим, ибо мы должны победить. Иначе история потеряет свой смысл![387]

Действительно, в мае 1945 года история окончательно потеряла смысл для нацизма и милитаризма, ибо она говорила против них, и, наоборот, обрела свой подлинный смысл для свободолюбивых народов мира.

Этот смысл так определен в тезисах ЦК КПСС «К 100летию со дня рождения В. И. Ленина»:

«Бессмертный подвиг во имя социализма свершил наш народ под руководством Коммунистической партии, продемонстрировав массовый героизм в Великой Отечественной войне: Эта война явилась и тягчайшим испытанием и школой мужества. Она закончилась великой победой потому, что социализм обеспечил несокрушимое единство всего советского общества, мощь и невиданную мобильность его экономики, высокое развитие военной науки, воспитал замечательных воинов и военачальников. Разгром ударных сил мирового империализма — германского фашизма и японского милитаризма, осуществление Советской Армией своей освободительной миссии в решающей степени способствовали успеху народно-демократических революций в ряде стран Европы и Азии»[388].

Победа Советского Союза и поражение германских вооруженных сил в операции «Барбаросса» стали неоспоримым, хотя и не для всех приятным историческим фактом. Но в его интерпретации до сих пор царит необычайная множественность — особенно если обратиться к объяснениям, которые даются стороной, проигравшей войну. Вот лишь некоторые из такого рода объяснений.

Вариант первый. Он появился еще во время войны и гласил, что в России победили не советские войска, а «генерал Зима» и «генерал Грязь». Провал всей операции «Барбаросса» объяснялся наступлением распутицы осенью 1941 года и необычайных морозов в ноябре-декабре, что, мол, и не дало возможности вермахту взять Москву.

Этот аргумент с легкой руки д-ра Йозефа Геббельса долго повторялся в речах нацистских заправил, а затем в ряде исторических исследований, пока не был признан несостоятельным. Серьезные исследователи на Западе и Востоке сошлись на том, что ссылки на грязь и мороз — лишь отговорки. Ни грязь, ни мороз не являлись такими факторами, которые было невозможно учесть заранее. И если бы не авантюризм авторов «Барбароссы», то любой грамотный генштабист мог бы предусмотреть, что в СССР бывает осень, а за ней наступает зима. К тому же действие грязи и мороза было абсолютно «беспристрастным», и эти факторы оказывали свое влияние на обе стороны. Наконец, покопавшись в метеосводках, историки установили,

что в действительности под Москвой не было тех 50-градусных морозов, о которых так любил говорить Гитлер.

Вариант второй гласит, что война была бы выиграна, если бы не Гитлер, который не располагал соответствующими полководческими данными. Таков был новый вариант старой легенды об «ударе в спину», бытовавшей после ноября 1918 года, когда поражение кайзеровской армии объяснялось «предательством внутри Германии». Теперь такую же роль отводили Адольфу Гитлеру.

Разумеется, я здесь не смогу дать развернутое опровержение новой легенды «об ударе в спину», ибо для этого надо подробно разбирать все операции вермахта с 1939 по 1945 год, а это не входит в рамки авторских намерений. Но едва ли серьезный исследователь может сегодня рассматривать вторую мировую войну как взбалмошную выдумку одного Адольфа Гитлера.

Подобный тезис впервые выдвинул Франц Гальдер, изложивший его еще в 1947 году на страницах книги «Гитлер как полководец». Но когда я читал эту книгу, то у меня перед глазами вставал другой генерал, который не хуже Гальдера знал Гитлера: Альоред Йодль. Сидя перед советскими офицерами в Бад-Мондорфской следственной тюрьме, Йодль говорил:

— Гитлер обладал большими военными способностямим...

У кого было больше морального права на свои позиции? Как ни парадоксально это звучит в устах советского автора, я отдам предпочтение Йодлю. Йодль не хитрил, не сваливал вину на мертвого: он оставался генералом проигранной войны. Те же, кто подобно Францу Гальдеру пытается найти в Гитлере «козла отпущения», выглядят недостойно вдвойне: они 12 лет воздавали хвалу своему фюреру, а теперь уже более 25 лет возводят на него хулу...

Нет, мы не станем объявлять Гитлера единственным виновником поражения. Один он не мог задумать и подготовить операцию «Барбаросса», один он не мог ее и проиграть.

Вариант третий объясняет все численным превосходством вооруженных сил Советского Союза, который бросал в бой все новые и новые контингенты...

Можно ли принимать этот вариант всерьез? Ведь для того, чтобы сообразить, что у Советского Союза людской потенциал был больше, чем у Германии, не надо было быть фюрером или генералом.

Потенциальное численное превосходство вооруженных сил СССР было «дано» еще до начала войны, и если все заключалось лишь в нем, то не следовало и начинать операцию «Барбаросса». Важно другое: если бы был верен тезис о роли численного превосходства, то, спрашивается, что мешало вермахту выиграть войну в 1941 году, когда таким превосходством обладал он? Добавим, что первая победа советских войск под Москвой была одержана без наличия численного превосходства.

Четвертый вариант появился на свет не так давно. Постепенно выяснилось, что сваливать на Гитлера всю вину — дело невыгодное. Во-первых, это не соответствовало действительности, и германские генералы не во всех случаях могли доказать свою непричастность. Во-вторых, твердя о том, что генштаб ничего не мог сделать с неправильными решениями Гитлера, ветераны германского милитаризма как бы расписывались в своей беспомощности и неумении. Надо было искать какую-то новую версию. И она была найдена. В соответствии с ней оспариваются не все решения Гитлера. Наоборот, многие из них поддерживаются — особенно те, которые были приняты по совету генералитета (например, план французской кампании). Но, утверждают генералы, были некоторые решения, *к* которым генералитет непричастен. И вот именно из-за них-то и была, оказывается, проиграна вторая мировая война.

Наиболее отчетливо сформулировал эту позицию Адольф Хойзингер. Он избрал поводом для подобного военно-исторического открытия публикацию в Западной Германии капитального исследования Андреаса Хильгрубера «Стратегия Гитлера в 1940 — 1941 годах». Хильгрубер принадлежит *к* новому поколению историков ~РГ. Представители этой школы выгодно отличаются от своих предшественников знанием материала, умением собрать источники, разработать их. Ни Хильгрубер, ни его коллега Якобсен, которого я не раз цитировал, не являются 100процентными адвокатами вермахта: они признают преступный характер нападения на Советский Союз, они разоблачают легенду о якобы превентивном характере войны; наконец, Якобсен недвусмысленно указывает, что операцию «Барбаросса» нельзя было выиграть. Но, очевидно, Хойзингеру была важна не столько позиция Хильгрубера, сколько своя собственная точка зрения. На страницах журнала «Шпигель» генерал выступил с

рецензией на исследование Хильгрубера, озаглавленной «Последний шанс был упущен». В ней он писал: *«После того как Гитлер в августе 1941 года решил приостановить наступление на Москву, последний шанс выиграть эту войну был упущен»* [курсив мой. — *Л. Б.]*[389].

Почему я вижу принципиальный смысл в этой короткой фразе? Дело в том, что генерал Хойзингер не одинок в этом утверждении. Примерно такую же точку зрения высказывал в своих послевоенных мемуарах Гальдер, такого же мнения придерживается видный историк ФРГ Вальтер Гёрлиц и многие другие. Действительно, мог ли вермахт выиграть русскую кампанию, если бы в августе 1941 года было принято иное решение?

Мы уже несколько раз исследовали гипотетические возможности, попытаемся и на сей раз предложить тот же метод для анализа ситуации августа 1941 года, Что случилось бы, если бы в августе 1941 года группа армий «Центр», состоявшая из двух полевых и двух танковых армий, не прекратила своего движения на Москву? Этот вопрос я задал человеку, который мог считаться большим авторитетом по этому вопросу: Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков знает войну не по историческим трактатам, а по собственному опыту. День 22 июня. 1941 года застал Г. К, Жукова на посту начальника Генерального штаба Красной Армии. Первый месяц войны он продолжал оставаться на посту начальника Генерального штаба, затем был переброшен на Ленинградский фронт, где командовал первыми этапами героического Ленинградского сражения, а в октябре 1941 года стал командующим Западным фронтом.

— Что было бы, если бы немецкие войска в августе продолжили наступление на Москву? — повторил он мой вопрос и задумался. Затем сказал:

— На этот вопрос ответить не так просто. Тут было много привходящих, особых обстоятельств — как для нас, так и для противника. Как известно, по ряду причин война началась для нас в неблагоприятных условиях. Советские войска приграничных военных округов вынуждены были отступать, неся большие потери. Однако в июле советским фронтам все же удалось организовать оборону и на ряде участков нанести серьезное поражение противнику. В результате в августе у немецкого командования уже не было сил и средств для

одновременного наступления на всех стратегических направлениях. Советское же командование продолжало наращивать силы своей обороны, перебрасывая резервы из глубины страны.

— Как в то время оценивались намерения противника? — спросил я у маршала.

— В то время господствовало мнение, что немцы продолжат наступление на Москву. Лишь позднее нам стало известно, что главное командование немецких войск серьезно беспокоила обстановка на Украине, где группа армий «Юг» не смогла сломить оборону советских войск. Над группой армий «Центр» нависла серьезная опасность флангового удара со стороны войск наших Центрального и Юго-Западного фронтов. В это же время немецкие войска, встретив упорное сопротивление в районе Луги, не только не смогли прорвать оборону на Ленинградском направлении, но и получили сильный контрудар в районе озера Ильмень. Для противодействия нашему удару и для усиления группы армий «Север» немецкому командованию пришлось спешно перебросить из района Смоленска 39й танковый корпус, что ослабило немецкие силы, действовавшие на Центральном направлении. Вынужденный поворот 2-й танковой группы и 2-й армии на юг и юго-восток, а также начавшиеся наступательные операции Резервного фронта (в районе Ельни} и Западного фронта (в направлении Духовщины) вынудили и группу армий «Центр» перейти к обороне и временно отказаться от наступления на Москву.

Резюмируя, Г К. Жуков убежденно заявил:

Взять Москву с ходу, как об этом помышляли некоторые гитлеровские генералы, немецкие войска в августе не могли. А в случае наступления могли оказаться в более тяжелом положении, чем оказались под Москвой в ноябре — декабре 1941 года! Ведь помимо того, что группа армий «Центр» натолкнулась на ожесточенное сопротивление наших войск непосредственно на подступах к столице, она могла еще Н получить сильный контрудар со стороны наших войск Юго-Западного направления. Поэтому все попытки немецких генералов и некоторых западных военных историков переложить вину за поражение под Москвой на Гитлера так же несостоятельны, как и вся немецкая военно-политическая стратегия...

Следующим, кого я попросил высказать свое мнение по поводу концепции Хойзингера, был ныне покойный Маршал Советского

Союза Константин Константинович Рокоссовский. Он провел на фронтах войны все ее годы, пережил горечь поражений первых месяцев, был участником решающих переломных событий под Москвой. С его именем связаны блестящие победы советской стратегии под Сталинградом и на полях Белоруссии. Константин Константинович Рокоссовский заметил:

— По-моему, это совершенно несерьезная и несолидная постановка вопроса. Как можно говорить о продолжении наступления на Москву, когда, с одной стороны, тылы немецких войск были так растянуты, а с другой — на флангах ударной группировки была столь мощная советская группа войск?

Я спросил:

— Вы, кажется, были в то время под Смоленском? Маршал ответил:

— Да, я 12 июля 1941 года прибыл под Смоленск с Юго-Западного фронта и с тех пор находился на Западном направлении. Положение советских войск было очень сложным, пришлось практически создавать новые фронты. Сил не хватало. Тем не менее я считаю, что у немецких войск в то время не было реальных возможностей с ходу продолжать крупное наступление на Москву. Они должны были обязательно сделать паузу, которая и наступила в августе...

— Посмотрите на пример Ельнинского выступа, — продолжал Рокоссовский. — Здесь немцы проскочили очень далеко. Но они растянули свои коммуникации, и поэтому советским войскам, несмотря на исключительные трудности, удалось нанести здесь контрудар. Немцы были вынуждены отойти. Как же можно говорить о том, будто фон Бок мог в августе продолжать наступление на Москву? Нет, эта точка зрения несерьезна...

Третьим человеком, к которому я обратился со своим вопросом, был тоже покойный ныне Маршал Советского Союза Василий Данилович Соколовский, являвшийся осенью 1941 года начальником штаба Западного фронта. Василий Данилович отнесся к точке зрения Хойзингера иронически, ибо счел абсурдным предположение, будто всю войну можно было выиграть тем или иным сражением.

— Война против нас, — сказал маршал, — была с самого начал авантюрой, и тут не решало одно сражение.

Что же касается конкретной ситуации, сложившейся в августе 1941 года на Западном фронте, то В. Q. Соколовский напомнил, что Ставка создала Резервный фронт, который расположился сзади Западного.

— Немцы наткнулись бы на него, — заметил мой собеседник, — а он был в полном составе, не раздерганным...

Действительно, решение Ставки Верховного главнокомандования относится еще к 30 июня; в состав Резервного фронта вошли шесть армий, занявших ржевско-вяземскую линию обороны. Это была значительная сила.

Так выглядела ситуация на Западном фронте в августе 1941 года по мнению советской стороны. Но для того, чтобы убедиться в подлинном смысле концепции Хойзингера, надо заглянуть и на немецкую сторону: действительно ли могли войска фон Бока двинуться на Москву в августе? Конечно, нет! Группа армий «Центр» остановила свое движение 30 июля 1941 года, и эта пауза продолжалась — отнюдь не по доброй воле! — до 30 сентября. В конце июля советский Западный фронт провел контрудар под Ельней, и фон Бок сам просил паузы; Гудериан считал, что сможет продолжать наступление лишь 15го, Гот (3я танковая группа) — лишь 20 августа, Гальдер также подчеркивал необходимость задержатся[390].

Но куда следовало двинуться после паузы? Хойзингер метит своей концепцией в решение Гитлера повернуть силы фон Бока на юг. Известно, что это решение было предметом острых споров в ставке, ОКВ и ОКХ, причем ОКХ (с ним заодно были Бок и Гудериан) считало, что надо основной удар нанести на Москву. Гитлер же (с ним заодно были Йодль и Рундштедт) полагал, что надо повернуть на юг. Почему?

...Шел третий месяц войны, но, увы, события развивались не совсем так, как хотелось немецкому генералитету. Эти упрямые русские никак не хотели понять, что проиграли войну (напомню, что Гальдер именно так записал в своем дневнике 4 июля 1941 года)[391]. Более того, эти непонятные немецкому уму русские смогли на южном участке сохранить сплошной фронт, который неприятно нависал над флангом далеко прорвавшегося Бока.

Если вспоминать о событиях того времени не по Хойзингеру, а основываясь на фактах, то ситуация на южном фланге Бока беспокоила

не только Гитлера, на которого сейчас всё сваливают. Тот же самый Гальдер, которого ныне объявляют «противником» решения Гитлера, записал в своем дневнике 8 июля: «Я вовсе не являюсь сторонником поспешного продвижения обеих танковых групп на восток». Он предложил повернуть Гудериана на юг, то есть предложил то же самое, что и фюрер. Об этом не без ехидства напомнил в своих воспоминаниях заместитель Йодля генерал Варлимонт[392]. А пресс-шеф Риббентропа Пауль Шмидт в своей книге «Операция «Барбаросса» писал еще более определенно: «Очень часто и охотно называют решение Гитлера не двигаться на Москву самым ошибочным решением восточной кампании. Нельзя доказать обратного, но я не думаю, что поворот на Киев явился причиной потери времени и последовавшей трагедии под Москвой. Объективное рассмотрение заставляет считать решение Гитлера обоснованным и разумным... Из-за различия темпов движения танков и пехоты немецкие войска распались на два эшелона... Это было большой слабостью... К тому же добавлялось, что фланги группы армий «Центр» оказались открытыми вследствие отставания групп армий «Север» и «Юг»...»[393].

Наконец, А. Филиппи и Ф. Хейм в своей работе «Поход против Советской России 1941 — 1945», считающейся «последним словом» западногерманской историографии, признают, что «обстоятельства были сильнее», чем «планирующая воля» ОКВ. «Учитывая силы обеих групп армий, было невозможно двигаться вперед, оставив на своем фланге между Днепром и Десной миллион русских солдат. Ход битвы дополнительно подтвердил правильность этого решения»[394].

Все разговоры о том, что якобы Гитлер без своего генералитета принял это решение и тем самым «упустил возможность» захватить Москву осенью 1941 года, разбиваются о свидетельства военных архивов. Так, 1 сентября 1941 года командование группы армий «Юг» направило Гитлеру доклад, в котором сигнализировало: «Только после уничтожения противника в Восточной Украине группа армий «Центр» будет иметь обеспеченный в оперативном отношении фланг для нанесения последнего, решающего удара... Нанести удар на Московском направлении раньше, чем на Украине, нельзя»[395]. А вот мнение генерала пехоты Блюментритта: «Очень скоро у командования 2-й танковой группы и 2-й армии сложилось мнение, что этот противник [войска Юго-Западного фронта. — Л. Б.] потребует

большего внимания. Его нельзя было просто миновать». Далее Блюментритт подтверждает, что лишь после ликвидации киевской груп. пировки «можно было думать о цели, то есть о Москве»[396].

Итак, мы можем сопоставить все факты — а они говорят против Хойзингера, который хочет всю вину за крах «Барбароссы» свалить на *одного* Гитлера и даже на *одну* его операцию.

Почему же генерал Хойзингер все-таки выступил с легендой о «последнем шансе»? Мне представляется, что за этим скрывается отсутствие весомых аргументов у апологетов милитаризма. Немецкий генералитет не в первый раз начинал свои войны в слепой вере, что вот-вот еще одна битва — и вся кампания будет выиграна. Под таким лозунгом, кстати, шла знаменитая битва первой мировой войны на Марне, во время которой немецкое командование считало, что достаточно будет «еще одного батальона», и Франции будет разгромлена. Как известно, в марненскую мясорубку были брошены многие тысячи немцев, но тем не менее война была проиграна.

Уже перед второй мировой войной военные теоретики почти единодушно считали, что миновало время, когда можно было одной битвой выиграть всю кампанию. Характер войн изменился вместе с характером общества. Изменилась глубина тыла, увеличился объем людских масс, втягиваемых в войны. Наконец, когда речь шла о нападении на социалистическое государство, можно было наверняка предположить, что это новое общество будет защищаться не на жизнь, а на смерть. Но германский генералитет был глух к урокам, преподносимым всем ходам истории, не способен был подняться над собственными заблуждениями.

Тени прошлого не хотят добровольно уходить туда, где им определено место. Так, Эдвин Двингер, который 4 августа 1941 года так и не попал в Москву, имел гораздо больший успех у американских оккупационных властей. В своей книге «12 разговоров», которую я цитировал выше, Двингер вспоминает, что после краха нацизма он немедленно и не без успеха установил контакт с разведчиками американской армии, в частности с начальникам разведки при генерале Паттоне полковникам Снайдером и капитаном Рэйбером. Американцы не только внимательно слушали рассуждения эсэсовца Двингера, но и поручили ему составление ряда меморандумов по поводу возможных направлений американской оккупационной

политики в Германии и — более того! — по поводу будущей американской политики в отношении Советского Союза. Так, мистер Рэйбер, ознакомившийся с концепциями Двингера, сказал ему:

— Вы всегда делали лишь одно: боролись против коммунизма в его государственной форме. Антикоммунизм — это мировоззрение, а его разделяют и в Америке...

А полковник Снайдер даже предложил Двингеру стать «советником по русским делам» — но на этот раз не при Гиммлере в Москве, а в отделе «психологической войны» штаба американских экспедиционных войск в Европе[397]. Кстати, Двингер был далеко не единственным нацистским «экспертом», который предложил свои услуги американцам. Примерно в то же время это сделал генерал Рейнхард Гелен — начальник военной разведки немецкого генштаба, который прихватил с собой архивы своего ведомства, действовавшего против Советского Союза. О своих американских друзьях стали вспоминать и те крупнейшие немецкие банкиры и промышленники, которые сделали ставку на США, как на главную опору германского империализма. Так рождался опасный вариант антикоммунизма второй половины XX века — симбиоз идеологии нацизма и американской реакции.

Те, кто не желает учиться на уроках истории, опасны не только сами по себе. Пользуясь своими огромными возможностями в подвластном им западном мире, они мешают сделать правильные выводы новому поколению, которое хотело бы узнать правду о прошлом и настоящем. В этом отношении иногда приходится буквально диву даваться. Других слов не подберешь, читая иные документы. Вот, например, так называемая «Информация для войск» — регулярный бюллетень, издаваемый ведомством федерального министра обороны ФРГ и содержащий основные установки по идеологическому воспитанию личного состава бундесвера, некую квинтэссенция, которой должны вдохновляться генералы, офицеры и солдаты западногерманских вооруженных сил. В одном из номеров бюллетеня (за октябрь 1969 года) руководство министерства обороны решило дать своим подчиненным инструктаж по вопросам, связанным с прошлым и настоящим советских вооруженных сил. С этой целью в очередную «Информацию для войск» была включена работа, принадлежавшая перу военного обозревателя американской газеты

«НьюИорк таймс» Хэнсона У. Болдуина[398]. Разумеется, в этой работе был также раздел, посвященный военным действиям на советскогерманском фронте и анализу стратегии советского командования. Г.;ать такой обзор — намерение вообщето похвальное, если учесть, что в основном на западногерманском рынке военноисторической литературы фигурируют мемуары битых гитлеровских генералов.

Однако от Хэнсона Болдуина американский и западногерманский читатель узнал мало нового. Например, ему преподносился в качестве первоочередного тезис о том, что победа советских вооруженных сил во второй мировой войне была лишь результатом их численного превосходства. Так, Болдуин рассуждает о том, что «до Сталинградской битвы военное командование [Советского Союза. — Л. Б.] ничем не отличалось, а его успехи были результатом исключительно численного превосходства». Конечно, только с иронией можно отнестись к этому утверждению, которое единым махом зачеркивает героическое сопротивление советских войск агрессору в течение лета — осени 1941 года, — того полного напряженности периода, когда, не обладая превосходством, они практически сорвали осуществление стратегического плана «Барбаросса», столь тщательно разработанного Гитлером и его генералами. Если верить Болдуину, то не было ни сражения под Ленинградом, ни контрнаступление под Ельней, наконец, не было великой битвы под Москвой. Кстати, не трудно догадаться, почему г-н Болдуин вычеркивает сражение под Москвой из истории второй мировой войны. **Он** делает это потому, что советские вооруженные силы здесь добились блестящей победы, отнюдь не обладая численным перевесом над противником. А раз это не соответствует концепции завзятого антикоммуниста Болдуина, то битвы как бы вовсе и не было!

Собственно говоря, так рассуждал не только г-н Болдуин спустя четверть века после окончания войны — так рассуждали и гитлеровские фельдмаршалы в году 1941-м. Они не ожидали, что войска советского Западного фронта способны не только противостоять немецкому натиску, но и перейти в победоносное контрнаступление. Как известно, в то время немецкие войска превосходили советские в живой силе примерна в 1,1 раза, в артиллерии1,2 раза, в танках — в 1,4 раза. Только в военно-воздушных

силах советские войска располагали преимуществом (что, впрочем, в условиях зимы не могло иметь решающего значения)[399]. Тем не менее, перейдя 6 декабря 1941 года в контрнаступление, советские войска нанесли фельдмаршалу фон Боку такой удар, от которого не только он, но и многие другие фельдмаршалы не сумели опомниться. Таковы исторические факты. Но какое дело специалистам по антикоммунизму до исторических фактов? Они продолжают твердить свое.

Именно такую позицию занимает Хэнсон Болдуин. Развивая свою «теорию», он утверждает. «Сила массы, численное превосходство фактически явились решающим фактором в борьбе Советского Союза против Германии во время второй мировой войны». Г-н Болдуин лил елей на души тех генералов и офицеров вермахта, которые, унеся ноги с полей советско-германских сражений, нашли себе приют и лучшие посты в рядах нынешнего бундесвера.

Политика настоящего складывается из оценок политики прошлого. Поэтому было небезынтересно посмотреть на то, как отмечалась на немецкой земле 25-я годовщина разгрома фашизма. В этот день в Берлине бесконечные процессии трудящихся Германской Демократической Республики во главе с руководителями Социалистической единой партии Германии и правительства ГДР плечом к плечу с ветеранами Советской Армии направились в Трептов-парк, чтобы воздать должное советскому воину-победителю. День разгрома гитлеровской Германии является в Германской Демократической Республике государственным праздником — Днем освобождения. И это не только официальный праздник — это праздник души немецкого народа, передовые силы которого смогли найти путь, который вывел из заколдованного круга ошибок прошлого, смогли свергнуть иго германских империалистов и построить новое государство, государство миролюбивых немцев.

По-иному относятся к этому дню в ФРГ Долгое время этот день вообще игнорировался официальными политиками Бонна. Когда же в 1970 году федеральный канцлер Вилли Брандт заявил о намерении сделать в этот день официальное заявление в бундестаге, поднялся невероятный шум со стороны реакционеров всех мастей. Это намерение канцлера было расценено чуть ли не как «капитуляция перед Востоком»! В своем заявлении канцлер говорил о «горьких

реальностях», о фактических границах в Европе. Он упомянул о существовании Германской Демократической Республики и заявил о необходимости «установления равноправных отношений между обоими государствами в Германии». Итак, предпринималась попытка разобраться в том, что произошло, сделать выводы из уроков истории.

Этого, однако, нельзя было сказать о речи представителя основной партии западногерманской буржуазии и депутата от ХДС: вслед за канцлером Брандтом на трибуну поднялся барон Рихард фон Вайцзекер. Он без обиняков заявил;

— Господин президент, дамы и господа! 8 мая для нас не праздник!

Дальше Вайцзекер приступил к обычным антисоветским упражнениям. В частности, самый факт разгрома германского фашизма, этот великий подвиг советского народа, стоивший ему миллионов человеческих жизней, барон расценил, как «вторжение на поле европейских развалин, оставленных Гитлером». Впрочем, в этой формулировке Вайцзекер был далеко не оригинален: уже до него Франц Иозеф Птраус объявил победоносный освободительный поход советских войск против фашизма «исторической катастрофой нашего века» и «уничтожением Европы»[400]. Да, траур Штрауса можно понять; ведь разгром фашизма — это действительно была катастрофа для международного антикоммунизма, и в том числе катастрофа для реакционных сил Европы. Зато сама Европа была спасена советским народом от порабощения и гибели.

«Повторения пройденного» не будет

Когда размышляешь о причинах, помешавших Эдвину Двингеру 4 августа 1941 года очутиться в Москве, думаешь не только о Двингере и его бывших и нынешних покровителях. Этот день в августе 1941 года не наступил, ибо к тому вела объективная закономерность исторического развития. Зато в августе 1945 года наступил другой день — день подписания Потсдамского соглашения. Руководители трех великих держав по воле своих народов подписали документ эпохального значения: это был своеобразный международный вердикт, вынесенный фашизму и подведший итоги второй мировой войны.

Можно считать, что Потсдамское соглашение, представляя собой международно-правовое выражение победы над фашизмом, явилось датой отсчета послевоенного времени. И сегодня оно продолжает сохранять свою значимость. Если 1945 год явился историческим уроком, то не менее важным уроком оказался и период развития на немецкой земле, наступивший после войны. Он показал, куда ведет путь игнорирования безусловных итогов второй мировой войны и поражения нацизма. Только в этом свете можно понять глубокий смысл действия тех социальных и политических сил, которые сделали ревизию итогов войны своей доктриной. При этом шла речь не только о ревизии границ — даже не столько о ней! За этим вызывающим лозунгом скрывалось нечто большее: попытка перечеркнуть все политические итоги войны.

Время обнажает корни событий. Но этот процесс не совершается автоматически. Классовые силы, обреченные на гибель, не уступают добровольно своего места — особенно если речь идет о таком опытном классе, как буржуазия XX века.

В свое время Ялмар Шахт в Нюрнберге требовал, чтобы за помощь Гитлеру судили не только немецких промышленников, но и их американских коллег. Как видно, умудренный опытом и годами банкир предвидел тот день, когда совершится Сонгми — чудовищный плод деяний американского военно-промышленного комплекса, недалеко ушедший от деяний третьего рейха, обозначенных именами Лидице,

Саласпилса и Орадура. Антикоммунизм логически ведет к преступлениям против человечности, и тот, кому не было достаточно урока 40х годов, мог его получить из опыта американской агрессии в Корее и Вьетнаме или израильской агрессии на Ближнем Востоке.

Мы знаем, что Североатлантический блок с момента своего создания в 1949 году стал пунктом концентрации сил международного антикоммунизма. Вокруг НАТО сейчас сосредоточены все заботы империалистических политиков, которые считают своим высшим достижением, что им удалось создать антисоветский блок 16 стран и превратить его в значительную военную силу на европейском континенте. Но шансов на успех агрессивных замыслов у атлантических стратегов не больше, чем у авторов плана «Барбаросса».

Исторические реминисценции? Конечно, они неизбежны. Это — не прихоть автора, а естественный результат действия аналогичных социальных сил. Как писал один из лидеров ХДС Ойген Герстенмайер, «мы должны держаться за свою историю, будь это удобно или не удобно». Действительно, международная реакция крепко держится за свою историю. Более того, она привязана к ней, поскольку неспособна делать выводы из собственных поражений.

Западный мир часто удивляется «советскому чуду», совершившемуся на полях сражений Великой Отечественной войны. Но как ни привлекательна эта формула, она уводит в сторону от подлинного смысла событий. Не чудо, а строгая историческая закономерность привела Советский Союз к победе — и та же закономерность определила гибель гитлеровского режима.

Нет, не случайные ошибки и просчеты определили крах операции «Барбаросса». Закономерности антикоммунистического мышления вели германский генералитет и нацистское руководство в ловушку, которую они поставили себе сами. Авторы «Барбароссы» не скрывали своего намерения ликвидировать первое в мире социалистическое государство. Но именно это намерение и предопределило крах нацистского планирования.

«Вооруженное противоборство сторон в Великой Отечественной войне, — отмечают авторы «Истории Коммунистической партии Советского Союза», — представляло собой борьбу двух противоположных социальных систем и носило ярко выраженный

классовый характер. В Великой Отечественной войне решался вопрос о существовании первого в мире социалистического государства, о развитии мирового социализма. От исхода этой схватки зависели судьбы многих народов и стран: идти им по пути социального прогресса или быть на долгое время порабощенными, отброшенными назад, к средневековью, к мрачным временам мракобесия и тирании. Классовый характер борьбы обусловил ее небывалую остроту, решительность и бескомпромиссность.

Такую войну могла выиграть только сторона, обладавшая коренными, внутренне присущими ее общественной системе преимуществами. Победа или поражение в войне, учит марксизм-ленинизм, в конечном итоге закономерны. Случайные, временные преимущества, влияя лишь на ход отдельных сражений, кампаний или этапы войны, не в состоянии предрешить ее окончательный результат. Об этом свидетельствует вся история человечества. Правоту марксистско-ленинской теории подтвердила и Великая Отечественная война — важнейшая составная часть второй мировой войны.

Основы нашей победы были заложены в огромных социально-экономических завоеваниях народа, достигнутых за годы Советской власти, в идейно-политическом единстве советского общества, в тесной сплоченности советских людей вокруг Коммунистической партии. Благодаря построению социализма Советский Союз обладал всеми возможностями для успешной борьбы против любого агрессора, каким бы сильным он ни был. Эти возможности заключались в преимуществах социалистического способа производства, общественного строя, военной организации Советского государства, социалистической идеологии»[401].

В. И. Ленин говорил.

«Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»[402].

Эти мудрые слова были не только предвидением, но и прямым руководством к действию для великой партии коммунистов, которая превратила объективные возможности нашей победы в реальность.

Сами по себе возможности еще не предрешают исход битв: они должны быть воплощены в жизнь. Именно это всемирно-историческое деяние свершила Коммунистическая партия Советского Союза.

В годы Великой Отечественной войны на «испытательном стенде» истории находилось не только военное командование Советского Союза, но и весь наш общественно-политический и государственный строй, который насчитывал за собой лишь 25 лет истории. Выдержит он или не выдержит — так ставился вопрос. Ответ на него был дан самым ясным и недвусмысленным образом. Как сказано в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик», «война опрокинула надежды мирового империализма на возрождение национальных междоусобиц, на развал многонационального социалистического государства. Народы СССР в едином строю героически сражались и самоотверженно трудились во имя защиты своей социалистической Отчизны, общей победы над врагом, явили миру чудеса стойкости и мужества. Историческая победа в Отечественной войне ярко показала преимущества социалистического общественного и государственного строя, великую жизненную силу и нерушимость Союза Советских Социалистических Республик»[403].

Эти преимущества советского строя сейчас вдохновляют миллионы людей, ставших на путь социализма. Плоды нашей великой победы, как подчеркнул в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии Л. И. Брежнев, «живут и в сегодняшней международной действительности»[404]. Могучий лагерь социализма — вот залог того, что мир не будет обречен на «повторение пройденного», чего так .желает международный империализм. Теперь диктует не империализм: мы живем в новую, великую эпоху торжества идей социализма.

«Героический подвиг советских людей, — сказал Л. И. Брежнев в докладе «50 лет великих побед социализма», — вновь показал всему миру: нет на свете таких сил, которые могли бы победить народ, освобожденный от гнета капитала, нет таких сил, которые могли бы сокрушить созданный этим народом родной ему общественный строй — социализм! И когда над рейхстагом взвился красный стяг, водруженный руками советских воинов, — это было не только знамя нашей военной победы. Это было, товарищи, бессмертное знамя

Октября; это было великое знамя Ленина; это было непобедимое знамя социализма — светлый символ надежды, символ свободы и счастья всех народов»[405].

Уроки второй мировой войны создали необычайно высокий критерий для оценки политических событий. Они заставляют нас с особой требовательностью подходить к оценке явлений международной жизни, и во всех ситуациях, в которых, как на рентгеновском снимке, просматриваются зловещие очертания «Барбароссы», мы бьем тревогу. Ибо лучше это делать заблаговременно. Ибо у «Барбароссы» не должна вырасти зловещая грибообразная борода ядерной войны.

---

notes

Примечания

1

„Hitlers Weisungen fur die Kriegsfuhrung 1939 — 1945," Мипchen, 1962, S. 96.

2

Generaloberst Franz Halder, Kriegstagebuch (далее: KTB Hal-der), Bd. I, Stuttgart, 1962, S. 375.

3

W. Warlimont, Im Hauptquartier der deutschen Wehrmacht 1939 — 1945, Frankfuhrt am Main, 1962, S. 71.

4

«Шпигель» (Гамбург), 1966, № 16.

5

H. Michaelis, Der zweite Weltkrjeg, 1939 — 1945, Koastanz, 1963, S. 9.

6

Цит. по: J. Fest, Das Gesicht des 3. Reiches, Munchen, 1963, S. 233.

7

„Le testament politique de Hitler," Paris, 1959, p. 70.

8

A. Hitler, Mein Kampf, Munchen, 1941, S. 742.

9

Ibid., S. 749.

10

„Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann", Berlin, 1930, Bd. II. S. 366.

11

P. Meker, Deutschland — Sein oder nicht Sein, Mexiko, 1945, S. 840.

12

Более подробно об этом говорится в моей книге «Германские генералы — с Гитлером и без него» (М., 1964).

13

Ibid., S. 126 — 127.

14

Переписку Рехберга и Гофмана, а также другие документы Рехберга см. в публикации: E. V. Vietsch, Arnold Rechberg und das Problem der politischen Westorientierung Deutschlands nach dem 1. Weltkrieg, Koblenz, 1958.

15

«Ди цайт» (Гамбург), 29 апреля 1966 года.

16

E. Nolte, Der Faschisrnus in seiner Epoche, Munchen, 1963, S. 389.

17

W. Maser, Die Fruhgeschichte der NSDAP, Frankfurt am Main, 1965.

18

«Дойче националь-унд зольдатенцайтунг» (Мюнхен), 14 января 1966 года.

19

G. F. Hallgarten, Hitler, Reichswehr und Industrie, Frank-furt am Main, 1955, S. 100.

20

J. Steel, Hitler as Frankenstein, London, 1933, p. 23.

21

G. F. Hallgarten, op. cit., S. 99.

22

„Nazi Conspiracy and Aggression. Suppl. A", Washington, 1947, p. 1194.

23

O. Strasser, Hitler and I, Boston, 1940, p. 112.

24

„Das Tagebuch von Josef Goebbels 1925/26," Stuttgart, 1961, S. 57.

25

Ibid., S. 60.

26

E. Nolte, op. cit., S, 600.

27

E. Czichon, Wer verhalf Hitler zur Macht?, Kola, 1967, S. 81.

28

Ibid., S. 82.

29

Ibid., S. 83.

30

K. Jaspers, Wohin treibt die Bundesrepublik, Munchen, 1966, S. 142.

31

„Internationale Militargerichtshof in Nurnberg" (далее: IMT), Band XLVII, S. 178.

32

IMT, Bd. IL, S. 139.

33

E. Calic, Ohne Maske, Stuttgart, 1969, S. 27.

34

Ibid., S. 28.

35

J. Hindels, Hitler war kein Zufall, Wien, 1962, S. 99.

36

„Anatomie des Kricges," Berlin, 1969, S. 100 — 101.

37

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 193

38

R. Kuchlmann, Erinnerungen, Heidelberg, 1948, S. 517.

39

„DZA Potsdam. Alten des Reichswirtschaftsamtes uber die Friedensverhandlungen mit Ruβland", Bd. VIII.

40

„DZA Potsdam. Akten des Reichswirtschaftsamtes. Ausfuhr nach Ruβland ", Bd. I, 16, 9. XI. 1918.

41

K. Hellferch, Vom Eingreifen Amerikas bis zum Zusgmmen-bruch, Berlin, 1919, S. 477.

42

„Paper Relating to the Foreign Policy of the United States. The Paris Conference", Washington, 1919, vol. II, p. 138.

43

Цит. по: А. Норден, Фальсификаторы, М., 1959, стр. 73 — 74.

44

„Der Nationalsozialismus 1933 — 1945 in Dokumenten", Frankfurt am Main, 1957, S. 180 ff.

45

„Sein Kampf. Niirnberger Dokumente" (далее: „Sein Kampf..."), Hrag v. P. de Mendelssohn, Hamburg, 1946, S.20.

46

„Was wirklich geschah", Hrag. v. H. Holldack, Munchen, 1949, S. 285 — 292.

47

W. Gorlitz, Generalfeldrnarschall Keitel — Verbrecher oder Of-fizier? (далее: Keitel...), Gottingen, 1961, S. 128.

48

G. Buchheit, Hitler als Feldherr, Rastatt, 1958, S. 167.

49

„Sein Kampf...", S. 285.

50

H. v. Seekt, Deutschland zwischen Ost und West, Hamburg, 1933, S. 33 — 34.

51

W. Gorlitz, Keitel..., S. 237.

52

„Foreign Relations of the United Staates" (далее: FRUS), 1938, vo1. 1, p. 543.

53

G. Haas, Von Munchen bis Pearl Harbor, Berlin, 1965, S. 99.

54

„Akten zur deutschen auswartigen Politik" (далее: ADAP), Bd. 4, S. 557.

55

FRUS, 1938, Vol. 1, p. 704.

56

„Anatomie des Krieges", S. 347.

57

J. v. Ribbentrop,,Zwischen London und Moskau, Leoni, 1953, S. 93.

58

B.-J. W end t, Munchen 1938, Hamburg, 1968, S. 109, 113.

59

P. Schmidt, Statist auf diplomatischer Buhne, S. 414

60

«Документы и материалы кануна второй мировой войны», М., 1948, т. 11 (Архив Дирксена), стр. 35 — 36.

61

F. Hesse, Spiel um Deutschland, Munchen, 1955, S, 146 — 157.

62

ADAP, Serie D, Bd. VI, S. 171 ff.

63

Ibid., S. 172.

64

W. Gorlitz, Keitel..., S. 207.

65

«История Польши», М., 1962, т. 3, стр. 425.

66

G. Gafencu, Derniers jours de l'Europe, Zurich, 1946, p. 76.

67

„Deutsches Weiβbuch", Berlin, 1939, Dok. 48.

68

M. Freund, Geschichte des 2. Weltkrieges in Dokumenten, Bd. III, Freiburg, 1956, S. 26 — 27.

69

H. A. Jacobsen, 1939 — 1945. Der zweite Weltkrieg in Chronik- und Dokumenten, Darmstadt, 1961, S. 93.

70

«XVIII съезд ВКП (б) . Стенографический отчет», М., 1939, стр. 15.

71

«История Коммунистической партии Советского Союза», М., 1971, т. V, кн. 1, стр. 69.

72

«СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г.— август 1939 г.)», М., 1971, стр. 491.

73

Там же, стр. 461.

74

Там же, стр. 475.

75

Там же, стр. 496 — 497.

76

Там же, стр. 383.

77

«Таймс», 2 января 1971 года.

78

«История Коммунистической партии Советского Союза», т. V, кн. 1, стр. 70 — 71.

79

«СССР в борьбе за мир... стр. 543 и сл.

80

«СССР в борьбе за мир...», стр. 536.

81

„Documents of British Foreign Policy" (далее: DBFP), Third Series, vol. VI, 19l9 — 1999, p. 682.

82

DBFP, p. 763.

83

Ibid., p. 763 — 764.

84

Ibid.

85

Ibid.

86

A. Toynbee, V. Toynbee, The Eve of War, London, 1958, p. 482; DBFP, vol. VII, p. 682.

87

«СССР в борьбе за мир...», стр. 526.

88

Ш. де Голль, Военные мемуары, М., 1957, стр. 34 — 35.

89

«Военно-исторический журнал», 1963, № 12.

90

Assamblee Nationale: I. Legislat., Session de 1937. Annexe de proces-verbal, t. III, p. 2743.

91

G. Bonnet, Le Quai d'Orsay sous trois Republiques 1870-1961, Paris, 1961. p. 193-195.

92

«СССР в борьбе за мир...», стр. 633.

93

„The Eden Memoirs. The Reckoning," London, 1965, p. 49.

94

H.A. Jacobsen, op.cit., S.82.

95

„Weltgeschichte der Gegenwart", Bd. III, S. 107.

96

W. Shirer, Aufstieg und Fall des 3. Reiches, Koln, 1961, S. 495.

97

„The Eden Memoirs. The Reckoning", p. 54.

98

Ibid., p. 55.

99

DBFP, Third Series, *vol.* VII, p. 142.

100

Ibid., vol. VI, p. 476 — 477.

101

Lord Strang, *Home* and Abroad, London, 1956, p. 192.

102

KTB Halder, Bd. I, S. 14.

103

Ibid., S. 15.

104

H. Rauschning, Gesprache mit Hitler, Zurich, 1940, S. 126.

105

«СССР в борьбе за мир...», стр. 428.

106

A. Werth, Ruβland im Krieg 1941 — 1945, Munchen, 1965, S. 40

107

A. Bullock, Hitler, Dusseldorf, 1961, S. 519 — 520.

108

«История Великой Отечественной войны Советского Союза» (далее: ИВОВСС), т. I, стр. 174.

109

Там же, стр. 174 — 175.

110

Там же, стр. 174.

111

„Was wirklich geschah", S. 285.

112

ADAP, Bd. VII, S. 50.

113

KTB Halder, Bd. I, S. 11.

Ibid., S. 48.

115

ADAP, Bd. VII, S. 51.

116

В проекте, переданном 13 *августа Думенком, предусматривались три следующих принципа:*

Первый: «Три договаривающиеся стороны согласны в том, что основное значение имеет установление непрерывного, прочного и долговременного фронта на восточных границах Германии, так же как и на ее западных границах». Второй: «В целях оказания незамедлительного сопротивления развитию военных действий со стороны общего противника три договаривающиеся державы соглашаются действовать всеми своими силами, воздушными, сухопутными и морскими, на всех неприятельских фронтах, где они могут эффективно сражаться до низвержения германской мощи». Третий: «Способ использования этих сил зависит от решений соответствующих верховных командований. Эти решения будут согласовываться по мере развития событий...»; «СССР в борьбе за мир...», стр. 562.

117

На этом заседании советской делегации были вручены дополнительные вопросы с англо-французской стороны. Там же, стр. 616 — 618.

118

«История внешней политики СССР», часть I, стр. 340 — 341.

119

«Военно-исторический журнал», 1963, М 12.

120

ИВОВСС, т. I, стр. 171.

121

G. Gafencu, op. cit., p. 165.

122

A. Werth, op. cit., S. 44.

123

«СССР в борьбе за мир... стр. 539.

124

Там же, стр. 573 — 622.

125

S. Delmer, Die Deutschen und Ich, Hamburg, 1961, S. 391.

126

«Архив Дирксена», стр. 70 — 71.

127

Там же, стр. 72 — 75.

128

Там же, стр. 99.

129

Там же, стр. 101.

130

Там же, стр. 103 — 104.

131

Там же, стр. 11о — 118.

132

«СССР в борьбе за мир... стр. 526.

133

F. Hesse, op. cit., S. 177

134

«Архив Дирксена», стр. 132 — 135.

135

F. Hesse, op. cit., S. 180.

136

Архив автора. Письма Вольтата от 19 августа и 7 декабря 1966 года.

137

G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewe-gung, Munchen, 1964, S. 231, 496.

138

Ibid., S. 237.

139

Ibid., S. 207.

140

Ibid., S. 214.

141

Ibid., S. 241.

142

Ibid., S. 497.

143

ADAP, Bd. VII, S. 81.

144

Ibid., S. 61.

145

«СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г.— август 1939 г.)», М., 1971.

146

Там же, стр. 31 — 32.

147

Там же, стр. 82.

148

Там же, стр. 142.

149

Там же, стр. 199.

150

Там же, стр. 234.

151

Там же, стр. 334.

152

Там же, стр. 362 — 303.

153

Там же, стр, 364.

154

Там же, стр. 376 — 378.

155

Там же, стр. 414.

156

Там же, стр. 537.

157

«История КПСС», т. V, кн. 1, стр. 72.

158

Цит. по: М. Торез, Избр. соч., М., 1962, т. 2, стр. 5

159

. Werth, op. cit., S. 44.

160

G. Gafenu, op. cit.

161

ИВОВСС, т. I, стр. 469.

162

„Hitlers Weisungen", S. 19.

163

Ibid., S. 22.

164

„Nationalsozialismus. Dokumente 1939 — 1945", hrsg. v. W. Hofer, Frankfurt am Main, 1957, S. 84 — 86.

165

Sir Ivone Kirkpatrick, Im inneren Kreis, Berlin, 1959, S. 172 — 173.

„Hitlers Lagebesprechungen," Stuttgart, 1962, S. 715 ff.

167

„Hitlers Weisungen", S. 19.См. также «СССР в борьбе за мир...», стр. 327.

168

H. A. Jacobsen, op. cit., S. 98.

169

D. Posser, Deutsch-sowjetische Beziehungen 1917 — 1941, Frank-furt am Main, 1963, S. 51 — 52.

170

«История внешней политики СССР», ч. I, стр. 350

171

«СССР в борьбе за мир...», стр. 637.

172

H. Groβcurth, Tagebucher eines Abwehroffiziers 1939 — 1940, Stuttgart, 1970, S. 181.

173

Ibid., S. 187, 251.

174

Ibid., S, 69 — 70.

175

Ibid., S. 265.

176

Ibid., S. 266.

177

История Коммунистической партии Советского Союза», М., 1971, стр. 460.

178

H. Groβcurth, op cit., S. 208.

179

A. Dallin, Deutsche Herrschaft in *Kuŭdnd*, Dusseldorf, 1958.

180

«СССР в борьбе за мир...», стр. 365.

181

В.И. *Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр,* 122.

182

История Коммунистической партии Советского Союза», том V, кн. 1, стр. 91 — 92.

183

«История внешней политики СССР», ч. I, стр. 349.

184

H. A. Jacobsen, op. cit., S. 180.

185

Д. К и м х е, Несостоявшаяся битва, М., 1971, стр. 15.

186

A. Hillgruber, Hitlers Strategic, Politik und Kriegsfijhrung 1940 — 1941, Frankfurt am Main, 1965, S. 34.

187

W. Gorlitz, Keitel..., S. 226.

188

H. A. Jacobsen, op. cit., S. 114 ff.

189

J. A. Graf von Kielmannsegg, Panzer zwischen +arschau und Atlant lc, Berlin, 1941, S. 247.

190

IMT, Bd. XXVIII, S. 431.

191

KTB Halder, Bd. I, S. 308.

192

W. Gorlitz, Keitel..., S. 238.

193

K. Klee, Unternehmen Seelowe, Got tingen, 1958, S. 189.

194

F. Hesse, op. cit., S. 230 ff.

195

G. Ciano, Diplomatic Papers, p. 373.

196

A. Decaux, Nouveaux Dossiers Secrets, Paris, 1967, p. 88, 96.

197

A. Wheatley, Operation Seelowe, p. 23.

198

ADAP, IX, S. 513, 563.

199

A. Hillgruber, op. cit., S. 149.

200

S. Friedlander, Pius XII und das Dritte Reich, Hamburg 1965, S. 53.

201

A. Hillgruber, op. cit., S. 152.

202

ADAP, X. S. 216, KTB Holder, Bd III, S. 31.

203

W. Schellenberg, Memoiren, Koln, 1959, S. 108.

204

W. Angel, Hitler confronts England, Durham, 1960, p. 157

205

ADAP XI, S. 78.

206

Архив автора.

207

«Нюрнбергский gроцесс», М., 1958, т. II, стр. 725.

208

B. g’Agostino, Colloqui coo R. Mussolini, Кота, 1945; KTB OKW, IV, S. 56.

209

IMT, VII, S. 184.

210

IMT, VII, S. 184.

211

IMT, VII, S. 185.

212

IMT, VII, S, 366.

213

IMT, VII, S. 368.

214

IMT, VII, S. 359.

0. В. Куусинен, Избранные произведения, М., 1966, стр. 362—363.

216

KTB Halder, Bd. II, S. 447.

217

C. Mannerheim, Erinnerungen, Zurich, 1952, S. 406.

218

A. Hillgruber, op. cit., S. 489.

219

Ibid., S. 496.

220

Ibid., S. 495.

221

Ibid., S. 495.

222

«Военно-исторический журнал, 1962, № 4.

223

„Testament politique de Hitler", p. 75

224

IMT, XXXVIII, S. 86.

225

В. Исраэлян, Л. Кутаков, Дипломатия агрессоров, М., 1968, стр. 180.

226

„Was wirklich geschah", S. 263.

227

„Hero Weisungen", S. 123, 121.

228

H. Lipke, Japans Ruβlandpolitik 1939 — 1941, Frankfurt am Main, 1962, S. 93.

229

H. A. Jacobsen, op. cit., S. 26.

230

J. Ribbentrop, Zwischen London und Moskau, S. 241.

231

A. Hillgruber, op. cit., S. 411.

232

„Was wirklich geschah", S. 521.

233

Ibid., S. 519.

234

H. Lipke, op. cit., S, 130.

235

Ibid., S. 129.

A. Hillgruber, op. cit., S. 487.

237

„Staatsmanner und Diplomaten bei Hitler", hrsg. v. A. Hillgruber, Frankfurt am Main, 1967, S. 598.

238

ИВОВСС, т. I, стр. 377

239

См. публикацию автора в «ВоеННо-историческом журнале, 1967, № 4, стр. 79 — 81.

240

Паулюс писал эти заметки по памяти. Как мы знаем из дневника Гальдера, первые указания были даны еще в июне, а Варлимонт относит их к весне 1940 года.

241

„Hitlers Weisungen", S. 61.

242

KTB Halder, Bd. II, S. 49.

243

W. Gorlitz, Paulus: Ich steve hier auf Befehl, Frankfurt am Main, 1960, S. 107.

244

KTB. Halder, Bd. II, S. 32 — 33.

„Das Parlament", 1960, M 11, Beilage, S. 161 — 198.

246

A. Hillgruber, op. cit., S. 220; KTB Halder, Bd. II, S. 37 — 39.

247

S. KTB Halder, Bd. II, B. 49 — 50.

„Das Parlament", op. cit., S. 173.

249

A. Philippi, Das Pripjetproblem, Frankfurt am Main, 1956, S. 69.

250

«Hitlers Weisungen», S. 96 ff. См. также публикацию: «„Совершенно секретно! Только для командования!" Стратегия фашист-ской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. Составитель полковник В. И. Дашичев», М., 1967, стр. 149 — 153.

251

W. Groener, Lebenserinnerungen, Gottingen, 1957, S. 531.

252

Архив автора; OKW/WFst Avt 1, Operationsstudie Ost.

253

Отдел саботажа и диверсий.

254

Так в тексте.

255

Архив автора.

256

W. Gorlitz, Paulus…, S. 108 — 113, 132 — 134.

257

„Hitlers Weisungen", S. 129

258

KTB OKW, Bd. I, S. 1000.

259

Ibid., Bd. I, S. 298 — 299.

260

J. Hellwig, W. Weiss, So macht man Kanzler, Berlin, 1962, S. 193

261

Ibid., S. 195.

262

A. Hillgruber, op. cit., S. 265.

263

IMT, Bd. IX, S. 133.

264

A. Hillgruber, op. cit., S. 265.

265

IMT, Bd. XXX, S. 276.

266

H. A. Jacobsen, op. cit., S. 298.

267

Wehr- und Riistungsamt des OKW, Nr. 8208/41 geh., 1.10.41.

268

IMT, Bd. XLVI, S. 184.

269

IST, Bd. VIII, S. 31.

270

IMT, Bd. XLVI, S. 185.

271

IMT, Bd. XLVI, S. 81.

„Betriebsarchiv Carl Zeiss", Nr. 16180.

273

Архив автора.

274

KTB Halder, Bd. П, S. 336 — 337.

275

Ibid., S. 337.

276

„Hitlers Tischgesprache", S. 159.

277

Ibid., S. 190, 270.

278

KTB Halder, Bd. II, S. 320.

279

„Vierteljahreshefte fur die Zeitgeschichte", 1957, S. 194.

280

KTB Halder, Bd. II, S. 337.

281

„Anatomie des SS-Staates", Olten, 1965, Bd. II, S. 171.

282

KTB Holder, Bd. II, S. 303.

283

„Anatomie des SS-Staates", S. 171.

Ibid., S. 172.

285

Ibid., S. 225.

286

Ibid., S. 209.

287

Ibid., S. 259.

A. Dallin, op. Cit., S. 271 — 272.

289

H.A.Jacobsen, op. cit., S.418.

290

«Зюддойче цайтунг», 10 мая 1966 года.

291

Архив автора.

292

...Hitlers Tischgesprache", S. 321.

293

The National Archives of the United States (далее: NAUS), Microcopy N, T-175 (Personlicher Stab des Reichsfuhrers SS), Roll. 60, Frame 2.575.947.

„Ostland", Berlin, 1942, Nr. 8, S. 133.

295

E. Kordt,Wahn und Wirklichkeit, Stutgart, 1948, S. 305.

296

NAUS, T-175, Roll 70, Frames 2.587.726 — 732.

297

IMT, Bd. XXXVIII, S. 86. (Nurnberger Dokument L-221)

298

KTB OKW, Bd. I, S. 1022.

299

Из архива Д. Ирвинга.

300

«„Reichsfuhrer." Briefe an und von Himmler» (далее: «„Reichsfuhrer!"...»), Stuttgart, 1968, S. 98.

301

„Vierteljahreshefte fur Zeitgeschichte", 1958, Nr. 3, S. 281 ff.

302

Из архивов Берлинского университета им. Гумбольдта.

303

NAUS, T-175, Roll 68, Fr. 2.585, 085 — 095.

304

„Statni ustredny archive Praha", sis. 109 — 9 — 15, 1.31.

305

NAUS, T-175, Roll 68, Frames 2.585.075, 080 — 081.

„Vierteljahreshefte...", S. 281 ff.

307

NAUS, T-175, Roll 69, Frames 2.585.781 — 732.

308

A. Dallin, op. cit., S. 292 — 293.

309

„Vierteljahreshefte...", op. cit.

310

KTB OKW, Bd. I, S. 1020.

311

KTB Halder, Bd. III, S. 108.

312

KTB OKW, Bd. I, S. 1023.

313

Ibid., S. 1037.

314

A. Speer, Memoires.

315

«„Reichsfiiher!"...», S. 221-222.

316

T. Sommer, Deutschland und Japan zwischen den Machten, Tubingen, 1962, S. 428.

„Probleme des zweiten Weltkriegcs", Koln, 1967, S. 134.

318

Ibid., S. 137.

319

ABAP, Bd. VIII, S. 431.

320

A. Hillgruber, op. cit., S. 888.

321

Эти планы автор подробно разбирает в *своей книге «Германские генералы — с Гитлером и без него».*

322

Архив автора.

323

A. Hillgruber, op. cit., S. 511.

324

Ibid., S. 869.

325

„Profile bedeutender Soldaten. General Ernst Kostring. Der militarische Mit tler zwischen Deutschland und Sowjetunion", Frankfurt am Main, 1966, S. 190, 210, 267.

A. Hillgruber, op. cit., S. 226 — 227.

327

A. Philippi, F. Heim, Der Feldzug gegen Sowjetruβland 1941 — 1945, Stuttgart, 1962, S. 38.

328

Цит. по: «Итоги второй мировой войны», М., 1957, стр. 275.

329

P. Carell, Unternehmen Barbarossa, Frankfurt am Main, 1963, S. 22

330

Из архива д-ра Ю. Мадера (ГДР).

331

IMT, Bd. VII, S. 301.

332

KTB Halder, Bd. II, S. 83.

333

Ibid., S. 95.

334

A. Philippi, op. cit., S. 70.

335

Для сравнения с оценкой Паулюса, сделанной по памяти, укажем, что на 29 января 1941 *года разведывательный отдел немецкого генштаба считал, что обитая численность Красной Армии составляет 100 стрелковых дивизий,* 82 *кавалерийские дивизии и* 24 *моторизованные бригады. Предполагалось, что* в *Западной России к началу войны будет* 121 *стрелковая дивизия, 25 кавалерийских дивизий и 31 моторизованная бригада. Это приблизительно соответствует цифрам Паулюса. См. W. Gorlitz, Paulus..., S. 118 — 117.*

336

„Die Kriegswehrmacht der UdSSR", OKH/CenStdH/Abt. Fremde Heere Ost, 15.1.1941.

337

«Военно-исторический журнал», 1966, № 6.

338

KTB OKW, Bd. I, S. 290.

339

Ibid., S. 296.

Ibid., S. 345.

341

Ibid., S. 461.

342

„Hitlers Weisungen", S. 97.

343

P. Carell, op. cit., S. 53.

344

Но и в этих данных *были пробелы. Так, к июню* 1941 *года немецкий генштаб считал, что на границе стоят* (с *севера на юг) 8-я, 11-я, 3-я, 10-я, 4-я, 5-я, 6-я, 16-я и 2-я советские армии. В действительности* 2-й *армии вообще не существовало,* была 12-я, *вместо* 16-й была 26-я. *Немцы не знали о наличии во втором эшелоне 13-й и 19-й армий о том, что из внутренних округов перебрасывались 22-я, 21-я, 2О-я и 16-я армии. См. «Велика я Отечественная война Советского Союза», М., 1970, стр. 53, 62.*

345

W. Schellenberg, op. cit., S, 169.

Ibid., S. 177.

347

Ibid., S. 170.

348

„Kriegswehrmacht der UdSSR", OKH/GenStdH/QIV, 15.1 1941.

349

ИВОВСС, том IV, стр. 46.

350

В. Сикорский, Будущая война, М., 1936, стр. 158.

351

ИВОВСС, том VI, стр. 45, 46.

352

Там же, стр. 48.

353

«История Коммунистической партии Советского Союза», т. V, кн. 1, стр. 135 — 136.

354

OKH, Genstab d. H., 12. Abt (II), N. 267/89, 28.1.1939.

355

KTB Halder Bd. II, S. 86.

356

Ibid.

357

Ibid., S. 214.

358

Ibid., S. 267, 335.

359

Ibid., S. 397.

360

Ibid., S. 214.

361

Ibid., S. 399.

362

„Entscheidungsschlachten des 2, Weltkrieges", Frankfurt am Main, 1960, S. 150.

363

KTB Halder, Bd. III, S. 306.

364

J. Leasor, Uninvited Envoy, London, 1962, p. 68.

365

DBFP, vol. XI, p. 109.

366

Нюрнбергский документ М — 116.

367

S. D*elmer*, op. cit., S. 466 — 467.

368

J. Leasor, op. *cit.*, p. 122.

369

J. Toland, Finale, Munchen, 1968, S. 468.

370

«Знамя», 1965, № 5.

371

A. Philippi, F. Heim, op. cit., S. 52.

372

NAUS, T-77, Roll 792, Frames S. 521. 114 — 115 — 117.

373

KTB OKW, Bd. I, S. 352.

374

A. Hillgruber, op. cit., S. 487.

375

П. Жилин, Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз, М., 1966, стр. 223 — 224.

A. Hillgruber, op. cit., S. 504.

377

E. Dwinger, Zwolf Gesprache 1993 — 1945, Velbert und Kettwig, 1966, S. 21 — 22.

«Знамя», 1965, № 5.

379

KTB Halder, Bd. II, S. 459.

380

A. Philipp, op. cit., S. 58.

381

Ibid.

382

W. Gorlitz, Paulus..., S. 112

383

G. Ciano, Tagebucher, S. 120.

384

F. V. Schlabrendorf, Offiziere gegen Hitler, Zarich, 1946, S. 72.

385

W. Gorlitz, H. Quindt, Adolf Hitler, Stuttgart, 1952, S. 573.

386

P. Carell, op. cit., S. 13.

387

H. A. Jacobsen, op. cit., S. 470.

388

«К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Тезисы ЦК КПСС», М., 1969, стр. 18 — 19.

389

«Шпигель», 1966, № 16.

390

KTB Hader, Bd. III, S. 41.

391

Ibid., S. 53.

392

W. Warlimont, op. cit., S. 47.

393

P. Carell, op. cit., S. 89.

A. Philippi, P. Hei*m*, op. cit„S. 78 — 79.

395

A. Philippi, op. cit., S. 58.

396

Ibid., S. 53.

397

E. Dwinger, op. cit., S. 180.

398

„Information fur die Truppe", Bonn, Oktober 1969.

399

ИВОВСС, т. II, стр. 274 — 275.

400

F. J. Strauβ, Herausforderung und Antwort, Stuttgart, 1969, S. 27.

401

«История Коммунистической партии Советского Союза», т. кн. 1, стр. 640 — 641.

402

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 315

403

«Правда», 22 февраля 1972 года.

404

«Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 28 — 29.

405

Л. И. Брежнев. 50 лет великих побед социализма. М., 1967, стр. 29.